

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ

Ф.О. Трунов

**ГЕРМАНСКАЯ МОДЕЛЬ
ВОЕННЫХ РЕФОРМ**

**МОСКВА
2022**

ББК68.4 (0)

УДК 355.1

Т 77

Серия
«Всебытая история»

Отдел Европы и Америки

Рецензенты:

Золотарев В.А. – доктор исторических наук, профессор, генерал-майор, Действительный государственный советник

Российской Федерации 1-го класса, президент

Ассоциации историков Второй мировой войны

Мирзеханов В.С. – доктор исторических наук, профессор, заместитель директора Института всеобщей истории РАН, заведующий Отделом Азии и Африки ИНИОН РАН

Трунов, Ф.О.

Т 77 Германская модель военных реформ : монография / Ф.О. Трунов ; РАН, ИНИОН, Отд. Европы и Америки. – Москва, 2022. – 360 с.

ISBN 978-5-248-01008-0

Раскрываются особенности, в том числе «узкие места», семи масштабных преобразований «военной машины» Пруссии и затем Германии, начиная с правления Фридриха Великого и заканчивая «эрой Меркель» в ФРГ. Оцениваются роль и место фактора развития и наступательного использования военной силы во внешней политике страны на избранном временном отрезке. Особое внимание уделено вопросам создания ударных компонент войск, притом процесс строительства вооруженных сил изучается в тесной связи с развитием тактик военного искусства. Исследуются характеристики созданного в результате преобразований перспективного облика вооруженных сил. Определяются общие закономерности преобразований «военной машины» и на основе этого выстраивается модель ее реформ в Пруссии и Германии.

Для исследователей в области военной истории и международных отношений.

ББК68.4 (0)

УДК 355.1

© ФГБУН «Институт научной информации по общественным наукам РАН», 2022

ISBN 978-5-248-01008-0

*Посвящается моей матери
Труновой Наталье Ивановне*

Сведения об авторе: **Трунов Филипп Олегович** – кандидат политических наук, старший научный сотрудник Отдела Европы и Америки ИНИОН РАН. Автор трех монографий и свыше 90 статей по внешней политике ФРГ и вопросам международной безопасности.

About the author: **Trunov Philipp** – Senior research fellow at the Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAS). The author of 3 monographs and more than 90 articles devoted to the foreign policy of Germany and the problems of international security.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	7
Глава I. Процесс создания Фридрихом II	
прусской «военной машины»	39
1.1. Состояние прусского военного потенциала к началу 1740-х годов.....	39
1.2. «Механика» «косой атаки» и её роль как предтечи кессельшлахта	45
1.3. Периодизация и направленность военной реформы Фридриха II.....	51
1.4. Завершение военной реформы и проверка её эффективности	65
Глава II. Реформа Шарнхорста – Гнейзенау:	
восстановление из пепла военной мощи Пруссии	73
2.1. Фактор поражения под Йеной и Ауэрштедтом (1806)	73
2.2. Условия и особенности проведения военной реформы.	82
2.3. Участие Пруссии в походе 1812 г.: поиск решений по сохранению и развитию промежуточных результатов реформы.....	94
2.4. Завершение военной реформы в условиях участия Пруссии в борьбе за освобождение Европы.....	97

Глава III. Преобразования прусской армии в 1860-е годы: по пути утверждения в качестве мировой державы.....	109
3.1. К вопросу детерминированности военной реформы 1860-х годов.....	109
3.2. Преобразования армии в 1860–1861 гг.	117
3.3. Завершение военной реформы. Ее проверка в войнах за объединение Германии	126
Глава IV. Особенности становления и развития «военной машины» Третьего рейха (до 1941 г.)	143
4.1. Предтеча военной реформы: перспективные преобразования внутри «военной машины» Веймарской республики.....	143
4.2. Стремительный старт строительства вооруженных сил будущего: 1934–1939 гг.	160
4.3. «Дореализация» военной реформы в 1940 – первой половине 1941 г.	181
Глава V. На пути к восстановлению военной мощи: особенности формирования западногерманского бундесвера.....	193
5.1. Подготовка официального старта создания «военной машины» Боннской республики	193
5.2. Запуск военной реформы и ее общая направленность	201
5.3. Создание соединений и частей бундесвера: трудности и успехи.....	212
Глава VI. Направленность и ход процесса реформирования общегерманского бундесвера (1990-е – начало 2010-х годов).....	229
6.1. Вопрос о будущем бундесвера в новых международных реалиях	229
6.2. Поиск траектории проведения военной реформы.....	236
6.3. Основной этап реформы бундесвера: амбициозные цели и сложности их достижения.....	251
6.4. Попытки реализации планов преобразований «военной машины»: ее усиления и ослабления одновременно	264

Глава VII. «Горизонты будущего» в развитии вооружённых сил Германии	281
7.1. К вопросу поиска новой траектории развития бундесвера на долгосрочную перспективу	281
7.2. Ключевые препятствия на пути запуска реформы	292
7.3. Пути преодоления препятствий начальной стадии военной реформы	306
7.4. Стратегические императивы и тактические основы функционирования перспективной «военной машины» ФРГ ..	324
Заключение	342

ВВЕДЕНИЕ

Современный этап развития мирополитической сферы характеризуется заметным возрастанием скорости и масштаба её эволюции – прежде всего, в вопросах изменения соотношения потенциалов между различными акторами, конфигурации образуемых ими партнёрств (в том числе стратегического характера) и союзов. Иллюстрация тому – сложность как минимум с начала XXI в. поиска термина для ёмкой характеристики того миропорядка, который, быстро трансформируясь, сложился после распада bipolarной системы. Так, понятие «постбиполярный» является слишком расплывчатым; термины «многополярный»¹, «полицентричный» и «много-полюсный»², равно как и «новая биполярность»³, – каждый сам по себе ещё не обрели консенсусной поддержки в среде исследователей-международников, в том числе в России.

В данной связи неизбежен поиск ответов на следующий комплекс научных проблем: насколько прогнозируема настоящая и особенно перспективная трансформация международного политического ландшафта в его «объёмном» выражении? Можно ли найти чёткую детерминированность хотя бы части идущих и намечающихся процессов? С точки зрения автора, задача «просчитать» в деталях все возможные сценарии развития, с учётом массы случайных и в целом субъективных факторов (в частности, связан-

¹ Мизин В.И. Новые контуры стратегической стабильности в глобальной многополярной конкуренции // Международные процессы. 2020. № 2. – С. 141–168; Трояновский М.Г., Карпович О.Г. Многополярность формируется в реальном мире // Международная жизнь. 2020. № 8. – С. 1–13.

² Симония Н.А., Горкунов А.В. Новый мировой порядок: от биполярности к многополюсности // Полис. Политические исследования. 2015. № 3. – С. 27–37.

³ Мухеев В.В., Луконин С.А. Второе столетие Коммунистической партии Китая и новая биполярность // Мировая экономика и международные отношения. 2021. № 7. – С. 25–33.

ных с особенностями поведения высших должностных лиц, прежде всего людей-политиков не из числа технократов-профессионалов), представляется для современной науки о мировой политике и международных отношениях грандиозной, едва ли решаемой. Однако «нащупать» и раскрыть ряд закономерностей, задающих контуры развития мирополитического ландшафта, является вполне посильным. Один из примеров тому – выявление круга «восходящих» или «поднимающихся» держав, которые самим фактом своего появления и активностью существенно меняют ситуацию на международной арене в целом и отдельных сферах, в том числе в области безопасности и обороны.

Подавляющее большинство данных акторов, вновь пробивающихся в категорию наиболее влиятельных государств, находится в бывшем «третьем мире», либо это страны, достаточно короткое время принадлежавшие или лишь условно относимые к «первому» и «второму» мирам. В данной связи Евро-Атлантическое сообщество и близкое к нему понятие «коллективный» Запад¹ традиционно воспринимались в качестве международнополитической общности, основы которой сложились длительное время тому назад (первое десятилетие предшествующей «холодной войны»). Это объединение демонстрировало способность и заинтересованность в расширении (иллюстрацией чему явилось масштабное увеличение состава стран – участниц НАТО и ЕС с конца 1990-х годов, а также распространение формы соглашения об ассоциации с Европейским союзом среди стран в близлежащих регионах). Притом качественные изменения внутри Евро-Атлантического сообщества прежде всего рассматривались в контексте развития ЕС, результатов и пределов углубления интеграции внутри него, трансформации лидерства (приобретавшего черты гегемонии) США как на уровне региональной подсистемы, так и в мире в целом. Феномены Брекзита (де-юре стартовал в марте 2016 г., осуществлен 1 февраля 2021 г.), трампизма – политики 45-го президента США (2017–2021), шедшей вразрез по большинству пунктов с традиционными принципами функционирования Евро-

¹ Под термином «Евро-Атлантическое сообщество» автором понимается совокупность государств – членов ЕС и НАТО, а также созданных ими межгосударственных, в том числе наднациональных, институтов. Понятие «коллективный» Запад несколько шире, включая в себя также стратегических партнёров и союзников США вне НАТО. – *Прим. авт.*

Атлантического сообщества¹, образование военно-политического союза Австралии, Великобритании и Соединённых Штатов (сентябрь 2021 г.) наглядно продемонстрировали, что и «коллективный» Запад подвержен глубоким и достаточно внезапным по своему старту и масштабам изменениям. Значимым фактором, явно и латентно определяющим среди прочих данную тенденцию, выступает наличие внутри «ядра» Евро-Атлантического сообщества «восходящей» державы – Германии.

Будучи ведущим агрессором в годы Второй мировой войны и Великой Отечественной войны как её важнейшей составляющей, Германия капитулировала и временно потеряла национальную государственность. Её восстановление (1949), особенно в случае Западной Германии, стало отправной точкой долгого пути продвижения к роли региональной державы с перспективой утверждения в положении полновесного глобального игрока. Этот процесс представлял собой достаточно органичное сочетание латентных и открытых форм, притом с неоднократным преобладанием скрытых (особенно в первые десятилетия, а также периоды кризиса отношений со «старыми» западными державами в лице США, Великобритании и Франции), что подкреплялось динамичным разноплановым развитием ресурсной базы внешней политики ФРГ. Так, постепенно и плавно отходя от роли «политического карлика» уже в годы предшествующей «холодной войны», ФРГ достаточно быстро заняла одно из ведущих положений не только экономически (как в смысле развития промышленности, так и объёмов внешней торговли), но также идеологически и в военном отношении, в двух последних случаях к своей выгоде используя опасное географическое расположение на «передовой» конфронтации Запад – Восток. Заметный рост политico-дипломатического влияния ФРГ проявился уже в период «разрядки», резко ускорившись в условиях свёртывания противостояния «классической» «холодной войны». К концу 1990-х годов объединенная (1990) Германия утвердилась в роли региональной державы, а символами тому стали прецедентное после окончания Второй мировой войны силовое применение вооружённых сил страны на Балканах (прежде всего, против Югославии из-за ситуации в Косове в 1999 г.) и фактический перенос столицы из Бонна в Берлин (1998), ассоциировавшийся с имперским периодом истории.

¹ См.: Феномен Трампа: монография / Под ред. А.В. Кузнецова. Институт научной информации по общественным наукам РАН. – Москва: ИНИОН, 2020. – 642 с.

Соответственно, с начала ХХI в. стартовал процесс приближения ФРГ к положению полновесного глобального игрока. Если экономически (прежде всего, в смысле развития внешнеторговых связей и предоставления нуждающимся официальной помощи развития) это государство накопило огромный опыт проникновения в различные части мира уже в bipolarную эпоху, то в политико-дипломатическом и особенно военном отношениях данный процесс проходил намного медленнее. Немаловажной причиной тому стал фактор исторической памяти: роль нацистской Германии как ведущего поработителя мира посредством применения силы в самых различных формах в годы Второй мировой войны и перед ней. Это существенно затрудняло задачу распространения военного присутствия ФРГ на мировой арене, заставляя искать формы максимально «мягкого» восприятия оного, но отнюдь не деактуализировало данную остройшую проблему. Её решение являлось неотъемлемой и необходимой составляющей достижения уровня глобального лидерства ФРГ. Она стремилась придерживаться формулы «стратегической сдержанности», т.е. демонстрации предельно взвешенного подхода к использованию своего военного потенциала, тем самым стараясь уменьшить негативное внешнее (прежде всего, со стороны стран, наиболее пострадавших от агрессии Третьего рейха) и внутреннее впечатление от наращивания военной мощи. Уже с начала 1990-х годов официальный Бонн, даже ещё до завершения всех процедур, связанных с вхождением ГДР в состав ФРГ, начал делать первые шаги по использованию контингентов войск вне зоны ответственности НАТО. Данные шаги были резко интенсифицированы, увеличены по своему объёму и географически диверсифицированы в 2000-е – конце 2010-х годов, охватив пространство от Западного Сахеля до Афганистана.

Безусловно, подход Германии к масштабу и, главное, характеру – переход от почти исключительно боевых (силовых) форм к преимущественно небоевым (несиловым) – использования своей военной мощи резко изменился по сравнению с XVIII – первой половиной ХХ в. ФРГ разносторонне последовательно стремится подчеркнуть отдаление от традиций Пруссии и прусского (германо-пруссского) милитаризма в своей деятельности в Европе и мире¹. Однако при всей разнице социокультурных кодов и формул

¹ Золов А.В. Изгнание прусского духа // Калининградские архивы. 2004. № 6. – С. 248–255.

поведения элит нельзя отрицать исторической взаимосвязанности современного германского государства и старопруссского, расположенных между ними хронологически Первого и Второго рейхов. Помимо таких факторов, как единое историческое наследие, общность языка и географического положения, все данные формы государственности на немецкой земле стремились утвердиться в роли державы (региональной, мировой, сверх-). Это стремление неизменно сопровождалось *осуществлением эффективных военных реформ как неотъемлемой* (но, разумеется, отнюдь недостаточной самой по себе) *части будущего «стратегического рывка»* во внешней политике в целом. Иными словами, данное положение было актуально как для Пруссии «раннего» Фридриха II (когда страна впервые стратегически задумалась о своей роли в Европе и мире), так и современной Германии, столкнувшейся с риском деградации позиций на международной арене, особенно на рубеже 2010-х – 2020-х годов. До безоговорочной капитуляции во Второй мировой войне наличие большой военной мощи и способность её эффективно проецировать как минимум в Европе являлись не просто символами, но своеобразным «барометром» дееспособности прусского, а затем германо-пруссского и германского государства.

Формируясь уже в первой половине XVIII в., это положение стало аксиоматичным с правления Фридриха II (1740–1786), прошедшего успешную военную реформу. Выиграв Силезские войны, он утвердил Пруссию в качестве нового, второго и во многом альтернативного официальной Вене центра притяжения на уровне германских земель, находившихся в состоянии раздробленности. Если блестящие победы прусского оружия на южном (против австрийских Габсбургов) и западном (против Франции) фронтах в первые годы (1757–1758) Семилетней войны утвердили Пруссию в положении одной из европейских держав, то последующие поражения – особенно от российской армии при Кунерсдорфе 1759 г. – поставили официальный Берлин перед угрозой полного политического краха¹. Лишь «чудо Бранденбургского дома»² позволило Пруссии удержать большинство позиций, перед тем уже утрачен-

¹ Дельбрюк Г. История военного искусства в рамках политической истории. Т. 4. Новое время. – СПб.: Наука, 2001. – С. 318–319.

² Прежде всего, оно было обусловлено смертью российской императрицы Елизаветы Петровны и приходом к власти её племянника-прусофила, не понимавшего национальных интересов. – *Прим. авт.*

ных в ходе Семилетней войны, притом будучи на «последнем изды-
хании» в военном отношении. Не этим ли фактором объяснялась
последующая осторожность Фридриха II во внешней политике, осо-
бенно в вопросах боевого использования королевских войск?

Полный разгром прусской армии в сражениях при Йене и
Ауэрштедте в октябре 1806 г. привел к обрушению не только во-
енной мощи Пруссии, но и её «государственной машины»: симво-
лом этого стала стремительная (в течение 1–2 месяцев) капитуля-
ция массы сильных крепостей в западной и центральной частях
страны, означая установление над страной контроля наполеонов-
ской Франции¹. Прусское королевство оказалось на грани исчезно-
вения с политической карты мира. И хотя усилиями российской
дипломатии Пруссия была сохранена, она оказалась в тяжелейшей
разноплановой зависимости от Французской империи. Одним из
символов этого стало прецедентное в истории страны (точнее,
первое, но отнюдь не последнее) установление жёсткого «потолка»
численности прусской армии, т.е. лимитирования развития мощи
вооружённых сил страны. Военная реформа Г. Шарнхорста –
А. Гнейзенау стала органичной составляющей широкого комплекса
преобразований Пруссии на рубеже 1800-х – 1810-х годов. Эти
трансформации на практике открыли возможность быстрого коли-
чественного и качественного роста военного потенциала страны,
во многом благодаря его использованию в коалиционных войнах с
Францией в 1813–1814 и 1815 гг., позволив официальному Берлину
вернуть роль европейской державы.

Объединению Германии «железом и кровью» под эгидой
Пруссии при О. фон Бисмарке, достигнутому в результате австро-
прусского-датской (1864), австро-прусской (1866) и прусско-
французской (точнее, германо-французской, 1870–1871 гг.) войн,
способствовала продуктивная военная реформа, осуществленная
при ведущем участии Х. Мольтке-старшего. Она обеспечила офи-
циальному Берлину сильные военно-стратегические позиции, по-
зволив ему не только создать Второй рейх, но и впервые поставить
в практической плоскости вопрос о превращении в мировую дер-
жаву. Итогами попыток выстраивания германоцентричного миро-
порядка, важнейшей составляющей которого была концепция гер-

¹ Меринг Ф. Очерки по истории войн и военного искусства. – М.: Военное
издательство Народного комиссариата обороны СССР, 1941. – С. 218–232.

маноцентричной «Mitteleuropa»¹, стали поражение и капитуляция Второго рейха по итогам Первой мировой войны 1914–1918 гг.

Однако тот факт, что германские войска не были до конца разгромлены (более того, армии на Западном фронте капитулировали на оккупированной, а не немецкой территории²), стал одной из важнейших предпосылок для зарождения военного реваншизма в Веймарской республике. Среди прочего его появление стимулировалось новым (вторым после 1807 г.) введением жёсткого «поголовка» для развития вооружённых сил в количественном и качественном (запрет на разработку, оснащение войск и использование тяжёлых вооружений различных типов) отношениях согласно Версальскому договору (1919). Формально внешняя политика Веймарской республики (1919–1933) стала аномалией для традиций германо-пруссского государства, будучи предельно демилитаризирована. Однако де-факто искались, преимущественно в латентных формах, пути воссоздания военной мощи – точечно, на образцовых участках, с тем чтобы в дальнейшем, при возникновении возможности реализовать наработанные техники строительства вооружённых сил в большом масштабе. Примечательно, что эти попытки ограниченной, но с большим перспективным потенциалом ремилитаризации Германии, тесно сочетались со стремлением руководства Веймарской республики (особенно в период пребывания Г. Штреземана на посту министра иностранных дел в 1923–1929 гг.) войти в лагерь «западных демократий», используя это для движения в сторону от роли побежденного в Первой мировой войне. И хотя данные усилия оказались в целом неудачными (особенно с учетом ставшего в начале 1930-х годов перманентным внутриполитического, социального и экономического кризиса в Веймарской республике), именно они, с точки зрения автора, во многом обусловили успех согласия франко-британского тандема на стремительное восстановление военной мощи уже нацистской Германии при «раннем» А. Гитлере.

В исследуемой области его режим воспользовался «наследием» Веймарской республики не только во внешнеполитическом, но и военном отношениях. В середине – второй половине 1930-х годов была проведена глубокая реформа «военной машины» Германии, которая частично использовала задел, созданный в период Веймарской республики (в частности, в теории развёртывания и

¹ Уткин А.И. Первая мировая война. – М.: Алгоритм, 2001. – С. 22–25.

² Атлас офицера. – М.: Военно-топографическое управление, 1974. – С. 233.

применения крупных танковых и моторизованных соединений). С точки зрения качества войск военные успехи нацистской Германии, чьи вооружённые силы до ноября 1942 г. являлись сильнейшими в мире, оказались обусловлены высокой эффективностью военной реформы 1935 – первой половины 1941 г. Третий рейх, как никакая другая форма национальной немецкой государственности, вплотную подошел к утверждению в статусе сверхдержавы – вне советско-германского фронта ни одна другая страна (включая лагерь «западных демократий») не могла в военном отношении одерживать крупномасштабные успехи над вермахтом, что во многом явилось результатом правильных ответов командования последнего на вопросы перспективной военной организации и использования войск в ходе предвоенной реформы вооружённых сил. По сути, единственным, но оказавшимся фатальным, препятствием на пути первоначальных блестящих успехов вермахта оказалось сопротивление РККА и советского народа в целом.

Примечательно, что как и в период Первой мировой, в ходе Второй мировой войны наблюдался не только огромный количественный «скакачок» в численности войск (по сравнению с довоенным временем), но и оснащение их массой тяжёлых вооружений качественно нового уровня, о которых в принципе не шла речь в ходе самой военной реформы. Однако, несмотря на это, её результаты постепенно растрачивались в том отношении, что уровень слаженности и продуктивности действий «военной машины», воинского искусства на всех уровнях стал все более стремительно отставать от противников. Прежде всего, это проявилось в перехвате стратегической инициативы и обратном дисбалансе (т.е. уже в пользу Красной Армии) на советско-германском фронте между ноябрем 1942-го и маем 1945 г. Во многом утраченный потенциал реформы второй половины 1930-х годов стал причиной полного военного разгрома и безоговорочной капитуляции Третьего рейха в мае 1945 г.

Данный весьма печальный и одновременно поучительный исторический опыт не мог не отразиться на характере подходов к использованию «военной машины» ФРГ – тем более что на протяжении всей своей политической истории она стремилась последовательно подчеркнуть глубокие отличия от Третьего рейха во внутренней и внешней политике. Историческая ответственность за агрессию определила, *во-первых*, отказ от развёртывания бундесвера за пределами государственных границ ФРГ – де-факто он со-

хранился до 1991, де-юре – до 1994 г.¹ Этот рубеж – время, когда уже объединённая ФРГ стала использовать свои войска как вне зоны ответственности НАТО (в основном для борьбы с угрозами нестабильности, особенно исходящими из зон вооружённых конфликтов), так и внутри неё (в военно-тренировочной деятельности и демонстрации присутствия). *Во-вторых*, это стремление истеблишмента ФРГ минимизировать число случаев боевого (силового) применения бундесвера. В годы предшествующей «холодной войны» такая возможность де-юре допускалась только в случае перерастания конфронтации в «горячую». В условиях крушения постбиполярного миропорядка германские вооружённые силы стали использоватьсь в силовых операциях несколько шире: дважды (1995; 1999) силы люфтваффе были задействованы в военно-воздушных операциях НАТО на постюгославском пространстве, что стало важным фактором утверждения ФРГ в положении региональной державы. В XXI в. несколько раз наличествовало точечное боевое применение сил специальных операций (ССО), притом не декларируемое официально, в зонах боевых действий на Среднем и Ближнем Востоке (Афганистан в начале 2010-х годов, Сирия и Ирак в середине 2010-х годов²). Эти факты уместно рассматривать в качестве «пробных шагов» на протяжении пути утверждения ФРГ в положении полновесного глобального игрока. Однако доминирующими оставались небоевые формы использования войск – для решения задач по миротворчеству и поддержанию мира; военно-тренировочной и консультационной деятельности; охране коммуникаций, особенно морских. Наконец, *в-третьих*, с момента создания бундесвера существовали ограничения его развития: «потолки» количественного (прежде всего, численности военнослужащих) и качественного (добровольный отказ от производства, владения и распоряжения ядерным, биологическим / бактериологическим и химическим оружием) характера. Притом если Западная Германия принимала данные обязательства только перед «западными державами» (в Па-

¹ The Bundeswehr on Operations: Publication to Mark the 15 th Anniversary of the First Parliamentary Mandate for Armed Bundeswehr Missions Abroad. – Berlin: Federal Ministry of Defense, 2009. – P. 52–53, 38–40.

² См.: Иванов П. Борьба за цитадели. 31.10.2016 // Военно-промышленный курьер. Режим доступа: <https://www.vpk-news.ru/articles/33314> (дата обращения: 25.08.2021).

рижском соглашении от 23 октября 1954 г.¹), то уже объединившаяся ФРГ – в отношении не только них, но и СССР (в Московском договоре от 12 сентября 1990 г.)².

Однако наличие данных ограничений (де-юре и в значительной степени де-факто носивших форму добровольных) отнюдь не означало отказа ФРГ от создания и развития своего военного потенциала в принципе. Он был важен как значимое, хотя и не особенно подчёркиваемое (что тоже являлось своеобразным ограничением), подтверждение державных амбиций Боннской (1949–1999), а затем и Берлинской (с 1999 г.) республик³. Иллюстрация этого – проведение между 1949 г. и серединой 2010-х годов трёх военных реформ, направленных на воссоздание и совершенствование одной из передовых «военных машин» в мире. Притом важно подчеркнуть важнейшее внешнеполитическое отличие преобразований войск в ФРГ от осуществления этих шагов в германо-прусском и прусском государстве. Наличие отмеченных выше ограничений (которые неизбежно учитывались при планировании и проведении реформы) сочеталось с органичным интегрированием Федеративной Республики Германии в состав Евро-Атлантического сообщества в целом и круг «западных держав» (США, Великобритания, Франция) в особенности.

Как уже отмечалось, впервые попытка усилить военную мощь (проводя прообраз самой военной реформы) была предпринята Веймарской республикой в широком контексте сближения с лагерем «западных демократий». Однако, в отличие от Г. Штреземана, К. Аденауэр сумел успешно завершить оба данных процесса, тесно их переплетя между собой. Так, в период Веймарской республики её вооружённые силы в принципе не мыслились как часть некоего многонационального военного союза, хотя британский экспедиционный корпус и бельгийская армия были связаны тесными узами с французской «военной машиной» в Первую мировую, межвоенный период и первые месяцы Второй мировой – до капитуляции

¹ Pariser Verträge 1954 // Konrad Adenauer-Stiftung. Mode of access: <https://www.konrad-adenauer.de/stichworte/aussenpolitik/pariser-verträge-1955> (date of access: 25.08.2021).

² Договор об окончательном урегулировании в отношении Германии от 12 сентября 1990 г. // Сборник международных договоров СССР и Российской Федерации. Выпуск XLVII. – М.: Международные отношения, 1994. – С. 34–37.

³ Название протяжённых периодов политического развития ФРГ по фактической столице, отражавшей уровень державных амбиций. – *Прим. авт.*

Третьей республики¹. Качественно иная ситуация сложилась в начале 1950-х годов: старт воссоздания «военной машины» Западной Германии предваряли длительные переговоры К. Аденауэра, последовательно позиционировавшего планировавшийся к созданию бундесвер в качестве органичной части общеевропейских (особенно когда речь о возможности реализации «Плана Плевена»), а затем общесоюзных с партнерами по НАТО вооружённых сил². Результатом этого стала исключительно высокая степень интегриованности бундесвера в Североатлантический альянс. Этот показатель оставался значительным (хотя и несколько уменьшаясь) в 1990-е – 2010-е годы³. Истеблишмент ФРГ стремился продемонстрировать приверженность западным демократическим ценностям и правилам поведения, устанавливая многоуровневый независимый контроль над развитием «военной машины». Внутри страны его осуществлял Бундестаг (соответственно, обретший де-юре необходимые инструменты контроля над использованием войск и вне зоны ответственности НАТО с 1994 г.⁴), вовне – партнёры по Североатлантическому блоку, а в последующем также по Европейскому союзу.

Обеспечив данные рамочные политические условия, ФРГ в конце 1950-х – начале 1960-х годов провела первую послевоенную реформу вооружённых сил, притом, по сути, создав их заново. Будучи строго лимитированы по своим количественным параметрам – в частности, имея втрое меньше (36⁵ и 12 соответственно⁶) дивизий наземных войск, чем нацистская Германия уже на первых фазах собственной военной реформы, Боннская республика создала первоклассный для своего времени военный потенциал. Он воспринимался таковым как на уровне НАТО, так и на международной арене – подкреплявшим постепенно обозначаемые державные

¹ Атлас офицера. – М.: Военно-топографическое управление, 1974. – С. 248.

² См., напр.: Архив посла А.И. Степанова / Отдел Европы и Америки ИНИОН РАН. Фонд 1. Опись 2. Дело 44. Лист 89-о.

³ Кокеев А.М. О соотношении атлантизма и европеизма во внешней политике ФРГ // Мировая экономика и международные отношения. 2009. № 7. – С. 21–27.

⁴ The Bundeswehr on Operations: Publication to Mark the 15 th Anniversary of the First Parliamentary Mandate for Armed Bundeswehr Missions Abroad. – Berlin: Federal Ministry of Defense, 2009. – Р. 38–40.

⁵ Уткин А.И. Россия над бездной. 1918 г. – декабрь 1941 г. – Смоленск: Русич, 2000. – С. 46.

⁶ См.: Weissbuch 1985 zur Lage und Entwicklung der Bundeswehr. Im Auftrage der Bundesregierung herausgeben vom Bundesminister der Verteidigung. – Bonn: Bundesministerium der Verteidigung, Presse- und Informationsamt der Bundesregierung, 1985. – S. 195.

амбиции ФРГ. Эта военная реформа уникальна в нескольких отношениях: тем, что, в отличие от германо-пруссского государства, бундесвер впервые возникал как составная часть многонациональной военной организации, и тем, что в последний раз в ходе неё создавались односоставные «классические» вооруженные силы, предназначенные для ведения широкомасштабной войны, притом именно в Европе.

Военная реформа 1956–1962 гг. обеспечила ФРГ¹ роль одного из ведущих «вкладчиков» в решение вопросов обороны и безопасности НАТО вплоть до конца 1980-х годов. Распад bipolarного миропорядка, приведя к масштабному расширению и изменению остроты угроз и вызовов международной безопасности, потребовал поиска адекватных ответов и от «военной машины» ФРГ. Сколь сложен и протяжен был путь чёткого определения данных проблем, столь же непростым оказался и «поиск себя нового» для бундесвера: процесс преобразований растянулся с 1990-х до начала 2010-х годов, притом его наиболее активная фаза пришлась на начало – середину 2000-х годов. Бундесвер перестраивался в качестве двусоставных вооружённых сил, должны обладать способностью решать коллективные задачи по обеспечению территориальной обороны (т.е. борьбе с традиционным вызовами), также и противодействовать нетрадиционным вызовам, особенно в зонах локальных вооружённых конфликтов². Несмотря на неоднократные срываы планов как с точки зрения сроков, так и особенно масштабов, к началу 2010-х годов ФРГ благодаря преобразованиям своей «военной машины» сумела существенно продвинуться в области наращивания стратегического присутствия на международной арене – прежде всего, на Среднем Востоке и в северной части Африки.

Однако новая «холодная война» между Евро-Атлантическим сообществом и РФ (с 2014)³, а также растущая поддержка США со

¹ Применительно к периоду существования двух германских государств – ФРГ и ГДР (1949–1990) – автор обратил свое внимание исключительно на ФРГ, так как именно она позиционировала себя преемником германо-пруссского государства. – *Прим. авт.*

² Grundzüge der Konzeption der Bundeswehr, 2004. – Berlin: Bundesministerium der Verteidigung, 2004. – S. 15–35.

³ FP beim litauischen Tag der Streitkräfte. 23.11.2019. // BMVg. Mode of access: <https://www.bundeswehr.de/de/einsaetze-bundeswehr/anerkannte-missionen/efp-enhanced-forward-presence/efp-beim-litauischen-tag-der-streitkraefte-156840> (date of access: 25.08.2021); Trident Juncture: Ein starkes Signal der NATO. Rena, Norwegen, 12.11.2018. // BMVg. Mode of access: https://www.bundeswehr.de/portal/a/bwde/start/aktuelles/aus_der_truppe/!ut/p/z1/hY_

стороны государств-партнёров в вопросе «сдерживания» КНР (с конца 2010-х годов)¹, обусловливая необходимость участия ФРГ в выстраивании новых разграничительных периметров в военном отношении, создали тем самым серьёзное препятствие не только для наращивания, но даже для сохранения имевшихся объемов использования германских войск вне Европы, т.е. на глобальном уровне. Трудности усугублялись масштабным падением количественных параметров моши бундесвера за четверть века, прошедшей со времени окончания прошлой «холодной войны»², вкупе с незавершённостью и наличием фактических ошибок в проведении реорганизации бундесвера в 1990-е – 2010-е годы, которые дали «отложенный», т.е. незаметный сразу, негативный эффект³.

Так, если в начале 2010-х годов для борьбы с экзистенциальными угрозами безопасности (а не сугубо гипотетическими как «российская») вне зоны ответственности НАТО ФРГ была способна задействовать не менее 7 тыс. своих военных⁴, то в середине 2010-х – порядка 3,5 тыс.⁵, а в начале 2020-х годов – менее 2,0 тыс.⁶ (притом с учетом возвращения части контингентов, временно выведенных на родину в пиковые периоды пандемии COVID-19). В этой ситуации успешные преобразования «военной

NCoMwEITfyE1SatKjlolQtNT-mUsJJliLTSSk0kMfvpGCN-keBnZm91sWBFxBGDn1nfS9
NXIIfSPiW8r4kZMdIfzEECp4yaotQRixDZzh8m9EhBitVIKgVhqawKCrjCqGGgQIpa
PWGu1n9dr4PmjnpLcuGq3zw5y8nAtJ1CtoEM5STJdT-JPGeZYQSmlWplcZ-JCTfC-7
sp2fluYujRr03rbJzxif0SvLbfcFcVJpnA!//dz/d5/L2dBISEvZ0FBIS9nQSEh/#Z7_B8LTL29
22LU800ILN8052010O6 (date of access: 25.08.2021).

¹ Ministerin im Interview. 18.03.2021. // BMVg. Mode of access: <https://www.bmvg.de/de/aktuelles/ministerin-im-interview-5041976> (date of access: 25.08.2021).

² Personalbestand der Bundeswehr von 1959 bis 2019. 2021. // Statista.de. Mode of access: <https://de.statista.com/statistik/daten/studie/495515/umfrage/personalbestand-der-bundeswehr/> (date of access: 25.08.2021).

³ См.: Ministerin und GI starten Veränderungsprozess: Auf dem Weg zur Bundeswehr der Zukunft. 09.02.2021. // DBwV. Mode of access: <https://www.dbwv.de/aktuelle-themen/blickpunkt/beitrag/ministerin-und-gi-starten-veraenderungsprozess-auf-dem-weg-zur-bundeswehr-der-zukunft> (date of access: 25.08.2021).

⁴ Glatz R., Hansen W., Kaim M., Vorrath J. Die Auslandseinsätze der Bundeswehr in Wandel. – Berlin: German Institute for International and Security Affairs, Stiftung Wissenschaft und Politik, 2018. – P. 11.

⁵ Ibid.

⁶ Anzahl der an internationalen Einsätzen beteiligten deutschen Soldaten der Bundeswehr. 05.07.2021. // Statista.de. Mode of access: <https://de.statista.com/statistik/daten/studie/72703/umfrage/anzahl-der-soldaten-der-bundeswehr-im-ausland/> (date of access: 25.08.2021).

машины» становятся для ФРГ сверхактуальной задачей – разумеется, в том случае, если германский истеблишмент эпохи пост-Меркель будет заинтересован в недопущении дальнейшей деградации стратегических позиций на глобальном уровне.

* * *

В рамках монографии автор поставил **цель** – исследовать направленность, содержание и результаты (на момент фактического завершения) военных реформ в прусском, германо-пруссском и германском государстве в середине XVIII – начале XXI в., выявив их общие закономерности и на основе этого выстроив обобщенную формализованную модель проведения.

Логика осуществления научных изысканий определяется *хронологическим принципом*: автор планировал последовательно изучить семь военных реформ в различные исторические эпохи. Здесь следует подчеркнуть, что он в принципе неставил перед собой задачу дать обзор богатейшей канвы германской (пруссской) военной истории (вплоть до современного этапа). Создание научной картины великого множества событий оной, прежде всего сражений, знаменовавшихся как крупными победами, так и катастрофическими поражениями, является едва ли подъёмной, сложнейшей задачей для любого исследователя, тем более в рамках одной книги. В представленной монографии внимание будет сосредоточено лишь на достаточно узких (обычно несколько лет) временных отрезках, когда проводились военные реформы, т.е. глубокие качественные преобразования «военной машины» германского (германо-пруссского, прусского) государства, обычно сопровождаемые серьёзными количественными изменениями (как вниз, так и вверх) основных параметров «военной машины», в том числе личного состава. Иными словами, не запланировано в принципе проведение детального изучения использования потенциала войск Германии (Пруссии) в многочисленных военных и вооружённых конфликтах. Хронологически в случае подавляющего большинства из них очередная реформа либо была осуществлена, либо еще не была начата.

Здесь возникает значимый вопрос: как определить, что конкретный промежуток развития вооружённых сил является именно реформой, а не временем рядовых эволюционных изменений «военной машины» государства? Для этого следует обратиться к методологической основе работы – *теории строительства*

вооружённых сил. Согласно ей, «военная машина» рассматривается в качестве постоянно меняющего свой внешний облик и внутреннее строение организма.

Безусловно, рассмотрение «военной машины» государства в статике удобно для самого исследования, позволяя прежде всего четко зафиксировать возможности оборонного / военного потенциала. Так, для специализированной отечественной историографии характерно детальнейшее изучение состояния вооружённых сил страны по состоянию на весну – начало июня 1812 г. (т.е. в преддверии Отечественной войны)¹ и особенно к 22 июня 1941 г., т.е. момент, предшествующий началу Великой Отечественной войны². Соответствующие реперные точки для описания и анализа статичной структуры определялись и уже в ходе Великой Отечественной войны: традиционно ими выступали даты, предшествующие началу крупных контрнаступательных / наступательных операций – 4 декабря 1941 г.³ (накануне битвы под Москвой), 18 ноября 1942 г.⁴ (перед началом операции «Уран» под Сталинградом), 1 или 23 июня 1944 г. (вблизи комплекса крупномасштабных наступательных операций в летнюю кампанию 1944 г.)⁵. Вместе с тем, сколь ни удобно рассмотрение «военной машины» в статике, оно в большинстве случаев совершенно недостаточно для среднесрочной, не говоря уже о долгосрочной, оценки её развития – для этого исследование должно проводиться именно в динамике, что и заложено в концепции строительства вооружённых сил.

Данная теория в полной мере лежит в основе исследований прикладного и теоретического характера советской (в частности,

¹ См., напр.: Отечественная война 1812 г. Энциклопедия / Российская политическая энциклопедия. Государственный исторический музей. Федеральная архивная служба России. – М.: РОССПЭН, 2004. – 880 с.

² См., например: Красная Армия в июне 1941 г. (Статистический сборник). 2003 / Составители: Калашников К.А., Феськов В.И., Чмыхало А.Ю., Голиков В.И. // Исторические материалы. Режим доступа: <http://istmat.info/node/26014> (дата обращения: 25.08.2021).

³ Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. – М.: Изд-во АПН, 1969. – С. 426–427.; Самсонов А.В. Поражение вермахта под Москвой. – М.: Воениздат, 1981. – С. 181–182.

⁴ Советская военная энциклопедия. В 8-и т. / Гл. ред. комиссии Н.В. Огарков. – М.: Воениздат, 1979. – С. 517–521.

⁵ Рокоссовский К.К. Солдатский долг. – М.: Воениздат, 1969. – С. 312.

мемуарах выдающихся полководцев Великой Отечественной войны¹), а в последующем и Российской военной науки².

Согласно теории строительства вооружённых сил данный процесс беспрерывен. В чём тогда проявляются реформы как его особая часть? Оные означают глубокие преобразования «военной машины» государства – как качественного (особенно), так и количественного характера. Исходя из наработок военных исследователей, прежде всего отечественных³, уместно представить следующие положения данных изменений. В первом случае (*качественные* преобразования) речь идёт о кардинальной или как минимум существенной перестройке системы функционирования вооружённых сил (ВС), а именно:

- трансформации целей, задач применения ВС, приоритетов их использования под новый облик государства как института и осуществляющей им внешней политики;
- во многих случаях – пересмотре старой системы комплектования;
- изменении организационно-штатной структуры, что подразумевает:
 - а) создание новых видов и родов ВС;
 - б) упразднение или резкое сокращение потенциала (с возможностью передачи его в урезанном виде в другие) устаревших видов и родов ВС;
 - в) существенное усиление / ослабление имеющихся видов и родов ВС, соответствующее изменение численности личного состава, количества единиц парка вооружений и военной и техники (ВиВТ), обновление парка последних вкупе с реорганизацией их внутренней структуры: изменениями штата объединений (в случае

¹ Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. – М.: Изд-во АПН, 1969. – 732 с.; Василевский А.М. Дело всей жизни. – М.: Политиздат, 1969. – 606 с.; Кононенко И.С. Записки командующего фронтом. – М.: Воениздат, 1980. – 560 с.; Рокоссовский К.К. Записки командующего фронтом. – М.: Воениздат, 1972. – 375 с.

² Остапков В.И. Успешное решение проблем строительства Вооруженных Сил – важнейшее условие обеспечения национальной безопасности // Военная безопасность Российской Федерации в XXI веке: сборник научных статей под ред. ген.-полк. Ю.Н. Балуевского. – М.: ЦВСИ, 2004. – С. 210–226.;

³ См.: История военной стратегии России / Под ред. ген.-майора В.А. Золотарева. Институт военной истории Министерства обороны РФ. – М.: Кучково поле, Полиграфресурсы, 2000. – 592 с.; Отечественные военные реформы XVI–XX веков / Под общ. ред. ген.-майора В.А. Золотарева. Институт военной истории Министерства обороны РФ. Институт проблем естествознания АЕН РФ. – М.: Воентехнодиздат, 1995. – 199 с.

наличия таковых в мирное время), соединений, частей и подразделений, а также числа всех данных типов войсковых единиц.

Притом в начале проведения военной реформы эти качественные изменения могут часто сочетаться с *предварительными количественными* сокращениями ВС. Это может быть обусловлено широким комплексом причин: прежде всего, увольнением (демобилизацией для периода с конца XIX века) части военнослужащих с целью их возвращения в гражданскую хозяйственную сферу и её подъема; необходимостью высвобождения денежных средств (особенно в условиях невозможности увеличить военный бюджет) для проведения самой реформы. Притом исключительно важной детерминантой выступает ещё одна, обычно не афишируемая: сократить старую военную организацию до предельно допустимых размеров с тем, чтобы её оказалось легче ломать и строить на ее месте новую. Как показывала практика, чем значительнее была предстоявшая реорганизация «военной машины», тем более масштабными (в абсолютном и особенно удельном отношениях, т.е. от числа первоначально имевшихся военных ресурсов) были осуществляемые сокращения. В тех случаях, когда военная реформа проводилась после крупных неудач в войне решение задачи по осуществлению редукций облегчалось: в этом случае завершившиеся боевые действия сами уже существенно ослабляли «военную машину» (и готовность её прежнего руководства сопротивляться преобразованиям). Причём, если внешними акторами в отношении поверженной (проигравшей) стороны вводились ещё строгие ограничения количественных значений её военной мощи, то часто они не превращались в преграду для проведения военной реформы – однако, лишь в самом начале этого процесса.

Перестраивая организацию ВС в уменьшенном (или как максимум имеющемся количественном) виде, в последующем, в том числе на завершающем этапе преобразований, государство стремилось к наращиванию параметров реорганизованной мощи. И в этом случае лимиты, особенно жёсткие, практически всегда становились препятствиями для развития ВС, требуя своей отмены.

Обращаясь к теоретическим аспектам военных реформ, нельзя не осветить ряд вопросов: *насколько продолжительной должна быть военная реформа? И может ли она проводиться непосредственно в период войны?*

Прежде всего, следует вновь подчеркнуть, что реформа – это перестройка, глубокая реорганизация системы, а значит, в период преобразований последняя становится хрупкой, наиболее подвер-

женной поражению в случае ударов извне. Это особенно опасно для ВС, обеспечивающих иммунитет государства как института в военно-политической сфере. Очевидно, что начало полномасштабных боевых действий окажется очень болезненным (вплоть до катастрофического) для любой «военной машины», проходящей стадию реформирования. Наиболее иллюстративный пример тому: масштаб неудач РККА летом – осенью 1941 г. в ходе наступления вермахта, вызванный во многом тем, что Красная Армия находилась на 22 июня 1941 г. в состоянии ускоренной масштабнейшей реорганизации¹. Разумеется, история не имеет сослагательного наклонения, однако автор данной монографии полностью разделяет мнение о том, что удары вермахта, случись они летом 1940 г. (когда преобразования только стартовали, ещё не став полномасштабными) и особенно весной – летом 1942 г. (когда они в основном должны были завершиться), имели бы совершенно иную, существенно менее разрушительную силу.

Соответственно, успешное в принципе проведение реформы должно обеспечиваться двумя важнейшими условиями: относительно небольшой хронологической протяжённостью и наличием спокойной внешнеполитической обстановки, т.е. отсутствием угрозы широкомасштабной войны. Первое условие означает, что продолжительность преобразований не должна превышать нескольких лет: минимум это 2–3 года (за меньшее время переформатировать «военную машину» государства с учётом ее инертности едва ли представляется возможным), максимум – 5–7 лет. Превышение данного временного срока, как и в случае любой другой, т.е. невоенной, сферы (в частности, промышленной, здравоохранения, образования, государственного управления), будет объективно свидетельствовать о «пробуксовывании» и (или) отсутствии адаптивности к реалиям проводимых преобразований, т.е. их фактической неудаче. Превращаясь в перманентное явление, реформа либо ведёт к резкому ослаблению системы (в данном случае – военной организации), либо перерождается в некую «поповседневность», переставая представлять собой действительно глубокие и значимые преобразования.

¹ Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. – М.: Изд-во АПН, 1974. – С. 193–237; Дайнес О.В. Военная стратегия между Гражданской и Великой Отечественной войнами // История военной стратегии России / Под ред. ген-майора В.А. Золотарева. Институт военной истории Министерства обороны РФ. – М.: Кучково поле, Полиграфресурсы, 2000. – С. 202–254.

Можно ли сократить продолжительность военной реформы?

Да, если грамотно провести предварительный этап или фазу подготовки – время максимально чёткого планирования (притом и на концептуальном уровне, однозначно отвечая на вопрос: к отражению каких угроз и вызовов должны готовиться вооружённые силы будущего), а, возможно, и осуществления точечных преобразований, т.е. «реформирования в миниатюре». Решение этой задачи облегчается, если государство, готовящее глубокие изменения, может в той или иной степени (разумеется, с учетом национальной специфики) использовать достигнутые результаты в области строительства вооружённых сил других игроков – в частности, понимать, каковы наиболее общие требования к войскам во вновь наступающей эпохе развития миропорядка. Вместе с тем, иногда данное положение характерно для частично ведомых государств (со стороны других, более влиятельных акторов). Это не только облегчает, но одновременно и затрудняет развитие собственного военного потенциала, который может не оказаться способен самостоятельно отвечать базовым требованиям завтрашнего дня. Притом стремление к предельному сокращению хронологической протяжённости преобразований ВС (желанию провести по «ускоренному варианту») может дать отрицательный результат: реформа может оказаться незавершённой полностью или частично, таким образом создав определённый разрыв между «новыми» и «старыми» элементами военной организации с риском её деградации. Примером тому служит незавершённость военных преобразований в правление Фёдора Алексеевича (1676–1682), за чем последовало резкое падение боеспособности армии в регентство Софьи Алексеевны (1682–1689). Это значит, что скорость не может быть принесена в жертву эффективности.

Отмеченный выше другим условием успешного проведения реформы должна стать относительно спокойная внешнеполитическая обстановка как минимум на протяжении большей части (особенно пиковых фаз оных) преобразований. А если таковые остро потребуются в ходе крупномасштабного конфликта? Одна ситуация возникает, если в ходе него беспрерывно, а точнее, без сколько-нибудь длительных пауз ведутся активные боевые действия на широком пространстве, причем налицоует непосредственная угроза для территорий самой страны. В этом случае у государства два основных варианта: попытаться «дотянуть» до заключения мира / перемирия с имеющейся военной организацией (в этом случае степень жёсткости условий будет во многом обусловлена

уровнем её устаревания и ослабления) либо, напрягая все силы, всё же перестроить её, но неизбежно ценой исключительных усилий. Вариант выбирается в зависимости от конкретной обстановки, а главное – критичности данного военного конфликта для сохранения государства в принципе. Так, в случае Первой мировой войны пришедшие к власти большевики, остро нуждаясь в перedyшке для создания с почти нулевой отметки своих вооружённых сил, пошли на заключение тяжелейшего Брестского мира (3 марта 1918 г.) с Германией и в целом Четверным союзом. В данном случае СНК оказался перед сложнейшим выбором: либо потерять значительные, весьма развитые, территории на западе страны, либо, по сути, лишиться всего – по достижении понимания этого руководством РКП (б) в целом (а не только В.И. Лениным) и был выбран первый вариант как единственно возможный¹. При этом была очевидна неготовность – не в силу нежелания, но вследствие отсутствия достаточных ресурсов в условиях продолжения борьбы Германией на Западном фронте² – Второго рейха и его союзников (точнее, практически уже сателлитов) к оккупации всей территории бывшей Российской империи и слому устанавливаемой Советской власти. Совершенно иная картина наблюдалась в ходе Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: нацистский Третий рейх желал поработать народы Советского Союза, уничтожить в принципе его государственность, т.е. речь шла о выживании Отечества в принципе. В этой связи руководство СССР во главе с И.В. Сталиным сумело провести глубокие преобразования, в том числе в экстренных условиях осуществить те планы реформы, которые были задуманы ещё перед Войной и доказали правильность на практике – они были осуществлены в окончательном виде в ходе «коренного перелома»³. Однако завершение преобразований (с частичным изменением их траектории) оказалось исключительно тяжёлым испытанием для страны в ходе первого периода Войны.

Качественно иная ситуация возникает, когда наблюдаются длительные промежутки без ведения активных боевых действий – прежде всего, на территории самого государства, осуществляющего

¹ Уткин А.И. Первая мировая война. – М.: Алгоритм, 2001. – С. 436–485.

² Так, в 1918 г. германское командование перебросило с Восточного фронта на Западный 34 дивизии, т.е. очень крупные массы войск. См.: Атлас офицера. – М.: Военно-топографическое управление, 1974. – С. 233.

³ См., напр.: Конев И.С. Записки командующего фронтом. – М.: Воениздат, 1980. – С. 5–45.

военную реформу. В этом случае появляется возможность успешно её провести. Характерный пример – первый этап Северной войны, т.е. временной отрезок 1700–1708 гг. между «Нарвской конфузией» и вторжением основных сил шведской армии во главе с Карлом XII в Россию. К началу Северной войны Петр Первый уже утвердился в понимании необходимости создания регулярной армии (а не полков «нового строя», имевших многие элементы непостоянных войск), однако окончательный путь её создания ещё не был определён: силы под Нарвой включали и старые стрелецкие полки, и частично переформированные войска «киноземного строя». После поражения под Нарвой основные силы «военной машины» Карла XII более чем на пять лет «увязли» в Речи Посполитой, тем самым не представляя непосредственной угрозы для России. Это время было использовано Петром I для проведения основного этапа военной реформы: была создана структура регулярной армии (фузилёрные и гренадёрские полки в полевых пехотных войсках, драгунские – в кавалерии, учреждены отдельные артиллерийские части), определена новая система её комплектования (посредством рекрутских наборов)¹. Притом Петр I сумел действовать две группировки войск (постепенно обновляемые в рамках реформы) для занятия побережья Финского залива и оказания содействия Речи Посполитой – с тем, чтобы она как можно дольше притягивала к себе максимум внимания Карла XII. Все преобразования удалось в основном завершить к кампании 1708 г.², т.е. моменту появления уже реальной угрозы территории России, что в итоге резко изменило соотношение сил в её пользу. Иллюстративно также, что завершение наиболее масштабных организационно-штатных преобразований в РККА (в частности, формирование однотипных танковых армий, создание подразделений с автоматическим оружием во всех стрелковых частях, усиление артиллерии³) пришлось на апрель – июнь 1943 г. Это было от-

¹ Отечественные военные реформы XVI–XX веков / Под общ. ред. В.А. Золотарева. Институт военной истории Министерства обороны РФ. Институт проблем естествознания АЕН РФ. – М.: Воентехниздат, 1995. – С. 51–57.

² Шефов Н.А. Самые знаменитые войны и битвы России. – М.: Вече, 2000. – С. 175–176.

³ Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. – М.: Изд-во АПН, 1974. – С. 466–467; Чекмарев Г.Ф. Военная стратегия в годы Великой Отечественной войны // История военной стратегии России / Под ред. ген.-майора В.А. Золотарева. Институт военной истории Министерства обороны РФ. – М.: Кучково поле, Полиграфресурсы, 2000. – С. 276–277.

носительно спокойное время на советско-германском фронте, предшествовавшее грандиозной битве на Курской дуге, к началу которой Красная Армия приобрела уже окончательно преобразованный облик.

В данном отношении проведение военных реформ, начиная с возникновения биполярного миропорядка, существенно облегчилось, так как угроза начала широкомасштабного военного конфликта реально снизилась. Фактор ракетно-ядерного сдерживания, а также обусловленные им вырабатываемые неофициальные правила стратегического поведения и взаимной этики – прежде всего, на уровне сверхдержав с последующим принятием их широким кругом государств «первого» и «второго» миров – содействовали достижению стратегической стабильности. Безусловно, после крушения биполярной схемы миропорядок стал иным: так, возросла степень хаотизации международных процессов и взаимоотношений между акторами. Однако вероятность крупномасштабного военного конфликта продолжает оставаться всё же достаточно низкой и скорее гипотетической. Речь здесь ни в коем разе не идёт о том, что ВС в принципе не должны рассматривать такой сценарий, но совершенно о другом: внешнеполитическая обстановка для проведения реформы «военной машины» всё же остается достаточно благоприятной. Локальные вооружённые конфликты, при всей их опасности (прежде всего, проецировании угроз нестабильности их зон осуществления организованного насилия, особенно с участием террористических группировок), всё же не могут пока создать столь опасное состояние для безопасности и обороны стабильного государства, которое стало бы запретительным препятствием на пути любых коренных перестроек ВС страны.

Однако данный благоприятствующий фон отнюдь не снижает остроту принципиальных вопросов, неизбежно возникающих в ходе реформы:

- способность чётко сформулировать требования к перспективному облику вооружённых сил, в том числе с точки зрения их выполнимости в вопросе обеспечения с учётом состояния ресурсной базы внешней политики страны, на долгосрочную перспективу;

- недопущение того, чтобы реформа превратилась в перманентный процесс;

- соответствие планов преобразований реализации долгосрочных приоритетов внешней политики в целом, а также идеологическим (ценностно-информационным) установкам;

– для реализации изложенных выше пунктов – наличие группы профессиональных политиков и администраторов-технократов (способных работать вместе), чётко представляющих модель вооружённых сил будущего (разумеется, с использованием экспертных наработок) и обладающих волей, способностью провести необходимые решения на всех уровнях, особенно через парламент.

Здесь, особенно во второй половине XIX в., для возрастающего числа государств мира (прежде всего, «западных демократий») возникает комплекс проблем, связанных с продолжительностью одного президентства или срока пребывания на посту премьер-министра (в зависимости от особенностей политической системы) – на эту проблему применительно к внешней политике США в целом обращал внимание ещё Г. Киссинджер¹. Так, в большинстве стран – участниц НАТО и ЕС данный срок составляет 4 года. За вычетом времени на практическое вхождение в круг должностных полномочий данный промежуток сокращается до 3,5 лет, а если ещё прибавить время на подготовку к новому избирательному циклу и особенно возможность пребывания в статусе «хромой утки» (в случае проигрыша выборов в первый же срок), то он уменьшится до 2,5–3 лет. Притом почти наверняка вновь избранный президент / премьер-министр прежде всего обратит внимание на другие сюжеты – социальные, экономические, в целом внешнеполитические, далеко не сразу будучи готов приступить к обсуждению преобразований «военной машины». Если учитывать время подготовительных мер, то реформа едва ли может быть осуществлена в рамках одного избирательного цикла – на её проведение в отдельно взятом таковом может остаться лишь 1–2 года. Следовательно, для осуществления преобразований «военной машины» требуется достаточно длительное (два срока и более) пребывание у власти конкретного высшего административного лица и его команды либо наличие широкого консенсуса в вопросе реорганизации ВС между действующим политиком и его преемником. Более того, всё чаще нормой политической жизни стран – участниц Евро-Атлантического сообщества является коалиционный характер правительства, т.е. их образование и функционирование при участии двух и более политических партий. Достижение согласия между ними по такому чувствительному вопросу, как военная реформа, является весьма непростым делом, требующим значительного времени – опять же, с учётом того обстоятельства, что после

¹ Киссинджер Г. О Китае. – М.: Астрель, 2012. – С. 405.

очередного избирательного цикла партийный состав кабинета изменится или как минимум иным станет соотношение влияния и властных полномочий между политическими силами, его образующими. Притом управленцам, работающим в системе исполнительной власти, следует учитывать вероятное негативное отношение той или иной части депутатского корпуса к росту расходов на ВС, их численности, а также изменение целеполаганий их использования. Не менее важно иное – жёсткая критика, если еще реформируемые или, того хуже, уже завершившие процесс преобразования вооружённые силы окажутся неспособны эффективно противодействовать какой-либо значимой угрозе безопасности (прежде всего, из числа неклассических).

Есть ли выход из представленного комплекса внутриполитических препятствий, и если да, то какой он? Таковой имеется, представляя собой наличие широкого межпартийного и межинституционального (т.е. основанного на единстве подходов представителей не только исполнительной, но также законодательной, а по возможности и судебной власти) консенсуса как минимум по принципиальным вопросам проведения реформы «военной машины».

В ФРГ ведущую роль в проведении военной реформы 1956–1962 гг. и современной (с конца 2010-х годов) играл блок ХДС / ХСС, причем примечателен заметный вклад не только христианских демократов, но и ХСС (в частности, Ф.-Й. Штрауса на посту министра обороны в 1956–1963 гг.) в осуществление преобразований. Руководству христианских демократов – командам канцлеров К. Аденауэра и А. Меркель соответственно – удавалось обеспечить согласие со своим курсом свободных демократов (в обоих случаях), а также СДПГ (прежде всего, во втором). Проводимые в 1990-е – начале 2010-х годов преобразования, пик (основная фаза) которых пришелся на начало – середину 2000-х годов, явились плодом совместных усилий христианских и социал-демократов. Притом именно вторые при канцлере Г. Шрёдере внесли решающий вклад в определение направленности реформы – здесь ставшая (2005) канцлером представитель ХДС А. Меркель была скорее «дореализатором» идей предшественника, а получивший широкую известность К.-Т. цу Гуттенберг (2009–2011, ХСС) на деле внес существенно меньший принципиальный вклад в развитие бундесвера, чем представитель СДПГ П. Штрук (2002–2005).

Что подразумевается под широким консенсусом элиты? Речь конкретно идет о наличии чёткого представления о том, что такая реформа необходима для реализации эффективного внешне-

политического курса страны. Каковы побудительные мотивы, формирующие данный консенсус? С точки зрения автора монографии, их можно условно разделить на три основные группы. *Первая* – это настоящие (сегодняшние) потребности, вызванные усложнением ситуации в сфере безопасности и обороны для государства, неспособностью устаревшей военной организации справляться с вновь возникающим кругом проблем. *Вторая* группа – это способность военных технократов среднего и высшего уровня представить обоснованный оптимальный вариант преобразований ВС, его соответствие ресурсным возможностям страны. Так, в условиях отказа многих стран – участниц НАТО от смешанной (прежде всего, основанной на призывае)¹ системы комплектования вооружённых сил и их переводу исключительно на контрактную основу сверхострой стала проблема набора достаточных по численности контингентов и мотивация службы. Не менее сложный вопрос – выделение необходимых денежных ассигнований, при том, как минимум, на среднесрочную перспективу (для обеспечения стабильности финансирования). Наконец, *третья* группа мотивов – понимание объективной необходимости реформы ВС для обеспечения должного уровня военной мощи с учетом роли, которую страна пытается играть на мировой арене – в данном случае речь прежде всего идет о круге держав, в том числе «восходящих». Третья группа причин носит наиболее фундаментальный и долгосрочный характер, однако в имиджевом плане она обычно «затушевывается» из-за невыгодного имиджевого восприятия – прежде всего, как вне страны (обвинение в «брязгании оружием» и милитаризации внешней политики), так часто и внутри, что особенно актуально для Германии с учетом её исторического наследия. Поэтому часто данная группа факторов «маскируется» посредством педалирования первой их группы. В этой связи показателен пример новой «холодной войны», инициированной весной 2014 г. Евро-Атлантическим сообществом в отношениях с РФ и приобретшей среди прочих полноценное военно-политическое измерение. Интересно следующее совпадение: конфронтация, стимулируя рост военных потенциалов (под предлогом сдерживания якобы существующей «российской угрозы», а в последующем и вызовов со стороны КНР), наступила в период, когда «военные машины» многих

¹ Наряду с упразднением этой системы действует формула пролонгируемого «обнуления» призыва – примером последней с начала 2010-х годов выступает ФРГ. – *Прим. авт.*

стран Запада в своем развитии путем длительных редукций дошли до «дна» своих возможностей, «пробивание» которого оказалось чревато деградацией внешнеполитических позиций в целом. Уже отмечалось выше, что ФРГ в полной мере столкнулась с данной проблемой к середине 2010-х годов. Причём как минимум на кратко- и среднесрочную перспективу, с учетом сложности перестройки работы всей громоздкой «военной машины», участие в противостоянии становится также и сдерживающим, а не только благоприятствующим фактором для развития её потенциала. В долгосрочной открывается возможность для его наращивания (прежде всего, в смысле войск общего назначения), однако и ограничители продолжают оставаться существенными.

Геометрически военная реформа представляет собой не прямую, но изогнутую линию, включающую как минимум три этапа. В ходе первого чётко формулируются планы, осуществляется ломка (полная или частичная) старой военной системы. На втором, основном или кульминационном, этапе осуществляется уже демонтаж всех ненужных элементов и их массовая замена с последующей апробацией. Наконец, на третьем, завершающем, происходит упорядочение вновь сформированной системы с закладыванием возможности внесения в неё частных корректировок, представляющих собой результат эволюции в рамках процесса строительства вооружённых сил. Одновременно осуществляется рост их количественных параметров.

Именно на последовательном изучении каждой из данных фаз – особенностей, «узких мест», промежуточных результатов, а главное – «механики» осуществления – предполагается выстроить представленное монографическое исследование.

* * *

Его основными *методами* избраны: ивент-анализ, т.е. изучение важных шагов в области строительства ВС, сравнительный анализ, а также принцип исторической реконструкции, позволяющий систематизировано изучить процесс преобразований, по возможности восполняя пробелы в освещении их содержания и «узких мест» проведения.

Разумеется, процесс военных реформ в целом и особенно его развитие в конкретных государствах уже давно получают подробное освещение со стороны исследователей. Так, Институтом военной истории Министерства обороны РФ публиковались труды, посвя-

шёные как непосредственно военным реформам в Отечестве¹, так и их изучению в контексте развития военной стратегии страны². Исторически именно со стороны германо-пруссского (прежде всего, в Первую мировую войну) и германского (в Великую Отечественную войну) государства исходили наиболее масштабные угрозы для обороны Российской империи и СССР. Притом агрессия Третьего рейха, опиравшаяся на колossalный и первоначально очень хорошо организованный военный потенциал, несла крупнейшую угрозу для самого существования национальной государственности нашей страны. Всё это обуславливало широкий интерес отечественных исследователей к развитию и прежде всего использованию (что вполне логично) «военной машины» официального Берлина.

Необходимо подчеркнуть, что в отечественной историографии практически не рассматривалась *по отдельности* сама по себе каждая из военных реформ в Германии (Пруссии), т.е. их сравнительный анализ и тем более выделение общих черт на протяжении историческом отрезке XVIII – начала XXI в. ещё не получили существенного освещения, что обуславливает научную новизну данной монографии. Показательно, что единичными являются работы, представляющие собой попытки осмыслиения развития «военной машины» Пруссии, германо-пруссского государства, Германии на философском уровне³.

Для специалистов научных школ ФРГ, находящихся под сильным влиянием англосаксонских традиций исследований, характерно рассмотрение процесса строительства вооружённых сил в целом и преобразований в частности с фокусом на социологические сюжеты⁴.

¹ Отечественные военные реформы XVI–XX веков / Под общ. ред. ген.-майора В.А. Золотарева. Институт военной истории Министерства обороны РФ. Институт проблем естествознания АЕИ РФ. – М.: Воентехниздат, 1995. – 199 с.

² История военной стратегии России / Под ред. ген-майора В.А. Золотарева. Институт военной истории Министерства обороны РФ. – М.: Кучково поле, Полиграфресурсы, 2000. – 592 с.

³ Печуров С.Л. Вооруженные силы Германии: от «прусской» к «англо-саксонской» модели // Военно-исторический журнал. 2006. № 11. – С. 51–54.

⁴ Neugebauer K.-V. Grundzüge der deutschen Militärgeschichte. Band 1: Historischer Überblick. – Freiburg: Rombach Verlag, 1993. – 484 S.; Neugebauer K.-V. Grundzüge der deutschen Militärgeschichte. Band 2. – Freiburg: Rombach Verlag, 1993. – 464 S.; Willems E. Der preußisch-deutsche Militarismus. Ein Kulturkomplex im sozialen Wandel. – Köln: Verlag Wissenschaft und Politik, 1984. – 207 S.

В случае *военной реформы Фридриха II* отечественными историками внимание уделялось историческим предпосылкам зарождения феномена прусского милитаризма ещё в XVII в.¹, общим аспектам стратегии данного монарха², а сами преобразования прусской армии рассматривались в основном в контексте боевых действий – Силезских и особенно Семилетней войны³. Немецкие историки стремились вписать изучение данного этапа в общую канву развития прусской армии с середины XVII в. до начала XIX в. (вплоть до разгрома Наполеоном старопрусской «военной машины» в 1807 г.)⁴.

Распространённым также было изучение военных реформ в контексте строительства вооружённых сил прусского, а затем и германо-пруссского государства на ещё более протяжённом временном отрезке – до 1933 г. (времени прихода нацистов к власти)⁵ или 1945 г.⁶

Преобразования «военной машины» Прусского королевства Г. Шарнхорста – А. Гнейзенау традиционно рассматривались в

¹ Беляев М.П. У истоков прусского милитаризма // Вопросы истории. 2017. № 9. – С. 95–109.

² Голованов М.В. Политическая теория прусского короля Фридриха II до начала Семилетней войны // Исторический бюллетень. 2021. № 2. – С. 7–11; Свечин А.А. Эволюция военного искусства. Том 1. Глава X. Фридрих Великий // Военная литература. Режим доступа: <http://militera.lib.ru/science/svechin2a/10.html> (дата обращения: 20.08.2021).

³ Ивонин Ю.Е. Фридрих II и сражение при Кунерсдорфе // Новая и новейшая история. 2008. № 6. – С. 155–168.; Маркин М.И. История конницы от Фридриха Великого до Александра Суворова. – М.: Кучково поле, 2009. – С. 5–183; Свечин А.А. Эволюция военного искусства. Том I. – М., Л.: Военгиз, 1928. Режим доступа: <http://militera.lib.ru/science/svechin2a/10.html> (дата обращения: 25.08.2021).

⁴ Bleckwenn H. Unter dem Preußen-Adler. Das brandenburgisch-preußische Heer 1640–1807. – München: Bertelsmann Verlag, 1978. – 254 S.; Guddat M. Handbuch zur preußischen Militärgeschichte 1701–1786. – Hamburg: Verlag Mittler, 2001. – 297 S.; Günther G. Die Kampfhandlungen der brandenburgisch-preussischen Armee, 1626–1807: ein Quellenhandbuch, Veröffentlichungen der Historischen Kommission zu Berlin. Band 8. – Berlin: Walter de Gruyter, 1964. – 661 S.

⁵ Mohr E. Bibliographie zur Heeres- und Truppengeschichte des Deutschen Reiches und seiner Länder 1806 bis 1933. – Bissendorf: Biblio-Verlag, 2004. – 1232 S.

⁶ Büsch O., Neugebauer W. Moderne Preußische Geschichte 1648–1947. Band 2. 4. Teil. Militärsystem und Gesellschaftsordnung. – Berlin, New York: Verlag de Gruyter, 1981. – 1832 S.; Craig G.A. Die preußisch-deutsche Armee 1640–1945. Staat im Staat. – Düsseldorf: Droste Verlag, 1960. – 576 S.

увязке с поражениями от наполеоновской Франции 1806 г.¹ и в более общем контексте широкой трансформации структуры государства под руководством Г. фон Штейна и А. Гарденберга². Интерес представляет попытка немецких историков исследовать в рамках единого цикла две военные реформы XIX в.³ Притом менее подробное освещение в отечественной литературе нашли *военная реформа в Пруссии начала 1860-х годов* – прежде всего, она рассматривалась в контексте войн за объединение Германии⁴ и призму полководческого и военно-организационного таланта Х. Мольтке-старшего⁵.

Исследователями был создан колоссальный задел в изучении боевых возможностей вермахта и его применении в ходе операций Второй мировой войны в целом и Великой Отечественной войны в частности. Однако, как ни странно, при этом ограничено количество работ, посвященных *довоенным преобразованиям «военной машины» Германии* – Веймарской республики и первых лет суще-

¹ Зубарева А.Ю. Отважно боритесь за свое будущее: взгляд К. фон Клаузевица на внешнюю политику Пруссии после Тильзита // Калининградские архивы. 2011. № 9. – С. 104–126; Меринг Ф. Очерки по истории войн и военного искусства. – М.: Военное издательство Народного комиссариата обороны СССР, 1941. – С. 218–232.

² Рагозин Г.С. Идеология и проекты реформ в Пруссии 1807–1814 гг.: позиция государственных деятелей // Вестник Тверского государственного университета. Серия: история. 2017. № 2. – С. 110–122; Стерхов Д.В. «Каждый житель государства – его прирожденный защитник». Дискуссия о всеобщей воинской повинности и военная реформа в Пруссии в начале XIX века // Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история. 2017. № 5–6. – С. 5–22.

³ Свечин А.А. Эволюция военного искусства. Том 2. Глава IV. Прусская армия эпохи объединения Германии // Военная литература. Режим доступа: <http://militera.lib.ru/science/svechin2b/04.html> (дата обращения: 21.08.2021); Stübig H. Zwischen Reformzeit und Reichsgründung. Studien zur Entwicklung der preußisch-deutschen Armee im 19. Jahrhundert. – Berlin: BWV Berliner Wissenschafts-Verlag, 2012. – 178 S.

⁴ Турыгин А.А., Хабибова Л.В. Призрак 1866 года и образование германской империи // История. Общество. Политика. 2019. № 2. – С. 36–42; Власов Н.А. Имперский военный закон 1874 года и германская армия // Военно-исторический журнал. 2010. № 3. – С. 67–71.

⁵ Власов Н.А. Полководец индустриальной эпохи // Военно-исторический журнал. 2011. № 5. – С. 68–75

ствования Третьего рейха¹, когда формулировались военно-тактические и стратегические установки ведения будущей войны.

Создание бундесвера в 1956–1962 гг. исследовалось в более общем контексте внешней политики К. Аденауэра – прежде всего, идеи общеевропейских (применительно к европейским странам-участниц НАТО и ЗЕС) военных сил². Акцентировалось внимание на глубоких отличиях подхода ФРГ и прусского, а затем и германо-пруссского государства к фактору использования военной силы во внешней политике и идеологии. Для немецких исследователей характерно вписывание реформы 1956–1962 гг. в широкий хронологический контекст развития бундесвера в период «холодной войны» в целом³.

Российские и иностранные исследователи стремились охарактеризовать направленность и дать промежуточную периодизацию *преобразованиям бундесвера 1990-х – начала 2010-х годов*⁴.

¹ Гагин В.В., Князев А.В. BBC Германии и доктрина люфтваффе на первом этапе Второй мировой войны. 1939–1940 // Проблемы социальных и гуманитарных наук. 2019. № 3. – С. 26–34; Горбатов М.Ю. Накануне Великой Отечественной (Балканская кампания 1941 года) // Вестник Академии военных наук. 2013. № 3. – С. 142–151; Захаров Д.В. Перед решающей схваткой: Красная Армия и германский вермахт в 1939–1941 годах // Исторический журнал: научные исследования. 2011. № 3. – С. 27–36; Кокошин А.А. Блицкриг и структура революции в военном деле // Клио. 2015. № 12. – С. 96–109; Уткин А.И. 1940. «Блицкриг» на Западе // Свободная мысль. 2010. № 1. – С. 149–162; Van Creveld M. Kampfkraft. Militärische Organisation und militärische Leistung 1939–1945. – Freiburg: Ares-Verlag, 1989. – 216 S.; Masson Ph. Die Deutsche Armee. Geschichte der Wehrmacht 1935–1945. – München: Herbig, 2000. – 562 S.; Tessin G. Deutsche Verbände und Truppen 1918–1939. – Osnabrück: Biblio, 1974. – 468 S.

² Мазура А.А. Воссоздание германских вооруженных сил в ракурсе отношений между властью и обществом в ФРГ // История мировых цивилизаций: восприятие, образ, репрезентация власти. материалы IX Всероссийской научной конференции – Красноярск: Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева, 2016. – С. 113–121; Родович Ю.В. ФРГ и планы создания европейской армии: история и современность // Научные ведомости Белгородского государственного университета. серия: история. Политология. 2019. № 2. – С. 271–278; Large D.C. Germans to the Front West German rearmament in the Adenauer era. – Raleigh: University of North Carolina Press, 1996. – 245 p.

³ Rink M. Die Bundeswehr 1950/55–1989. – München: DeGruyter Oldenbourg, 2015. – 224 S.; Schlaffer R., Sandig M. Die Bundeswehr 1955–2015. Sicherheitspolitik und Streitkräfte in der Demokratie. Analysen, Bilder und Übersichten. – Freiburg-im-Breisgau: Rombach, 2015. – 248 S.

⁴ Егоров А.И. Германский бундесвер: реформы и применение (1990–2003) // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: история. Политология. 2012. № 7. – С. 100–106; Кравченко И. Реформа бундесвера //

При этом наибольшее внимание уделялось прикладным вопросам – новым возможностям, открывающимся при использовании бундесвера вне зоны ответственности НАТО, и их реализации¹. Публиковались узкопрофильные работы, посвященные отдельным составляющим эволюции вооружённых сил ФРГ в постбиполярную эпоху². Среди немецких аналитиков наибольший интерес к реформированию бундесвера наблюдался по результатам работы комиссии Р. фон Вайцзекера (2000)³, проекту министра обороны П. Штрука (2003–2004)⁴ и переходу к полностью контрактной армии в 2010–2011 гг.⁵

На фоне педалирования в политической и общественной, в том числе в СМИ, дискуссии внутри Германии вопроса о критическом

Международная жизнь. 2010. № 12. – С. 84–94; Синдеев А.А. Реформа бундесвера: три этапа // Мировая экономика и международные отношения. 2015. № 3. – С. 86–94; Von Bredow W. Die Zukunft der Bundeswehr. – Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften, 1995. – 189 S.; Von Bredow W. Die Geschichte der Bundeswehr. – Berlin: Elsengold Verlag, 2017. – 160 S.; Varwick J. Bundeswehr // S. Schmidt, G. Hellmann, R. Wolf (Hrsg.). Handbuch zur deutschen Außenpolitik. – Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften / GWV Fachverlage GmbH, 2007. – S. 247–258.

¹ См., напр.: Власов Н.А. Уроки Гиндукуша: миссия бундесвера в Афганистане и политика безопасности ФРГ // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. Политология. Международные отношения. 2016. № 3. – С. 108–121; Glatz R.L., Hansen W., Kaim M., Vorrath J. Die Auslandseinsätze der Bundeswehr im Wandel. – Berlin: Deutsches Institut für Internationale Politik und Sicherheit Stiftung Wissenschaft und Politik, 2018. – 52 S.; Tull D.M. Deutsches und internationales Krisenmanagement im Sahel // SWP-Aktuell. 2020. Juni. № 43. – 4 S.

² Белозеров В.К. Примат политики в действии об изменениях в системе руководства и управления вооруженными силами ФРГ // Вестник Академии военных наук. 2012. № 4. – С. 25–29; Костин К.К., Корабельников А.А. Унтер-офицерский состав армии Германии и подходы к его профессиональной подготовке // Российский научный журнал. 2010. № 6. – С. 86–91; Поляков В.Т., Емельянов А.П., Ермаков Ю.В. Система подготовки командного состава бундесвера // Военный академический журнал. 2015. № 2. – С. 119–125; Noetzel T., Schreer B. Spezialkräfte der Bundeswehr. – Berlin: SWP-Studie, 2007. – 24 S.; Papenroth T. Die Zukunft der Deutschen Marine. – Berlin: SWP-Studie, 2004. – 30 S.

³ Lemke H.-D. Bundeswehrreform. Schwachpunkt Krisenfähigkeit // SWP-Aktuell. 2000. November. № 66. – 4 S.

⁴ Lange S. Strukturanpassung der Bundeswehr // SWP-Aktuell. 2004. Juli. № 29. – 4 S.; Lemke H.-D. Welche Bundeswehr für den neuen Auftrag? – Berlin, SWP-Studie, 2003. – 29 S.

⁵ Apt W. Reform der Bundeswehr // SWP-Aktuell. 2010. November. 2010. – 4 S.; Brune S.-C., Dickow M., Linnenkamp H., Mölling C. Die künftige Bundeswehr und der Europäische Imperativ // SWP-Aktuell. 2011. März. № 15. – 8 S.; Mölling C. Für eine sicherheitspolitische Begründung der Bundeswehr // SWP-Aktuell. 2011. April. № 20. – 4 S.

ослаблении военной мощи как результате длительных редукций её различных составляющих заметно вырос интерес к данной проблематике и в российском экспертном сообществе¹. Повышенное внимание уделялось вписыванию развития бундесвера в общий контекст видения ФРГ своей современной и перспективной политики в области безопасности и обороны². При этом вопрос о том, какую направленность приобретет *вновь стартовавшая на рубеже 2010-х – 2020-х годов военная реформа*, в это время ставился в достаточно ограниченном числе работ³. Вместе с тем ход, первые промежуточные результаты данных преобразований и их перспективная модель еще не нашли отражение в работах российских экспертов по состоянию на начало третьего десятилетия XXI в., будучи несколько подробнее освещены в трудах немецких исследователей⁴.

¹ Абасова А.В. Критический анализ военного строительства современной Германии // ГОСРЕГ: государственное регулирование общественных отношений. 2019. № 3. – С. 40–45; Колтунов С.О. Трансформация немецкой военной политики // Германия на перекрестках истории. Проблемы внутренней и внешней политики в контексте трансформаций международных отношений. сборник статей. Воронежский государственный университет. – Воронеж: Ритм, 2019. – С. 94–103; Меден Н.К. О некоторых тенденциях в оборонной политике Германии // Вестник МГИМО-Университета. 2015. № 2. – С. 150–158; Мишанов А.С. Современное состояние и актуальные проблемы бундесвера (по материалам зарубежных источников) // Военный академический журнал. 2019. № 2. – С. 155–162; Пархитко Н.П. Эволюция военной политики ФРГ после объединения страны // Вестник МГИМО-Университета. 2010. № 5. – С. 320–326.

² Басов Ф.А., Кокоев А.М., Васильев В.И., Хорольская М.В. Немецкое представление о безопасности // Международная жизнь. 2018. № 10. – С. 37–54.; Басов Ф.А. Новые вызовы для Берлина-XXI: адаптация к меняющимся условиям // Мировая экономика и международные отношения. 2019. № 8. – С. 122–128.; Кокоев А.М. Новые акценты в оборонной стратегии и политике безопасности Германии // Мировая экономика и международные отношения. 2018. № 11. – С. 26–34.; Синдеев А.А. Общая политика безопасности и обороны ЕС: подход Германии // Общество: политика, экономика, право. 2016. № 8. – С. 9–13.; Major C. Die Rolle der Nato für Europas Verteidigung. – Berlin: SWP-Studie, 2019. – 42 S.; Strategische Autonomie Europas. Akteure, Handlungsfelder, Zielkonflikte / B. Lippert, N. von Ondazra, V. Perthes (Hrsg.). – Berlin: Stiftung Wissenschaft und Politik, 2019. – 44 S.

³ Меден Н.К. Бундесвер-2016: начало контрреформации? // Сборник «Германия 2016». Доклады Института Европы РАН. – М.: Институт Европы, 2017. – С. 58–74.; Синдеев А.А. Германия и трансформационные процессы в сфере безопасности: проблемы военно-морских сил // Общество: политика, экономика, право. 2021. № 7. – С. 18–21.

⁴ Bartels H.-P., Glatz R.L. Welche Reform die Bundeswehr heute braucht – Ein Denkanstoß // SWP-Aktuell. 2020. Oktober. № 84. – 8 S.; Vogel D. Bundeswehr und Weltraum // SWP-Aktuell. 2020. September. № 79. 4 S.

Глава I

ПРОЦЕСС СОЗДАНИЯ ФРИДРИХОМ II ПРУССКОЙ «ВОЕННОЙ МАШИНЫ»

1.1. Состояние прусского военного потенциала к началу 1740-х годов

С момента вступления на престол в Бранденбурге курфюрста Фридриха-Вильгельма I (Бранденбургского, 1640–1688) это государство избрало курс на построение собственной военной организации, стремясь увеличивать численность войск¹. Отталкиваясь ещё от опыта А. Валленштейна в деле создания вооруженных сил в империи Габсбургов в период Тридцатилетней войны, руководство Бранденбурга пошло по пути создания достаточно крупной, однако существенно более дисциплинированной, а главное – постоянной армии. Так, если на момент вступления на престол бранденбургский монарх располагал военными силами численностью 4,6 тыс. солдат и офицеров, то к моменту окончания его правления их количество возросло до 32 тыс.² Наличие этой «войenne машиной», достаточно значительной по меркам малых и средних германских государств (и даже Австрии, где лишь шло становление армии, непосредственно подчинявшейся императору³), во многом обеспечило возможность трансформации курфюршес-

¹ Свечин А.А. Эволюция военного искусства. Том 1. Глава X. Фридрих Великий // Военная литература. Режим доступа: <http://militera.lib.ru/science/svechin2a/10.html> (дата обращения: 20.08.2021).

² Там же.

³ Прокофьев А.Ю. Германия в конце XVI–XVII веке // Всемирная история. Т. 3. Мир в раннее Новое время / Институт всеобщей истории РАН. – М.: Наука, 2019. – С. 622–624.

ва Бранденбург в Прусское королевство, что было провозглашено в 1701 г.

В первые десятилетия его существования курс на дальнейшее наращивание военной мощи был продолжен, особенно при прусском короле Фридрихе Вильгельме I (1713–1740). Уже с 1713 г. в Пруссии была введена пожизненная служба солдат. Параллельно прусские власти осуществляли комплекс мер по укреплению кадрового состава своей армии, особенно офицерского корпуса. Так, власти в Берлине привлекали на службу французских гугенотов (в том числе офицеров), вынужденных покинуть родину после отмены Нантского эдикта (1685)¹.

В последней трети XVII в. Пруссия активно участвовала в конфликтах с участием крупных европейских стран, предоставляя свои войска в обмен на субсидии, неоднократно меняя внешнеполитическую ориентацию: от партнёрства с Людовиком XIV переходя к поддержке (масштабно финансируемой) англо-голландских союзников уже в ходе войны Аугсбургской 1688–1697 гг.² Здесь следует отметить, что официальный Берлин активно наследовал военные традиции Нидерландов (прежде всего, тактику Морица Оранского).

Если Бранденбург играл роль малого «спутника» мощных европейских держав, то Пруссия с начала XVIII в. стремилась к более самостоятельному и полновесному участию в крупных конфликтах в собственно военном и политическом отношениях, продолжая проявлять повышенную заинтересованность в получении крупных иностранных дотаций на развитие своей сражавшейся армии, становившийся всё более регулярной. Так, прусские войска активно участвовала в войне за «испанское наследство» (1701–1714), в том числе в наиболее крупной по масштабу битве при Мальпаке (1709). Несмотря на значительные потери в этом конфликте, Пруссия активно включилась в борьбу со Швецией в ходе Северной войны (1700–1721) на временном отрезке 1715–1720 гг., когда «скандинавский лев» уже лишился существенной части своей военной мощи. Притом во всех указанных конфликтах прусские войска действовали в основном в составе группировок коалицион-

¹ Борисов Ю.В. Дипломатия Людовика XIV. – М.: Международные отношения, 1991. – С. 185.

² Свечин А.А. Эволюция военного искусства. Том 1. Глава X. Фридрих Великий // Военная литература. Режим доступа: <http://militera.lib.ru/science/svetchin2a/10.html> (дата обращения: 20.08.2021).

ных сил, стремясь тем самым перенять передовой боевой опыт у союзников¹. Здесь также необходимо указать, что территория самого Прусского королевства в минимальной степени затрагивалась боевыми действиями, что существенно содействовало сбережению собственных ресурсов для наращивания потенциала «военной машины».

К моменту завершения войны «за испанское наследство» (1714) прусский король имел, несмотря на понесённые потери, в своем распоряжении почти 37 тыс. солдат и офицеров, что составляло 2,4% от к численности населения всего королевства². К 1740 г. (моменту вступления Фридриха II на престол) численность прусских войск превышала 80 тыс. человек³, т.е. уже свыше 3,6% от количества всех подданных короля⁴. По размеру данного показателя – *коэффициенту милитаризованности* – Пруссия превосходила даже Швецию к началу XVIII в. (свыше 2,5%): при населении около 3 млн жителей страна имела 76 тыс. войск (63 тыс. на суше и 13 тыс. на море)⁵, притом Пруссия имела только сухопутные войска. А ведь именно на это время пришелся наибольший подъём мощи «скандинавского льва», не только контролировавшего финские, прибалтийские и северогерманские территории, но и стремившегося в первую очередь посредством использования своего военного потенциала утвердиться в качестве великой державы⁶. Это сравнение показывает, сколь интенсивно Пруссия готовилась к силовому утверждению своего влияния в Европе, притом длительное время ещё до Фридриха II.

¹ Атлас офицера. – М.: Военно-топографическое управление, 1974. – С. 210.

² Свечин А.А. Эволюция военного искусства. Том 1. Глава X. Фридрих Великий // Военная литература. Режим доступа: <http://militera.lib.ru/science/svechin2a/10.html> (дата обращения: 20.08.2021).

³ Маркин М.И. История конницы от Фридриха Великого до Александра Суворова. – М.: Кучково поле, 2009. – С. 15.

⁴ Свечин А.А. Эволюция военного искусства. Том 1. Глава X. Фридрих Великий // Военная литература. Режим доступа: <http://militera.lib.ru/science/svechin2a/10.html> (дата обращения: 20.08.2021).

⁵ Шведская армия накануне Северной войны. Стратегия союзных держав и Швеции. 28.01.2012. // Военное обозрение. Режим доступа: <https://topwar.ru/10581-shvedskaya-armiya-nakanune-severnoy-voyny-strategiya-soyuznyh-derzhav-i-shvecii.html> (дата обращения: 20.08.2021).

⁶ Щеглов А.Д. Скандинавские страны в XVII веке // Всемирная история. Т. 3. Мир в раннее Новое время / Институт всеобщей истории РАН. – М.: Наука, 2019. – С. 627–639.

При этом прусские власти оказались перед дилеммой: с одной стороны, они пытались максимально увеличить потенциал своей армии еще в мирное (условно мирное) время. С другой – они стремились не подорвать военными поборами (как финансовыми, так и вербовкой солдат) экономическое благосостояние основной массы горожан и крестьян. Здесь следует отметить, что территории, входившие в состав Бранденбурга – Пруссии, достаточно медленно восстанавливались в смысле роста численности населения от огромных потерь (в том числе мирными жителями) периода Тридцатилетней войны (1618–1648)¹. С учетом ограниченности людских ресурсов и финансовых возможностей содержание большой армии в мирное время могло быть обеспечено только исключительной экономией государственного бюджета. Пруссия превратилась в «военный лагерь», который или только в экономическом плане (наиболее развитые части государства), или также и с точки зрения направления людей на службу (более отсталые районы страны) работал в интересах армии. Эта милитаризация своеобразным образом отражала каноны XVIII в., когда войны в Европе были «конфликтами монархов и их армий», т.е. мирные обыватели не должны были и в принципе не могли стать участниками боевых действий².

Какой был определён путь решения данной проблемы? Это параллельное функционирование двух схем набора войск, что было реализовано еще при короле Фридрихе-Вильгельме I:

– комплектование части войск новобранцами, для поиска и направления которых в полки часть территорий Пруссии была разделена на кантоны, т.е. военно-административные единицы³. Обычно один кантон был равен совокупности мест комплектования одного полка. Значительные территории страны были освобождены от кантонной системы, с тем чтобы не подрывать основ

¹ Прокофьев А.Ю. Германия в конце XVI – XVII веке // Всемирная история. Т. 3. Мир в раннее Новое время / Институт всеобщей истории РАН. – М.: Наука, 2019. – С. 622–624.

² См.: Меринг Ф. Очерки по истории войн и военного искусства. 4-е изд. – М.: Военное издательство Народного комиссариата обороны Союза ССР, 1941. – С. 144–168.

³ Впервые эта система была введена Густавом II Адольфом в Швеции в 1620-е годы, будучи успешно внедрена и в России в ходе военной реформы Петра Великого в 1700–1708 гг. В Пруссии набору в основном подвергались наименее ценные с точки зрения уплаты налогов в казну и развития экономики слои населения. – Прим. авт.

экономических возможностей государства. Так, вступивший на престол Фридрих II (1740) освободил от кантональной службы часть западных (вестэльбских) провинций и крупнейшие города на востоке: Берлин, Потсдам, Бранденбург, Бреславль, Магдебург, Штеттин, а также целые сословия чиновников, нарождавшихся буржуа и наиболее искусных ремесленников¹. Соответственно, значительная часть кантонистов набирались в сельской местности ос-тэльбских и восточнопруссских владений Королевства, в историческом, экономическом и идеологическом отношении (учитывая влияние юнкеров-дворян) являвшихся «ядром» страны. При этом кантонисты в условиях мирного времени могли не находиться на военной службе круглогодично, часть времени занимаясь мирными хозяйственными занятиями. Это положение активно использовалось офицерами-юнкерами, набиравшими в качестве солдат своих крепостных (и забиравшими деньги за их содержание на протяжении большей части года себе). Соответственно, для приведения войск в полную боеготовность требовалось время (по аналогии с мобилизацией в позднейшие эпохи). Численность кантонообязанных составляла примерно 1/3 в начале 1740-х годов² до почти 2/3 в отдельные завершающие моменты Семилетней войны³;

– комплектование другой части войск посредством вербовки наёмников – в первую очередь, в мелких и средних германских государствах западнее и юго-западнее Пруссии (в том числе в Ганновере, Вестфалии и Саксонии), владениях Речи Посполитой и даже австрийских Габсбургов. Кроме того, поиск наёмников осуществлялся и на освобожденных от кантональной системы прусских территориях⁴. Также в качестве наёмников активно использовались захваченные военнопленные (особенно германоязычные – как из малых и средних немецких государств, так и из владений австрий-

¹ Меринг Ф. Очерки по истории войн и военного искусства. 4-е изд. – М.: Военное издательство Народного комиссариата обороны Союза СССР, 1941. – С. 244–245.

² Свечин А.А. Эволюция военного искусства. Том 1. Глава X. Фридрих Великий // Военная литература. Режим доступа: <http://militera.lib.ru/science/svechin2a/10.html> (дата обращения: 20.08.2021).

³ Маркин М.И. История конницы от Фридриха Великого до Александра Суворова. – М.: Кучково поле, 2009. – С. 59.

⁴ Меринг Ф. Очерки по истории войн и военного искусства. 4-е изд. – М.: Военное издательство Народного комиссариата обороны Союза СССР, 1941. – С. 244–245.

ских Габсбургов). В отличие от кантонистов, солдаты-наёмники несли военную службу круглогодично, будучи строго наказываемы (вплоть до смертной казни) за малейшие проступки и особенно попытки дезертирства¹.

Параллельно с этим шло создание собственных оборонных производств (из числа как государственных, так и частных мануфактур), а также открытие государственных конных заводов. С точки зрения формирования системы военного управления значимы были постоянное реальное участие монарха в управлении «военной машиной», а также подбор весьма компетентных (и часто неродовитых) лиц для руководства ею совместно с королем, т.е. возник неофициальный совет из военачальников, обсуждавших широкий круг вопросов развития армии.

Реализация этих мер позволяла Пруссии накапливать мощный потенциал ещё в мирное время. Однако, учитывая ограниченные ресурсные возможности Пруссии по сравнению с другими ведущими игроками в Европе (особенно с точки зрения объёмов людских ресурсов), существенное увеличение войск страны уже в ходе боевых действий (особенно в случае их затягивания) становилось весьма проблематичным. Соответственно, динамично развивавшаяся к середине XVIII в. прусская военная стратегия своей целью имела подготовку и проведение максимально быстротечных наступательных (агрессивных по природе) войн. Это выражалось в первую очередь в поиске форм тактического² искусства, которые бы позволили быстро разбивать группировки войск неприятеля – прежде всего, посредством создания угрозы окружения. Для этого Фридрих II использовал свой знаменитый приём – «косую атаку», которая теоретически позволяла быстро выводить из строя большие массы войск противника, заставляя его искать мира или перемирия.

¹ Свечин А.А. Эволюция военного искусства. Том 1. Глава X. Фридрих Великий // Военная литература. Режим доступа: <http://militera.lib.ru/science/svechin2a/10.html> (дата обращения: 20.08.2021).

² Для западной, в том числе германо-прусской, военной мысли характерно наличие лишь двух уровней в военном искусстве: тактического и стратегического, т.е. отсутствия оперативного, что оказывает существенное влияние на широкий спектр вопросов развития военной мысли. – *Прим. авт.*

1.2. «Механика» «косой атаки» и её роль как предтечи кессельшлахта

Необходимо подчеркнуть, что в 1740–1750-е годы целеполаганием осуществляемых преобразований армии в целом и особенно считавшихся основными родов войск – пехоты и конницы – была максимальная «заточенность» на осуществление «косой атаки». Поэтому для понимания динамики и промежуточных результатов процесса военного строительства в Пруссии при Фридрихе II следует подробнее остановиться на сущности данного тактического приёма построения и применения масс войск.

Уже в ходе Силезских войн (1741–1742 и 1744–1745) прусское командование стало вырабатывать основы «механики» «косой атаки». Её схема представляла собой соединение следующих элементов:

– возможность поворота на 90^0 или на даже 180^0 , с тем чтобы сразу ввести максимум своих сил против одного из флангов противника и тем (даже при общем неблагоприятном соотношении сил) быстро сокрушить его. Затем следовало обращение войск против остальных неприятельских сил, причем по возможности с тыла. Большинство европейских армий – кроме самой прусской, что показала битва при Мольвице (1741) и российской, что продемонстрировало сражение при Цорндорфе (1758)¹ – крайне болезненно реагировали на возможность вести сражение «перевернутым» фронтом, т.е. ситуации, когда вторая линия оказывалась первой, а обоз и резерв вынуждены были составлять авангард;

– концентрация подавляющего большинства конницы на одном фланге (а не распределение поровну между обоими) для максимального массирования сил на направлении главного удара. При этом обычно первой фазой сражения выступала имитация атак (или их осуществление) более слабым кавалерийским флангом с целью отвлечения внимания и сковывания сил противника;

– таранное рассечение обороны противника (на одном фланге или, намного реже, – в центре), с тем чтобы подобно «расстегивающейся молнии»² войти в глубину расположения сил противника,

¹ Шефов Н.А. Самые знаменитые войны и битвы России. – М.: Вече, 1999. – С. 218.

² Friedrich der Große. Schiefe Schlachtordnung. 25.08.2013. // Focus. Mode of access: https://www.focus.de/wissen/mensch/geschichte/der-koenig-als-feldherr-friedrich-der-grosse_id_1959169.html (date of access: 20.08.2021).

получая возможность атаковать расположенные в центре пехоту и на другом фланге конницу (уже с тыла);

– выполнение пехотой, построенной в две линии, функций лобовых атак как сковывающего, так и особенно прорывного (особенно в случае обрушения флангов под действием прусской конницы) характера;

– максимальное удлинение строя пехотных батальонов (что, соответственно, вело к увеличению протяженности всего фронта прусских войск) для обеспечения занятия конницей охватывающего положения еще до начала сражения;

– стремление к сохранению данного охватывающего положения в отношении противника на протяжении всего сражения.

В случае с пехотой это вело к тому, что количество батальонов в первой линии превышало, причем подчас значительно, их количество во второй линии. Кроме того, существовала практика размещения позади менее хорошо укомплектованных батальонов (особенно потрепанных в предыдущих боях и понесших потери дезертирами)¹.

С точки зрения концентрации ударной мощи в первой линии (как сил пехоты, так и кирасир, до Семилетней войны считавшихся наиболее уважаемым видом конницы) построение прусской армии тесно перекликалось со «свиньей», используемой рыцарями – в первую очередь, ливонскими в XIII в. на пике первого в истории «Drang nach Osten». Прежде всего, это объяснялось общим как пруссаков (не сумевших в XVIII в. осуществить свой «Drang nach Osten» на Речь Посполитую, а затем, при благоприятном развитии событий, и на Российскую империю), так и крестоносцев стремлением достигнуть максимально быстрой победы как в ходе конкретного сражения, так и военной кампании в целом. Иными словами, обе рассмотренные стороны исповедовали концепцию «молниеносной войны» (*nem. Blitzkrieg*). И крестоносцы в Прибалтике, и Пруссия XVIII в. обладали уже отлаженной в условно мирное время «военной машиной» с первоклассными войсками в первой линии. Однако восполнение потерь, особенно в случае затягивания боевых действий, представлялось достаточно проблематичной задачей. Прежде всего, это объяснялось большим временным отрезком и трудозатратами, необходимыми на подготовку

¹ Свечин А.А. Эволюция военного искусства. Том 1. Глава X. Фридрих Великий // Военная литература. Режим доступа: <http://militera.lib.ru/science/svechin2a/10.html> (дата обращения: 20.08.2021).

каждого вновь набираемого бойца, особенно в тех имевших жёсткую внутреннюю логику построениях, которые применяли как крестоносцы в Прибалтике, так и позднее уже прусская армия. В условно мирное время войска имели возможность тщательно отрабатывать взаимодействие: каждый солдат и унтер-офицер (как и ранее рыцарь и его оруженосец) хорошо знал свое неизменное место в боевом порядке, наладив взаимодействие с бойцами-соседями. В военное время вновь прибывшим пополнениям было крайне сложно быстро научиться действовать как опытным воинам. Особенность данной характеристики относилась к насилию завербованым (в случае крестоносцев – представителям прибалтийских племен, служивших в основном в пехоте; в случае пруссаков – наёмникам, особенно из числа пленных другой стороны). Таким образом, для пруссаков (и крестоносцев) продолжительность активных боевых действий и способность сохранять высокий уровень боеспособности армии оказывались в *прямо противоположной* зависимости. Также примечательно, что как для крестоносцев, так и пруссаков было характерно выделение слабого резерва. Представляется, что это объяснялось не только стремлением максимально нарастить силу удара, но и уверенностью, подчас чрезмерной, в исходе сражения в свою пользу.

Однако в построении крестоносцев («свиньей») и прусских войск существовали и глубокие, в том числе видимые невооружённым взглядом, отличия. Во-первых, если крестоносцы в Прибалтике стремились максимально сузить острие удара (в первом ряду ехали лишь 2 (!) рыцаря¹), тем самым предельно углубляя видимые в сражения боевые порядки, то пруссаки, наоборот, постоянно стремились к расширению своего фронта. Прежде всего, это отличие объяснялось тем, что рыцари Ордена не стремились к окружению противника как таковому, а считали, что прорыв фронта и последующее ослабление флангов достаточны для одержания уверенной победы, ибо в этой ситуации обычно противник начинал бежать. Этот тактический просчет в полной мере проявился во время Ледового побоища (1242), когда фланги русских войск, состоявшие из отборной конницы (в основном конных великоокняжеских дружин), смогли окружить потерявшую свой по-

¹ Шефов Н.А. Самые знаменитые войны и битвы России. – М.: Вече, 1999. – С. 45–46.

рядок «свинью»¹. Напротив, пруссаки стремились к окружению (высшей форме тактического искусства) или как минимум полуокружению сил противника.

Во-вторых, в прусских войсках пехота играла несопоставимо большую роль (и имела совершенно иной удельный вес в составе войск в целом), чем у крестоносцев. Это объяснялось резко возросшими боевыми возможностями благодаря широкому комплексу причин: поражающему эффекту огнестрельного оружия, высокой обученности регулярных войск на фоне того факта, что всё же не менее трети пехотинцев являлись прусскими подданными по рождению, а не набираемыми из числа покоренных прибалтийских племен. Кроме того, содержание одного пехотинца (с учетом выполняемой им боевой нагрузки) было существенно меньше, чем у кавалериста.

Как уже отмечалось, целью прусских войск при осуществлении «косой атаки» являлось окружение, а чаще полуокружение противника. В этой связи возникает логичный вопрос: можно ли «косую атаку» рассматривать в качестве предтечи кессельшахта, т.е. основной тактики по окружению противника, используемой вермахтом в годы Второй мировой войны?

С точки зрения автора, ответ на данный вопрос является положительным. Обе тактические схемы близки по своей сути: это расположение многочисленных, обладавших достаточно высокой огневой мощью пехотных частей (и соединений) в центре для сковывания противника и уничтожения уже после достижения прорыва. А для осуществления последнего использовались имевшие эшелонированное построение мобильные войска. Разумеется, в отличие от танковых дивизий нацистской Германии коннице Фридриха II не оказывалась огневая поддержка с воздуха – роль сопровождения войск выполняла лишь полевая артиллерия. Кроме того, формально в составе подвижных войск Фридриха II не имелось постоянно находящихся в боевых порядках пехотных подразделений. Причины этого состояли не только в том, что отсутствовали средства передвижения пехоты в XVIII в. (телеги в качестве таковых подходили на стадиях либо преследования уже разбитого противника, либо быстрой переброски к месту сражения, что показала

¹ Кирпичников А.Н. Ледовое побоище 1242 г.: Новое осмысление // Вопросы истории. – 1994. № 5. – С. 162–166.

битва при Лесной (1708) российской армии¹). Важно было и то, что глубина прорыва в XVIII в. была только тактической (лишь несколько километров), а не стратегической. Не меньшее значение имела и временная продолжительность сражения: несколько часов, а не дней и тем более недель, как это было в XX в. Соответственно, в случае с вермахтом подвижным войскам остро требовалась поддержка пехоты для разгрома подходивших из глубин резервов противника и закрепления вновь занятых населенных пунктов.

Однако на деле и конница Фридриха Великого получала поддержку от инfanterии. Так, обычной практикой при осуществлении «косой атаки» являлось расположение grenader на крайних флангах линии мушкетеров и фузилёров. Тем самым они, обладая повышенной огневой мощью (в том числе с учетом того, что в их расположении часто размещалась тяжёлая артиллерия), не только оказывали существенную помощь основной массе пехоты, но и коннице, являясь, по сути, связующим звеном между центром боевого построения прусских войск (обычно состоял из пехотных полков) и его флангами (регименты кавалерии)². Оказывая помощь прусской коннице, grenадёры могли соучаствовать в разгроме отдельных не обращенных в бегство кавалерийских подразделений противника (на уровне эскадрон и выше). Вместе с тем, не следует и преувеличивать масштаб тех пехотных подразделений, которые непосредственно поддерживали конницу.

В процессе окружения противника пехота играла роль «молота», наносившего удары по ретировавшемуся противнику и должна была входить в соприкосновение с конницей. Нехватка уже в составе подвижных войск пехоты часто приводила к тому, что маневренные ударные группировки не превращались реально в «наковальню», сдерживая отступление масс противника. С точки зрения автора, эти тактические недостатки в первую очередь обусловливали тот факт, что прусской армии неоднократно удавалось громить противника, захватывая большие массы пленных (от 5 до 10 тыс.), но ни разу не получилось на деле полностью окружить

¹ Русский военно-исторический словарь / А. Краснов, В. Дайнес. – М.: Олма-Пресс, 2002. – С. 277, 328–329.

² Свечин А.А. Эволюция военного искусства. Том 1. Глава X. Фридрих Великий // Военная литература. Режим доступа: <http://militera.lib.ru/science/svechin2a/10.html> (дата обращения: 20.08.2021).

группировку противника, как это многократно происходило при осуществлении кессельшлахта вермахтом.

Другая причина этого состояла в ещё одном значимом тактическом отличии «косой атаки» от кессельшлахта: в классическом виде (и в подавляющем большинстве случаев на практике) он представлял собой схему «симметричных канн», т.е. одновременного ввода в сражение и параллельно продвижения на флангах двух примерно равных по возможностям мобильных ударных группировок. Напротив, «косая атака» являла собой пример «асимметричных канн», когда мощные манёвренные силы разместились лишь на одном из крыльев боевого построения, а второе крыло обычно включалось в сражение де-факто с большим запозданием (до этого лишь имитируя атаки) и весьма ограниченными силами. Чем это обусловлено? Прежде всего тем, что в большинстве сражений прусские войска не имели преимущества над противником – более того, в ходе сражений Семилетней войны (например, при Росбахе или Лейтене в кампанию 1757 г.) противники Пруссии (особенно Франция и Австрия) выставляли на поле сражения армии по численности вдвое и втрой (и даже более) сильнее, чем прусская¹. Безусловно, прусские войска обладали определенным тактическим превосходством, однако оно не компенсировало столь значительного преимущества в людях (а часто и пушках). При этом реально конницы (в лучшем случае 80–110 эскадронов, что имели порядка 7–10 тыс. всадников) хватало для взлома обороны противника лишь на одном фланге, но не на двух сразу².

Наконец, как уже отмечалось, сложность полного окружения (и тем более расчленения) войск противника объяснялась временным фактором. Подавляющее большинство сражений длилось один световой день – в отличие от операций вермахта, затративших на окружение до 7–10 дней, за такой короткий временной отрезок решить столь сложную тактическую задачу представлялось крайне сложным. Показательно в этой связи, что Фридрих Второй требовал от конницы – в первую очередь, гусар – вести преследование противника по возможности и ночью³. Однако это положение соблюдалось далеко не всегда; кроме того, 10–20 эскадронов (т.е. в реальности 1,5–2 тыс. всадников), выделявшихся для преследова-

¹ Маркин М.И. История конницы от Фридриха Великого до Александра Суворова. – М.: Кучково поле, 2009. – С. 77–91.

² Там же.

³ Там же, с. 30.

ния, было недостаточно для довершения разгрома неприятельской армии, сколь бы слаба она ни была.

В целом представленные положения подтверждают гипотезу о том, что «косая атака» являлась предтечей кессельшахта.

1.3. Периодизация и направленность военной реформы Фридриха II

Фридрих II практически сразу же по вступлении на престол развязал боевые действия – началась Первая Силезская война (1741–1742). Соответственно, в ходе нее прусская армия в плане структуры представляла собой «военную машину», созданную ещё предшественниками Фридриха II. Как уже писалось во Введении, в условиях интенсивных боевых действий и значительных потерь осуществлять полноценно преобразования армии не представляется возможным. К этому Фридрих II приступил только в перерыве между двумя Силезскими войнами (1741–1742; 1744–1745), т.е. в 1742–1744 гг. и особенно в десятилетие 1745–1755 гг., разделявшее два указанных конфликта и Семилетнюю войну. После нее вносимые в систему комплектования, внутреннего построения, развития и использования прусских войск не столь существенны, чтобы быть рассматриваемы как часть глубоких преобразований. Соответственно, именно указанные отрезки 1742–1744 гг. и особенно 1745–1755 гг. следует рассматривать в качестве временного промежутка основного и завершающего этапов военной реформы Фридриха II.

Однако отсутствие принципиальных изменений в организации войск в ходе Первой Силезской войны отнюдь не означало появления новых тактических приемов – напротив, большинство из них вводилось в военную практику и теорию именно в период боевых действий. Так, именно в 1741 г. была *впервые* апробирована на практике «косая атака»: она была осуществлена в сражении при Мольвице (10 апреля 1741 г.), причем эта тактическая форма возникла во многом стихийно. В условиях бегства с поля боя прусской конницы (и отъезда самого короля) в успешное противоборство с австрийскими войсками вступила прусская пехота. Её вторая линия повернулась к коннице противника, умело отбив атаку, в то время как первая интенсивным огнем заставила отступить австрийскую пехоту. Инfanteria Фридриха II, вымуштрованная ещё в правление его отца, принца Леопольда Дессауского, дока-

зала свою роль «ядра» боевых порядков. Огибая правым флангом боевые порядки австрийцев, в большинстве своём перемешавшихся и потерявших своё место в строю, прусская пехота угрозой окружения заставила противника отступить¹. Вместе с тем тот факт, что «кольца» в реальности не получилось, привел к примерно равным потерям сторон. Главная причина тому – слабость подготовки королевской конницы, в принципе не готовой в тот момент к осуществлению операций на охват сил противника.

В более зрелой форме «косая атака» была осуществлена пруссаками в сражении при Хотузице (близ Часлау) 17 мая 1742 г.: их правый фланг, на котором была сосредоточена большая часть конницы, стал полуокружать австрийцев. Однако пруссаки совершили две грубые тактические ошибки: движения кавалерии правого фланга не были достаточно слаженными, т.е. она не использовалась массированно, а вводилась в бой поэскадронно. Ещё худшим недостатком оказалась неготовность левого фланга не только связать силы противника, но и в принципе отбить его наступление. Это привело к парадоксальной ситуации, когда пруссаки окружали австрийцев с одного фланга, а австрийцы пруссаков – с другого. Исход боя вновь решила прусская пехота: всего один (!) её батальон остановил наступление австрийцев, тем вновь продемонстрировав свою отличную боевую подготовку². Сражение при Хотузице и в целом кампании 1741 и 1742 гг. вновь продемонстрировали исключительную слабость прусской кавалерии – как на поле боя, так и особенно в деле защиты тыловых коммуникаций. В чём причина этого? Прежде всего, в предшествующем фокусировании прусского командования (в частности, при отце Фридриха II) на подготовке инfanтерии как по сути единственного ключевого рода войск.

Соответственно, на основном этапе военной реформы – уже в 1742–1744 гг. и тем более в 1745–1755 гг. – король обратил особое внимание именно на реорганизацию конницы. Так, уже в 1743 г. был принят кавалерийский устав. Вместе с тем, как уже отмечалось, начало Второй Силезской войны привело к тому, что начатые преобразования были окончательно завершены лишь по её окончании – с середины 1740-х годов по середину 1750-х. Проведению реформы

¹ Меринг Ф. Очерки по истории войн и военного искусства. 4-е изд. – М.: Военное издательство Народного комиссариата обороны Союза СССР, 1941. – С. 140.

² Маркин М.И. История конницы от Фридриха Великого до Александра Суворова. – М.: Кучково поле, 2009. – С. 21.

(в частности, реорганизации структуры и системы подготовки конницы) способствовал тот факт, что обе прошедшие войны за Силезию были короткими, а в ходе них не возникало существенной угрозы самим прусским владениям. Как осуществлялись преобразования по видам войск, начиная с кавалерии?

Конница. Основу прусской кавалерии к 1742 г. составляли 12 кирасирских и 6 драгунских полков; лёгкой конницы (притом необученной маневренным действиям) – гусар – было лишь 2 регимента (полка). В удельном отношении они составляли лишь около 7% (9 эскадронов из общего числа 144) от всей кавалерийской массы Королевства¹. К началу правления Фридриха Второго у него отсутствовали действительно хорошо подготовленные лёгкие войска (особенно конница), – в отличие от австрийцев, у которых она состояла в основном из кроатов и венгерских гусар или российских войск, имевших казаков. Это требовало от пруссаков выделять чрезмерные силы линейной пехоты и конницы для защиты ключевых объектов в тылу, а на вновь присоединенных территориях (в Силезии и особенно в Богемии) проводить, по сути, воинственные операции для добычи провианта, фуража и дров. Таким образом, выигрывая полевые сражения, пруссаки далеко не в полной мере могли использовать плоды побед, не контролируя в реальности значительную часть занятых территорий².

Это определило направленность мер по реорганизации кавалерии:

– выбор офицеров (Г.-Й. Цитен, Ф.-В. фон Зейдлиц), способных быстро переобучить конницу для правильного (манёвренного) использования последовательно на уровнях эскадрона, полка, а затем и сборной кавалерийской группы из нескольких региментов;

– превращение отдельных полков (изначально двух гусарских, в том числе лейб-гвардейского) в «платформы» для осуществления «пилотных проектов» по переобучению конницы. Примечательно, что состав этих региментов увеличивался вдвое и втрое (с 3 и 6 до 10 эскадронов), а особое внимание уделялось подготовке младших командиров, которые, переходя в другие полки,

¹ Рассчитано автором на основе: *Маркин М.И. История конницы от Фридриха Великого до Александра Суворова. – М.: Кучково поле, 2009. – С. 15.*

² Свечин А.А. Эволюция военного искусства. Том 1. Глава X. Фридрих Великий // Военная литература. Режим доступа: <http://militera.lib.ru/science/svechin2a/10.html> (дата обращения: 20.08.2021).

должны были стать ключевым элементом в перестройке системы использования всей прусской кавалерии.

Далее Фридрих II ввел ряд важных нововведений в построении и использовании конницы, существенно повысив суммарный потенциал её боевого применения в крупных полевых сражениях. Во-первых, в то время как традицией европейских армий было размещение конницы на флангах в примерно равном соотношении, Фридрих II стал концентрировать её на одном из направлений построения. Чаще всего таковым оказывался левый фланг, однако мог стать (в зависимости от особенностей местности) правый и даже центр. Это позволяло использовать конницу для осуществления прорыва и удара во фланг и тыл противнику – в том числе, по мас-сам его пехоты, что давало особо значимый эффект при взаимодействии со своей же инфanterией.

Фридрих II стал строить свою конницу в три линии полков (с интервалами между эскадронами), в чёткой зависимости от их видов. В первой стояли кирасиры (т.е. самая тяжёлая, прикрытая кирасами, конница), предназначенная для фронтального прорыва конницы противника. Во второй линии – драгуны, выполнявшие роль силы, довершавшей прорыв линии войск противника – в том числе, разгром его подходящих из глубины резервов (в случае наличия таковых). Наконец, совершенно особую роль играли гусары, т.е. та самая лёгкая конница, перестраивавшаяся из третьей линии в боковую колонну (параллельно с кирасирами и драгунами) и наносящая удар во фланг и тыл противника, т.е. окружавшая (полуокружавшая) его. Такое построение конницы (линий, чёткое и постоянное дифференцирование их состава и задач, наличие интервалов между подразделениями), по мнению автора, весьма напоминало схему выстраивания римских легионов. Так, кирасиры были близки по предназначению к гастатам, драгуны – принципам, а гусары – триариям. Как и римские легионы, конные сборные группы (по сути корпуса под личным управлением короля и его ближайших военных советников из числа кавалерийских генералов) были очень гибкими, способными к быстрым перемещениям. Не менее важно, с точки зрения автора, и иное: это построение конницы было использовано при определении схемы танковых частей вермахта во время отлаживания «механики» кессельшлакта в 1939–1941 гг.

Использование удара массы конницы во фронт (кирасирские и следовавшие за ними драгунские регименты) и особенно во фланг (гусарские полки), т.е. наступление лавой регулярной кавалерии,

создавало большой психологический эффект, неоднократно заставляя противника ретироваться ещё до вступления в бой¹. Кавалерийский устав (1743) подчеркивал необходимость проведения атаки галопом, что должно было шокировать неприятеля, лишая его возможности прицельно вести огонь и заставляя ретироваться обычно без непосредственного скрещивания сабель массами кавалерии².

Особо Фридрих II поощрял инициативу кавалерийских командиров (на уровне командира полка), призывая их смело атаковать противника с расстроеными боевыми порядками³. При этом, по сути, поддерживалась инициатива в бою всех кавалеристов, в том числе масс рядовых, особенно из числа гусар – им предписывалось максимально использовать холодное оружие (сабли у лёгкой конницы и палаши у тяжёлой), избегая ведения малоэффективного стрелкового огня на скаку (что существенно уменьшало точность обладавших и без того ограниченными тактико-техническими характеристиками гладкоствольных ружей, карабинов и пистолетов).

До начала 1740-х годов наиболее привилегированным видом конницы в прусской армии считались кирасиры, а наименее – гусары (комплектуемые, соответственно, наихудшими по составу контингентами новобранцев и переводимыми из других видов войск кавалеристами). Однако в реальности на поле боя возможности первых ограничивались в основном лишь прорывом фронта неприятельской конницы; в то время как вторые годились как для прорыва фронта, так и в особенности для охвата и преследования противника. Для изменения этого положения был реализован ряд мер. В гусарские полки из других родов конницы стали переводиться лучшие солдаты, унтер-офицеры и командиры. Та роль сил «довершающего удара», которую играли королевские гусары уже в ходе Второй войны за Силезию (1744–1745), также привлекала в их ряды командиров (в том числе младших), наиболее подготовленных к ведению манёвренной войны. В целом в 1740-е – начале 1750-х годов резко возрос удельный вес гусаров в составе прусской конницы, что обеспечивалось увеличением числа эскадронов в имеющихся полках и формированием новых (см.: табл. 1.1.).

¹ Свечин А.А. Эволюция военного искусства. Том 1. Глава X. Фридрих Великий // Военная литература. Режим доступа: <http://militera.lib.ru/science/svechin2a/10.html> (дата обращения: 20.08.2021).

² Там же.

³ Маркин М.И. История конницы от Фридриха Великого до Александра Суворова. – М.: Кучково поле, 2009. – С. 29–30.

Таблица 1.1.

**Изменение полкового состава прусской конницы
к началу Семилетней войны¹**

Вид полков	Кирасиры	Драгуны	Гусары	Всего
1740 г.	12	6	2	20
1757 г.	13	10	8	31

При этом стал существенно различаться состав каждого полка в зависимости от вида конницы. Так, если кирасиры имели по штату в одном регименте пять эскадронов (742 всадника), то гусары – десять эскадронов (1132 всадника, хотя каждый эскадрон по штату был несколько меньшей численности: 113 против 148 кавалеристов). Притом каждый гусарский регимент имел в своем составе по два полуполка (батальона), которые, особенно при охвате и преследовании, могли действовать самостоятельно. Драгунские полки имели как пяти-, так и десятиэскадронный состав² (последний в основном имели старые, т.е. сформированные до 1740 г., полки, а более сокращенный – вновь созданные части).

Соответственно, в численном отношении доля гусаров в составе прусской конницы возросла с 6–7% начале Силезских войн до 30–40% к началу Семилетней войны, что существенно повысило реальную манёвренность на поле боя кавалерии и войск в целом, эффективность её использования в рамках «косой атаки». Вновь следует подчеркнуть, что особую роль играли гусарские полки, которые располагалась не только позади, но и на крайних флангах, часто самостоятельно выбирая момент для осуществления решающей атаки противника. Примечательно также, что в кавалерийский резерв, использовавшийся для усиления одного из крыльев (обычно ударного), традиционно прусское командование выделяло именно гусарские эскадроны (один – полтора полка, т.е. два – три батальона).

Необходимо подчеркнуть, что общей подготовкой гусаров руководил Г.-Й. Цитен, а кирасиров – Ф.-В. фон Зейдлиц. В основе подготовки первых лежал совершенно верный тезис о том, что даже один неполный эскадрон в тылу противника наносит существенно больший урон неприятелю, чем несколько (порой даже 10–15)

¹ Составлено автором на основе: *Маркин М.И. История конницы от Фридриха Великого до Александра Суворова*. – М.: Кучково поле, 2009. – С. 15, 27.

² *Маркин М.И. История конницы от Фридриха Великого до Александра Суворова*. – М.: Кучково поле, 2009. – С. 27.

эскадронов перед фронтом. Гусарская тактика и даже обмундирование у пруссаков – кривые сабли, меховые шапки и венгерки (и доломан) – образцом своим имели гусарские же части (в основном из мадьяров) австрийской армии. В связи с этим возникает вопрос: насколько прусская лёгкая конница была на практике пригодна для рейдовых операций, осуществляемых кроатами и гусарами в составе австрийской и казаками в российской армиях? Несмотря на процесс реорганизации, гусарские полки в основном использовались на полях крупных полевых сражений, а не для проведения рейдовых операций и мелких стычек в своих тылах и тылах противника. Притом именно из гусар преимущественно состоял авангард прусской армии, ответственный за рекогносцировку и определение предварительного направления главного удара (принятие окончательного решения с учётом особенностей местности и расположения сил противника оставалось за королем). Одним из первых рейдовых соединений стал корпус Ф. Платена, созданный в период осады российскими войсками крепости Кольберг (1761) для ударов по коммуникациям последних. Однако этот корпус в реальности включал в себя и значительные силы пехоты, чем серьёзно сократил свою манёвренность. В целом результаты его деятельности оказались более чем ограниченными – в первую очередь, благодаря контрмерам (созданию профильного действительно «лёгкого» корпуса К. Берга для ударов по войскам самого Ф. Платена) со стороны российского командования¹.

В процессе обучения кирасирских полков Ф.-В. фон Зейдлицем главным навыком, которым должны были обладать командиры их полков, был выбор правильного момента для атаки, когда противник мог в минимальной степени поддержать свои фланговые части (в основном кавалерийские) огнём пехоты и артиллерии. Притом сам Ф.-В. Зейдлиц, как, в частности, в сражении с российскими войсками при Цорндорфе (1758), проявлял, несмотря на давление короля (в виде посыпаемых приказов), разумную осторожность, усиливая правильным выбором момента эффект от атаки кирасиров как «острия удара»².

В отличие от гусаров и кирасир, драгуны не имели особого командующего, ответственного непосредственно за их подготовку

¹ См.: Атлас офицера. – М.: Военно-топографическое управление, 1974. – С. 212.

² Свечин А.А. Эволюция военного искусства. Том 1. Глава X. Фридрих Великий // Военная литература. Режим доступа: <http://militera.lib.ru/science/svechin2a/10.html> (дата обращения: 20.08.2021).

как вида конницы, что в определенной мере ослабляло их боевые возможности на поле сражения. Драгуны обычно использовались для поддержки: либо кирасиров в деле прорыва фронта (особенно полки в 5 эскадронов), так и гусаров в процессе охвата и преследования противника (в первую очередь регименты 10-эскадронного состава).

Важнейшим нововведением в деле подготовки прусской конницы на основном и завершающем этапах военной реформы стало её *преимущественное (подавляющего большинства личного состава) укомплектование прусскими подданными*, притом по возможности из обеспеченных семей. Более того, отцы и в целом семейства отвечали по закону в случае дезертирства их сыновей (членов семей) с поля боя¹. При этом особенно жёсткие требования предъявлялись именно к вновь набираемым в гусарские полки. Преданность родине и лично фигуре монарха отличали прусскую конницу, особенно к началу Семилетней войны. Это выступало первым серьёзным отличием от пехоты, которая с конца 1740-х годов стала комплектоваться часто по остаточному принципу, притом доля наёмников в ней (за счет их практически полного исчезновения из конницы) существенно увеличилась.

Отчасти это компенсировалось проведением в мирное время масштабных и постоянных учений с участием всех основных видов войск, в том числе всех родов конницы. «Отлаживание» манёвренных кавалерийских групп в ходе тренировок было новшеством Фридриха II, существенно повышавшим боевые возможности его конницы, особенно на начальной стадии такого затяжного военного конфликта, как Семилетняя война. Вторым серьёзным фактором разницы между конницей и пехотой было то, что первая имела «большие» полки (особенно гусаров и вновь сформированные драгунские) численностью 0,8–1,3 тыс. сабель, в то время как пехота состояла из региментов относительно небольшой численности. В среднем они имели также до 0,9–1,3 тыс. человек². Однако, учитывая несоизмеримую традиционную сложность снаряжения, обучения (в первую очередь лошадей, т.е. животных) и боевую ценность на поле, это делало весьма различными возмож-

¹ Свечин А.А. Эволюция военного искусства. Том 1. Глава X. Фридрих Великий // Военная литература. Режим доступа: <http://militera.lib.ru/science/svechin2a/10.html> (дата обращения: 20.08.2021).

² Маркин М.И. История конницы от Фридриха Великого до Александра Суворова. – М.: Кучково поле, 2009. – С. 59.

ности одного отдельно взятого хорошо обученного кавалерийского и пехотного полков в пользу первого. Ещё одним отличием в подготовке пехоты и конницы являлся тот факт, что в коннице (в отличие от пехоты) солдаты-кантонисты находились в расположении части круглогодично, отрабатывая поэтапно навыки езды: индивидуально, в составе взвода, эскадрона и полка.

Наконец, четвёртым серьёзным различием являлись характер подготовки и дисциплинарные взыскания в коннице и пехоте. Прусского кавалериста готовили к действиям в бою не только и не столько в строю, но и индивидуальном качестве: к рубке и преследованию противника, притом даже в той ситуации, когда рядом мог отсутствовать командир. Напротив, прусского пехотинца (особенно из числа наёмников) учили постоянному нахождению исключительно в линии, даже во время штыковой атаки. При этом офицеры (и особенно унтер-офицеры) в инfanterии выполняли, по сути, и полицейские функции, осуществляя постоянное наблюдение за рядовым составом. Примечательно, что не только в военное, но и в мирное время лагеря пехоты охранялись разъездами конницы. Последней, в отличие от инfanterии, неофициально разрешалось грабить неприятельские обозы. Кроме того, пехота в весьма небольших количествах употреблялась для преследования разгромленного неприятеля. Данные факты вкупе с уже представленным строгим стремлением сохранением сохранить пехоту в линейках боевых порядках (даже во время атаки) на фоне разрешения конникам действовать в личном качестве объяснялись не только и не столько меньшей манёвренностью пехоты, но и опасениями (вполне справедливыми) массового дезертирства солдат-наёмников. Так, после поражения от российских войск под Кунерсдорфом (1759) 48-тысячная прусская армия потеряла 19 тыс. убитыми, ранеными и пленными¹. Однако из оставшихся формально 29 тыс. реально лишь 3 тыс. (!) оставались непосредственно с королем (причём преимущественно из кавалерийских частей), остальные же по большей части разбежались, покинув свои части. Соответственно, лишь в строго выверенных линейных боевых порядках, где офицеры и унтер-офицеры поддерживали дисциплину, наёмники были способны эффективно вести боевые действия. Именно по этой причине существенно отличались и наказания в коннице и пехоте за дисциплинарные проступки, особенно не-

¹ Рассчитано автором на основе: Атлас офицера. – М.: Военно-топографическое управление, 1974. – С. 212.

большие: если в кавалерии они применялись реже (почти отсутствуя в отборных гусарских полках), то в пехоте, напротив, они были более чем жёсткими: от наказания фухтелями и шпицрутенами вплоть до смертной казни¹. Представленные существенные различия показывают, что именно коннице при проведении военной реформы, а также и по ее завершении в прусских войсках отводилась роль *основной ударной силы*. Реформа Фридриха II стала одним из факторов наступления «золотого века» кавалерии не только в Пруссии, но и Европе в целом.

Показательно в этой связи и возрастание удельного веса прусской конницы. К 1757 г. из 150-тысячной прусской армии (включая артиллерию, инженерный корпус, гарнизонные войска) почти 38 тыс. (или около 30%) составляла конница². В ходе полевых сражений (принимая во внимание, что в гарнизонах и на вспомогательных направлениях использовались в основном части пехоты и конницы) этот показатель мог оказываться выше – до 40%. В большинстве европейских армий (особенно французской и австрийской) удельный вес конницы составлял от 15 до 20%³, что делало, вкупе с особенностями тактической подготовки, прусскую армию несравненно манёвреннее, а значит, и более пригодной для осуществления охватов.

Пехота. До начала 1740-х годов её полки не только были лучше укомплектованы личным составом, но и являлись первоочередными объектами для внедрения технических новинок. Так, в отличие от других западноевропейских армий (в частности, австрийской) прусская использовала для заряжания кремниевых ружей железные, а не деревянные шомпола. Вкупе с экипировкой инфanterии в «обливные» мундиры и использованием бумажных патронов это существенно ускорило процесс заряжания ружей и позволило прусским солдатам производить шесть выстрелов в минуту (и готовить седьмой) – против трёх-четырёх в других европейских

¹ Свечин А.А. Эволюция военного искусства. Том 1. Глава X. Фридрих Великий // Военная литература. Режим доступа: <http://militera.lib.ru/science/svechin2a/10.html> (дата обращения: 20.08.2021).

² Рассчитано автором на основе: Атлас офицера. – М.: Военно-топографическое управление, 1974. – С. 212.; Маркин М.И. История конницы от Фридриха Великого до Александра Суворова. – М.: Кучково поле, 2009. – С. 55.

³ См.: История войн. Иллюстрированный атлас военной истории с древнейших времен до XXI века. – М.: АСТ, Астрель, 2004. – С. 92–96.

армиях¹. Это давало возможность прусской армии наносить противнику несколько больший реальный урон. Впрочем, не следует реально преувеличивать его масштаба, принимая во внимание факты ведения стрельбы без прицеливания и её точности в пределах 60–80 м.

В данной связи гораздо большее значение имели психологические преимущества: наступавшие казались непреодолимым катящимся валом, заставляя противника бежать. По мнению самого Фридриха II, сосредоточенность пехотинцев на более частой стрельбе (особенно в случае с завербованными иноземными наёмниками) снижала страх солдат перед противником, находящимся часто в укрытиях. Эффект «психической атаки» обеспечивался в не меньшей степени благодаря обученности прусской пехоты мертвому шагу, внедренному ещё Леопольдом Дессауским в 1730-е годы². Притом сама стрельба, рассматриваемая пехотинцами как защитное средство, стала останавливать солдат в их движении вперед: видя интенсивный ружейный (и часто становившийся беспорядочным) огонь, массы рядовых часто продолжали пребывать фактически на месте, что многократно отмечал Мориц Саксонский. Это привело к временному отказу от ведения интенсивной стрельбы (в сражениях с имперцами под Прагой и Колином 1757 г., которые сопровождались большими потерями инfanterии, а во втором случае – и поражением) и вновь возвращению к ней уже в разгар Семилетней войны, но всё же уже в меньших объемах, чем это было в ходе Силезских войн³.

Важное внимание уделялось штыковой атаке, которая вкупе с предварительными огневыми мерами по расстройству стройности рядов противника (и даже без них) должна была обеспечить его разгром. Притом, как ни парадоксально на первый взгляд, пехотинцы не предназначались для рукопашной схватки: уже сам вид их, бегущих с ружьями со штыками наперевес, должен был заставить неприятеля ретироваться уже вследствие психологического эффекта⁴. Здесь психологический эффект ставился исключительно

¹ История войн. Иллюстрированный атлас военной истории с древнейших времен до XXI века. – М.: АСТ, Астрель, 2004. – С. 94.

² Маркин М.И. История конницы от Фридриха Великого до Александра Суворова. – М.: Кучково поле, 2009. – С. 59.

³ Свечин А.А. Эволюция военного искусства. Том 1. Глава X. Фридрих Великий // Военная литература. Режим доступа: <http://militera.lib.ru/science/svechin2a/10.html> (дата обращения: 20.08.2021).

⁴ Там же.

высоко – как и в наступлении масс конницы галопом с палашами и саблями наперевес: противник должен был быть побежден ещё до вступления в непосредственное физическое соприкосновение с наступавшими батальонами и эскадронами короля.

Действительно, прусская пехота, комплектуемая в значительной степени наёмниками, не была готова к рукопашной. И если в случае австрийской и французской армий атака со штыками наперевес чаще всего действительно обращала противника в бегство ещё до полноценного боевого соприкосновения войск, то в случае с российской армией, рядовой состав которой комплектовался исключительно по национальному признаку (наёмники отсутствовали в принципе), эта тактика оказалась провальной, что показали сражения при Цорндорфе (1758) и особенно Кунерсдорфе (1759)¹.

Как и до его правления, пехота в эпоху Фридриха II выстраивалась в две линии (притом вторая обычно была слабее). Нововведением стало размещение батальонов в 50 м один от другого уступом, что и позволяло осуществлять силами инfanterии «косую атаку», наращивая давление на выбранный к разгрому участок построения войск противника².

Прусская пехота действовала только в плотных боевых порядках, т.е. могла развернуться и применить свою мощь лишь на равнине³. Ключевая причина тому – низкие моральные качества инfanterии, набираемой в значительной степени из наёмников и дезертиров: даже временное нарушение строя на пересеченной местности создавало условия для массового бегства из частей. Это приводило к необходимости обходить гористые районы и даже просто сильно пересеченную местность, а также резко увеличивало риск распада масс пехоты после первого крупного поражения (что действительно произошло после сражения при Кунерсдорфе в 1759 г.).

В смысле внутренней организации пехоты Фридрих II не внес радикальных изменений. Пехотный полк прусской армии состоял обычно из 2 батальонов, каждый из которых имел по 5 мушкетёрских и фузилёрных (не имевших между собой серьезных различий)

¹ Дельбрюк Г. История военного искусства в рамках политической истории. – М.: Военное изд-во Наркомата обороны СССР, 1938. – С. 318–319.

² Свечин А.А. Эволюция военного искусства. Том 1. Глава X. Фридрих Великий // Военная литература. Режим доступа: <http://militera.lib.ru/science/svechin2a/10.html> (дата обращения: 20.08.2021).

³ Там же.

и одной гренадёрской рот. Последние, комплектуясь из отборных солдат, обычно использовались отдельно от других подразделений ригимента в ходе походов, часто сводясь в особые профильные батальоны. С учетом штатной численности роты в 150 солдат и офицеров пехотный полк должен был насчитывать 1,5 тыс. активных штыков¹. В реальности, как уже отмечалось, его численность в ходе боевых действий колебалась на уровне от 900 до 1300 солдат и офицеров².

На протяжении военной реформы средний уровень боевой подготовки пехоты существенно не вырос. Это объяснялось ростом удельного веса числа наёмников, не отличавшихся в основной своей массе высокими моральными качествами: причины тому лежали в общем увеличении числа пехотных полков, потерях опытных кадров в Силезских войнах, а также направлении лучших новобранцев из числа кантонистов прежде всего в конницу. Иными словами, в смысле качества людских ресурсов комплектование пехоты в период военной реформы осуществлялось скорее по остаточному принципу.

Как уже отмечалось, наследием Фридриха Вильгельма I в военной сфере стало закрепление за пехотой роли основы боевых порядков, опираясь на которые конница потенциально могла полукружить противника. Однако, начиная со Второй Силезской войны, пехота уже не играла роли ключевой ударной силы (которая перешла к кавалерии), т.е. *удельные* боевая ценность и вес инфanterии в составе войск уменьшились. Притом вновь следует отметить, что в абсолютном отношении количество пехотных частей возрастало как составляющая наращивания «военной машины» Пруссии в целом.

Артиллерию и инженерному корпусу на протяжении военной реформы отводилось существенно меньшее внимание, чем пехоте и коннице. Комплектование (особенно учитывая технический характер этого рода войск) осуществлялось во многом за счёт наёмников, но весьма боеспособных. Вместе с тем уже в ходе второй стадии военной реформы прусскую пехоту стала сопровождать полковая артиллерия – это нововведение, перенятое у российской армии (полковая артиллерия была учреждена Петром Великим в начале XVIII в.). На поле сражения это обеспечивало постоянную

¹ Маркин М.И. История конницы от Фридриха Великого до Александра Суворова. – М.: Кучково поле, 2009. – С. 58–59.

² Там же.

огневую поддержку пехоте – особенно её батальонам, расположенным в первой линии при их построении, равно как и при осуществлении атаки. Уже по завершении военной реформы полковой артиллерией стали оснащаться и конные полки, особенно кирасирские и гусарские. Так, в 1759 г. была создана первая конноартиллерийская батарея из десяти 6-фунтовых пушек. Отличие от пехотной артиллерией состояло в том, что обычно конная артиллерия действовала не в более узких интересах одного отдельного взятого полка, а сразу нескольких¹. Бурный рост конной артиллерии в 1759–1760 гг. стал составляющей общего увеличения мощи и значимости артиллерии на поле боя в рассматриваемый период. С точки зрения автора, это объяснялось огромными потерями опытных кадров пехоты и конницы, особенно в кампаниях 1757 и 1759 гг., и стремлением частично компенсировать это повышением огневой мощи войск. Ещё в ходе военной реформы полевая артиллерия на манёврах использовалась концентрированно, в виде больших батарей из средних и тяжелых пушек, включавших от 8 до 40–50 стволов. Обычно эти сводные артиллерийские группы (как, в частности, в сражениях при Лейтене (1757), Росбахе (1757) и Кунерсдорфе (1759)) использовались в интересах ударной кавалерийской группы, а затем всё более переключались на поддержку пехоты².

Рассматривая проводимую военную реформу, уместно задаться вопросом: почему пруссаки активно не использовали дивизионную систему организации войск, перейдя к ней лишь при «позднем» Фридрихе II? При численности главных сил армии от 30 до 70 тыс. человек (в подавляющем большинстве случаев – до 50 тыс.) прусское командование не нуждалось остро в промежуточном уровне управления войсками между полками и бригадами и общим командованием. В случае с конницей обычно де-факто создавались два управления манёвренными группами: ударной (обычно её возглавляли либо Г.-Й. Цитен, либо Ф.-В. Зейдлиц) и вспомогательной. Управление пехотой осуществлялось по линиям (первой и второй); иногда отдельные командования создавалось для руководства гренадёрами и артиллерией. В российской, французской и особенно австрийской армиях пехотные дивизии включали в себя не только части инфanterии (фузилёрные полки и гренадерские полки и отдельные роты), но также дивизионную

¹ См.: *Маркин М.И. История конницы от Фридриха Великого до Александра Суворова.* – М.: Кучково поле, 2009. – С. 61.

² Атлас офицера. – М.: Военно-топографическое управление, 1974. – С. 212.

артиллерию и конницу (обычно лёгкую). Данная схема в период проведения военной реформы не отвечала интересам Пруссии. Во-первых, это противоречило принципам максимально массированного использования конницы (прежде всего, гусар). Во-вторых, введение дивизионного звена для пехоты, построенной в две линии (т.е. имеющие неглубокое горизонтальное, а не эшелонированное вертикальное положение), отнюдь не облегчало бы управление на поле боя. При этом на марше прусские войска (особенно с целью облегчить поиск провизии и фуражи) часто делились на колонны (включавшие часто и пехоту, и конницу), по своей численности примерно равные дивизиям. Однако эти образования, особенно до 1759–1760 гг., были временными, и перед началом сражения войска располагались строго по родам войск – обычно пехота в центре и конница на флангах (в отдельных случаях наоборот).

Распространение дивизионного звена на всю армию изменило бы процесс развертывания войск на поле сражения в принципе. Однако это противоречило бы главному положению военной реформы, осуществляемой Фридрихом Великим: максимальной унификации. Все командиры – и пехотные, и кавалерийские, и артиллерийские – готовились по единому военному учебнику¹. Для закрепления подготовленных в нем при активном участии самого короля положений проводились манёвры на уровне полков, бригад, родов войск и армии в целом. Они позволяли в условиях мирного времени отработать все сложные места «косой атаки», продемонстрировав в ходе многократных учений всем подразделениям и персонально каждому солдату, унтер-офицеру и офицеру его роль и место в предстоящих сражениях. Вкупе с осуществлением тренировочных маршей это позволило подготовить прусскую «военную машину» к ведению интенсивных боевых действий, что особенно отчётливо проявилось в кампанию 1757 г.

1.4. Завершение военной реформы и проверка её эффективности

Прусским войскам, особенно в Семилетней войне (1756–1763), приходилось воевать сразу на нескольких стратегических направлениях. Роль ударной силы играла армия (как войсковое

¹ История войн. Иллюстрированный атлас военной истории с древнейших времен до XXI века. – М.: АСТ, Астрель, 2004. – С. 96.

объединение), возглавляемая лично королем и перемещавшаяся по необходимости с одного участка боевых действий на другой. Соответственно, эта группировка предельно усиливалась войсками, особенно конницей.

Традицией, перенятой Фридрихом II от его предшественников в области строительства вооружённых сил, являлось наличие больших боеспособных сил, готовых немедленно выступить в поход, уже в условиях мирного времени. Как уже отмечалось, не менее 1/3 войск составляли кантонисты: в коннице, образуя абсолютное большинство, они служили постоянно, в пехоту же их прибытие и дообучение требовали некоторого времени, однако осуществлялись достаточно скрытно до объявления войны. Тем самым прусское командование достигало эффекта внезапности, что вкупе с «настроенностью» на боевой лад «военной машины» позволяло в краткосрочной перспективе достигать крупных результатов.

Однако эти же положения создавали и трудности: вновь следует подчеркнуть, что Пруссии становилось крайне сложно наращивать численность своих войск, особенно в случае перехода конфликта в затяжную стадию с распространением его на территорию самого королевства. Притом пополнения (в том числе пленными солдатами армий малых и средних германских государств и даже Австрии) по своим качеством существенно уступали имевшимся кадрам, особенно из числа старослужилых солдат и унтер-офицеров, отчасти даже кантонистов. Так, после капитуляции саксонской армии (18 тыс. солдат и офицеров)¹ в лагере под Пирной (1756) весь рядовой и унтер-офицерский состав был распределён по пехотным полкам прусской армии, дав количественное, но отнюдь не качественное усиление².

Как видно из таблицы 1.2., с 1759 г. численность прусских войск стала падать: предел в 150 тыс. оказался возможен лишь в ходе первых кампаний, затем (особенно после сокрушительного поражения при Кунерсдорфе в 1759 г.) весьма проблематичным становилось достижение количества войск в 120 тыс. солдат и офицеров. Это стало одним из проявлений исчерпания результатов *войной реформы в количественном отношении*.

¹ Атлас офицера. – М.: Военно-топографическое управление, 1974. – С. 212.

² Свечин А.А. Эволюция военного искусства. Том 1. Глава X. Фридрих Великий // Военная литература. Режим доступа: <http://militera.lib.ru/science/svechin2a/10.html> (дата обращения: 20.08.2021).

Таблица 1.2.
Состав сил сторон в Семилетней войне (в тыс. человек)¹

Страна / год	1756	1757	1758	1759	1760	1761	1762
Россия	—	94	70	60	80	85	—
Австрия	—	100	160–170	147	120	130	125
Франция	—	100	110	100	125	140	110
Швеция	—	17	20	15	10	10	—
Саксония	18	—	—	—	—	—	—
Союзные герм. государства	—	—	27–28	30	20	20	20
Итого	18	311	387–398	352	355	385	255
Пруссия	150 (120) ²	132	138	152	120	120	110
Союзные герм. государства (в том числе Ганновер)	—	48	30	70	70	75	70
Итого	150	180	168	222	190	195	180

Сам процесс преобразований завершился с началом Семилетней войны, т.е. в 1756–1757 гг., первоначально позволяя Пруссии в целом успешно выдерживать борьбу на всех театрах военных действий, особенно южном (против Австрии и её союзников из числа германских государств) и западном (здесь основным противником выступало Французское королевство).

Располагая меньшими, чем его оппоненты, силами (см. табл. 1.2.) и, что не менее важно, опираясь на отлично отлаженную «военную машину», Фридрих II решил разбить своих противников по одиночке. Сначала удар планировался по Саксонии, затем – по Австрии, после чего король надеялся сосредоточиться на борьбе с Францией и Россией, в случае если последняя сумеет преодолеть «восточно-прусский бастион» с дислоцированным там корпусом К. Левальда³. По сути, концепция войны, сформулированная Фридрихом II, являлась предтечей тех моделей блицкрига («молниеносной войны»), которую Германия пыталась реализовать на начальных стадиях Первой и Второй мировых войн. Как и в ходе них, Фридрих II тем самым пытался избежать войны на несколько фронтов, осознавая её опасность для самого факта

¹ Атлас офицера. – М.: Военно-топографическое управление, 1974. – С. 212.

² В Атласе представлена цифра в 120 тыс. Большинство западных и отечественных исследований указывают цифру в 150 тыс., которая выглядит более реалистичной. – *Прим. авт.*

³ См.: Меринг Ф. Очерки по истории войн и военного искусства. 4-е изд. – М.: Военное издательство Народного комиссариата обороны Союза СССР, 1941. – С. 144–145.; Атлас офицера. – М.: Военно-топографическое управление, 1974. – С. 212.

существования Пруссии. Однако, как и в ходе обеих мировых войн, эти планы «споткнулись» о ряд трудностей, по мере нарастания которых уменьшалась эффективность прусской (германской) «военной машины». Одной из ключевых проблем следует признать исчерпание потенциала преобразований войск с точки зрения не только их дальнейшего наращивания, но и потери оригинально применяемой военной тактики, что иллюстрировала выработка контратактик со стороны противников Пруссии в Семилетней войне.

Повышение боеспособности и увеличение численности конницы позволило Фридриху II довести до кульмиационной фазы «механику» «косой атаки». Эта тенденция проявилась уже в ходе Второй Силезской войны. Так, в сражении при Гогенфридберге (1745) после ночного манёвра сильные группировки прусской конницы сумели перейти в успешное наступление на флангах против австро-саксонской армии. Де-факто прусские войска применили здесь тактику «симметричных канн», что обеспечивалось существенным (в 3–4 раза) общим превосходством прусской конницы над саксонской¹. В битве при Сооре (1745) «косая атака» была применена в более «чистом» виде: сражение было выиграно благодаря расположению на левом фланге кавалерийского резерва Г.-Й. Цитена, который успел отбить атаки австрийской конницы и не дать ей ударить во фланг и тыл прусской пехоты, а затем перешёл сам в контрнаступление².

«Косая атака» продолжала приносить существенные плоды на начальных стадиях Семилетней войны. Так, усиленный правый фланг внес решающий вклад в разгром австрийской армии в сражении при Праге 6 мая 1757 г. Однако уже в битве под Коллином (18 июня 1757 г.) Фридрих II впервые не смог реализовать концепцию «асимметричных канн»: мощные контратаки (в том числе оставшейся еще саксонской конницы) на вспомогательном левом крыле не дали ударному правому полуохватить австрийцев. Не менее примечательно, что в сражении при Грос-Егерсдорфе (19 сентября 1757 г.) попытка «косой атаки» корпуса генерала К. Левальда в отношении российской армии С.Ф. Апраксина была пресечена (хотя его войска не успели развернуться) быстрой контратакой.

¹ Маркин М.И. История конницы от Фридриха Великого до Александра Суворова. – М.: Кучково поле, 2009. – С. 34–36.

² Там же, с. 37–38.

кой части сил дивизии под командованием П.А. Румянцева¹. Уже эта битва показала, что, не в пример западноевропейским армиям, российская обладает существенными возможностями для успешного противодействия наработанным тактическим приемам прусских войск.

Осенью – зимой 1757 г. применение «косой атаки» позволило Фридриху II достичь почти невозможного, разбив основные силы сразу двух противников (Франции и Австрии) в сражениях при Рёсбахе и Лейтене. Так, в первом случае напав на совершившего манёвр и ещё не выстроившего правильный боевой порядок противника, прусская конница Ф.-В. фон Зейдлица сначала уничтожила французскую кавалерию, а затем обрушилась на пехоту, все время используя гусар для фланговых полуохватов². Однако эта тактика окончательно утратила свою оригинальность в ходе двух последовавших кампаний против российской армии. В сражении при Цорндорфе (1758) последняя сумела выстоять, воюя «перевернутым» фронтом построения³. А в битве при Кунерсдорфе 1 августа 1759 г. российские войска (и вспомогательный австрийский корпус) под командованием П.С. Салтыкова «перемололи» массу прусских войск, осуществлявших «косую атаку» на свой левый фланг (бои за высоты Мюльберг) и центр (Большой Шпиз), а затем перешли в решающее контрнаступление правым крылом⁴. Сражение завершилось полным разгромом и, что не менее важно, развалом армии Фридриха II⁵. Тем самым эффект от преобразований войск оказался в значительной степени исчерпанным и в *качественном отношении*.

* * *

Возможности, предоставленные военной реформой Фридриха II, по своей результативности оказались истрачены достаточно быстро – уже к середине Семилетней войны. Почему? Во-первых, часть потенциала преобразований оказалась израсхо-

¹ Атлас офицера. – М.: Военно-топографическое управление, 1974. – С. 212.

² Маркин М.И. История конницы от Фридриха Великого до Александра Суворова. – М.: Кучково поле, 2009. – С. 77–79.

³ Шефов Н.А. Самые знаменитые войны и битвы России. – М.: Вече, 1999. – С. 218.

⁴ Атлас офицера. – М.: Военно-топографическое управление, 1974. – С. 212.

⁵ Дельбрюк Г. История военного искусства в рамках политической истории. – М.: Военное изд-во Наркомата обороны СССР, 1938. – С. 318–319.

дована уже в ходе более частной, чем Семилетняя, Второй Силезской войны (1744–1745). Во-вторых, в правление Фридриха II глубоким изменениям состава и тактики применения в основном подверглась конница, а пехота ими оказалась затронута лишь в минимальной степени, притом оставаясь всё же наиболее многочисленным родом войск. В-третьих, почти все наиболее боеспособные силы прусская «военная машина» задействовала в первых ударах – опять же, опираясь на опыт достаточно лёгких побед в ходе двух Силезских войн 1740–1741 и 1744–1745 гг. Однако они резко отличались по своему масштабу и характеру от Семилетней, которая стала для Пруссии борьбой на истощение. Планы по разгрому противника по частям оказались не выполнены – прежде всего, из-за высокого уровня боеспособности и (особенно с 1759 г.) не только тактически, но и стратегически грамотных действий российской армии. Прусская армия теряла всё больше опытных кадров (в том числе кавалерийских), пополняясь в основном дезертирами, пленными и деградируя качественно также, как шведская армия по мере потерь своего первоначального состава в Тридцатилетнюю войну (вступив в нее де-факто в 1631 г.). Не менее важно и другое: отсутствие новой эффективной тактики, которая пришла бы на смену «косой атаке», практически исчерпавшей себя в военно-теоретическом плане к 1760 г. Так, попытка перехода к созданию межродовых группировок войск на поле боя, что была осуществлена в 1760–1761 гг., оказалась в целом неудачной: требовалась смена системы комплектования войск в целом (переход к национальной армии), на что тогдашнее прусское командование в принципе не было согласно. В этой связи одной из частных мер, направленных на компенсацию потерь, стало создание добровольческих батальонов – с одной стороны, они состояли из прусских подданных, с другой, – их уровень военной выучки был существенно ниже, чем у остальных регулярных войск. На поле сражения они ставились в первую линию, чтобы наступательным порывом измотать противника и облегчить для более опытных частей довершение его разгрома, а также в резерв, прикрывая обоз от разграбления в случае поражения¹. Параллельно с добровольческими батальонами прусские власти были вынуждены приступить к формированию ландвера (от нем. *Land* – земля в значении «территория»), т.е. государственного ополчения. Будучи достаточно слабым

¹ Меринг Ф. Очерки по истории войн и военного искусства. 4-е изд. – М.: Военное издательство Народного комиссариата обороны Союза СССР, 1941. – С. 163.

как по составу, так и особенно по степени обученности и оснащённости, ландвер в основном использовался в качестве «войск завесы» на второстепенных участках борьбы, откуда несущие потери регулярные войска были переброшены на стратегически более значимые направления. Однако эти меры получили всё же довольно ограниченное развитие, являясь скорее лишь реактивными (а не проактивными), вызванными катастрофическим ухудшением ситуации для Пруссии в начале 1760-х годов. Вместе с тем этот опыт был учтён при проведении военной реформы А. Шарнхорста – А. Гнейзенау.

Перенос боевых действий на территорию Королевства (символом чего стало занятие российско-австрийскими войсками Берлина в августе 1760 г.) поставил Пруссию в критическое положение. Однако «чудо Бранденбургского дома», состоявшееся вследствие смены правителя в России (вместо преданной заветам отца во внешней политике Елизаветы Петровны после ее смерти на престол взошел Пётр III, имевший более чем смутные представления об объективных национальных интересах), позволило Пруссии сохраниться как дееспособному игроку. Самоослепление победами Фридриха II до 1759 г. без принятия во внимание последующих неудач сыграло с руководством Пруссского королевства злую шутку: и сам Фридрих II, и ещё более его преемники (Фридрих Вильгельм II и «ранний» Фридрих Вильгельм III) отказались от внесения сколько-нибудь существенных изменений в «военную машину» страны вплоть до катастрофического разгрома 1806 г. Численно прусская армия оставалась огромной: так, в 1783 г. она насчитывала 143 тыс. солдат и офицеров, а с учётом кантонистов – 200 тыс., что составляло 2,7 и 3,7% к численности населения всей страны соответственно¹. Однако, обладая столь высоким коэффициентом милитаризированности, Пруссия в смысле качества войск начиная всё более отставать. Их система комплектования (с огромным удельным весом наёмников), рассмотрение солдата лишь как «машины», выполнявшей заученные команды без учёта морального фактора, догматизм – прежде всего, неспособность перенимать и тем более разрабатывать прорывные тактики применения войск – делали официальный Берлин отсталым в военном отношении.

Примечательно, что ряд черт военной реформы Фридриха Великого – как преимуществ, так и недостатков – проявился позд-

¹ Свечин А.А. Эволюция военного искусства. Том 1. Глава X. Фридрих Великий // Военная литература. Режим доступа: <http://militera.lib.ru/science/svechin2a/10.html> (дата обращения: 20.08.2021).

нее в процессе строительства ВС в нацистской Германии. Одна из них – это сочетание индивидуальных и групповых форм подготовки учебного состава. Значимым явлением в деле прусского военного строительства при Фридрихе II являлось создание сети учебных лагерей (по подобной системе в нацистской Германии строилась Резервная армия). При этом ключевую роль в процессе обучения вновь набираемых на военную службу контингентов играли унтер-офицеры, а также генерал-инспектор, т.е. командующий родом войск с широким набором полномочий. С точки зрения автора, заметны аналогии в подходе к подготовке мобильных войск (в XVIII в. в роли таковых выступала конница) между Ф.-В. Зейдлицем и Г. Гудерианом перед Семилетней и Второй мировыми войнами соответственно.

Ещё одна общая черта – это выделение достаточно ограниченных сил в резерв при изначальном построении (распределении) войск. Это обуславливалось желанием (порой чрезмерным) максимально нарастить мощь первого эшелона на направлении главного удара. Во многом это положение базировалось на суждении о тактическом превосходстве прусских войск (позднее вермахта) и полководческом мастерстве возглавлявших их военачальников. Самоуверенность не давала возможности подготовить «подушку безопасности» в виде хорошо обученных и оснащённых резервов в случае крупных поражений.

Третья общая черта – это недостаточное внимание к развитию артиллерии. Она рассматривалась во многом в качестве «падчерицы» пехоты и конницы (танковых и моторизированных войск во Второй мировой войне). Необходимо подчеркнуть, что при Фридрихе II прусская артиллерия была в основе своей распределена между наступавшими пехотными и конными полками. Притом в данном случае речь идет не только о полковой, но и о значительной части полевой артиллерии. Тем самым потенциал артиллерии далеко не в полной мере использовался в качестве ключевого инструмента для организации прорывов (в отличие от российской императорской армии и позднее РККА).

Наконец, четвёртая черта – это личное реальное командование боевыми действиями со стороны главы страны. Однако если в политico-дипломатической плоскости дарования Фридриха II и А. Гитлера сопоставимы (возможно, даже с преимуществом в сторону второго), то в военной король обладал всё же существенно большими талантами, чем «фюрер».

Глава II

РЕФОРМА ШАРНХОРСТА – ГНЕЙЗЕНАУ: ВОССТАНОВЛЕНИЕ ИЗ ПЕПЛА ВОЕННОЙ МОЩИ ПРУССИИ

2.1. Фактор поражения под Йеной и Ауэрштедтом (1806)

Ещё на начальной стадии войн Великой Французской революции – в 1792–1795 гг. – стало неуклонно проявляться преимущество тактики французских сил над тактикой прусских. Формально считая себя продолжателем традиций Фридриха II, королевский генералитет конца XVIII – начала XIX в. не смог развить наработок школы этого монарха-полководца: не было найдено новых тактических форм применения войск, которые пришли бы на смену «косой атаке» и оказались столь же эффективными. Более того, как показало участие Пруссии в первой антифранцузской коалиции (1792–1795), при ведении боевых действий королевская армия на практике отошла от многих главных постулатов школы Фридриха II – в первую очередь, принципов массирования войск в избранном месте, их эшелонирования в составе ударных группировок и стремления к охвату противника на поле сражения. Так, в сражении при Вальми 20 сентября 1792 г. командующий объединённой прусско-австрийской армией герцог К.-В. Брауншвейгский запланировал полуокружение революционных французских войск правым крылом, однако допустил ряд грубых тактических ошибок. Так, не была предпринята отвлекающая атака на левом крыле. Главное же заключалось в том, что правый фланг не был сделан ударным по составу (в отличие центра) (!): особенно это касалось артиллерии и конницы, которые были распределены по всему фронту. Значимо было и то, что не прусско-австрийские, а фран-

цузские войска (не обладая при этом существенным преимуществом – 53 тыс.¹ против 45 тыс.²) занимали по отношению к неприятелю охватывающее положение, умело сгруппировав свои резервы на направлении удара противника. Итогом стало отступление союзной армии, хотя она была полностью регулярной, в отличие от французских сил.

В конце XVIII – начале XIX в. прусские войска придерживались кордонной тактики, т.е. стремления прикрыть все, включая многочисленные вспомогательные участки линии борьбы, и потому практически равномерно распределяли свою конницу по всему фронту, не сумев массированно её использовать. В данной связи следует принять во внимание слабость французской кавалерии в рассматриваемый период (из-за бегства дворян-офицеров, части старослужилых солдат и их замены малоопытными кадрами), особенно лёгкой. Это в теории позволяло, используя сводные кавалерийские группы (как это делал Фридрих Второй), как охватывать противника на полях сражений, так и нарушать его коммуникации. Однако ничего этого сделано не было³. Соответственно, превосходя по уровню подготовки и численности конницы революционные французские войска, своей нерешительностью и отходом от передовых канонов Фридриха II прусско-австрийское командование дало изначально слабо обученным революционным войскам время на реорганизацию. Результатом этого стало то, что уже в 1794–1795 гг. французские войска заняли большую часть левобережья р. Рейн, принудив прусские власти к подписанию Базельского мира (1795).

Необходимо обратить внимание, что целое десятилетие – с 1795 по 1805 г. – Пруссия (в отличие от других европейских держав) не воевала с Францией и, следовательно, могла лишь отстранинно наблюдать за той бурной эволюцией французской «военной машины», ключевую роль в которой играли с 1799 г. Наполеон и его полководческая «когорта». Поражения австро-пьемонтских войск в Италии в 1796–1797 гг., Австрии в 1800 г. и, главное, раз-

¹ Необходимо принять во внимание, что линейные полки, сохранившиеся со времен королевской власти, были сильно ослаблены бегством наемников и отчасти деморализованы. Новые формирования во французской армии – в первую очередь волонтерские батальоны – обладали еще недостаточным опытом. Напротив, прусско-австрийские войска были хорошо обучены и прекрасно экипированы, что нивелировало численное преимущество французской армии. – *Прим. авт.*

² См.: Атлас офицера. – М.: Военно-топографическое управление, 1974. – С. 216.

³ Маркин М.И. История конницы от Фридриха Великого до Александра Суворова. – М.: Кучково поле, 2009. – С. 253–255.

гром австро-русских войск в кампанию 1805 г. (под Аустерлицем) не произвели существенного впечатления на Пруссию, в том числе в деле организации и применения масс войск, что особенно отчетливо проявилось уже в ходе франко-пруссской войны 1806 г. (как части борьбы IV антифранцузской коалиции).

Что представляла собой королевская армия к моменту данного судьбоносного для официального Берлина столкновения? *Пехота*, помимо гвардии (полка и два отдельных батальона), была составлена из 57 полков линейной пехоты, гренадерских, а также фузилёрных батальонов. Последние, общим числом в 24, составляли основную массу сил лёгкой пехоты. Полки инfanterии имели обычно по 2, иногда – 4 батальона, хотя сами батальоны имели меньшее количество активных штыков, чем при Фридрихе II, – примерно по 400, т.е. полностью укомплектованный полк имел 0,8–1,6 тыс. солдат и офицеров¹. Гренадёрские батальоны имели штатную численность также в 400 военных, притом практиковалось создание сдвоенных гренадёрских батальонов – по сути, они представляли собой те же полки по 0,8 тыс. в случае полной укомплектованности². Фузилёрные батальоны, будучи преемниками добровольческих, что были учреждены на завершающих стадиях Семилетней войны, были «большими», имея по 650 солдат и офицеров согласно регламенту³, и не сводились в регименты. Однако именно эти части по своему оснащению и тактической подготовки наиболее существенно отставали от иностранных аналогов – лёгких полков французской армии, а также егерских в российской. Егерский регимент, будучи составлен из выходцев из лесничих и профессиональных охотников, был в королевских войсках лишь один (!), представляя собой не просто исключение, но аномалию в войсках, продолжавших действовать в плотных боевых порядках с целью недопущения дезертирства масс наёмников. В целом по своему составу прусская пехота оставалась практически той же, что и при Фридрихе II, лишь несколько увеличившись в числе.

¹ Прусская армия при Ауэрштедте. Сражение при Йене – Ауэрштедте. 14.10.1806 // Залесский К.А. Наполеоновские войны 1799–1805 гг. Биографический энциклопедический справочник. – М.: Астрель, 2003. – С. 694–697; Прусско-саксонская армия при Йене. Сражение при Йене – Ауэрштедте. 14.10.1806 // Залесский К.А. Наполеоновские войны 1799–1805 гг. Биографический энциклопедический справочник. – М.: Астрель, 2003. – С. 706–712.

² Там же.

³ Там же.

Кавалерия, не считая отдельных частей лёгкой конницы, сформированных на бывших землях Речи Посполитой (что отошли к Пруссии по разделам Польши), и конной жандармерии, состояла из 13 кирасирских, 14 драгунских и 9 гусарских полков, в том числе по одному гвардейскому от каждого из трех типов. По числу полков и их организации (так, драгунские полки были 5- и 10-эскадронного состава, кирасирские – 5-эскадронными, а гусарские единственные продолжали иметь по два полуполка – батальона¹) королевская конница фактически не изменилась со времени Фридриха II не только по структуре, но и числе полков (см.: глава I).

Артиллерия была составлена из линейной (делилась на четыре полка пешей артиллерии и один – конной) и резервной, однако на практике прусское командование не создавало сильных артиллерийских группировок за счет концентрации сил данных полков. Полковая артиллерия выделялась из расчета по 2 орудия на батальон².

Войска сводились в дивизии, однако последние обычно формировались только перед началом кампании. Дивизия состояла из двух пехотных бригад, в каждой из которых было по два пехотных полка (в отдельных случаях один) и гренадерский батальон (как сдвоенный, так и одинарный), а также полковая артиллерия (8–16 орудий)³. Иногда в состав дивизий, особенно поставленных в первую линию, вводилась также кавалерийская бригада, обычно составленная из двух полков кирасир, т.е. тяжёлой конницы⁴. Фузилёрные батальоны и гусарские полки входили в состав лёгких дивизий, однако они, по сути, не использовались по своему предназначению, действуя скорее как обычные («тяжёлые») соединения. С одной стороны, прусское командование при развертывании войск имело сильный резерв: так, профильный корпус в сражении при Ауэрштедте состоял из 2 «тяжёлых» и лёгкой дивизий, притом

¹ Прусская армия при Ауэрштедте. Сражение при Йене – Ауэрштедте. 14.10.1806 // Залесский К.А. Наполеоновские войны 1799–1805 гг. Биографический энциклопедический справочник. – М.: Астрель, 2003. – С. 694–697; Прусско-саксонская армия при Йене. Сражение при Йене – Ауэрштедте. 14.10.1806 // Залесский К.А. Наполеоновские войны 1799–1805 гг. Биографический энциклопедический справочник. – М.: Астрель, 2003. – С. 706–712.

² Там же.

³ Прусская армия при Ауэрштедте. Сражение при Йене – Ауэрштедте. 14.10.1806 // Залесский К.А. Наполеоновские войны 1799–1805 гг. Биографический энциклопедический справочник. – М.: Астрель, 2003. – С. 694–697.

⁴ Там же.

что главные силы в основной линии имели 3 «тяжёлые» дивизии¹. С другой стороны, по сути, данный резервный корпус так и не был применен для создания ударной группировки². То есть в смысле построения войск на поле боя прусское военное искусство не просто остановилось на месте, даже не используя модифицированный вариант «косой атаки», – оно деградировало, выступая за равномерное распределение войск по всему фронту. При этом подвижные войска – конница – в основной своей массе распределялась между дивизиями, не будучи сведены в сильные манёвренные группы. По сравнению с одной армией, составленной лишь из прусских войск (что была в итоге разгромлена у Ауэрштедта), другая (подходившая к Йене), представляя собой соединение прусских и саксонских сил, имела ещё более громоздкую структуру построения³.

Королевская армия к 1806 г. продолжала комплектоваться по смешанной системе (наёмники и кантонисты), притом первые составляли не менее половины от общей численности войска. Дважды – в 1792 и 1803 гг. – королем ставился вопрос о распространении кантонной системы на всю страну, и главное – все сословия, однако этот вариант был отвергнут профильной комиссией на том основании, что данное нововведение разрушит феодальные устои Прусского королевства⁴.

Отсталость «военной машины» Прусского королевства была в полной мере продемонстрирована во время сражений при Йене и Ауэрштедте 2 октября 1806 г., фактически представлявших единую стратегическую операцию. Прусские войска не сумели реализовать составленный действительно в русле учения Фридриха II план по вторжению в союзную Франции Баварию, где планировалось разгромить поодиночке расположенные там французские

¹ Прусская армия при Ауэрштедте. Сражение при Йене – Ауэрштедте. 14.10.1806 // Залесский К.А. Наполеоновские войны 1799–1805 гг. Биографический энциклопедический справочник. – М.: Астрель, 2003. – С. 694–697.

² Атлас офицера. – М.: Военно-топографическое управление, 1974. – С. 218.

³ Прусско-саксонская армия при Йене. Сражение при Йене – Ауэрштедте. 14.10.1806 // Залесский К.А. Наполеоновские войны 1799–1805 гг. Биографический энциклопедический справочник. – М.: Астрель, 2003. – С. 706–712.

⁴ Свечин А.А. Эволюция военного искусства. Том 2. Глава IV. Прусская армия эпохи объединения Германии // Военная литература. Режим доступа: <http://militera.lib.ru/science/svechin2b/04.html> (дата обращения: 21.08.2021).

корпуса и отбросить в итоге «Великую армию» за р. Рейн¹. Вместо этого две разделённые прусские армии сами оказались перед лицом флангового охвата существенно более манёвренных французских корпусов, умело управляемых штабом «Великой армии» императора Наполеона. В сражении при Йене поочередно прибывавшие на поле сражения армия Ф.-Л. Гогенлоэ (38 тыс.) и корпус К. Рюхеля (до 18 тыс.) были разгромлены главными силами Наполеона (90 тыс.), потеряв более 50% (!) своего состава (французы – только 5 тыс.). В сражении при Ауэрштедте французский корпус Н. Даву (27 тыс.) сумел нанести поражение главным силам прусской армии под командованием герцога К.-В. Брауншвейгского (50 тыс.)², при этом и в данном случае пруссаки понесли значительные потери, особенно в ходе преследования.

Основные недостатки прусской «военной машины» в ходе сражений при Йене и Ауэрштедте проявились в следующем:

– высшие командные кадры не обладали сколько-нибудь ярко выраженным военным талантом и, самое главное, вследствие особенностей своего склада (безграничной веры в незыблемость традиций Фридриха II) и возраста не были готовы к модернизации системы военного управления³;

– вновь созданные дивизии в составе прусской армии сколько-нибудь существенно не повысили манёвренность прусской армии и ее способность к правильной оценке намерений и сил противника. Будучи неплохо укомплектованы личным составом (8–11 тыс. в каждой), дивизии де-факто не были «обкатаны» на учениях на уровне соединения. Эта проблема особенно ярко проявилась на примерах авангардных соединений. Так, в случае армии Ф.-Л. Гогенлоэ таковой была дивизия принца Людвига-Фердинанда, укомплектованная в основном саксонскими частями (8,5 тыс.)⁴. Это передовое соединение не смогло вовремя обнаружить главных сил противника и обеспечить прикрытие главных сил;

¹ Клаузевиц К. 1806 год. – М.: Военное изд-во Наркомата обороны СССР, 1938. – С. 89–90.

² Атлас офицера. – М.: Военно-топографическое управление, 1974. – С. 218.

³ Меринг Ф. Очерки по истории войн и военного искусства. 4-е изд. – М.: Военное издательство Народного комиссариата обороны Союза ССР, 1941. – С. 211–212.

⁴ Рассчитано автором на основе: Прусско-саксонская армия при Йене. Сражение при Йене – Ауэрштедте. 14.10.1806 // Залесский К.А. Наполеоновские войны 1799–1805 гг. Биографический энциклопедический справочник. – М.: Аст-рель, 2003. – С. 706–712.

– прусские войска не смогли упредить противника в развертывании на поле сражения (что было характерно для Фридриха II); особенно это касалось армии Ф.-Л. Гогенлоэ. Тот факт, что большая часть войск из армии К.-В. Брауншвейгского всё же успела развернуться, привел к существенно меньшим потерям от корпуса Н. Даву при Ауэрштедте, чем при Йене в случае войск Ф.-Л. Гогенлоэ;

– неумение прусского командования организовать взаимодействие на поле боя между центром и флангами, первой и второй линиями, что особенно отчётливо проявилось при использовании оперативных резервов. Как уже отмечалось, на момент начала сражения при Ауэрштедте помимо трёх сильных дивизий герцог К.-В. Брауншвейгский имел ещё три дивизии в резерве¹. Однако эти войска были практически сразу введены в дело, причем по частям; таким образом, шанс создать из них ударную группу был упущен. Это позволило 3-дивизионному корпусу Н. Даву нанести поражение главным силам пруссаков. Ещё более неграмотное использование резервов проявилось в сражении при Йене. Так, теоретически Ф.-Л. Гогенлоэ мог создать эшелонированную оборону: в первой линии развернуто было лишь 3 дивизии (в том числе одна авангарда, две из них в основном состояли из саксонских войск). В непосредственном резерве располагалась отдельная резервная дивизия В. фон Приттвица (7,3 тыс. штыков и сабель) и резервный корпус Ф. фон Тауенцина (порядка 12 тыс. штыков и сабель)². Однако их части вводились в бой по частям и также не были использованы для нанесения удара в избранном месте, будучи «перемолоты» в бою за дер. Фирценгейлиген. Более того, прибывший уже после разгрома армии Ф.-Л. Гогенлоэ корпус Э. Рюхеля (до 18 тыс. штыков и сабель)³ вместо прикрытия отхода бегущих войск самонадеянно втянулся в бой и также был вскоре разгромлен⁴;

– не сумело прусское командование использовать для прикрытия отступающих войск после Йены и Ауэрштедта и не участ-

¹ См.: Прусская армия при Ауэрштедте. Сражение при Йене – Ауэрштедте. 14.10.1806 // Залесский К.А. Наполеоновские войны 1799–1805 гг. Биографический энциклопедический справочник. – М.: Астрель, 2003. – С. 694–697.

² Рассчитано автором на основе: Прусско-саксонская армия при Йене. Сражение при Йене – Ауэрштедте. 14.10.1806 // Залесский К.А. Наполеоновские войны 1799–1805 гг. Биографический энциклопедический справочник. – М.: Астрель, 2003. – С. 706–712.

³ Там же.

⁴ Атлас офицера. – М.: Военно-топографическое управление, 1974. – С. 218.

вовавшие в нём войска: прежде всего, к ним относился и корпус главного резерва принца Е. Вюртембергского (16 тыс. штыков и сабель)¹, по сути, начавший стремительно отступать по инерции. Соответственно, отсутствовали массирование войск (особенно конницы) и попытки занять охватывающее по отношению к противнику положение (напротив, французы сумели достичь этого). При этом в составе двух армий К.-В. Брауншвейгского и Ф.-Л. Гогенлоэ (без учета корпуса главного резерва) насчитывалось свыше 27 тыс. сабель², что позволяло создать как минимум три мощные подвижные группы;

– пруссаки продолжали придерживаться линейной тактики плотных боевых порядков, ведущих огонь без прицеливания, в то время как французские войска применяли тактику колонн (от ротных до бригадных) и цепей стрелков (егерей), что делало французские боевые порядки гибкими и ведущими точный огонь. В результате М. Ней сумел с 3 тыс. солдат, закрепившихся в дер. Фирценгейлиген, успешно отбить натиск порядка 25 тыс. (!) пруссаков, по сути, расстреливая их в упор и при этом (спрятавшись за постройками и оградами деревни) неся минимальные потери³;

– значительная часть прусских воинов – кантонистов – из-за резко сократившихся после смерти Фридриха II военных учений в мирное время не обладали должным уровнем боевой подготовки;

– наёмный характер другой части войска привел к массовому дезертирству этой части войск (особенно из пехоты);

– прусская армия была отягощена обозами и придерживалась магазинного принципа снабжения войск (т.е. не могла удаляться далеко от баз), в то время как французская армия использовала схему реквизиций, что позволяло ей постоянно маневрировать.

Двойная катастрофа при Йене и Ауэрштедте нанесла, во-первых, огромный собственно боевой урон. В ходе этих битв, произошедших в один день, были разгромлены главные силы королевской армии, что произошло уже в первую декаду месяца с

¹ Рассчитано автором на основе: Прусско-саксонская армия при Йене. Сражение при Йене – Ауэрштедте. 14.10.1806. // Залесский К.А. Наполеоновские войны 1799–1805 гг. Биографический энциклопедический справочник. – М.: Астрель, 2003. – С. 706–712.

² Preußisch-Russischer Krieg gegen Frankreich 1806–1807. // Zeno.org. Mode of access: <http://www.zeno.org/Pierer-1857/A/Preußisch-Russischer+Krieg+gegen+Frankreich+1806-1807> (date of access: 21.08.2021).

³ См.: Leer Г.А. Страгегические этюды. Йенская операция 1806 // Военный сборник. 1885. № 1. – С. 5–31.

момента начала войны (!). Тем самым реализовался сценарий блицкрига, только ровно противоположный тому, на который рассчитывали в Берлине: катастрофическое поражение собственных войск, а не стремительный разгром противника. В результате сражений и умело организованного французской конницей во главе с Й. Мюратом преследования главные силы прусских полевых (т.е. наиболее боеспособных) войск потеряли до 40% своего состава и, что не менее важно, де-факто лишились управления. Во-вторых, ещё более огромен идеологический ущерб: Пруссия перестала восприниматься как значимый военный игрок, в том числе внутри самой страны. Менее чем через две недели после Йены французские войска вступили в Берлин. Это было иллюстрацией того, что двойная катастрофа (1806) привела к быстрой сдаче большинства наиболее мощных крепостей лишь при угрозе начала их осады французами, притом что укреплённые центры были прекрасно снабжены и имели сильные гарнизоны. Так, в октябре – начале ноября капитулировали следующие крупные крепости: Эрфурт (10 тыс. войск в гарнизоне); Штеттин (свыше 5 тыс.); Кюстрин (2,4 тыс. солдат и офицеров) и, наконец, Магдебург, имевший свыше 22 тыс. (!) воинов, включая отошедший сюда корпус главного резерва принца Евгения Вюртембергского¹, который должен был защищать данную первоклассную крепость. Это лишило Пруссии не только огромных военных запасов – так, только в Магдебурге французы сумели захватить 700 пушек и 1 млн пудов пороха, а также 80 тыс. единиц боеприпасов (!)². Не менее важно, что были потеряны опорные пункты для сбора войск и приведения их в порядок: остатки двух прусских армий капитулировали под Пренцлау (около 12 тыс. солдат и офицеров) и Раткау (7,5 тыс. прусских войск). Показательны масштабы дезертирства из прусской армии в это время: всего за неделю до последней капитуляции сводный корпус Г. Блюхера имел до 22 тыс. солдат и офицеров³, т.е. втрое больше. Помимо наёмников, в условиях ослабления дисциплины войска покинула и часть кантонистов.

Единственной крепостью, оказавшей реальное сопротивление французским войскам на основной прусской территории, был

¹ Тарле Е.В. Наполеон. – Минск: Тривиум, 1993. – С. 168–174.

² Меринг Ф. Очерки по истории войн и военного искусства. 4-е изд. – М.: Военное издательство Народного комиссариата обороны Союза СССР, 1941. – С. 224–226.

³ Там же, с. 222–223.

Кольберг (в Померании), комендантом которого был А. фон Гнейзенау¹. Ещё одним из немногих офицеров высшего ранга, проявивших себя в войну 1806–1807 гг., стал Г. фон Шарнхорст, возглавивший штаб сводного корпуса Г. Блюхера во время его отступления на север и сделавший все, чтобы избежать окружения со стороны трёх (!) французских корпусов. Именно в ходе кампании 1806 г. будущая группа военных реформаторов впервые проявила себя, получив возможность в условиях национальной катастрофы оттеснить от управления генералитет «старого образца».

Разгрому в осеннюю кампанию 1806 г. не подверглись лишь прусские войска, размещенные в Восточной Пруссии (гарнизоны, особенно Кёнигсберга, а также 14-тысячный корпус полевых войск). Эти войска не были уничтожены – более того, прусский корпус А. Лестока принял участие в завершающей стадии сражения при Прейсиш-Эйлау 26 января 1807 г. (притом его начальником штаба был освобождённый из плена Г. Шарнхорст), где армия Наполеона оказалась на грани разгрома российскими войсками². Тот факт, что группировка прусских войск в Восточной Пруссии не ощущила на себе «духа и вкуса» поражений 1806 г., сделал ее одной из основ прусской армии в процессе ее последующего реформирования.

Сам факт того, что Пруссия осталась на политической карте мира после двойной катастрофы 1806 г. и Тильзитского мира 1807 г. обусловлен поддержкой России – сначала масштабной военной (русский войска в Польше прикрывали де-факто Восточную Пруссию), а затем и политической. Так, в ходе переговоров в Тильзите Александр I добился от Наполеона согласия на сохранение прусского государства³.

2.2. Условия и особенности проведения военной реформы

Первый этап

Поражения при Йене и Ауэрштедте, с одной стороны, поставили страну на грань уничтожения, с другой – дали мощнейший

¹ Меринг Ф. Очерки по истории войн и военного искусства. 4-е изд. – М.: Военное издательство Народного комиссариата обороны Союза СССР, 1941. – С. 224–226.

² Шефов Н.А. Самые знаменитые войны и битвы России. – М.: Вече, 1999. – С. 281–283.

³ Манфред А.З. Наполеон Бонапарт. – Сухуми: Алашара, 1989. – С. 470–474.

импульс проведению глубоких преобразований в армии. Первый или основной этап военной реформы охватил временной промежуток 1807–1811 гг. Испытанием для сохранения достигнутых результатов стало участие части войск Пруссии во вторжении Наполеона в Россию в 1812 г. При этом из-за краткости периода – и, главное, сложности внешних условий (наличие жёсткого контроля со стороны Наполеона, противившегося любому усилению военной мощи Пруссии) – потребовалось время на окончательное и полномасштабное осуществление преобразований весной 1813 г.

Реорганизацию войск приходилось готовить и начинать осуществление в условиях серьёзнейших внешнеполитических препятствий, вытекавших из поражения Пруссии (1806). Как победитель Наполеон заставил Пруссию уплатить в пользу Франции огромную контрибуцию. Её размер, согласно двусторонней конвенции от 12 июля 1807 г., изначально был определен в 73 млн франков. Однако затем эта сумма была увеличена до 140 млн франков (!), не считая огромных затрат на содержание французской оккупационной армии, целиком ложившихся на плечи прусского населения¹. При этом на период выплаты данных средств на территории Пруссии оставались французские оккупационные войска, численность которых была определена лишь в 1808 г. – 157 тыс., т.е. большинство наличных сил Наполеона в Центральной и Восточной Европе. Хотя большинство из них были выведены к 1810 г., однако оставшихся (вкупе с разветвлённой разведывательной сетью агентов Наполеона, работавших как на военное ведомство, так и на французский МИД) было достаточно для мониторинга ситуации скрытых попыток официального Берлина восстановить свою военную мощь. Не менее значимо было и открытое вмешательство Наполеона (как лично, так и через французское посольство в Берлине) в вопросы назначения и отставки высших командных кадров прусской армии. Как будет показано далее, император стремился не допустить присутствия в армии реформаторов, пытаясь сохранить за генералитетом «старого образца» ведущее положение. До 1810 г. из всех частей прусского государства несколько меньшим был контроль Франции над военной деятельностью в Восточ-

¹ Меринг Ф. Очерки по истории войн и военного искусства. 4-е изд. – М.: Военное издательство Народного комиссариата обороны Союза СССР, 1941. – С. 242–243.; Preußisch-Russischer Krieg gegen Frankreich 1806–1807. // Zeno.org. Mode of access: <http://www.zeno.org/Pierer-1857/A/Preußisch-Russischer+Krieg+gegen+Frankreich+1806-1807> (date of access: 21.08.2021).

ной Пруссии; затем эта ситуация изменилась. Дело в том, что с 1811 г., в условиях подготовки к походу на Россию, основные территории Пруссии стали зоной размещения второго эшелона (резервные корпуса), а Восточная Пруссия – одним из районов дислокации первого стратегического эшелона «Великой армии»¹.

Уже с 1807 г. Пруссия полномасштабно включалась в систему континентальной блокады² против Великобритании, тем самым существенно снизив возможности по росту своего бюджета за счёт увеличения объёмов внешней торговли.

Согласно Тильзитскому миру (1807) от Пруссского королевства отторгались огромные территории – в первую очередь, все вестэльбские (наиболее развитые в промышленном плане) провинции и земли бывшей Речи Посполитой, вошедшие в состав Пруссии по трём её разделам (1772; 1793 и 1795), а также часть земель на границе с Саксонией. Суммарно прусская корона лишилась территории площадью 3211 кв. миль с 5,554 млн жителей, при этом в её распоряжении оставались земли площадью лишь 2618 кв. миль с населением в 5,165 млн населения³.

Сателлиты Наполеона из числа государств – членов Рейнского союза (особенно королевства Бавария и Саксония) и великое герцогство Варшавское, на территории которых располагались как их собственные (притом полностью управляемые Наполеоном), так и французские войска, также следили за возможными военными приготовлениями Пруссии. Эти военные силы могли в любой момент вторгнуться в пределы Королевства; вопрос о том, смогли ли его войска успешно сопротивляться, не стоял: учитывая малочисленность, они были бы неизбежно разбиты в ходе скоротечного конфликта. Кроме того, мониторингом ситуации в Пруссии занималась и союзная Франции Дания, контролировавшая и морскую торговлю официального Берлина.

Для Пруссии победителем устанавливался «потолок» численности войск – всего 42 тыс. солдат и офицеров, а даже небольшое его превышение могло спровоцировать новую французскую агрессию⁴.

¹ Атлас офицера. – М.: Военно-топографическое управление, 1974. – С. 219.

² Примечательно, что знаменитый эдикт о ее введении был подписан Наполеоном 21 декабря 1806 г. именно в Берлине. – *Прим. авт.*

³ Preußisch-Russischer Krieg gegen Frankreich 1806–1807. // Zeno.org. Mode of access: <http://www.zeno.org/Pierer-1857/A/Preußisch-Russischer+Krieg+gegen+Frankreich+1806-1807> (date of access: 21.08.2021).

⁴ Ibid.

Таким образом, официальный Берлин, будучи низведен до положения второстепенного политического игрока, оказался стеснен в вопросе восстановления своего военного потенциала одновременно де-юре (введение предела численности) и де-факто – с учётом резко сократившейся ресурсной базы: численность населения и площадь Пруссии сократились более чем вдвое. Правда, часть отрезанных от короны территорий составляли области, населённые этническими поляками (что ранее были приобретены по разделам Польши). Поэтому можно сказать, что население Королевства стало более однородным, т.е. полностью немецким (точнее, прусским). К 1806 г. Пруссия могла содержать порядка 220–250 тыс. войск (из которых порядка 180–190 тыс. – полевых), после поражения в 1807 г. даже без 42-тысячного предела Королевство в своих новых границах едва ли бы было в состоянии обеспечить нормальное функционирование армии более чем в 100 тыс. Показателен масштаб военно-финансовых проблем: на первые 3 месяца 1807 г. на содержание прусской армии требовалось 2,586 млн талеров, получено же было лишь 0,386 млн. – иными словами, нехватка расходов на оборонные цели составляла 2,2 млн или около 90% от всей суммы¹.

При этом особый удар был нанесён по основам комплектования армии: она де-факто более не могла пополняться наёмниками. Прежде всего, большинство из них дезертировало после поражений при Йене и Ауэрштедте (при этом некоторая часть перешла во вновь формируемые из иностранцев части «Великой армии», а также войска государств – сателлитов Франции). Набор новых иностранных наёмников за границами Пруссии не был возможен ни по политическим причинам (любые попытки могли быть использованы Францией для нового вмешательства во внутренние прусские дела), так и по экономическим. Выплата огромной контрибуции вкупе с разорением от содержания оккупационной армии исключала возвращение к содержанию дорогостоящего наёмного войска. В 1807 г. был законодательно введен запрет на вербовку иностранцев на королевскую службу. Однако это ограничение оказалось, как ни парадоксально, положительное влияние: прусская армия стала национальной, а потому совершенно по-иному был поставлен вопрос о всеобщем распространении кан-

¹ Меринг Ф. Очерки по истории войн и военного искусства. 4-е изд. – М.: Военное издательство Народного комиссариата обороны Союза СССР, 1941. – С. 248–249.

тонной системы и подготовки введения всеобщей воинской повинности. Исчезновение наёмников требовало держать большую часть войск (особенно в пехоте) в линиях: появилась возможность обучения войск массовому рассыпному строю и быстро перестраивавшимся ротным, батальонным и полковым каре и колоннам, т.е. перехода к передовым схемам построения войск на поле боя.

От решения вопроса качественного усиления потенциала армии зависело сохранение Пруссии как государства в принципе. Многочисленные ограничения, отмеченные выше, делали невозможным *экстенсивный* путь (по которому во многом страна двигалась в эпоху Фридриха II и особенно в конце XVIII в.); требовался *интенсивный* сценарий.

Для его разработки была создана Комиссия по реорганизации армии (далее – Комиссия), ставшая «мозговым центром» разработки проекта реформы вооружённых сил. Она была учреждена 25 июля 1807 г., т.е. практически сразу после подписания мирного договора между Францией и Пруссией. Комиссию возглавил Г. Шарнхорст, как уже отмечалось, раскрывший талант начальника штаба – сначала при Ауэрштедте, у Г. Блюхера (1806), а затем и А. Лестока (1807 г., под Прейсиш-Эйлау). Необходимо подчеркнуть, что одновременно Г. Шарнхорст возглавил и генеральный штаб. Данный деятель оказывал существенное личное влияние на нерешительного короля Фридриха Вильгельма III, тем весьма содействуя осуществлению преобразований в конце 1800-х годов. Эта централизация и даже сверхцентрализация управления в условиях практически полного разрушения «военной машины» Пруссии оказались более чем эффективны. При формировании комиссии генералу Г. Шарнхорсту (получил это звание летом 1807 г., вскоре после Тильзита) удалось добиться исключения из Комиссии старопруссского генералитета. Ближайшим помощником Г. Шарнхорста стал подполковник А. фон Гнейзенау; в Комиссию также вошли майор К. Бойен и майор К. Грольман, а затем и майор К. Клаузевиц. Тот факт, что комиссия была составлена из офицеров именно среднего (а не высшего) ранга, был обусловлен некоторыми положениями. Во-первых, эти кадры близко и в деталях представляли положение в прусской армии не только на уровне дивизий и полков, но и мелких подразделений. Во-вторых, эти офицеры, не связанные идеологически со старым генералитетом и являвшиеся носителями буржуазных идей (большинство были выходцами из семей разночинцев, а не прусских юнкеров; персонально Г. Шарнхорст – из крестьян), были готовы умерить дух

пруссачества (в том числе браваду) до нужных пределов, перестраивая армию на революционных по сути началах. Первой масштабной мерой являлось массовое сокращение числа частей в прусской армии (таблица 2.1.). Это обусловливалось как необходимостью достижения жёсткого «потолка», установленного Францией, так и огромными потерями прусской армии в 1806–1807 гг., в том числе дезертирством.

Вместо *старопрусской* армии стало формироваться войско нового образца – *новопрусская* армия.

Таблица 2.1.

**Сокращения числа частей пехоты
и конницы в прусской армии в 1807–1808 гг.¹**

Род войск	Пехота	Конница	Итого
Вид частей	батальон	эскадрон	–
Количество частей в 1806 г.	233	255 ²	233 + 51 = 284
Количество в 1808 г.	50	86	50 + 17 = 67

Как следует из таблицы 2.1., уже в 1808 г. число частей было сокращено в 4 раза, причем пехоты – почти в 5 раз. К 1812 г. количество батальонов уменьшилось ещё больше – до 40, а конницы – менее чем до 40 эскадронов³. При этом численность одной части в инfanterии была несколько увеличена (до 500–600 человек), а в эскадроне насчитывала до 100 всадников. При этом особо масштабным и вполне объяснимым увольнениям подверглись нестроевые солдаты и офицеры, численность которых в прусской армии образца начала 1800-х годов могла доходить до 15–30% от числа активных штыков⁴.

¹ Рассчитано и построено автором на основе: *Меринг Ф.* Очерки по истории войн и военного искусства. 4-е изд. – М.: Военное издательство Народного комиссариата обороны Союза ССР, 1941. – С. 248.; *Маркин М.И.* История конницы от Фридриха Великого до Александра Суворова. – М.: Кучково поле, 2009. – С. 27, 59.

² С учетом пяти эскадронов как одного батальона (полуполка). – *Прим. авт.*

³ Рассчитано автором на основе: Прусский вспомогательный корпус // Отечественная война 1812 г. Энциклопедия / Российская политическая энциклопедия. Государственный исторический музей. Федеральная архивная служба России. – М.: РОССПЭН, 2004. – С. 591–592.

⁴ *Меринг Ф.* Очерки по истории войн и военного искусства. 4-е изд. – М.: Военное издательство Народного комиссариата обороны Союза ССР, 1941. – С. 211–226.

Как ни парадоксально это покажется на первый взгляд, сокращения не только создали для прусской армии огромные проблемы, но и дали ряд преимуществ. Во-первых, серьёзно облегчилось управление войсками. Очевидно, что при новой общей численности формирование дивизий (как минимум 8–10-тысячного состава) и особенно корпусов было нереальной задачей – тем более, что по этому признаку Франция легко могла догадаться о немедленном стремлении Пруссии к увеличению военной мощи и пойти на жёсткие превентивные меры – вплоть до уничтожения государства. Поэтому основной организационно-штатной единицей прусской армии на уровне соединений становится бригада. В пехоте она включала 2 полка (по 2 батальона в каждом), полковую и полевую артиллерию, а также саперные подразделения, и суммарно имела порядка 2–2,5 тыс. солдат и офицеров, 8 орудий (1 батарея). В коннице бригада также состояла из 2 полков (10 эскадронов в среднем) с конной артиллерией и насчитывала примерно 1–1,2 тыс. всадников и 8 орудий (также 1 батарея). По мере роста боевой подготовки и слаженности бригады становились «ядрами» будущих корпусов перспективной прусской армии.

Во-вторых, Комиссия получила возможность отбораunter-офицеров и офицерских кадров, поскольку на одно место в новой армии часто претендовали 5–6 кандидатов, что вело к увеличению среднего уровня подготовки как отдельно взятых бойцов и командиров, так и частей в прусской армии. Из 143 генералов, числившихся на военной службе в прусской армии в 1806 г., к 1812 г. осталось только 8 (!), или около 6%, что позволило на тот момент в существенной степени «вычистить» старопрусский генералитет из армии. Комиссией была создана специальная подкомиссия по переаттестации офицерских кадров высшего и среднего уровней (начиная с батальонных командиров и выше). Для новых командных кадров вводились жёсткие требования к военному образованию, т.е. теоретической подготовке. На полковом уровне (т.е. в отношении ротных и взводных командиров иunter-офицеров) переаттестацией занимались специальные полковые трибуналы. Учитывая, сколь велик был удельный вес офицерства, оказавшегося во французском плену по итогам кампании 1806 г., Комиссия через аттестационные органы получала возможность удалить всех сопротивлявшихся реформе офицеров. При этом масштаб «чисток» был столь огромен, что Комиссии пришлось из-за нехватки мест уволить с действительной службы 3 тыс. офицеров среднего

и младшего уровня, переведя их на половинное жалованье¹. Тем самым, однако, был создан запас командных кадров для развёртывания будущей массовой армии.

Магистральной линией Комиссии было строительство вооружённых сил как национальных – по составу и по духу и защищающих государство, переходящее к буржуазной формации. В отличие от эпохи Фридриха II, когда военная реформа была завершена к 1757 г., а большинство внутренних преобразований в Пруссии стало проводиться лишь в 1770–1780-е годы, реформа армии 1807–1813 гг. являлась неотъемлемой части глубоких изменений всех сторон жизни прусского государства. Ключевым процессом стали отмена крепостного права и комплекс экономических мер, направленных не только на сохранение положения юнкеров-дворян, но и нарождавшейся буржуазии. В тесной связи с этим была также проведена реформа государственного управления². Комплексом данных преобразований внутриполитического и социально-политического характера руководили А. Гарденберг и К. фон Штейн; наиболее значимую роль в проведении военной реформы сыграли, как уже отмечалось, Г. Шарнхорст, а также А. Гнейзенау.

Национальный и отчасти буржуазный характер вновь создаваемой прусской армии проявился и в стремлении Комиссии обес печить отход при подготовке пехоты от представления – как со стороны офицеров, так и самих рядовых – о солдатах как о простых «машинах», должных лишь максимально четко выполнять заученные команды. Напротив, как это уже имело место с конни цей в период её реорганизации Фридрихом II, бойцам стали прививать готовность к проявлению инициативы и действиям не только и не столько в линейных порядках, но колоннах и рассыпном строю. Именно этим, достаточно лёгким в усвоении (процесс обучения занимал от трёх месяцев) формам боевых построений и перестроений обучались в первую очередь не только новобранцы, но и ополченцы, которых стали набирать уже на втором или завершающем этапе военной реформы. Таким образом, национальный характер армии позволил в корне изменить боевую подготовку

¹ Меринг Ф. Очерки по истории войн и военного искусства. 4-е изд. – М.: Военное издательство Народного комиссариата обороны Союза СССР, 1941. – С. 211–226.

² См.: Botzenhart M. Reform, Restauration, Krise, Deutschland 1789–1847. – Frankfurt-am-Main: Suhrkamp, 1985. – S. 55–70.

войск, обучая их гибкости и различным (в зависимости от местности, задачи, сил и состава врага) формам построений. Если до военной реформы лучшей частью пехоты считались гренадёры, то теперь таковыми стали выступать егеря, которых стали оснащать нарезными ружьями и карабинами. Как следует из сказанного выше, стала существенно сокращаться огромная дистанция, особенно в инфanterии, бывшая в дореформенной армии между офицером (чаще всего дворянином-юнкером) и солдатом-крестьянином или реже бюргером. Это проявилось, в частности, в существенном сокращении числа наказаний солдат (особенно новобранцев), на чем настояла Комиссия. В случае особо тяжких преступлений рядовой состав заключался в штрафные роты, офицеры – сажались на гауптвахту¹.

Исследователи, изучавшие военную реформу 1807–1813 гг., едины во мнении, что образцом для модернизируемой прусской армии выступали войска наполеоновской Франции. Однако реформа отнюдь не была простым копированием опыта победителя – в первую очередь, из-за тех огромных ограничений, которые он наложил в военной сфере на поверженную Пруссии.

Осуществляемая отмена крепостного права позволила уже в 1808–1810 гг. генералу Г. Шарнхорсту ставить перед королем Фридрихом Вильгельмом III вопрос о введении всеобщей воинской повинности. Однако, опасаясь нового вторжения французских войск в Пруссию (и её вполне вероятное исчезновение с политической карты мира), монарх тогда отклонил данные предложения. Соответственно, на основном этапе военной реформы основой комплектования прусских вооружённых сил продолжала выступать кантонная система, притом осуществлялась подготовка к ее распространению на всю территорию страны.

С рубежа 1808–1809 гг., когда были переобучены имевшиеся регулярные войска, перед Комиссией Г. Шарнхорста встал вопрос о том, как пройти между Сциллой формального сохранения численности армии в рамках 42 тыс. человек и Харибдой опасности существования без обученных резервов, особенно из числа рядовых. Выход для пехоты был найден в наборе крюмперов (*нем. Kämper* – дубленый, т.е. одетый не в форменный мундир, а в серую ополченскую форму), являвшихся, по сути, резервистами, набирае-

¹ Меринг Ф. Очерки по истории войн и военного искусства. 4-е изд. – М.: Военное издательство Народного комиссариата обороны Союза ССР, 1941. – С. 249–250.

мыми на краткосрочное (1–3 месяца), но интенсивное военное обучение¹. В каждой роте было оставлено от 3 до 5 мест для крюмперов (большее количество могло спровоцировать французские войска на агрессию), что позволяло «прогнать» за год через роту от 35 до 60 крюмперов, а батальон – от 185 до 300. Соответственно, при установленной в 1808 г. новой численности армии за год пехота получала от 10 до 15 тыс. обученных резервистов. Эта весьма эффективная мера по скрытому увеличению армии позволила к 1813 г. подготовить свыше 65 тыс. крюмперов для инфантерии², или более чем по два резервиста на одного действующего солдата. Важными составляющими реформирования пехоты стали расформирование большинства гренадёрских батальонов и возращение рот, в них входивших, в пехотные полки для усиления последних. Прежде всего, с точки зрения автора, это объяснялось снижением значимости гренадёров как отдельного рода пехоты в пользу егеря в условиях повышения прицельного огня.

В случае с конницей и артиллерией обращение к схеме набора крюмперов не могло стать реальностью, учитывая сложность и продолжительность подготовки одного отдельно взятого кавалериста и артиллериста. Артиллерия развивалась достаточно бурно, будучи составлена из тяжёлой, лёгкой и гаубичной полевой (а также полковой артиллерии), имея батареи по 8 орудий. Необходимо подчеркнуть, что артиллерия в наименьшей степени подверглась сокращениям и активно совершенствовалась (в том числе в количественном плане) уже на основном этапе реформы. Это облегчалось относительно небольшим удельным весом артиллерии в войсках.

Конница (как и артиллерия) также подверглась несколько меньшим сокращениям, чем пехота (см.: табл. 2.1.). При этом все

¹ Практика содержания корпуса резервистов (бойцов резерва) как средства развертывания большой армии в случае военной опасности при наличии жестких внешних ограничений по численности войск применялась еще в Древнем мире. Так, еще македонский царь Филипп V, а затем унаследовавший престол Персей набирали на обучение по 4 тыс. воинов, отпуская их затем по домам и собирая новых, таким образом сумев подготовить большую армию (свыше 40 тыс. человек) к сражению к началу Третьей македонской войны (171–168 гг. до н.э.). Тем самым был умело обойден запрет со стороны Рима (по итогам Второй македонской войны) на наличие на службе у македонского царя более 5 тыс. воинов. – *Прим. авт.*

² Свечин А.А. Эволюция военного искусства. Том 2. Глава IV. Прусская армия эпохи объединения Германии // Военная литература. Режим доступа: <http://militera.lib.ru/science/svechin2b/04.html> (дата обращения: 21.08.2021).

кавалерийские полки были переведены на 5-эскадронный состав¹, т.е. перестали быть «большими» полками. В коннице де-факто было оставлено два «старых» вида: драгуны и гусары, а также добавлены уланы². Более трети кирасирских полков были расформированы. Это, с точки зрения автора, объяснялось несколькими причинами. Во-первых, возросла огневая мощь пехоты, учившейся прицельной стрельбе, которая позволяла пробить латы кирасир. Во-вторых, последние традиционно являлись самым привилегированным родом конницы и одним из символов старопруссской кавалерии, а потому их сокращения в полной мере соответствовали изменению социального облика армии Королевства. В-третьих, тяжёлая конница уже не была столь востребована в существенно сократившейся прусской армии, где особое внимание стало уделяться подготовке кавалерии для рейдовых операций, т.е. асимметричным действиям в отношении французов. При огромном численном преимуществе в регулярных войсках, в том числе коннице, армии Наполеона, лишь поиск нестандартных решений мог принести победу. Показательно, что это понимание существовало не только у узкой группы ведущих военных реформаторов, но у передовых офицеров прусской армии в целом. Так, в условиях начавшейся в 1809 г. войны Франции и её союзников по Рейнскому союзу с Австрией командир гусарского полка (дислоцированного до начала событий в Берлине) Ф. фон Шиль, подняв свой полк, присоединив к нему роту егерей и несколько офицеров, попытался организовать партизанскую войну против Наполеона. И хотя его отряд в итоге был уничтожен (не встретив поддержки в вассальной Наполеону Саксонии)³, этот подвиг показал возможность участия пруссаков в народно-освободительной войне. Ещё одним показателем такой готовности бороться стало выступление крупного отряда регулярных войск под командованием молодого герцога В.-Ф. Брауншвейгского (сына умершего в 1806 г. К.-В. Брауншвейгского). Он создал из своих подданных и прусских добровольцев «чёрный корпус» (его эмблемой была «мертвая голова»), разгромил сильный отряд вестфальского короля (5 тыс. штыков и

¹ Рассчитано автором на основе: Прусская армия (сражение при Ватерлоо 18.6.1815) // Залесский К.А. Наполеоновские войны 1799–1805 гг. Биографический энциклопедический справочник. – М.: Астрель, 2003. – С. 792–798.

² Там же.

³ Petrich H. Schill, Ferdinand von // Allgemeine Deutsche Biographie. – Leipzig: Dunker & Humboldt, 1890. – S. 210–212.

сабель); будучи лишь в условиях масштабного наступления «Великой армии» вынужден был эвакуироваться в Великобританию. Позднее, в середине 1810-х годов, из «чёрного корпуса» возникли одни из лучших полков прусской армии¹. Однако эти разрозненные выступления ещё не означали старта полномасштабной национально-освободительной борьбы. Её успех был возможен лишь когда «ядром» стала бы модернизированная прусская регулярная армия, но она ещё не была готова к борьбе полностью. Этим обуславливалась крайне осторожная позиция Пруссии в ходе австро-французского военного конфликта 1809 г.; при этом официальный Берлин, несмотря на давление Франции, не пошёл на предоставление Наполеону прямой военной помощи. Реакцией на это, а главным образом на успешное, несмотря на огромные трудности, проведение военной реформы в Пруссии со стороны Наполеона стало требование уволить членов Комиссии. Уволенный в отставку А. фон Гнейзенау перешёл на службу в Великобританию², К. Грольман – сначала на австрийскую, а затем на испанскую службу, К. Бойен и К. Клаузевиц – на российскую. Генерал Г. Шарнхорст последним – в 1811 г. – был по настоятельному требованию Наполеона удалён с действительной службы, хотя в реальности продолжал быть «теневым руководителем» военного ведомства и Генерального штаба³. Французская сторона всячески добивалась того, чтобы на высшие должности в армии Королевства, особенно в преддверии крупной войны с Россией, возвращались представители старопруссского военного мышления. И хотя к этому времени Комиссии удалось в целом успешно провести первый (основной) этап военной реформы, его ограниченные (в количественном плане) результаты оказались под угрозой.

¹ Вильгельм Фридрих // Залесский К.А. Наполеоновские войны 1799–1805 гг. Биографический энциклопедический справочник. – М.: Астрель, 2003. – С. 182–183.

² Гнейзенау // Залесский К.А. Наполеоновские войны 1799–1805 гг. Биографический энциклопедический справочник. – М.: Астрель, 2003. – С. 183–185.

³ Шарнхорст // Залесский К.А. Наполеоновские войны 1799–1805 гг. Биографический энциклопедический справочник. – М.: Астрель, 2003. – С. 207.

2.3. Участие Пруссии в походе 1812 г.: поиск решений по сохранению и развитию промежуточных результатов реформы

Следующим серьёзным испытанием для преобразуемой прусской армии стало участие в кампании 1812 г. против России. В Париже 24 февраля 1812 г. был подписан прусско-французский договор о наступательном и оборонительном союзе. Будучи фактически вассалом французского императора, прусский король (равно как и австрийский император) согласился предоставить в состав «Великой армии» достаточно крупный контингент войск (20 тыс.)¹, а также выделить большие запасы для снабжения создаваемых группировок вторжения². Кроме того, прусское военное руководство и без того было ослаблено вынужденным переходом на военную службу в другие (противные Наполеону страны и Австрию) большинства офицеров-участников Комиссии, а также увольнением Г. Шарнхорста.

В соответствии со своими обязательствами прусская сторона выделяла около 50% своих сил (до 20 тыс. солдат и офицеров) в состав X армейского корпуса «Великой армии» Э. Макдональда для действий в Прибалтике – в первую очередь, в Курляндии и Лифляндии, особенно против Риги. Остальные военные силы Прусского королевства (не более 25 тыс. человек) должны были сосредоточиться в крепостях Кольберг (Померания), Глац и Грауденц (совр. Грудзёндз) (Силезия), вблизи восточных границ основной территории Пруссии, притом *без права на передвижение*. Тем самым, направляясь в крупнейший поход вглубь России, Наполеон стремился блокировать любые попытки официального Берлина усилить свой военный потенциал: одна часть войск участвовала во вторжении, притом должна была понести существенные потери (учитывая предполагаемое сопротивление российских войск в Прибалтике, т.е. на подступах к Санкт-Петербургу), для другой жестко фиксировались пункты дислокации, а сама она рассматривалась в качестве возможного резерва (точнее, одной из многочисленных резервных группировок) «Великой армии». Притом в западной и центральной частях Прусского королевства не должно было оставаться его собственных войск. В развитие этого положения французские и союзные им войска имели право занимать в

¹ Тарле Е.В. Наполеон. – Минск: Тривиум, 1993. – С. 168–174.

² Там же.

случае необходимости любые прусские территории, кроме указанных крепостей и Силезии¹.

Таким образом, несмотря на включение Пруссии в число формальных союзниц Франции, Наполеон не разрешил увеличить ей численность своих войск и осуществлять их дальнейшую модернизацию. Эти ограничения означали, во-первых, что почти 50% прусских войск лишены возможности проводить через свои ряды крюмперов. Во-вторых, остальные войска могли набирать крюмперов лишь в Померании и Силезии, т.е. не более чем на 1/3 прусской территории в границах 1808–1812 гг. Эти факторы с учетом потенциальных потерь прусских войск, направляемых против России, и всех остальных военных Королевства, которые могли быть переброшены туда позднее, теоретически могли (а в понимании Наполеона – должны были) полностью уничтожить результаты военной реформы, а перед тем обратить их во благо Французской империи – государства-агрессора, для борьбы с которым преобразования и проводились.

Однако прусскому командованию удалось пройти между Сциллой необходимости предоставления войск в состав «Великой армии» (и резервирования оставшихся для её потенциальных нужд) и Харибдой обрушения и без лишь налаживаемой работы «военной машины». Для этого были осуществлены следующие меры. Для подавляющего большинства пехотных полков прусской армии (19 региментов) была реализована следующая схема: в каждом случае один батальон оставался в Пруссии, второй выделялся в состав сводных пехотных полков пруссаков в составе «Великой армии»². Соответственно, первый батальон продолжал интенсивно обучать крюмперов (хотя набираемых и не со всей территории Пруссии), а второй получал возможность приобрести боевой опыт в обновлённом составе. Из вторых батальонов были созданы 6 сводных полков (№ 1–6) по 3 батальона и ещё один отдельный батальон (7-й фузилерный)³. Аналогичная операция была проведе-

¹ Отечественная война 1812 г. Энциклопедия / Российская политическая энциклопедия. Государственный исторический музей. Федеральная архивная служба России. – М.: РОССПЭН, 2004. – С. 592.

² Рассчитано автором на основе: Прусский вспомогательный корпус // Отечественная война 1812 г. Энциклопедия / Российская политическая энциклопедия. Государственный исторический музей. Федеральная архивная служба России. – М.: РОССПЭН, 2004. – С. 592.

³ Рассчитано автором на основе: Прусский вспомогательный корпус // Отечественная война 1812 г. Энциклопедия / Российская политическая энциклопедия. Государственный исторический музей. Федеральная архивная служба России. – М.: РОССПЭН, 2004. – С. 592.

на с отдельными егерскими батальонами, из рот которых был создан восточно-прусский егерский батальон. Формально французская сторона не могла предъявить претензий к данной схеме комплектования войск, так как в «Великой армии» регименты должны были быть «большими» полками, т.е. насчитывать от 3 до 6 батальонов. Соответственно, состоявшие из двух батальонов прусские пехотные полки в любом случае подлежали разделению и перераспределению подразделений. Созданием же сводных полков из практических всех пехотных частей прусская сторона продемонстрировала свою лояльность Франции – тем более что в поход отправлялись более боеспособный и укомплектованный батальон, в то время как другой пополнялся крюмперами.

Аналогичная мера была осуществлена с кавалерийскими полками: от четырех драгунских и четырех гусарских полков было выделено по 2 эскадрона, остальная конница оставалась в Пруссии. Из них было создано 2 драгунских и 2 гусарских сводных полка¹. Наконец, представленная схема была реализована и в случае артиллерии: разделению по схеме 50 на 50% подверглись батарея тяжелой, 8 батарей пешей и 6 батарей конной артиллерии². Всего к началу похода 1812 г. прусские войска в составе «Великой армии» состояли из 20 батальонов пехоты, 16 эскадронов конницы и 7,5 батарей (включая бригадную артиллерию) (по 8 орудий). Эта группировка насчитывала 18,6 тыс. штыков и сабель (или порядка 4% от всех сил вторжения)³ и 60 орудий⁴.

Участие в кампании 1812 г. позволило прусским войскам «обкатать» бригадную структуру: пехота и конница были сведены

педия. Государственный исторический музей. Федеральная архивная служба России. – М.: РОССПЭН, 2004. – С. 592.

¹ Рассчитано автором на основе: Прусский вспомогательный корпус // Отечественная война 1812 г. Энциклопедия / Российская политическая энциклопедия. Государственный исторический музей. Федеральная архивная служба России. – М.: РОССПЭН, 2004. – С. 591–592.

² Рассчитано автором на основе: Прусский вспомогательный корпус // Отечественная война 1812 г. Энциклопедия / Российская политическая энциклопедия. Государственный исторический музей. Федеральная архивная служба России. – М.: РОССПЭН, 2004. – С. 591–592.

³ Рассчитано автором на основе: Атлас офицера. – М.: Военно-топографическое управление, 1974. – С. 219.

⁴ Прусский вспомогательный корпус // Отечественная война 1812 г. Энциклопедия / Российская политическая энциклопедия. Государственный исторический музей. Федеральная архивная служба России. – М.: РОССПЭН, 2004. – С. 591–592.

каждая в две бригады, имевшие собственную артиллерию. Взаимодействуя с другими войсками 10-го армейского корпуса Э. Макдональда (в первую очередь с 7-й пехотной дивизией, составленной из польских, а также баварских и вестфальских частей), пруссаки перенимали на практике французский военный опыт. Изначально командовать прусскими войсками (получившими нумерацию в рамках «Великой армии» – 27-я пехотная дивизия и кавалерийская дивизия 10-го корпуса) был назначен сторонник сближения с Францией, представитель «старого» генералитета Ю. Граверта. Однако его линия не была поддержана большинством офицеров: заняв часть Курляндии, прусские командиры, ссылаясь на недостаток сил, отказались де-факто от осады Риги. В начале августа 1812 г. в командование прусскими войсками вместо погавшего в отставку Ю. Граверта вступил генерал Г. Йорк, который ограничился в основном мелкими стычками с российскими войсками. Незначительные по масштабу действия на стратегическом фланге, т.е. вдали от основного театра военных действий, привели к тому, что прусский корпус понёс относительно небольшие (особенно на фоне других войск «Великой армии») потери (менее 20% состава, т.е. около 4 тыс. солдат и офицеров), которые были быстро восполнены новобранцами из Восточной Пруссии.

18 декабря 1812 г. генерал Г. Йорк подписал с представителем российского командования (начальник штаба 1-го отдельного пехотного корпуса) И.И. Дибичем Таурогенскую конвенцию, объявив о нейтралитете, т.е. выходе из-под подчинения «Великой армии» вплоть до особого решения короля¹. Этот документ открыл путь не только переходу Пруссии в антифранцузский лагерь, но и началу второго (завершающего) этапа реформы.

2.4. Завершение военной реформы в условиях участия Пруссии в борьбе за освобождение Европы

Разгром главных сил «Великой армии» (10-й армейский корпус с ведущим участием Пруссии стал исключением из общей тенденции) привел к тому, что вечно колебавшийся Фридрих Вильгельм III в конце февраля 1813 г. подписал Калишский союз-

¹ Таурогенская конвенция // Отечественная война 1812 г. Энциклопедия / Российская политическая энциклопедия. Государственный исторический музей. Федеральная архивная служба России. – М.: РОССПЭН, 2004. – С. 591–592.

ный договор с Российской империей. Однако лишь после того, как основная территория Пруссии (за исключением ряда крепостей, где были блокированы гарнизоны войск Наполеона из остатков «Великой армии») была освобождена русскими и присоединявшимися к ним прусскими войсками, Фридрих Вильгельм III в конце марта 1813 г. объявил войну Франции¹.

Открытое вступление Пруссии в борьбу с Наполеоном резко изменило скорость, масштаб и содержание военной реформы. Все меры, ранее реализуемые как латентные и ограниченные по объёму, теперь стали осуществляться открыто и крупномасштабно. Этому способствовали: уничтожение основной массы сил «Великой армии», задействованных в походе против России; деморализация и блокирование в крепостях (в частности, в Данциге) оставшихся; отсутствие у Наполеона зимой – ранней весной 1813 г. больших масс войск в Центральной и тем более Восточной Европе. Среди прочего, огромные, едва ли восполнимые потери французские войска понесли в коннице и артиллерии, что существенно снижало мобильность войск Наполеона. Напротив, Пруссия оказалась в выигрышном положении: непосредственно её ресурсы, в том числе людские, а также и конские, и запасы вооружений, не понесли сколько-нибудь существенных потерь в 1812 г.; в смысле личного состава таковые оказались ограниченными даже в 1806 г., с учётом масс наёмников в составе тогдашних войск. Поэтому с точки зрения наличия обширного потенциала для создания (точнее, воссоздания) большой армии официальный Берлин оказался в выигрышном положении. Оно умножалось на исключительный подъём, наблюдавшийся среди масс подданных прусского короля: они стремились к освобождению от оков зависимости от Франции, т.е. развивалась полноценная национально-освободительная борьба. Помимо Российской империи, из числа европейских стран наиболее отчётливо и в самых крупных масштабах этот феномен проявился именно в случае Пруссии. Колossalную помощь Королевству оказывала Россия. И именно пример организации массового народного ополчения, развёртывания сети партизанских отрядов во многом сподвиг прусскую сторону к созданию ландвера, перенимая передовой российский опыт². В Отечественную войну 1812 г. было организовано (на общестрановом уровне с выстраи-

¹ Жилин П.А. Михаил Илларионович Кутузов. – М.: Военное изд-во Министерства обороны СССР, 1979. – С. 263–272.

² Там же. – С. 276–299.

ванием единой системы набора добровольцев на губернском и уездном уровнях, т.е. на уровне субъектов) многочисленное ополчение. Оно использовалось для поддержки регулярных войск, постепенно всё более активно применялось в боевых действиях – как в крупномасштабных сражениях и операциях (в частности, уже в ходе Бородинского сражения), так и в рамках партизанской борьбы. Служивший в 1812 г. в российских войсках К. Клаузевиц внимательно изучил данный опыт, затем активно перенося его уже на прусско-германскую почву.

Если к 1812 г. было создано «ядро» нового войска, то теперь на основе его под руководством вернувшегося формально на военную службу Г. Шарнхорста стала развёртываться массовая национальная армия. Декрет от 3 февраля 1813 г. призывал пруссаков, преимущественно представителей имущих классов, к вступлению в войска. Следующий декрет, от 9 февраля 1813 г., упразднял кантонную систему и вводил всеобщую воинскую повинность в военное время¹. Распоряжением прусских властей от 17 марта 1813 г. создавался ландвер, т.е. народное ополчение для поддержки армии. С этого времени процесс наращивания прусской военной мощи развивался по двум основным направлениям.

Первое направление – это увеличение численности собственно регулярных войск, начавшееся после подписания Таурогенской конвенции (декабрь 1812 г.). Почти 40 тыс. регулярных войск были подкреплены 70 тыс. крюмперов, имевших хотя и ограниченную по времени, но все же подготовку в войсках, а также 30 тыс. добровольцев из числа совершенно необученных². Соответственно, численность регулярных войск выросла в 3,5 раза, составляя до 2,5% от размеров населения Королевства. В наиболее выигрышном положении оказалась пехота: массовый приток крюмперов и добровольцев осуществлялся именно в неё, а конница и артиллерия армии регулярной оказались пополняемы новым личным составом в достаточно ограниченном количестве. На базе почти всех пехотных батальонов создавался пехотный полк (получая номер старых частей или уже новый): прежде всего, формирование свежих частей происходило в Восточной Пруссии, По-

¹ Меринг Ф. Очерки по истории войн и военного искусства. 4-е изд. – М.: Военное издательство Народного комиссариата обороны Союза СССР, 1941. – С. 282–283.

² Свчин А.А. Эволюция военного искусства. Том 2. Глава IV. Прусская армия эпохи объединения Германии // Военная литература. Режим доступа: <http://militera.lib.ru/science/svechin2b/04.html> (дата обращения: 21.08.2021).

мерании, Бранденбурге, т.е. исключительно в восточных районах Пруссии: именно здесь развёртывались первые три армейских корпуса королевской армии, имевших постоянную структуру. Каждый из них имел 2 бригады по 2 пехотных полка и отдельный фузилерный (также пехотный) полк, корпусную артиллерию¹. Кавалерия обычно сводились в бригады резервной конницы (2–3 полка разных типов кавалерии, конная артиллерия), которые вводились в состав корпусов, – прежде всего, несших в планируемых боевых действиях ключевую нагрузку.

В западных провинциях, возвращенных Пруссии в результате фактического и формального (по итогам Венского конгресса) пересмотра итогов мира с Францией 1807 г., процесс создания новых пехотных полков и бригад в полной мере развернулся позднее, уже в 1814–1815 гг. В этот период здесь было создано ещё 5 новых армейских корпусов, имевших структуру, аналогичную первым трем корпусам.

Полки – пехотные (включая grenadёрские, под которые были отведены номера от 1 до 12) и фузилёрные – становились 3-батальонного состава, притом в состав 2-го и 3-го батальонов передавались по 1/3 людей из первого. В свою очередь, все вновь возникавшие места заполнялись крюмперами (прежде всего), а также добровольцами. Численность каждого батальона увеличивалась до 700–800 солдат и офицеров. Кроме того, при каждом пехотном полку была сформирована команда егерей из числа добровольцев (ландвера), имея примерно 10% от основного состава ргимента. Фузилерные полки были полностью егерскими. Таким образом, прусские пехотные регименты стали «большими» полками с полной численностью порядка 2,5 тыс. солдат и офицеров (т.е. примерно столько, сколько имелось в составе бригады на первом этапе реформы). Однако, учитывая ограниченность контингента опытных солдат (примерно лишь 25–27 тыс. в пехоте), формирование новых пехотных полков происходило непросто. Тем не менее уже к 1815 г. регулярные войска прусской армии (без учета гвардии) состояли из 32 пехотных полков (из них 12 grenadёрских) и 8 фузилёрных полков², что суммарно составляло порядка 100 тыс. пехотинцев. Все пехотные полки обучались рассыпному

¹ Stübig H. Armee und Nation. Die pädagogisch-politischen Motive der preußischen Heeresreform 1807–1814. – Frankfurt-am-Main: Peter Lang Verlag, 1971. – S. 205–296.

² Рассчитано автором на основе: Прусская армия (сражение при Ватерлоо 18.6.1815). // Залесский К.А. Наполеоновские войны 1799–1805 гг. Биографический энциклопедический справочник. – М.: Астрель, 2003. – С. 792–798.

строю, перестроению в колонны, притом егерские команды и фузилерные полки представляли собой ударную компоненту региментов инfanterии.

Конница и артиллерия, как уже отмечалось выше, почти не имели крюмперов. Это стало одной из причин того, что кавалерийские регименты не вернулись к состоянию «больших» полков (как это было при Фридрихе II), насчитывая в среднем по 0,5–0,7 тыс. кавалеристов. При этом стали формироваться новые кавалерийские полки, что позволило увеличить количество полков драгун и улан до 8 полков, а гусар – до 12 к 1815 г.; кирасирских региментов имелось 8¹.

Параллельно было развернуто 8 артиллерийских полков – из расчёта один на артиллерийский корпус².

Второе направление – это создание ландвера, т.е. государственного ополчения. В условиях острой нехватки денежных средств даже на расширение прусского регулярного войска финансирование снаряжения (кроме выдачи ружей и пороховых припасов), обмундирования и содержания ландвера было возложено на всё население, делившееся для этой цели на округа. Формально численность ландвера составляла до 120 тыс. человек (т.е. свыше 2% всего населения), из которых 1/8 часть должны были составлять кавалеристы, а остальные – пехотинцы³. Ландвер обучался в первую очередь действиям в стрелковых цепях, т.е. егерскому строю, наиболее эффективно и одновременно наиболее усваиваемому новобранцами. Добровольцам из обеспеченных семей и (или) имевшим хорошее образование присваивалось звание фельдфебеля с возможностью преимущественного продвижения по карьерной лестнице. Планировалось, что наиболее боеспособные части ландвера затем составят новые регулярные полки, а офицеры из ландвера пополнят ряды офицерского корпуса, в кадрах которого остро нуждалась росшая регулярная армия.

В июне 1813 г. Г. Шарнхорст умер от раны в бою (лечению которой не было уделено должного внимания)⁴. К этому времени

¹ Рассчитано автором на основе: Прусская армия (сражение при Ватерлоо 18.6.1815). // Залесский К.А. Наполеоновские войны 1799–1805 гг. Биографический энциклопедический справочник. – М.: Астрель, 2003. – С. 792–798.

² Там же.

³ Меринг Ф. Очерки по истории войн и военного искусства. 4-е изд. – М.: Военное издательство Народного комиссариата обороны Союза СССР, 1941. – С. 283–284.

⁴ Шарнхорст // Залесский К.А. Наполеоновские войны 1799–1805 гг. Биографический энциклопедический справочник. – М.: Астрель, 2003. – С. 207–208.

военная реформа в своей основе была завершена. Сохранение и дальнейшее развитие её результатов обеспечивались действиями группы офицеров-реформаторов, вернувшихся на королевскую службу. Следует подчеркнуть, что за время проведения военной реформы и даже в 1813 г. влияние генералитета и офицерства, мыслявшего в традициях старопруссского военного искусства, не было полностью уничтожено. «Мозговым центром» дореализации мер по преобразованию армии, окончательного придания королевским войскам новопруссского облика и характера, стал штаб союзной Силезской армии (начальник штаба – А. фон Гнейзенау), которой командовал Г. Блюхер. Этот военачальник обеспечил покровительство группе реформаторов¹, что было особенно важно после смерти Г. Шарнхорста. Как и другие союзные армии, Силезская была создана в ходе Плесвицкого перемирия летом 1813 г.

Притом даже в этом объединении реформаторам приходилось бороться со старорежимным генералитетом – в частности, Г. Йорком, возглавлявшим корпус прусских войск в составе многонациональной (с ведущим участием Королевства и Российской империи) Силезской армии². В Северной армии один прусский корпус возглавлялся Ф. фон Бюловым, в целом склонявшимся к группе офицеров-реформаторов, а другой корпус находился под командованием придворного и малосведущего в военных вопросах Ф. Тауенцина (антигероя кампании 1806 г.), однако начальником штаба здесь был К. Бойен³. Это позволило обеспечить развитие прусской армии в той направленности, магистральные линии которой были обрисованы генералом Г. Шарнхорстом. Усилиями реформаторов численность прусских войск в составе действующих войск союзников (всего – 492 тыс., в том числе 173 тыс. российских) была доведена до почти 170 тыс.⁴, из которых свыше 70% составляли регулярные войска, а остальные – ландвер. Это позволило Пруссии внести сопоставимый с другими союзниками военный вклад в дело разгрома Наполеона в 1813–1814 гг., причём

¹ Свечин А.А. Эволюция военного искусства. Том 2. Глава IV. Прусская армия эпохи объединения Германии // Военная литература. Режим доступа: <http://militera.lib.ru/science/svechin2b/04.html> (дата обращения: 21.08.2021).

² На момент формирования Силезская армия (август 1813 г.) включала в себя 58 тыс. русских и до 42 тыс. прусских солдат, преимущественно из числа регулярных. – Прим. авт.

³ Меринг Ф. Очерки по истории войн и военного искусства. 4-е изд. – М.: Военное издательство Народного комиссариата обороны Союза ССР, 1941. – С. 301.

⁴ Там же.

наиболее ярко проявила себя из числа прусских генералов связка Г. фон Блюхер – А. фон Гнейзенау. Также символично, что именно эти два генерала стали командующим и начальником штаба действующей прусской армии, брошенной для окончательного разгрома Наполеона в 1815 г. – в ходе его «Ста дней».

На протяжении всей борьбы за освобождение Европы ландвер существенно усиливал регулярные войска, несмотря на невысокую степень обученности отдельных его частей, особенно во время первых стычек с неприятелем. Здесь следует подчеркнуть, что ландвер в составе действующих войск отличался исключительно высоким боевым духом – так, по преданию, первым в Лейпциг после «битвы народов» ворвался именно батальон прусских ополченцев¹. В 1813 г. части ландвера придавались регулярным войскам, также и действовали отдельно. С 1814 г. стала осуществляться практика включения батальонов ландвера, сводимых в полки, в состав пехотных и кавалерийских бригад. Данная тенденция отчётливо прослеживалась на примере действующей прусской армии под командованием фельдмаршала Г. фон Блюхера, направленной для борьбы с Наполеоном во время «Ста дней», т.е. VII антифранцузской коалиции (1815). Структура этих сил представлена в таблице 2.2. На время боевых действий из обычных армейских корпусов были созданы «большие» путём сведения в каждом случае двух первых в состав второго.

Де-факто эта таблица фиксирует результаты военной реформы 1807–1813 гг., давая основные количественные параметры возросшей военной мощи Пруссии. Её армия по боеспособности вплотную приблизилась к французской: несмотря на поражение при Линни от Наполеона, штаб Г. Блюхера сумел сохранить контроль над всеми отступавшими частями и перегруппироваться. Переиграв отправленный за прусской армией вдогонку французский корпус Груши, Г. Блюхер обеспечил внезапное появление масс своей пехоты и конницы в сражении при Ватерлоо в момент кризиса сражения, что привело в итоге к разгрому наполеоновских войск².

¹ Wirtgen A. Handfeuerwaffen und preußische Heeresreform 1807–1813. – Bonn: Herfsg Verlag, 1988. – S. 152–185.

² Тарле Е.В. Наполеон. – Минск: Тривиум, 1993. – С. 375–377.

Таблица 2.2.

Структура действующей прусской армии Г.Л. фон Блюхера (1815)¹

Часть 1. Пехота

Пехотная бригада (корпус)	№ полков регулярной пехоты в ее составе	Полк / полки ландвера	Количество артиллерийских батарей
1-я (I)	12-й и 24-й пехотные	1-й Вестфальский	2
2-я (I)	2-й и 6-й пехотные	2-я Вестфальский	1
3-я (I)	7-й и 29-й пехотные	3-й Вестфальский	1
4-я (I)	13-й и 19-й пехотные	4-й Вестфальский	1
5-я (II)	28-й и 25-й пехотные	5-й Вестфальский	1
6-я (II)	9-й и 26-й пехотные	1-й Эльбский	1
7-я (II)	14-й и 22-й пехотные	2-й Эльбский	1
8-я (II)	21-й и 23-й пехотные	3-й Эльбский	1
9-я (III)	8-й и 30-й пехотные	1-й Курмаркский	1
10-я (III)	20-й и 27-й пехотные	2-й Курмаркский	1
11-я (III)	–	3-й и 4-й Курмаркские	1
12-я (III)	31-й пехотный	5-й и 6-й Курмаркские	1
13-я (IV)	10-й пехотный	2-й и 3-й Ноймаркские	1
14-я (IV)	11-й пехотный	1-й и 2-й Померанские	1
15-я (IV)	18-й пехотный	3-й и 4-й Силезские	1
16-я (IV)	15-й пехотный	1-й и 2-й Силезские	1

Часть 2. Конница

Кавалерийская бригада (корпус)	№ полков регулярной конницы в ее составе	Полк / полки ландвера	Количество артиллерийских батарей
1-я (I)	2-й и 5-й драгунские 4-й гусарский, 3-й уланский	–	1
2-я (I)	6-й уланский	1-й и 2-й Курмаркские Вестфальский	–
1-я (II)	1-й и 6-й драгунские 2-й уланский	–	1
2-я (II)	3-й, 5-й и 11-й гусарские полки	–	–
3-я (II)	–	4-й и 5-й Курмаркские Эльбский	–
1-я (III)	7-й и 8-й уланские	3-й Курмаркский	–
2-я (III)	7-й драгунский 9-й гусарский, 5-й уланский	6-й Курмаркский	1
1-я (IV)	6-й и 10-й гусарские 1-й уланский	–	1
2-я (IV)	8-й драгунский 8-й гусарский	3-й Силезский	1
3-я (IV)	–	1-й и 2-й Ноймаркские 1-й и 2-й Померанские 1-й и 2-й Силезские	–

¹ Рассчитано автором на основе: Прусская армия (сражение при Ватерлоо 18.6.1815) // Залесский К.А. Наполеоновские войны 1799–1805 гг. Биографический энциклопедический справочник. – М.: Астрель, 2003. – С. 792–798.

Часть 3. Артиллерия

Корпус (номер)	Количество батарей бригадной артиллерии	Батареи тяжелой корпусной артиллерии	Батареи легкой корпусной артиллерии	Итого
I	6	3	3	12
II	5	3	3	11
III	5	3	3	11
IV	6	3	3	12
Итого	22	12	12	46

Как следует из данных таблицы 2.2., прусская действующая армия состояла из корпусов. Они включали в себя пехотные бригады (с подчинением непосредственно командованию корпусов) и кавалерийские бригады (у которых существовал промежуточный уровень управления), а также корпусную артиллерию. Чем обусловлено отсутствие в данной структуре дивизионного звена? Во-первых, в ходе основного этапа военной реформы офицеров учили командовать в масштабах полка и бригады, которая стала гибким соединением войск. Соответственно, прусские штабные офицеры не стремились перестраивать в ходе боевых действий систему управления. Кроме того, в армии ощущалась нехватка офицеров, особенно высшего уровня (в том числе дивизионного) – представители «старой» школы были уволены из армии, а офицеров новой были на данном уровне командных кадров количественно недостаточно. В-третьих, собственно регулярных войск в армии было не столь много (в случае армии Г. Блюхера даже образца 1815 г. – лишь 25 пехотных и 22 кавалерийских полка) для образования многочисленных дивизий, как это было в австрийской или российской армиях. Значительные массы прусских войск ещё не стали регулярными, что объяснялось коротким временем с момента полномасштабного проведения военной реформы (ранняя весна 1813 г.).

При рассмотрении организации пехоты примечательно также, что не только регименты остались «большими» полками (в среднем по 2,2–2,5 тыс. человек как в регулярных войсках, так и в ландвере), но и бригады стали «большими» соединениями. Прусская пехотная бригада стала насчитывать 7–8 тыс. солдат, т.е. примерно столько же, сколько имела пехотная дивизия российской армии, или 2/3 дивизии французской армии образца 1812 г. В кампанию 1815 г. французские дивизии инфanterии (с учетом много-

летних потерь) имели только по 4–5 тыс. солдат и офицеров¹. Иными словами, складывалась парадоксальная ситуация: одна прусская бригада имела в 1,5–2 раза больше солдат, чем французская дивизия (!). Данный факт также иллюстративен для понимания причин отказа Пруссии от формирования собственных дивизий. Прусскому командованию было бы крайне сложно управлять «машиной» из 14–16 тыс. солдат, учитывая примитивность средств связи в рассматриваемый период (в основном с помощью посыльных).

При этом пруссаки нашли оригинальное решение по использованию ландверных полков: в рамках бригад они сочетались с регулярными, составляя второй эшелон или, наоборот, разведку. В первых 10 пехотных бригадах регулярные и ландверные регименты стояли в наиболее эффективном отношении (2:1); напротив, в последних по счету 5 бригадах с крайней нумерацией это сочетание было обратным (1:2), что объяснялось нехваткой регулярных войск. В коннице были представлены, по сути, три вида бригад: составленные полностью из регулярных войск, полностью из ландверных и смешанные. При этом, как и в пехоте, два крайних вида кавалерийских бригад в основном использовались во втором эшелоне и резерве.

Особо следует подчеркнуть, что лишь небольшая часть ландвера в составе действующей армии, как следует из Таблицы 2.2., формировалась на территории Пруссии в границах 1808 г. (это полки из Померании и Силезии). Большинство формирований ландвера – как пехотных, так и кавалерийских – создавалось на вновь вошедших по решению Венского конгресса (1814–1815) территориях. Это были земли, как входившие в состав Пруссии до 1807 г. (в частности, там создавались курмаркские и часть эльбских полков), так и не входивших до того – в первую очередь, вестфальские. Официальный Берлин, пытаясь нести знамя национально-освободительной борьбы с Наполеоном в германских землях, добился посредством системы ландвера быстрой интеграции в военном плане вновь присоединенных земель.

Показательно также, особенно по сравнению со временем правления Фридриха Великого, сколь возросли мощности прусской артиллерии – 46 батарей (368 орудий), в том числе 12 тяжёлых (96 орудий) – в действующей армии. Данное обстоятельство

¹ См.: Французская армия (сражение при Ватерлоо 18.6.1815). // Залесский К.А. Наполеоновские войны 1799–1805 гг. Биографический энциклопедический справочник. – М.: Астрель, 2003. – С. 769–781.

позволяло не только обеспечить бригадам с регулярными войсками артиллерийскую поддержку, но и создать (с учётом французского и российского опыта) мощные корпусные артиллерийские группы, куда вошло 100% тяжёлой артиллерии.

* * *

Импульс, данный двойным поражением при Йене и Ауэрштедте (1806), привел к проведению такой военной реформы, которая перевела прусскую армию из разряда наиболее консервативных (т.е., по сути, отстающих) в число передовых вооружённых сил – как с точки зрения военного строительства, так и принципов тактики и стратегии. Вкупе с меньшими, чем у других ведущих держав потерями, это заложило основы будущего могущества Пруссии в Европе, неотъемлемой составляющей которого являлась готовность к активному (в основном наступательному) использованию своего военного инструментария.

Для определения самой концепции преобразований и их претворения в жизнь на первом, самом трудном, этапе была создана специальная комиссия преимущественно из офицеров среднего звена, наделенная широкими полномочиями – по сути даже большими, чем у военного министерства. В отсутствие соответствующих талантов у монарха – короля Фридриха Вильгельма III (в отличие от Фридриха II) – это оказалось единственно правильным и эффективным решением. Группе военных реформаторов удалось не просто обойти большинство внешних ограничений, созданных Францией, но использовать их себе на пользу (в том числе, в период войны 1812 г.).

В последующем военное министерство смогло «перенять эстафету» и реализовать до конца реформу, обеспечив масштабное (количественное) наращивание той платформы перспективной армии, которая была создана в 1807–1811 гг. Вместе с тем надо признать, что значительная часть масс прусских войск стала регулярной лишь к концу 1810-х – началу 1820-х годов, т.е. в качественном отношении реформа дала отложенный эффект.

Этап завершения военной реформы, при этом перехода её в новое качество, пришёлся на весну – лето 1813 г. В связи с этим следует акцентировать внимание на той исключительной помощи – в прямых и опосредованных формах, что была оказана Пруссии в этот период Россией. Без разгрома «Великой армии» в Отечест-

венную войну 1812 г. официальный Берлин в принципе не смог бы встать на путь открытого восстановления военной мощи с целью свержения наполеоновского ига. Российское командование сделало всё, чтобы скорее вывести прусские войска (корпус Г. Йорка) из боевых действий на стороне Наполеона и сохранить его как одно из «ядер» вновь развертываемой для национально-освободительной борьбы массовой прусской армии. Данный процесс был обеспечен освобождением большей части Королевства к весне 1813 г. российскими войсками. Их поддержка – как до Плесвицкого перемирия лета 1813 г., так и после него – оказалась решающей для успешного осуществления национально-освободительной борьбы немецкого народа в целом и завершения военной реформы в Пруссии в частности. Новые прусские военные формирования (в том числе ландвер) создавались в тылу под прикрытием прусских и, главное, российских регулярных войск, несших на себе основную нагрузку в борьбе с наполеоновскими войсками.

Необходимо также отметить, что пруссаки в эпоху наполеоновских войн стали едва не последними по хронологии в числе «вооружённых народов» в Европе. Однако это вело не только к недостаткам, указанным выше, но и к преимуществам: пруссаки в сравнении с другими европейскими континентальными народами (особенно французами, поданными Габсбургов и Романовых) понесли несопоставимо меньшие людские потери. Это позволило официальному Берлину легче экономически развиваться после наполеоновских войн. Самое же главное, что был сохранен, т.е. остался неистраченным, колossalный пассионарный заряд, который сыграл важную роль в последующей военной реформе и исключительным успехам Пруссии в войнах за объединение Германии.

Глава III

ПРЕОБРАЗОВАНИЯ ПРУССКОЙ АРМИИ В 1860-е ГОДЫ: ПО ПУТИ УТВЕРЖДЕНИЯ В КАЧЕСТВЕ МИРОВОЙ ДЕРЖАВЫ

3.1. К вопросу детерминированности военной реформы 1860-х годов

Вторая и третья четверти XIX в. для Центральной Европы прошли под знаком борьбы за национальное объединение, резко ускорившейся и в итоге приведшей к качественно новым результатам. К середине столетия, в отличие от стратегических флангов европейского континента – западного и восточного, – в центре процесса строительства крупных национальных государств ещё не был завершён. Существование Священной Римской империи (с 1512 г. – Священной Римской империи германской нации) в 962–1806 гг. зафиксировало на многие века состояние феодальной раздробленности в данном регионе. Политически территория, занимаемая немецкоязычным населением, представляла собой огромное «лоскутное одеяло», в западной части которого находились преимущественно средние, мелкие и мельчайшие государства, в восточной – наиболее крупные страны, т.е. Австрия Габсбургов и Пруссия (Бранденбург) Гогенцоллернов, притом обе они, особенно Дунайская монархия, к 1815 г. имели в своем составе обширные области, населенные нетитульной нацией.

Наполеоновские завоевания привели к существенной перекройке данной системы, но отнюдь не к её слому. На «коротком шаге» – в 1795 г. и затем на рубеже 1805–1806 гг. и до своего разгрома осенью 1806 г. – существенные территориальные приращения (в качестве компенсации за утраченные территории, в основном

анклавы, на западногерманских землях) получила Пруссия, которой Наполеон также предлагал присоединить Ганновер за участие в антибританской борьбе. Однако в итоге германская политика императора Франции приобрела отчёtlivую не только антиавстрийскую (отторжения земель по мирным договорам 1806 и 1809 гг., а самое главное – самоуничтожение Священной Римской империи германской нации), но и антипруссскую направленность, о чём уже говорилось в Главе II. Из массы средних и небольших государств был создан Рейнский союз (1806 г., протектором которого стал Наполеон), причём многие малые страны были «растворены» в составе Французской империи и средних немецких государств. Был повышен статус с расширением владений Баварии, Вюртемберга, Бадена; на короткое время создано атомизированное Вестфальское королевство¹.

Венский конгресс как важнейший переговорный процесс антифранцузской коалиции (1814–1815), утвердив ликвидацию Рейнского союза, привел не только к возвращению Пруссии большей части своих территорий, потерянных в 1807 г. (исключение – вошедшие в состав Царства Польского Российской империи), но и к дополнительным приращениям. Прежде всего, речь шла о существенном увеличении рейнских владений официального Берлина, приобретении шведской Померании и передаче ему Саксонией 40% своих земель (хотя прусские требования о ликвидации Саксонского королевства как бывшего союзника Наполеона были отвергнуты)². Прусское королевство стало граничить с Францией и Нидерландами, тем создавая условия для существенного укрепления своих позиций в западногерманских землях. Вместе с тем ни Гогенцоллерны, ни тем более австрийские Габсбурги в принципе не смогли обеспечить своего доминирования в массиве земель с немецкоязычным населением, а раздробленность на западе германских земель продолжала оставаться неоспоримым фактом. Германский союз, учрежденный в 1815 г., закреплял данное состояние.

Однако национально-освободительная борьба 1813 г., охватив не только Пруссию, но и земли с немецкоязычным населением в целом, продемонстрировала остроту «германского вопроса»³.

¹ Тарле Е.В. Наполеон. – Минск: Тривиум, 1993. – С. 159–161.

² Венский конгресс // Сайт «Хронос». Режим доступа: <http://www.hrono.info/sobyt/1800sob/1814vena.php> (дата обращения: 22.08.2021).

³ Денн О. Нации и национализм в Германии. 1770–1990 / Перевод с нем. И.П. Стреловой. – СПб: Наука, 2003. – С. 63–73.

Под его решением понималось создание крупного национального государства. Процесс определения пути его образования имел **вертикальное и горизонтальное** измерения. Второе (горизонтальное) содержало в себе два варианта: *малогерманский*, т.е. объединение немецкоязычных земель под властью короля Пруссии (большинство населения которой составляли немцы, хотя имелся массив владений с польским населением на востоке), и *великогерманский*, т.е. принятие образования единого государства под эгидой императора Австрии (значительная часть подданных которого не являлись этническими немцами). Вертикальное измерение означало, что «германский вопрос» мог быть решен как «сверху», т.е. путем достижения «стратегической сделки» между монархами, что, как показывал исторический опыт, являлось исключительно труднодостижимым, так и «снизу». Последний вариант предполагал широкое народное восстание, которое свергло бы как минимум часть монархий (прежде всего, в малых и средних немецкоязычных государствах) и попыталось построить общегерманское государство. Притом теоретически мог быть реализован и промежуточный (смешанный) вариант: объединение германских земель под властью монарха в результате революции в части последних.

Во второй четверти XIX в. прусская сторона интенсифицировала свои усилия по укреплению позиций в Центральной Европе: разрушив полностью внутренние таможенные барьеры внутри своего государства (1818), официальный Берлин инициировал создание Таможенного союза (1834), который объединил суммарно 18 стран площадью 420,3 тыс. кв. км с населением в 23,4 млн человек¹. С одной стороны, это отчетливо обозначало направленность намерений Прусского королевства, с другой – всё же являлось полумерой.

Важнейшей вехой стали революционные события 1848 г., охватившие все германские государства, включая Пруссию и Австрию. Данные явления были обусловлены социально-экономическими причинами, однако главным в обстановке 1848 г. стала демонстрация стремления народных масс добиться решения «германского вопроса»: если урегулирование оказывается слишком проблематичным «сверху», то можно попытаться сделать это «снизу». Борьба восставших толп населения и войск в Берлине была важной, но несознательной

¹ Матвеева А.Г. Германия: воплощение национальной мечты // Всемирная история. Т. 5. Мир в XIX веке: на путях индустриальной цивилизации / Институт всеобщей истории РАН. – М.: Наука, 2019. – С. 617–624.

мо более короткой, чем в Австрии. Это было обусловлено не только уступками властей (принципиальная готовность к принятию конституции в Пруссии была выработана королем Фридрихом Вильгельмом IV ещё до начала революционных событий, но не было проявлено оперативности к моменту начала волнений), но также и той ролью, которую отводили массы немцев фигуре прусского короля в создании конституционной общегерманской монархии. Исключительной поддержкой пользовалась концепция, выдвинутая королем, по превращению «союза государств в союзное государство»¹. Однако этого не произошло: в 1848 г. власть из рук восставшего народа побоялся брать сам прусский король (учитывая, что это противоречило основам принципа легитимизма), а в 1849 г. в ходе обсуждения данной идеи на уровне Германского союза (особенно посредством Франкфуртского парламента) проявилась ожидаемая жёсткая реакция Австрии, Баварии, Саксонии, а также Ганновера².

Революционные события 1848–1849 гг., хотя и не привели к образованию единого германского государства, выявили две важнейшие тенденции:

– ключевая роль в будущем решении вопроса стала утверждаться за Пруссией (Австрия, напротив, стала его тормозить, в принципе не будучи готова отказаться от огромного массива своих негерманских владений);

– требовалось скорее искать решение вопроса «сверху», при том с учетом чаяний народных масс. Риск альтернативного решения – «снизу» – всё более становился «дамокловым мечом», нависавшим над официальным Берлином³.

Особенно отчётливо это понял Вильгельм I, пришедший к власти вследствие объявления недееспособным Фридриха Вильгельма IV в ноябре 1857 г. Для процесса объединения была важна не только идеологическая и политическая детерминированность, но и экономическая: в 1830–1860-е годы в Пруссии была создана передовая тяжёлая промышленность, в системе которой исключительную роль стали играть Рурский и Верхнесилезский промыш-

¹ Матвеева А.Г. Германия: воплощение национальной мечты // Всемирная история. Т. 5. Мир в XIX веке: на путях индустриальной цивилизации / Институт всеобщей истории РАН. – М.: Наука, 2019. – С. 617–624.

² Свечин А.А. Эволюция военного искусства. Том 2. Глава IV. Прусская армия эпохи объединения Германии // Военная литература. Режим доступа: <http://militera.lib.ru/science/svechin2b/04.html> (дата обращения: 21.08.2021).

³ Данн О. Нации и национализм в Германии. 1770–1990 / Перевод с нем. И.П. Стреловой. – СПб: Наука, 2003. – С. 132–137.

ленные бассейны; по уровню технической грамотности среднестатистический житель Королевства уже в то время стал существенно опережать подданных других европейских монархий¹. Однако все эти факторы оказывались недостаточными без дополнения их ещё одним – военно-силовым.

Ситуация 1849 г. отчётливо показывала, что официальный Берлин не сможет добиться согласия монархов немецкоязычных стран – прежде всего, Австрии и её союзников – на принятие прусским королем титула германского императора без ведения войн. В этой связи возникает вопрос: насколько прусская «военная машина» была готова к данному испытанию? Реформа 1807–1813 гг. не просто позволила войскам Пруссии вновь войти в число ведущих вооружённых сил государств мира, но и предоставила передовой опыт сразу по двум направлениям:

1) пополнение действующих войск резервистами (крюмперами), притом в крайне сжатые сроки непосредственно накануне широкомасштабных боевых действий;

2) развёртывание массового государственного ополчения, способного к разноплановому объединению усилий с регулярными войсками, включая достаточно быстрое интегрирование в их состав.

Именно эти две схемы развития, помноженные на поддержку Российской империи, позволили Пруссии стремительно «восстать из пепла» в 1813 г. Заменой крюмперов стали официальные резервисты – отслужив в войсках 2 года, следующие 3 года они пребывали в резерве, подлежа мобилизации в случае необходимости. Первый пункт – массовое пополнение резервистами регулярных войск (прежде всего, пехотных частей) – был во многом новаторским. Таковым во многом оказалось и второе положение. Как уже отмечалось в Главе II, при развёртывании ландвера прусская сторона активно использовала российский опыт. Однако по завершении наполеоновского нашествия в Российской империи государственное ополчение было распущено, а в Пруссском королевстве ландвер был сохранен с превращением его в «вторую стену», т.е. стратегический эшелон подкрепления регулярных войск. Ополчение делилось на две категории. Включению в состав полевых войск подлежал лишь ландвер первой категории, объединявший в своем составе всех молодых людей в возрасте от 20 до 25 лет, не попавших на действительную службу, а также тех, в возрасте от 25 до 32 лет, кто онью уже прошёл (перед тем они сначала 3 года пребывали в резерве ре-

¹ Уткин А.И. Первая мировая война. – М.: Алгоритм, 2001. – С. 25–30.

гулярной армии). Ежегодно проводились военно-учебные занятия продолжительностью 8–14 дней. В каждой волости с 1815 г. создавалась рота ландвера, подготовкой которой руководил её единственный кадровый военнослужащий – фельдфебель, в остальное время охранявший склад с ротным обмундированием и вооружением. Ополченец после пребывания в первом разряде ландвера еще на 7 лет зачислялся во второй, который предназначался лишь для охраны крепостей и службы в тылу¹. Ландвер позволял привлечь, организовать и вооружить широкие народные массы – притом теоретически не только подданных короля по состоянию на момент начала конфликта, но и всех желающих сражаться под прусскими знаменами, включая отставных и даже действующих (в случае их дезертирства с целью смены государства службы) военных. Наличие большого корпуса резервистов позволяло оперативно наращивать регулярные войска и, наоборот, быстро сокращать их, возвращая массы рабочих рук в хозяйственную сферу по достижении политических целей военным путем.

К 1820-м годам Пруссия, имея порядка 10 млн населения, располагала ежегодным контингентом примерно в 80 тыс. новобранцев. Из них на действительную службу принимались 30 тыс., а порядка 50 тыс. зачислялись в ландвер². Это потенциально позволяло иметь в ландвере первого разряда около 250 тыс. человек без опыта военной службы в возрасте 20–25 лет и ещё примерно столько же резервистов в возрасте 25–32 лет, отслуживших в регулярных войсках. То есть даже без учёта своего второго разряда ландвер представлял собой огромную силу. При этом численность регулярной армии мирного времени к концу 1850-х годов составляла 130 тыс. солдат и офицеров³, или 1,3% населения – примерно столько же, сколько было в этих силах в кампанию 1813 г., но в тех реалиях с учётом призыва крюмперов.

Безусловно, создание ландвера и особенно его сохранение как хорошо организованной силы после окончания войны в 1815 г. были важными факторами демократизации Прусского королевства. Именно командные кадры и от части «ядро» ополчения являлись проводниками буржуазных идей. Этим обусловливалось неприятие

¹ Свечин А.А. Эволюция военного искусства. Том 2. Глава IV. Прусская армия эпохи объединения Германии // Военная литература. Режим доступа: <http://militera.lib.ru/science/svechin2b/04.html> (дата обращения: 21.08.2021).

² Там же.

³ Там же.

ландвера как военной организации со стороны монарха, его приближенных, а также многочисленных представителей дворянства, особенно на высших командных должностях. В их представлении тот факт, что прусская «военная машина», в отличие от австрийской, не была полностью регулярной, т.е. не подчинялась на 100% монарху и его командованию, было огромным минусом. Однако именно эта *двусоставность* – регулярные войска и ландвер одновременно – превращала войска Пруссии в несоизмеримо более пригодные для участия в войнах за объединение Германии, чем была австрийская императорская армия.

Группа военных реформаторов, создававших новую прусскую армию в 1807–1813 гг. и не дававших ликвидировать ее основ, отчётливо понимала, что военная теория не может существовать сама по себе, без общеполитического контекста, оказывающего на нее все более масштабное влияние. Соответствующие концептуальные установки были зафиксированы в выдающейся работе К. Клаузевица «О войне»: сам феномен военного конфликта, как известно, рассматривался автором как продолжение политики, но уже другими средствами¹.

В XVIII в. Пруссия была страной, чья деятельность была во многом направлена на удовлетворение интересов армии, однако сама армия, будучи составлена из офицеров-дворян (для которых исторически военная служба была основным родом занятий в государстве), кантонистов и наёмников, была оторвана от народа. Дистанцирование армии от масс жителей считалось нормой для любого государства (Российской империи, Франции, Австрии), однако расстояние между этими двумя силами в случае Пруссии с 1813 г. резко сократилось. Армия становилась действительно народной, иллюстрацией чему становилась популярность службы в ней среди масс крестьян и горожан. Иными словами, войска становились наиболее хорошо подготовленной и оснащённой частью «вооружённого народа». Новизна и перспективность данных положений были понятны передовому генералитету (прежде всего, продолжавшем состоять на службе военным реформаторам, а в последующем их ученикам), приобретая особое прочтение в условиях подготовки войн за германское объединение. Хотя сами инициаторы преобразований были уволены из вооружённых сил в 1820-е – начале 1830-х годов, созданная ими система не была разрушена даже в условиях жёсткой реакции после

¹ См.: Клаузевиц К. О войне. – М.: Эксмо, 2003. – С. 12–20.

революционных событий 1848–1849 гг.: так, ландвер был оставлен в существующем виде. Почему? Как уже отмечалось, масштаб протестов в Берлине в 1848 г. был меньше, чем в Вене; в случае Прусского королевства не наблюдалось ничего подобного Венгерскому восстанию в империи Габсбургов, подавленному с огромным трудом (только благодаря получению масштабной военной помощи от России). Хотя армия и проиграла «борьбу за баррикады» в Берлине, она осталась боеспособной в ходе революционных событий. Этому способствовало не только быстрое формальное примирение правительства и восставших, но и тот факт, что последние во главу угла ставили именно процесс объединения Германии под эгидой прусского короля (как конституционного монарха). Здесь интересы последнего и буржуазии совпадали, а следовательно, не имело смысла разрушать нити стратегического контакта между ними, в системе из которых важную роль ландвер. В свою очередь, армия (и ландвер) нацеливались обеими сторонами всё же не на внутреннее противостояние (где регулярные войска короля и ополченцы могли начать сражаться друг с другом), а на участие во внешней вооружённой борьбе, имевшей объединительное начало.

В отличие от других европейских стран Пруссия не только не была столь сильно потрясена изнутри революционными протестами в 1848–1849 гг., но и не участвовала в войнах середины – второй половины 1850-х годов, что происходили на европейском континенте. Официальный Берлин единственным из крупных европейских стран¹ не принял участие в Крымской войне в качестве её непосредственного участника (Франция, Великобритания, королевство Сардиния) или стороны, оказывавшей военно-политическое давление на Россию (Австрийская империя, а также Швеция). К числу причин этого относилось объективное нежелание поддерживать державы (официальные Вена и Париж), мешавшие усилиению позиций Прусского королевства в германских землях. Позицию невмешательства прусская сторона занимала и в ходе войны 1859 г.: в условиях боевых действий Франции и Сардинии с Австрией (на итальянском ТВД) официальный Берлин был заинтересован в ослаблении крупнейшего соперника в Германском союзе, одновременно рассматривая вопрос о нанесении удара по Парижу в условиях скованности французских

¹ К числу исключений также относилась Испания, однако она была крайне слаба в рассматриваемый период. – *Прим. авт.*

войск в Италии¹. Однако этот план реализован не был. Главной причиной тому стала относительная малочисленность прусских регулярных войск для решения данной более чем амбициозной задачи. Соответственно, возникала потребность в их существенном наращивании.

3.2. Преобразования армии в 1860–1861 гг.

Сохраняя двусоставную структуру, прусская армия в середине XIX в. достигла уровня регулярности, которого ей так не хватало в 1813 г. и первые годы после проведения реформы. Тогда войска имели «неотесанный вид» в прямом (наличие массы бойцов не только в ландвере, но даже в регулярных войсках из числа крюмперов и вольноопределившихся, не имевших полного положенного по штату комплекта военной формы) и переносном смыслах. В последнем случае речь шла о том, что войска были составлены в подавляющем большинстве из людей, не имевших опыта службы в войсках до этого или пребывавших там очень короткое время (до нескольких недель). В определенной степени это компенсировалось огромным моральным подъёмом, и все же даже в 1815 г. прусская армия обладала наименьшей степенью регулярности среди войск союзников по антифранцузской коалиции – и не только из-за ландвера, но и недостаточной обученности кадров постоянных войск.

Логично, что спустя несколько десятилетий данная проблема была преодолена, включая и ландвер, уровень боевой подготовки которого был несоизмеримо выше, чем в 1813 г., когда государственное ополчение создавалось практически с нуля. Фактор наличия многочисленного корпуса резервистов и сил ополченцев дополнялся тем, что Пруссия не понесла потерь (во всех отношениях) в ходе военных конфликтов 1853–1856 гг. и 1859 г., тем сохранив все свои подготовленные кадры рядовых, унтер-офицеров и офицеров. Притом неучастие в боевых действиях не означало, что прусским командованием не изучался их опыт – напротив, он исследовался самым тщательным образом. В этом обобщении особую роль стал играть генеральный штаб, который с 1857 г. возглавил Х. Мольтке-старший. Переходя еще в молодости с датской службы на прусскую, Х. Мольтке-старший обладал редкими даже

¹ Свечин А.А. Эволюция военного искусства. Том 2. Глава IV. Прусская армия эпохи объединения Германии // Военная литература. Режим доступа: <http://militera.lib.ru/science/svechin2b/04.html> (дата обращения: 21.08.2021).

для передовых представителей офицерского корпуса академическими знаниями по истории, географии, языкоznанию. Он стремился вернуть генеральному штабу прусской армии ту роль в стратегическом планировании, которую эта структура играла при Г. Шарнхорсте в ходе военной реформы 1807–1813 гг.

Назначение Х. Мольтке-старшего хронологически совпало с приходом к власти Вильгельма I. Тот стремился к увеличению регулярной армии и сокращению ландвера, найдя в изысканиях и планах генерального штаба необходимые основания для данного наращивания «военной машины» страны. Здесь следует подчеркнуть, что основной этап реформы прусской армии стартовал еще до назначения О. фон Бисмарка министром-президентом Пруссии (1862).

К 1859 г. Пруссия имела 130-тысячную регулярную армию, которая могла быть усиlena при мобилизации 70 тыс. резервистов, а также подкреплена боеготовыми 150 тыс. бойцов и командиров ландвера первого разряда. Иными словами, в случае опасности прусское командование могло быстро развернуть 350-тысячные силы, т.е. увеличить численность полевых войск почти втрое¹. Структура войск мирного времени (1859) представлена в таблице 3.1.

Как видно из таблицы 3.1. (в сопоставлении с табл. 2.2. в предшествующей главе), со временем военной реформы 1807–1813 гг. корпус оставался высшим соединением войск в мирное время, притом число армейских корпусов не увеличилось с 1815 г. – 8 (плюс гвардейский). Бригады (пехотные и кавалерийские) в составе корпусов также остались, а фузилёрные и артиллерийские полки продолжали использоваться отдельно – в качестве частей корпусного подчинения. Количество полков не увеличилось: 32 пехотных и 8 фузилёрных, т.е. суммарно 40 в армейской пехоте, а также 12 гусарских, 8 кирасирских, 8 уланских и лишь 4 драгунских (было в 1815 г. 8), т.е. суммарно 32 полка регулярной конницы, а также 8 артиллерийских полков. В ландвере первого разряда соответственно имелось 32 пехотных и 32 кавалерийских полка (в случае фузилерных и артиллерийских частей дублирование отсутствовало). Гвардия имела: регулярной пехоты – 9 полков, ландвера – 8; конницы – 4, ландвера – 2, а сверх того артиллерийский полк. Таким образом, суммарно прусская «военная машина» к 1860 г. имела 49 регулярных и 40 ландверных полков в пехоте, в коннице соответственно 36 и 32, а также 9 артиллерийских региментов.

¹ Свечин А.А. Эволюция военного искусства. Том 2. Глава IV. Прусская армия эпохи объединения Германии // Военная литература. Режим доступа: <http://militera.lib.ru/science/svechin2b/04.html> (дата обращения: 21.08.2021).

Таблица 3.1.

Структура прусской армии к 1859 г.¹
Часть I

Корпус (дислокация штаба)	Дивизия	Полки в составе пехотной бригады	Полки в составе кавалерийской бригады	Полки в составе пехотной бригады ландвера
1	2	3	4	5
Гвардейский (Берлин)	1-я гвардейская	1-й гвардейский пехотный 2-й гвардейский пехотный	—	1-й гвардейский пехотный ландвера 2-й гвардейский пехотный ландвера
	2-я гвардейская	1-й гвардейский grenadierский 2-й гвардейский grenadierский	—	1-й гвардейский grenadierский ландвера 2-й гвардейский grenadierский ландвера
	Кавалерийская	—	Гвардейский кирасирский полк Гвардейский уланский полк Лейб-гвардейский гусарский полк Гвардейский драгунский полк	—
1-й армейский (Кёнигсберг)	1-я пехотная дивизия	1-й пехотный 3-й пехотный	3-й кирасирский 1-й драгунский	1-й пехотный ландвера 3-й пехотный ландвера
	2-я пехотная дивизия	4-й пехотный 5-й пехотный	5-й кирасирский 1-й гусарский	4-й пехотный ландвера 5-й пехотный ландвера
2-й армейский (Штеттин)	3-я пехотная дивизия	2-й пехотный 9-й пехотный	2-й кирасирский 5-й гусарский	2-й пехотный ландвера 9-й пехотный ландвера
	4-я пехотная дивизия	14-й пехотный 21-й пехотный	3-й драгунский 4-й уланский	14-й пехотный ландвера 21-й пехотный ландвера
3-й армейский (Франкфурт- на-Одере)	5-я пехотная дивизия	8-й пехотный 12-й пехотный	2-й драгунский 3-й уланский	8-й пехотный ландвера 12-й пехотный ландвера
	6-я пехотная дивизия	20-й пехотный 24-й пехотный	6-й кирасирский 3-й гусарский	20-й пехотный ландвера 24-й пехотный ландвера
4-й армейский (Магдебург)	7-я пехотная дивизия	26-й пехотный 27-й пехотный	7-й кирасирский 10-й гусарский	26-й пехотный ландвера 27-й пехотный ландвера
	8-я пехотная дивизия	31-й пехотный 32-й пехотный	8-й кирасирский 12-й гусарский	31-й пехотный ландвера 32-й пехотный ландвера
5-й армейский (Позен)	9-я пехотная дивизия	6-й пехотный 7-й пехотный	4-й кирасирский 2-й гусарский	6-й пехотный ландвера 7-й пехотный ландвера
	10-я пехотная дивизия	18-й пехотный 19-й пехотный	7-й гусарский 1-й уланский	18-й пехотный ландвера 19-й пехотный ландвера
6-й армейский (Бреслау)	11-я пехотная дивизия	10-й пехотный 11-й пехотный	1-й кирасирский 4-й гусарский	10-й пехотный ландвера 11-й пехотный ландвера
	12-я пехотная дивизия	22-й пехотный 23-й пехотный	6-й гусарский 2-й уланский	22-й пехотный ландвера 23-й пехотный ландвера

¹ Построено автором на основе: *Curt J. Geschichte der preußischen Armee vom 15. Jahrhundert bis 1914.* – Osnabrück: Biblio Verlag, 1967. – S. 550–640.

Продолжение таблицы 3.1.

1	2	3	4	5
7-й армейский (Мюнстер)	13-я пехотная дивизия	13-й пехотный 15-й пехотный	11-й гусарский 6-й уланский	13-й пехотный ландвера 15-й пехотный ландвера
	14-я пехотная дивизия	16-й пехотный 17-й пехотный	8-й гусарский 5-й уланский	16-й пехотный ландвера 17-й пехотный ландвера
8-й армейский (Кобленц)	15-я пехотная дивизия	25-й пехотный 28-й пехотный	4-й драгунский 7-й уланский	25-й пехотный ландвера 28-й пехотный ландвера
	16-я пехотная дивизия	29-й пехотный 30-й пехотный	9-й гусарский 8-й уланский	29-й пехотный ландвера 30-й пехотный ландвера

Часть II

Корпус (дислокация штаба)	Дивизия	Полки в составе кавалерийской бригады ландвера	Полки корпусного подчинения
Гвардейский (Берлин)	1-я гвардейская	—	Гвардейский фузилёрный Гвардейский артиллерийский
	2-я гвардейская	—	
	Кавалерийская	1-й гвардейский кавалерийский ландвера 2-й гвардейский кавалерийский ландвера	
1-й армейский (Кёнигсберг)	1-я пехотная дивизия	3-й рейтарский ландвера 1-й драгунский ландвера	33-й фузилёрный 1-й артиллерийский
	2-я пехотная дивизия	5-й рейтарский ландвера 1-й гусарский ландвера	
2-й армейский (Штеттин)	3-я пехотная дивизия	2-й рейтарский ландвера 5-й гусарский ландвера	34-й фузилёрный 2-й артиллерийский
	4-я пехотная дивизия	3-й драгунский ландвера 4-й уланский ландвера	
3-й армейский (Франкфурт-на- Одере)	5-я пехотная дивизия	2-й драгунский ландвера 3-й уланский ландвера	35-й фузилёрный 3-й артиллерийский
	6-я пехотная дивизия	6-й рейтарский ландвера 3-й гусарский ландвера	
4-й армейский (Магдебург)	7-я пехотная дивизия	7-й рейтарский ландвера 10-й гусарский ландвера	36-й фузилёрный 4-й артиллерийский
	8-я пехотная дивизия	8-й рейтарский ландвера 12-й гусарский ландвера	
5-й армейский (Позен)	9-я пехотная дивизия	4-й рейтарский ландвера 2-й гусарский ландвера	37-й фузилёрный 5-й артиллерийский
	10-я пехотная дивизия	7-й гусарский ландвера 1-й уланский ландвера	
6-й армейский (Бреслау)	11-я пехотная дивизия	1-й рейтарский ландвера 4-й гусарский ландвера	38-й фузилёрный 6-й артиллерийский
	12-я пехотная дивизия	6-й гусарский ландвера 2-й уланский ландвера	
7-й армейский (Мюнстер)	13-я пехотная дивизия	11-й гусарский ландвера 6-й уланский ландвера	39-й фузилёрный 7-й артиллерийский
	14-я пехотная дивизия	8-й гусарский ландвера 5-й уланский ландвера	
8-й армейский (Кобленц)	15-я пехотная дивизия	4-й драгунский ландвера 7-й уланский ландвера	40-й фузилёрный 8-й артиллерийский
	16-я пехотная дивизия	9-й гусарский ландвера 8-й уланский ландвера	

Однако по сравнению с 1815 г. произошли и заметные изменения, свидетельствующие о повышении степени регулярности «войenne машины» в целом – как постоянных войск, так и ландвера. В составе армейских корпусов были созданы дивизии (по две на корпус), притом все они были не только «большими», но и родовыми, включая по 2 пехотные и по 2 кавалерийские бригады. Притом каждая бригада регулярных (кадровых) войск дублировалась бригадой войск ландвера первого разряда, включая абсолютно идентичное название полков как в пехоте, так и коннице. В случае ополчения лишь добавлялось указание на принадлежность к ландверу, а кирасирские полки у ополчения назывались рейтарскими. Система дублирования существовала даже в гвардейском корпусе. Одинарными оставались лишь артиллерийские и фузилёрные полки, рассматривавшиеся командованием в качестве частей с повышенной огневой мощью, а потому фактически представлявшие корпусной резерв. Показательным представляется отсутствие выделения и сведения кавалерийских бригад в отдельные конные дивизии в случае армейских корпусов (таковая имелась только в составе гвардейского корпуса).

Не в пример ситуации середины 1810-х годов ландвер первого разряда был намного сильнее, лучшая часть его была фактически предельно интегрирована в кадровые войска. В этой связи следует подчеркнуть, что запланированное и осуществленное властями Пруссии в 1860 г. переформирование полков ландвера в постоянные готовилось на протяжении нескольких предшествующих десятилетий, а потому было осуществлено технически очень быстро.

Ключевыми политическими фигурами, определявшими контуры военной реформы, были Вильгельм I и вновь назначенный военный министр А. фон Роон. Роль генерального штаба и персонально Х. Мольтке-старшего была существенно ограниченнее. Однако уже в этот период высшее политическое руководство опиралось на выкладки военных технократов, обосновывавших необходимость существенного увеличения регулярной армии: её численный состав обеспечивал с высокой долей вероятности оборону границ Королевства, но был недостаточен для проведения наступательной внешней политики, т.е. основанной на подкреплении дипломатии боевым применением армии.

Между 1815 и 1860 гг. население Прусского королевства выросло с 10 до 18 млн человек, т.е. в последнем случае ежегодный контингент, который мог бы потенциально быть набран в армию, составлял уже от 140 до 150 тыс., а не порядка 80 тыс. человек.

Из них только 38 тыс., или несколько более 25%, были охвачены действительной службой¹. Вильгельм I и военный министр А. фон Роон приняли решение о наращивании численности данного контингента с 38 до 63 тыс., а срок действительной службы был увеличен с 2 до 3 лет, пребывания в резерве – с 3 до 4 лет, т.е. суммарно с 5 до 7 лет. Это вело к прибавлению массы войск мирного времени со 130 до 213 тыс. солдат и офицеров², притом последняя цифра составляла лишь 1,2% всего населения Пруссии. Несложно подсчитать, что из этого числа 189 тыс. составляли солдаты срочной службы, а оставшиеся 24 тыс. – офицеры и особенно сверхсрочные унтер-офицеры. Количество последних существенно превышало потребности роты (батальона, полка) мирного времени. Наличие большого числа сверхштатных унтер-офицеров обеспечивало быстрое приведение в боевую готовность масс резервистов, получаемых по мобилизации. Последние, ранее служа в той же роте, хорошо знали тамошних унтер-офицеров, а те, в свою очередь, первых³.

Было сформировано 49 новых полков: было удвоено число пехотных (исключая фузилёрные) и драгунских полков в армии, которые создавались на основе соответствующих ландверных полков в регулярные. Притом основная масса конницы в ландвере подверглась упразднениям.

Как уже отмечалось, высокая степень интегрированности ландвера первого разряда в состав армии сократила до предела продолжительность удвоения численности инfanterии: это было осуществлено в течение 1–2 лет. Сохранялась территориальная система комплектования полка (разумеется, с сужением района набора контингента новобранцев для одного полка с учетом резкого увеличения их числа), что обеспечивало быстрое повышение боеспособности резервистов при мобилизации, так как военнослужащие знали друг друга. Основы данной схемы были заложены ещё в период кантонной системы.

В результате дивизии стали иметь следующий вид: каждая из них включала по 2 пехотные бригады из 2 полков инfanterии

¹ Свечин А.А. Эволюция военного искусства. Том 2. Глава IV. Прусская армия эпохи объединения Германии // Военная литература. Режим доступа: <http://militera.lib.ru/science/svechin2b/04.html> (дата обращения: 21.08.2021).

² Там же.

³ История войн. Иллюстрированный атлас военной истории с древнейших времен до XXI века. – М.: ACT, Астрель, 2004. – С. 130–131.

каждая, притом уже исключительно регулярных, а также кавалерийскую бригаду в составе 2 конных полков, также регулярных. Соответственно, ландвер исчезал в принципе из состава пехотных дивизий корпусов королевской армии (структура последних: 2 дивизии и части корпусного подчинения, – в основе своей оставалась неизменной). Полки являлись «большими»: батальон по штату в условиях начала войны должен был иметь 1002 военнослужащих, а в мирное время – 538 человек. Однако постепенность увеличения корпуса резервистов в увязке с удвоением числа регулярных полков пехоты привела к тому, что к середине 1860-х годов батальоны могли быть укомплектованы только по 800 солдат и офицеров¹. Однако и это уже превращало полк в часть численностью порядка 2,5 тыс. солдат и офицеров, а дивизия имела соответственно 10 тыс. пехотинцев и свыше 1 тыс. конницы, а с учетом артиллерии и сил дивизионного подчинения – 12–13 тыс. солдат и офицеров. Прусская дивизия стала окончательно «квадратной», что позволяло наносить сразу два удара (побригадно) либо одну бригаду «растягивать», а вторую предельно концентрировать.

Особое внимание было уделено подготовке резервов. Корпус резервистов, прошедших службу в регулярных войсках, насчитывал теперь свыше 100 тыс. военнослужащих². Сверх того, были сформированы запасные части (пехотные, артиллерийские и кавалерийские полки), в которых должны были проходить подготовку молодые люди, не попавшие в призывной контингент: численность этих сил первоначально (1860) определялась в 126 тыс. человек, включая небольшое организационное «ядро» из кадровых фельдфебелей и унтер-офицерских кадров в целом³.

Ландвер второй очереди подлежал упразднению. Ландвер первой очереди был, как уже отмечалось, выведен из состава воинских соединений. У него забрали наиболее ценные категории: не охваченную службой молодёжь (ее подготовка теперь велась в запасных частях), а также два возраста резервистов; оставшиеся (от 27 до 32 лет) теперь предназначались для использования исключительно в тыловых силах, охране крепостей и коммуникаций⁴.

¹ Свечин А.А. Эволюция военного искусства. Том 2. Глава IV. Прусская армия эпохи объединения Германии // Военная литература. Режим доступа: <http://militera.lib.ru/science/svechin2b/04.html> (дата обращения: 21.08.2021).

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

Состав прусской армии омолаживался, её схема комплектования становилась практически однотипной: регулярные войска стали доминировать, в то время как ландвер превращался в существенно более слабую, малочисленную силу. С одной стороны, в ходе преобразований в 1860–1861 гг. руководство Пруссии фактически поменяло двусоставную схему комплектования войск, введенную на завершающем этапе реформы 1807–1813 гг. С другой – эти изменения были заложены ещё в оной: лучшие полки ландвера планировалось со временем (без конкретизации в то время) превратить в регулярные, тем увеличивая их число; собственно, потому лучшие части государственного ополчения и стали уже с 1815 г. вводиться в состав пехотных дивизий на постоянной основе. Как объяснить данное противоречие? В реформе 1807–1813 гг. был заложен потенциал для усиления регулярной армии за счёт ландвера, т.е. изменение соотношения между ними, однако эта разница представлялась группе военных реформаторов не столь разительной в пользу кадровой армии с превращением ландвера во вспомогательную силу.

Вместе с тем ландвер не был упразднен полностью, тем создавая основу для формирования дивизий (третьей очереди и т.д.) в случае возникновения масштабной и растягивающейся по времени войны. С политической точки зрения ослабление ландвера вкупе с увеличением продолжительности военной службы было критически воспринято буржуазией: её представители, составляя большинство в парламенте, выступали против увеличения финансирования возросшей регулярной армии. В итоге был найден компромисс: ландтаг вернул правительству проект реорганизации армии, но на год увеличил военный бюджет на требуемые 9 млн талеров, что позволило сформировать новые кадровые части. В последующие годы рост ассигнований (на каждые 12 месяцев) вновь повторялся¹, что стало безусловной победой короля над парламентариями.

Преобразования 1860 г. усилили прусскую армию, притом не только преобладающим численно, но и наиболее ценным с боевой точки зрения родом войск безусловно признавалась пехота. Удвоение числа полков затронуло прежде всего её (так, в случае конницы увеличение охватило лишь драгун; создание новых артиллерийских частей требовало достаточно большого времени). Техническое переоснащение инfanтерии началось ещё в 1840-е годы, когда в пе-

¹ Чубинский В.В. Бисмарк: политическая биография. – М.: Мысль, 1988. – С. 109–110.

хотные части стала поступать игольчатая винтовка Дрейзе¹. Её образцы были похищены из военного арсенала в Берлине в ходе революционного выступления 1848 г., однако ценность данного оружия не была оценена другими европейскими странами: винтовка Дрейзе требовала очень грамотного с собой обращения (что не могло быть обеспечено в армии Австрийской державы или других немецких государств)². Для Пруссии, как уже отмечалось, это не являлось проблемой, учитывая достаточно высокий рост образованности, в том числе технической грамотности населения, обусловленный достаточно динамичной индустриализацией страны. Винтовка Дрейзе давала колоссальное преимущество: её можно было перезаряжать лежа, тем многократно уменьшая потери от неприятельского огня³. Однако развитие артиллерии отставало в данном отношении от стреловых войск: значительная часть ее оставалась ещё гладкоствольной⁴.

Оснащение армии игольчатыми винтовками, завершенное в случае регулярных войск к началу 1860-х годов, во многом определяло тактику войск: четырехшершонные стрелковые цепи для батальона. В первой линии двигались лучшие стрелки (снайперы) 1-й и 4-й рот, суммарно 67 солдат и унтер-офицеров из 800, имевшихся в батальоне; во второй – следующие 67 военнослужащих этих же рот. В третьей линии двигались остальные подразделения 1-й и 4-й рот (266 солдат и унтер-офицеров), а в четвертой – 2-я и 3-я роты (суммарно 400 военнослужащих)⁵. При полном укомплектовании батальона (по мере роста реально накопленного запаса резервистов до 1 тыс. солдат и офицеров) эти цифры возрастили на 25%. Тактически представленная схема позволяла наносить противнику существенные потери (притом имея минимальные свои), одновременно проводя разведку его расположения, а в последующем – резко наращивать, т.е. массировать войска на локальном участке, где наметился наибольший успех. Эта тактика обеспечила прусской пехоте существенное качественное преимущество.

¹ История войн. Иллюстрированный атлас военной истории с древнейших времен до XXI века. – М.: АСТ, Астрель, 2004. – С. 130–131.

² Свечин А.А. Эволюция военного искусства. Том 2. Глава IV. Прусская армия эпохи объединения Германии // Военная литература. Режим доступа: <http://militera.lib.ru/science/svechin2b/04.html> (дата обращения: 21.08.2021).

³ История войн. Иллюстрированный атлас военной истории с древнейших времен до XXI века. – М.: АСТ, Астрель, 2004. – С. 130–131.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

щество над армиями других европейских стран – прежде всего, австрийской, а также французской и тем более датской, войск малых и средних немецких государств. Таким образом, «квадрат» как основа построения был реализован и в случае пехотного батальона, а не только дивизии: 4 роты, из них две ударные и две предназначенные для развития успеха. В свою очередь, конница и артиллерия рассматривались в виде сил поддержки пехоты, что далеко не всегда (особенно во втором случае) было верным.

3.3. Завершение военной реформы. Её проверка в войнах за объединение Германии

Резкое усиление регулярной армии, сопровождаемое ростом военного бюджета, вызывало первоначально критическое восприятие со стороны значительной части буржуазии, непонимание со стороны ряда представителей политической верхушки (в частности, кронпринца). В этой связи исключительную роль сыграл ставший в 1862 г. министром-президентом Прусского королевства О. фон Бисмарк. Военная реформа приобретала совершенно иной смысл в условиях подготовки официального Берлина к циклу войн за объединение Германии под своей эгидой, т.е. создания общеноционального государства «железом и кровью».

Каждый из военных конфликтов тщательно готовился в дипломатическом плане – противник максимально ослаблялся политически, а уже затем следовало применение силовой мощи королевской армии. При этом борьба с оппонентами шла поочередно (Дания – Австрия и её южногерманские союзники – Франция) с превращением вчерашних партнёров в открытых врагов и наоборот, что позволяло избежать войны на два (и тем более три) фронта, концентрируя максимум ресурсов на единственном театре военных действий (ТВД). Для достижения побед значимым был и переход от меньшего к большему, т.е. борьба сначала с самым слабым из внешних оппонентов объединения немецкоязычного населения под властью Гогенцоллернов (Дания), затем уже с более сильными по нарастающей (Австрийская империя и в завершение Французская империя). Это позволяло определять «узкие места» военной реформы, внося корректизы для исправления недоработок. Была обеспечена высокая скорость исправления ошибок (в частности, в вопросе массовой замены дульнозарядных гладко-

ствольных артиллерийских систем на казнозарядные нарезные между 1866 и 1870 гг.), что объяснялось прежде всего высоким уровнем промышленного развития страны и гибкостью развития «военной машины», её готовности к изменениям, особенно с учётом лишь недавно начатых (с начала 1860-х годов) и ещё не до конца завершенных преобразований армии.

Здесь следует отметить, что в рассматриваемый период Пруссия стала располагать крупными, хорошо организованными, подготовленными и оснащенными массами сухопутных войск, однако королевский военно-морской флот фактически отсутствовал, будучи представлен лишь несколькими небольшими и средними кораблями. Соответственно, Королевство являлось исключительно сухопутной державой, что накладывало существенный отпечаток на внешнеполитическую стратегию.

В 1864 г. Пруссия, действуя совместно с Австрией (и опираясь на поддержку Германского союза), развернула боевые действия против Дании за обладание Шлезвигом и Гольштейном. Именно официальный Берлин стал инициатором войны – и политически, и первым применением своих войск (занятие Кольдинга)¹, во многом втянув Габсбургов в орбиту своей политики в данном вопросе. Однако в ходе развернувшихся крупномасштабных боевых действий против датских войск, достаточно малочисленных и намного хуже вооружённых и обученных, прусские войска сначала оставались «в тени». Почему? Они постепенно, внимательно изучая все преимущества и недостатки (которых оказалось очень мало) проведенной реорганизации войск, апробировали их возможности в бою, притом в сопоставлении с австрийскими войсками, приобретшими боевой опыт в ходе войны с Францией и Италией 1859 г. В частности, по итогам этого конфликта австрийцы сделали более чем сомнительный вывод о важности штыковых атак² – в случае с датской армией сработала даже эта тактика, однако эффективность массированного огня стрелковых цепей пруссаков приводила к несоизмеримо большим результатам³. Слабость огневой подготовки имперской инfanterie была отмечена; однако

¹ Чубинский В.В. Бисмарк: политическая биография. – М.: Мысль, 1988. – С. 158–159.

² История войн. Иллюстрированный атлас военной истории с древнейших времен до XXI века. – М.: АСТ, Астрель, 2004. – С. 129.

³ Свечин А.А. Эволюция военного искусства. Том 2. Глава IV. Прусская армия эпохи объединения Германии // Военная литература. Режим доступа: <http://militera.lib.ru/science/svechin2b/04.html> (дата обращения: 21.08.2021).

пруссаки не обратили внимания на ценность практического применения масс казнозарядных нарезных орудий – прежде всего потому, что в борьбе со слабой датской армией пушки и гаубицы австрийским командованием использовались в достаточно ограниченных объемах. Поскольку вся линия снабжения и передвижения австрийских войск, воевавших в северонемецких землях Шлезвиг и Гольштейн, пролегала по территории Пруссии, то её командование могло детально, на практике, изучить схему развертывания и обеспечения императорской армии. Её «узкими местами» являлись:

- 1) опора практически исключительно на гужевой транспорт;
- 2) отсутствие системы динамичной подготовки сильных резервов (в том числе ограниченное пополнение даже имевшихся частей и соединений);
- 3) достаточно слабая координации действий группировок, особенно если они находились на значительном удалении друг от друга.

В первом случае прусский генеральный штаб по приказу своего начальника – Х. Мольтке-старшего – активно изучал опыт войны 1859 г., когда Наполеон III использовал сначала переброску на пароходах по морю (что в условиях Центральной Европы не представляло большой ценности), а затем по железной дороге, притом рокадной, т.е. перпендикулярной линии фронта, причем уходящей в глубь территории, формально контролируемой противником¹. Прусская сторона в первой половине 1860-х годов стала уделять повышенное внимание строительству железных дорог, особенно в южных (в том числе сопредельных с Австрией) и западных (включая прилежащие к Франции) провинциях. Тем самым не только существенно повышалась скорость сосредоточения войск в районах подготовки наступления, но также и расширялся фронт их первоначального развертывания, что позволяло наносить сразу несколько мощных ударов, разъединяя силы противника и создавая угрозу окружения его войск.

В другом пункте – вопросе пополнения войск мирного времени резервистами и создание новых формирований – прусская «военная машина» далеко опережала австрийскую. Однако конкретно в 1864 г. возникла проблема, имевшая сугубо временный характер: из-за того, что резкий скачок численности вновь набираемых на службу произошел с 1860–1861 гг., к 1864 г. ещё физически не была накоплена масса запасников, позволявших обеспе-

¹ История войн. Иллюстрированный атлас военной истории с древнейших времен до XXI века. – М.: АСТ, Астрель, 2004. – С. 128–129.

чить доукомплектование всех дивизий до штата. Поскольку в боевых действиях против Дании были задействованы лишь 3 дивизии (т.е. чуть более 15% от их общего числа), их батальоны вполне могли быть доукомплектованы до штатной численности – 1002 солдата и офицера – за счет резервистов дивизий, не затронутых мобилизацией. Однако генеральный штаб не пошёл на реализацию данной меры, доукомплектованы батальоны были лишь до 802 военнослужащих¹, но зато без привлечения «чужих» (закрепленных за иными соединениями) запасников. Даже в этом «усеченном» виде батальоны пруссаков продемонстрировали полную боеспособность, а в дальнейшем – уже в 1866 г. – проблема недоукомплектованности батальонов резервистами отпадала сама собой.

Наконец, третий пункт – слабость координации группировок, действующих на значительном удалении друг от друга – также не был упущен из внимания Х. Мольтке-старшим. В этот период он уже осуществил создание «большого» генерального штаба (ГШ), развернув корпус офицеров ГШ в несколько десятков командиров. Проходя жёсткий отсев, сочетая в своей служебной карьере службу в войсках и штабах, включая сам ГШ, эти офицеры четко контролировали процесс развёртывания и наступления (в случае необходимости – обороны) соединений, к которым они были прикреплены, обладая общим коллективистским мышлением. Иными словами, сам генеральный штаб выступал «мозгом», решения которого в полной мере понимались и соответственно проводились в жизнь командирами, интегрированными в его систему². Значимым в данной связи представлялось также наличие постоянно действующих, т.е. беспрерывно функционирующих в условиях мирного времени, а не только создаваемых на период войны, корпусных штабов с дивизиями в подчинении.

Это позволяло оперативно развёртывать несколько армий (притом разной численности, но имевших общую природу структуры), тем самым осуществляя наступление на широком фронте, а не на одном направлении, как это было принято ранее.

¹ Свечин А.А. Эволюция военного искусства. Том 2. Глава IV. Прусская армия эпохи объединения Германии // Военная литература. Режим доступа: <http://militera.lib.ru/science/svechin2b/04.html> (дата обращения: 21.08.2021).

² Stibig H. Zwischen Reformzeit und Reichsgründung. Studien zur Entwicklung der preußisch-deutschen Armee im 19. Jahrhundert. – Berlin: BWV Berliner Wissenschafts-Verlag, 2012. – S. 135–156.

В полной мере данные преимущества прусской «военной машины» проявились в ходе войны с Австрией 1866 г. Можно говорить, что к этому моменту о завершилась военная реформа в Прусском королевстве. Подтверждением тому являлась уверенность его военно-политического руководства в победе, при использовании преимущества от качественного обновления национальной «военной машины», что придавало прусской политике сугубо наступательный характер.

И в случае конфликта 1866 г. была проведена тщательная подготовка: выступление совместно с Пруссиею Италии отвлекало значительные австрийские силы на южное направление, заставляя официальную Вену вести войну на два фронта. В то же время её союзники из числа немецких малых и особенно средних государств (Бавария, Саксония), боявшиеся ликвидации своих монархий в случае образования общегерманского государства под эгидой Пруссии¹, в основном не успели к началу войну привести свои войска в состояние полной боевой готовности. Канцлер О. фон Бисмарк, действуя в тесном согласии с военным министром А. фон Рoonом и главное – начальником генерального штаба Х. Мольтке, последовательно добился от Вильгельма I согласия на мобилизацию всей королевской армии.

Для нее, учитывая её структуру, выигрыш в развертывании (посредством отлаженной системы доукомплектования резервистами, опоры на расширенную сеть железных дорог), было важно скорейшее начало боевых действий в условиях военно-политического кризиса – с тем, чтобы упредить противника. Война имела ярко выраженный идеологический характер: решался вопрос о том, кому из двух крупнейших государств с немецкоязычным населением предстояло стать объединителем Германии. При том, в силу внутренних противоречий, известной «рыхлости» империи Габсбургов (что особенно отчётливо продемонстрировали революционные события 1848–1849 гг.), великогерманский вариант в понимании широких народных масс резко проигрывал малогерманскому, а сопротивлялись последнему прежде всего монархии небольших и особенно средних стран Германского союза, боясь потерять свой суверенитет². По сути, Пруссия выступала с передовых позиций, стремясь наконец осуществить германское

¹ Чубинский В.В. Бисмарк: политическая биография. – М.: Мысль, 1988. – С. 172–181.

² Там же, С. 204–206.

объединение, но по своему пути – по формуле «железом и кровью», а Австрия – с консервативных, пытаясь затормозить, в идеале – приостановить данный процесс, т.е. оставить германские земли в состоянии феодальной раздробленности (в рамках Германского союза, как это ранее было под эгидой Священной Римской империи германской нации).

Прусские дивизии были полностью укомплектованы, имея в среднем порядка 13–14 тыс. солдат и офицеров. Всего официальный Берлин имел 20 пехотных дивизий (в том числе 2 гвардейские): на Рейне был к этому времени развернут еще один, IX, армейский корпус (также 2-дивизионного состава). Преобразованная «военная машина» позволила Пруссии развернуть 3 войсковых объединения:

– 2-ю армию (115 тыс. солдат и офицеров, основу составляли 8 пехотных дивизий), что была создана из корпусов в восточной части владений Королевства, будучи самой многочисленной, и первоначально собрана в верхнем течении Одера, южнее Бреслау;

– 1-ю армию (93 тыс. войска, в её состав входили 6 пехотных дивизий), развернутую из войск центральных районов Пруссии. Это объединение сосредоточилось в районе Гёrlица, т.е. в верхнем течении рр. Шпрее и Нейсе;

– Эльбскую армию (46 тыс. солдат и офицеров, включая 3 пехотные дивизии), которая создавалась в рейнских владениях и была размещена к началу войны в районе Торгau¹. Данное войсковое объединение было Х. фон Мольтке дополнительно выделено на главное направление: изначально на западе, т.е. против Ганновера – с одной стороны, южногерманских государств – союзников Австрии – с другой, должны были быть оставлены 6 дивизий (3 корпуса)². Важную роль сыграл дружественный нейтралитет Франции. В этой ситуации генеральный штаб посчитал, что с учётом превосходства в скорости развёртывания и качестве подготовки войск, достаточно 3 дивизий (48 тыс.): сначала они должны разгромить ганноверскую армию на северо-западе, а затем обратиться против войск Баварии, Вюртемберга, Бадена, группы малых не-

¹ История войн. Иллюстрированный атлас военной истории с древнейших времен до XXI века. – М.: АСТ, Астрель, 2004. – С. 130–131.

² Задача по разгрому австрийских войск в Гольштейне, т.е. фактическом анклаве Австрийской империи, была небольшой по масштабу и рассматривалась в качестве сугубо вспомогательной. – *Прим. авт.*

мецкоязычных монархий¹. Тем самым реализовывался принцип предельной концентрации сил (85% всех соединений) на главном ТВД. Всего в основном эшелоне пруссаки развернули 302 тыс. солдат и офицеров, из которых 254 тыс. были сосредоточены против ключевого противника. Последующие события продемонстрировали правильность данных расчетов ГШ, позволив Пруссии начать наступление сразу с трех направлений.

В войне 1866 г. прусское командование впервые осуществило создание и развертывание резервных корпусов – из запасных (т.е. резервных) полков регулярных войск и ландвера. Из 2 корпусов, которые должны были быть готовы уже к концу первого месяца войны, 1 предназначался для усиления войск на главном направлении, другой – в борьбе с южногерманскими государствами. Тем самым была продемонстрирована возможность усиления прусской армии достаточно хорошо подготовленными (но пока ещё отстававшими в смысле оснащения) резервными соединениями и частями по мере развития боевых действий – напротив, у австрийской армии и тем более её союзников по Германскому союзу такая отработанная схема отсутствовала.

В генеральном сражении у Садовой (под Кёниггрецем) 3 июля 1866 г. 1-я прусская армия осуществляла задачу по сковыванию собранных в составе одной армии австро-саксонских сил; Эльбская армия пыталась охватить их с правого фланга, однако её слабость (только 3 дивизии) не позволяла ей сделать это. Ситуация резко изменилась после появления 2-й армии, которая начала действовать во фланг и тыл противнику: факт её запоздания следует приписать командованию из числа высших придворных, а умелые действия являлись скорее результатом грамотного руководства офицеров генерального штаба. Сражение под Кёниггрецем было выиграно пруссаками безусловно, но победа, учитывая вспомогательную роль кавалерии с обеих сторон, была достигнута исключительно благодаря тактическому преимуществу (стрелковые цепи, использовавшие игольчатую винтовку, заряжаемую лежа, против самоубийственных штыковых атак в полный рост австрийцев) и в целом лучшей подготовке прусской пехоты. При этом в случае артиллерии проявилось существенное преимущество австрийцев: развернув массу (до 190 орудий) стволов, в основном

¹ Stübig H. Zwischen Reformzeit und Reichsgründung. Studien zur Entwicklung der preußisch-deutschen Armee im 19. Jahrhundert. – Berlin: BWV Berliner Wissenschafts-Verlag, 2012. – S. 135–156.

дульнозарядных нарезных, они выиграли артиллерийскую дуэль и смогли обеспечить прикрытие своей побежденной пехоте¹. Это показало, что развитию артиллерии в ходе преобразований начала – первой половины 1860-х годов уделялось недостаточное внимание. Прусское командование, в том числе используя захваченную в сражении у Садовой австрийскую артиллерию, сумело в кратчайшие сроки исправить данное положение.

В целом война 1866 г. продемонстрировала преимущества прусской тактики и стратегии. Конфликт, учитывая разумность политической стратегии (канцлер О. фон Бисмарк настоял на необходимости отказа от занятия Вены и Венгрии, хотя угроза обеим со стороны прусской армии была более чем экзистенциональной), завершился быстро, получив название «семинедельной войны». Австрия отказалась от реализации великогерманского варианта объединения. Территории части её бывших союзников (Ганновер, Гессен-Кассель, Нассау, вольный город Франкфурт-на-Майне) были непосредственно включены в состав Пруссии, равно как Шлезвиг и Гольштейн. Вслед за этим под эгидой Пруссии был создан Северогерманский союз (1866), в котором официальный Берлин стал безусловно доминировавшей силой². Южногерманские государства – прежде всего, королевства Бавария, Вюртемберг, величайшее герцогство Баден – заключили с официальным Берлином наступательные и оборонительные союзы.

После войны с Австрией происходит достаточно интересное явление: распространение опыта военной реформы 1860–1866 гг. на все немецкие земли, постепенно объединявшиеся под властью Гогенцоллернов. Так, число армейских корпусов было увеличено с 10 (1 гвардейский и 9 армейских) до 17, т.е. создано дополнительные 7 армейских корпусов³, имевших ту же структуру (по 2 пехотные дивизии и силы дивизионного подчинения) каждый. Из числа этих корпусов 2 были созданы из саксонских войск, 1 – из вюртембергских. Одна Бавария, в целом переняв прусскую систему подготовки, сохранила внутреннюю автономность (баварские корпуса и дивизии имели собственную нумерацию). Важно понимать,

¹ История войн. Иллюстрированный атлас военной истории с древнейших времен до XXI века. – М.: АСТ, Астрель, 2004. – С. 130–131.

² Чубинский В.В. Бисмарк: политическая биография. – М.: Мысль, 1988. – С. 210–215.

³ Wawro G. The Franco-Prussian War. The German Conquest of France in 1870–1871. – Cambridge: Cambridge University Press, 2003. – P. 19.

что значительная часть войск средних государств Южной Германии была оснащена и обучена хуже, чем «старые» прусские войска (прежде всего, это касалось пехоты и артиллерии)¹, а также они не успели накопить необходимого запаса резервистов. Структура корпусов оставалась неизменной. Как и в 1866 г. кавалерийские бригады сводились в дивизии лишь накануне боевых действий, продолжая использоваться для поддержки армейских корпусов. Меры по усилению привели к тому, что между 1861 и 1870 гг. численность регулярной армии мирного времени возросла с 211 до 313 тыс. солдат и офицеров², т.е. почти в 1,5 раза.

«Узким местом» развития прусской пехоты стало сохранение на вооружении игольчатых винтовок Дрейзе – по своим тактико-техническим характеристикам (скорострельность, первонаучальная скорость пули, дальность прицельной стрельбы) они стали существенно уступать французским винтовкам Шасспо, которые были приняты на вооружение в 1866 г. Однако это компенсировалось превосходством прусской артиллерии (первооруженной после 1866 г.), а также лучшей тактической подготовкой прусской пехоты на уровне рядовых бойцов и командиров. Французская армия в своей основе состояла из солдат длительного срока службы, имея ограниченный запас резервистов: в основу был положен принцип предельного профессионализма. Срок службы у прусских воинов (3 года против 7 и более у французов) был меньше, однако система комплектования королевской армии обеспечивала наличие крупного запаса резервистов, а также подготовленных в запасных полках и состоящих в ландвере. Аналог этой системы со стороны официального Парижа – мобильная гвардия – находился в процессе создания. В случае разгрома основных сил регулярной армии в первых сражениях (что и произошло на практике) Франция оказывалась почти обезоружена, в то время как Пруссия вполне была способна развернуть «вторую стену».

В целом же Пруссия могла развернуть потенциально примерно в 2–2,5 раза хорошо обученных войск больше, чем Фран-

¹ Подтверждение тому – единственная победа французского оружия в сражении при Кюльмье (у Луары) в ноябре 1870 г. Здесь французским войскам противостояли исключительно баварские части (т.е. собственно прусские силы отсутствовали), которые были побеждены, но все же сумели организованно отойти. – Прим. авт.

² Geschichte der Preußischen Armee vom 15. Jahrhundert bis 1914. / C. Jany, E. Jany (Hrsg.). – Osnabrück: Biblio Verlag, 1967. – S. 254.

ция¹. Это сочеталось с преимуществами качественного характера: большей обученностью действиям в стрелковых цепях, в том числе в ходе реальных боевых действий в 1866 г., намного лучшей управляемостью, особенно на уровне корпус – армия. Во французской армии корпуса создавались лишь накануне войны, обладая существенно более низкой степенью слаженности. Роль генерального штаба в планировании и ведении боевых действий после войны 1866 г. существенно возросла. В частности, по предложению Х. Мольтке-старшего, очень удачно была расширена сеть железных дорог на западе Пруссии (в основном прокладка небольших дополнительных путей). Это почти вдвое сокращало сроки развертывания корпусов вблизи границ противника по сравнению с войной 1866 г.², при том что их численность возросла также почти вдвое. В начале войны 1870 г., дойдя до границ южногерманских государств (кроме рейнских владений Пруссии, которые непосредственно примыкали к французской границе), войска перемещались уже комбинированным путем: походным порядком (преимущественно включая всю конницу) и в существенно меньшей степени по железным дорогам. Здесь следует подчеркнуть, что железнодорожная сеть в южногерманских государствах была намного менее плотной, чем в случае самой Пруссии. Иными словами, в данном отношении принцип федерализма (до 1871 г. конфедеративности) оказывал определённое негативное влияние на подготовку к войне. Вместе с тем численно они существенно усиливали мощь Пруссии, а главное – позволяли сосредоточить крупные силы непосредственно у границ Французской империи на широком фронте. В целом к 1870 г. военная реформа в Пруссии была полностью завершена, что стимулировало руководство страны (прежде всего, О. фон Бисмарка и Х. Мольтке-старшего) в поиске оснований для скорейшего начала войны с Францией.

В самом её начале прусское командование вновь (как и в 1866 г.) развернуло три армии: это 1-я (50 тыс. человек) в районе Трира в собственно прусских владениях; 2-я (180 тыс. солдат и офицеров) и 3-я (160 тыс.), которые были сосредоточены в принаследавшем Баварии Пфальце. Сверх того, в районе Майнца

¹ Geschichte der Preußischen Armee vom 15. Jahrhundert bis 1914. / C. Jany, E. Jany (Hrsg.). – Osnabrück: Biblio Verlag, 1967. – S. 254.

² Свечин А.А. Эволюция военного искусства. Том 2. Глава IV. Прусская армия эпохи объединения Германии // Военная литература. Режим доступа: <http://militera.lib.ru/science/svechin2b/04.html> (дата обращения: 21.08.2021).

(Гессен-Дармштадт) был сосредоточен сильный резерв – 60 тыс., который мог быть использован как для усиления действовавших армий, так и для учреждения ещё одной. Всего, таким образом, прусское командование развернуло 450 тыс. регулярных войск (дивизии, пополненные до штата резервистами)¹. В сопоставлении с 1866 г. все три армии были сильные, а кроме того, была выделена в резерв мощная ударная группировка (в австро-прусскую войну эквивалентные ей силы были направлены на вспомогательные участки – сначала Ганновер, затем против средних государств в Южной Германии). Подавляющее большинство вновь выделенных против Франции сил составляли непосредственно королевские войска, союзники официального Берлина приняли участие в формировании 3-й армии.

Уровень взаимодействия между объединениями (армиями) в 1870 г. существенно возрос по сравнению с 1866 г., что было обусловлено тщательным анализом ошибок, проведенным рабочей группой ГШ во главе с Х. Мольтке-старшим, и организацией соответствующих тренировок штабов с участием офицеров корпуса генерального штаба.

Французская регулярная армия была разгромлена уже в первые недели войны. В Приграничном сражении 3-я прусская (точнее, уже германо-прусская) армия сумела сковать 1-ю французскую армию; тем временем 1-я и 2-я армии окружили 2-ю французскую армию у Меча. Оба объединения, в целом руководимые Х. Мольтке-старшим, грамотно осуществляли контакт, причем в ходе боев 2-я армия была экстренно усиlena переброской двух корпусов из состава 1-й². После этого прусское командование, разукрупнив 2-ю армию посредством выделения 4-й армии и усилив её резервами, сумело силами 3-й и 4-й армий вновь окружить уже у Седана оставшуюся часть императорских регулярных войск, которыми командовал лично Наполеон III. Тем самым в течение полутора месяцев удалось разбить, пленив верховного главнокомандующего, мощную французскую армию³. 18 января 1871 г. была провозглашена Германская империя – Второй рейх, чье образование произошло в условиях обрушения Французской империи.

¹ Атлас офицера. – М.: Военно-топографическое управление, 1974. – С. 223.

² Там же.

³ См.: Мольтке Х. История германо-французской войны 1870–1871 гг. – М.: Изд-во Наркомата обороны СССР, 1937.

В этой войне, как и в конфликте с Австрией 1866 г., прусское командование отработало схему развёртывания резервных корпусов (формировались из запасных частей и ландвера), используя их для охраны коммуникаций и занятых территорий. В целом в ходе франко-прусской войны в состав вооруженных сил официального Берлина и его союзников было мобилизовано 1 млн 254 тыс. человек¹, что показывало существенно возросшую степень и масштаб милитаризации страны, де-юре завершившей процесс объединения. Во второй раз её военного потенциала оказалось вполне достаточно для быстрого и полного разгрома европейской державы (в 1866 г. – Австрийской империи, в 1870 г. – Французской), т.е. осуществления блицкрига в «отшлифованном» усилиями военного командования (прежде всего, персонально Х. Мольтке-старшим) виде «молниеносной войны». В сражениях войны 1870–1871 гг., в том числе в ходе окружения под Седаном – символа исключительного подъема военной мощи официального Берлина, – сражались уже не чисто прусские, но германо-прусские войска, вновь демонстрируя результативность военной реформы. А закон 1874 г. окончательно утвердил установление единой военной организации на всей территории державы².

* * *

Реформа армии начала – середины 1860-х годов во многом представляла собой реализацию потенциала, заложенного в ходе преобразований национальной «военной машины» 1807–1813 гг. Между этими двумя временными отрезками достаточно плавно, но последовательно осуществлялись меры по повышению степени регулярности вооружённых сил Пруссского королевства, представляя собой органичную составляющую такой осторожной, но неизменно осуществляемой подготовки к объединению Германии под эгидой официального Берлина. Преобразования начала 1860-х годов привели к резкому усилению регулярной (кадровой) основы вооружённых сил, превратив их в передовые с точки зрения

¹ Свечин А.А. Эволюция военного искусства. Том 2. Глава IV. Прусская армия эпохи объединения Германии // Военная литература. Режим доступа: <http://militera.lib.ru/science/svechin2b/04.html> (дата обращения: 21.08.2021).

² Власов Н.А. Имперский военный закон 1874 года и германская армия // Военно-исторический журнал. 2010. № 3. – С. 67–71.

управления, организации мирного и военного времени, технической оснащенности. Это позволило Пруссии провести блицкриги против Дании (1864), Австрии (1866) и Франции (1870–1871), от одного конфликта к другому усиливая свою «военную машину» в количественном отношении и внося в её функционирование необходимые небольшие качественные корректировки. Безусловно, успехи в ходе боевых операций во многом обеспечивались тщательно продуманной и эффективной дипломатической подготовкой (прежде всего, обеспечением благожелательной позиции Российской империи) и идеологическим фоном – пруссаки участвовали в войнах за объединение Германии, реализуя созревавшую веками национальную идею-мечту. Однако эти благоприятные факторы не смогли бы проявиться полностью без глубокой модернизации «военной машины» страны. Прусская армия перешла из *отстающего* положения по отношению к вооружённым силам других европейских держав, какое она безусловно занимала в 1806–1807 гг., и *догоняющего* (в 1813–1814 гг., в 1815 г. и даже в последующие несколько десятилетий) в *опережающее*.

Провозглашение Германской империи 18 января 1871 г. происходило на фоне исключительных внешнеполитических успехов, достигнутых во многом за счет использования военно-силового фактора. В последней трети XIX в. официальный Берлин утвердился в положении державы, обладавшей самым мощным сухопутным военно-силовым потенциалом среди ведущих государств Европы (а с учётом особенностей тогдашнего миропорядка – и мира). В данной ситуации возник ореол непобедимости и исключительного могущества армии, ставшей уже не прусской королевской, но германской императорской. Однако и другие вооружённые силы – прежде всего, российские (начиная с военной реформы под руководством Д.А. Милютина) – перенимали передовой прусский опыт, адаптируя и развивая его.

В данной связи для официального Берлина возникала стратегическая дилемма: что рассматривать *важнейшим* (основным) внешнеполитическим приоритетом Германской империи – упрочение позиций в Европе или создание сети колониальных владений, естественно за пределами Старого Света? В собственно военном измерении данный выбор выражался в следующем: фокусироваться необходимо на совершенствовании и наращивании потенциала армии или приступить к строительству океанского флота? Безусловно, два данных направления – и внешнеполитически, и непосредственно в смысле определения модели развития вооружённых

сил – были отнюдь не взаимоисключающими полностью, но находились в состоянии стратегической конкуренции. Об этом, в частности, свидетельствовал долгосрочный раскол верхов Германской империи на сторонников первого (юнкера, юнкерство) и второго (грюндеры, грюндерство) подходов.

В самом конце XIX в. официальный Берлин стал массово спускать на воду корабли Флота открытого моря. С одной стороны, до этого прусское (затем и германо-прусское) государство никогда не располагало сколько-нибудь существенным флотом, особенно океанским; ставка при осуществлении войн делалась исключительно на армию. В этом плане реализуемое на практике стремление официального Берлина войти в число ведущих морских, а не только сухопутных, держав было прецедентным. С другой стороны, – концепция Флота открытого моря оказалась слабо обеспечена стратегически. Помимо экономической слабости разбросанных по миру небольших и средних германских колоний (которые не были самодостаточны, в частности, даже не располагая ни одной современной ремонтной базой для ВМС), это проявлялось в несогласованности действий армии и флота. Так, разработки «большого» генерального штаба – прежде всего, «план Шлиффена» – детально описывали применение армейских сил вплоть до дивизии и даже ниже, притом практически не затрагивали роли ВМС в предстоящей войне. Эта стратегическая несогласованность сочеталась с отсутствием чёткой жизнеспособной общей схемы вероятного использования флота Второго рейха в принципе, что следует признать «узким местом» не только военного планирования, но и развития вооружённых сил Германской империи в целом.

Здесь следует подчеркнуть, что военно-морские силы с точки зрения своего корабельного состава всех основных типов, включая линкоры и крейсера различного предназначения, технико-технологически были передовыми. Таковой являлась и армия, практическая роль которой в планировании боевых действий и их реальном проведении оставалась де-факто доминирующей. В данной связи важно подчеркнуть резко возросшее влияние «большого» генерального штаба на принятие военно-стратегических и в целом внешнеполитических решений: влияние данной структуры не ограничивалось уже вопросами боевой подготовки и планирования возможных военных действий, став существенно более широким. Это стало одной из иллюстраций высокой степени милитаризированности Второго рейха.

Чрезмерно возросшая роль «большого» ГШ была одной из производных возникшего ореола непобедимости германской (германо-прусской) армии. С одной стороны, ее руководство последовательно реализовывало достаточно широкий комплекс мер по усилению войскового потенциала. С другой – всё же наблюдалось определенное «головокружение от успехов».

Высшим соединением мирного времени продолжал оставаться армейский корпус в составе 2 пехотных дивизий и частей корпусного подчинения. Помимо трех баварских АК, сохранивших свою собственную нумерацию (но при этом внутреннюю структуру, полностью идентичную общеимперской), число армейских корпусов в кайзеровской армии возросло между 1871 и 1913 г. с 17 до 21 (включая 2 саксонских и 1 вюртембергский). Соответственно, общее число пехотных дивизий увеличилось с 40 до 48, а с учётом гвардейского корпуса (структуре неизменна: 2 пехотные и 1 кавалерийская дивизии) с 43 до 51 соединения¹. Как и ранее, кавалерийские дивизии (кроме гвардейской) развёртывались лишь на период боевых действий (из кавалерийских бригад пехотных соединений), продолжая восприниматься в качестве средств поддержки и сопровождения пехоты (в частности, при осуществлении разведки). К числу важнейших нововведений следует отнести: включение в состав армейских корпусов частей тяжёлой артиллерии (что во многом было обусловлено требованиями по «плану Шлиффена»); железнодорожных батальонов и подразделений, оснащенных автомобильным транспортом. Первая из вновь вводимых компонент войск вела к существенному усилению огневой мощи, две другие – повышению их мобильности, тем укрепляя и без того сильные стороны германских армейских корпусов.

Огромная работа была проведена в деле подготовки развёртывания резервных корпусов (из запасных частей и ландвера) и эрзац-резерва, т.е. соединений 2-й и 3-й волн формирования. Принцип дублирования регулярных полков ландверными (в составе пехотных дивизий), отработанный и успешно функционировавший к началу 1860-х годов, был перенесен на корпусной уровень (см. табл. 3.2.): в случае части армейских корпусов, особенно «старых», стали создаваться резервные корпуса-дублёры, что существенно увеличивало боевой потенциал прусской армии. Базовые армейские корпуса выделены **полужирным** и **курсивом**, корпуса-дублёры – **курсивом**. С учетом резервных соединений число

¹ Уткин А.И. Первая мировая война. – М.: Алгоритм, 2001. – С. 21–26.

дивизий между 1871 и 1913 гг. выросло не на 18%, а более чем вдвое (!), что демонстрировало подготовку Второго рейха к удержанию своих стратегических позиций в Европе военно-силовым путем. Рост количественных показателей военной мощи оказался столь значительным, что к началу Первой мировой войны Германская империя оказалась способна развернуть 8 армий, а не 4, как во франко-прусскую войну (строго говоря, 3+). Так, если к началу франко-прусской войны официальный Берлин смог выставить 450 тыс. солдат и офицеров в составе основных сил (при этом резервные корпуса появлялись на ТВД уже существенно позже начала боевых действий), то в самом начале Первой мировой войны – свыше 1 млн 600 тыс., сразу же введя в дело не только все армейские (21 + 3 баварских + гвардейский), но и большое число резервных корпусов (11 + баварский + гвардейский), что видно из данных таблицы 3.2.

Таблица 3.2.

**Состав армий Германской империи¹
в начале Первой мировой войны²**

Армия (фронт)	Корпуса в составе ³	Численность (солдат и офицеров)
1-я армия (Западный)	2-й армейский, 3-й армейский, 4-й армейский, 3-й резервный, 4-й резервный	210 тыс.
2-я армия (Западный)	гвардейский, 7-й армейский, 9-й армейский, 10-й армейский, гвардейский резервный, 7-й резервный, 10-й резервный, 2-й кавалерийский	260 тыс.
3-я армия (Западный)	11-й армейский, 12-й армейский, 19-й армейский, 12-й резервный	160 тыс.
4-я армия (Западный)	6-й армейский, 8-й армейский, 18-й армейский, 8-й резервный, 18-й резервный	180 тыс.
5-я армия (Западный)	5-й армейский, 13-й армейский, 16-й армейский, 5-й резервный, 6-й резервный, 4-й кавалерийский	230 тыс.
6-я армия (Западный)	1-й баварский, 2-й баварский, 3-й баварский, 1-й резервный баварский⁴, 21-й армейский, 3-й кавалерийский	200 тыс.
7-я армия (Западный)	14-й армейский, 15-й армейский, 14-й резервный	140 тыс.
8-я армия ⁵ (Восточный)	1-й армейский, 17-й армейский, 20-й армейский, 1-й резервный	190 тыс.

¹ Построено автором на основе: Переслегин С.Б. Первая мировая. Война между реальностями. – М.: Язуа, 2016. – С. 116, 125.

² То есть без учета отдельных резервных и ландверных дивизий, а также резервных и ландверных бригад. – *Прим. авт.*

³ Группа саксонских корпусов. – *Прим. авт.*

⁴ Группа баварских корпусов. – *Прим. авт.*

⁵ Без учета корпуса Войрша в Силезии (30 тыс. человек). – *Прим. авт.*

Тактические и стратегические дипломатические ошибки, помноженные на объективные опасения других стран, обусловленные огромным (практически взрывным) ростом военной мощи Второго рейха (германо-пруссского государства), привели к необходимости ведения официальным Берлином войны на два огромных стратегических фронта.

Развивая концепцию Х. Мольтке-старшего об осуществлении «молниеносной войны» в увязке с поочередным сосредоточением сил против одного из ключевых противников, начальник «большого» ГШ (1891–1905) А. фон Шлиффен разработал в начале XX в. план, рассчитанный на поочередный разгром Франции, затем России. Этот план был основан на идее создания стратегической угрозы окружения (и её реализации) в отношении французской армии (сначала в районе Парижа, а затем восточных крепостей), тем представляя усовершенствованный вариант быстрого разгрома противника в ходе войн 1866 г. и 1870–1871 гг. Существенно наращенный к 1914 г. потенциал германо-пруссской армии теоретически позволял реализовать «план Шлиффена».

Однако он не был осуществлен на практике в задуманном виде – в том числе из-за позиции начальника ГШ в первые недели Первой мировой войны Х. Мольтке-младшего и ряда германских командармов; исключительно значимой стала и недооценка военного потенциала Российской империи на Восточном фронте. В результате блестяще отложенная «военная машина» Второго рейха «увязла» в позиционной борьбе Первой мировой войны, её «винтики» «ржавели» или выходили из строя, что в итоге привело к крушению Германской империи и поражению в этом глобальном конфликте.

В целом потенциал военной реформы начала – середины 1860-х годов позволил официальному Берлину достичь исключительных результатов, однако переоценка собственных возможностей вновь привела к стратегическому провалу, а значит, и итоговому «обнулению» осуществленных преобразований. Важнейшей причиной тому видится уже отмеченное «головокружение от успехов», огромная вера официального Берлина в свою силовую мощь и порождаемое этим стремление к повышенной милитаризации внешней политики. И если после самой военной реформы 1860–1866 гг. прусские войска использовались для реализации, хотя и жёстким путем, прогрессивной идеи национального самоопределения, то в последующем «военная машина» стала «затачиваться» для достижения откровенно агрессивных целей, что в итоге и погубило Второй рейх.

Глава IV

ОСОБЕННОСТИ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ «ВОЕННОЙ МАШИНЫ» ТРЕТЬЕГО РЕЙХА (до 1941 г.)

4.1. Предтеча военной реформы: перспективные преобразования внутри «военной машины» Веймарской республики

Версальский мирный договор (1919) наложил на побежденную Германию жёсткие ограничения, особенно в сфере развития вооруженных сил – как в количественном («потолок» численности войск – 100 тыс., в том числе офицеров не более 4 тыс.)¹, так и качественном отношениях. Германии запрещалось иметь генеральный штаб; из родов войск не допускалось сохранение военно-воздушных сил. Развитие военно-морского флота ограничивалось запретом на строительство подводных лодок и профильной авиации, а сухопутных войск – невозможностью иметь танки, тяжелую и зенитную артиллерию². Сверх того, Германия принимала на себя обязательства по отказу от производства, владения и распоряжения химическим оружием – на тот момент (1919) единственным известным видом оружия массового поражения (ОМП)³.

Эти положения были осуществлены в основном уже в 1919 г., а в 1921 г. было официально объявлено о создании в Вей-

¹ Версальский договор 28 июня 1919 г. 2021. // Сайт «Хронос». Режим доступа: https://www.hrono.ru/dokum/191_dok/19190628versal.php (дата обращения: 23.08.2021).

² Там же.

³ Там же.

марской республике рейхсвера. Последний представлял собой «карликовые» вооружённые силы, причем миниатюрность ВС в целом сочеталась с резким падением боевых возможностей даже отдельных войсковых единиц (дивизия, полк) из-за ограничений на использование многих категорий вооружений и военной техники. Сухопутные войска состояли из 7 пехотных (общих) и 3 кавалерийских дивизий¹, а также многочисленных отдельных подразделений, в основном сил тыловой поддержки. Военно-морской флот был относительно небольшим: в его составе допускалось иметь 6 линкоров, 6 легких крейсеров, 12 миноносцев и 12 торпедных катеров. То есть по классу кораблей он был не «москитным флотом», а «большим флотом», однако с жёстким ограничением числа вымпелов, притом без права принятия на вооружение подводных лодок². Отмена всеобщей воинской повинности привела к переходу войск исключительно на профессиональную основу (добровольный найм, притом на длительный срок)³, тем де-факто обнуляя возможность «пропуска» через кадровые войска масс призываемых на краткосрочные сборы резервистов. При этом последняя практика была исторически распространённой, особенно при наличии жёстких ограничений (в частности, в случае Пруссии в 1807–1812 гг., см. главу II) или сложностей экономического характера (пример тому – направленность военной реформы в Советской России в середине 1920-х годов)⁴. Собственно, среди прочего на пресечение возможности подготовки больших обученных резервов в дополнение к небольшой профессиональной армии и были направлены ограничения, вводимые для Германии Версальским договором (1919). Остро стояла и проблема сохранения офицерских кадров – количество разрешённых командиров в войсках

¹ Версальский договор 28 июня 1919 г. 2021. // Сайт «Хронос». Режим доступа: https://www.hrono.ru/dokum/191_dok/19190628versal.php (дата обращения: 23.08.2021).

² Рузе Ф. Война на море. 1939–1945 / Перевод В.Я. Голанта. – М.: АСТ; СПб.: Полигон, 2000. – С. 30–31.

³ Версальский договор 28 июня 1919 г. 2021. // Сайт «Хронос». Режим доступа: https://www.hrono.ru/dokum/191_dok/19190628versal.php (дата обращения: 23.08.2021).

⁴ Отечественные военные реформы XVI–XX веков / Под общ. ред. ген.-майора В.А. Золотарева. Институт военной истории Министерства обороны РФ. Институт проблем естествознания АЕИ РФ. – М.: Воентехиздат, 1995. – С. 116–136.

и штабах (4 тыс.) было как минимум в 7 раз меньше числа желающих¹.

В теории реализация положений Версальского договора (1919) на протяжении длительного времени (как минимум 10 лет) должна была привести не просто к деградации военной мощи Германии, но и к исключительным сложностям её восстановления на перспективу. Однако на практике результат оказался ровно противоположным: Третий рейх сумел создать мощнейшую «военную машину» (до ноября 1942 г. в сопоставлении со всеми остальными странами мира, и уж точно самую громадную в истории самого германского государства), притом в короткие сроки, начав её строительство спустя полтора десятилетия выполнения Версальского договора. Почему столь колossalной оказалась разница между ожиданиями со стороны элит «западных демократий», готовивших Версальский договор (1919), и реальным положением дел?

Очевидно, ответ кроется прежде всего в *парадоксальности* ситуации, возникшей в военной сфере для Германии после подписания Версальского договора: последний не только создавал значительные трудности (де-юре и де-факто), но и открывал неожиданные «окна возможностей» (разумеется, исключительно де-факто, но отнюдь не де-юре). Германские военные оказались в более чем ограниченных объёмах отягощены повседневными вопросами жизни войск, которые были малочисленными, уж точно не массовыми, тем получив возможность сосредоточиться на планировании вооружённых сил будущего. Притом речь шла о перспективной «военной машине», которая была в своем использовании нацелена на применение в конфликте не «*пост*-Первая мировая война», а «*пост-пост*-Первая мировая война», т.е. «перепрыгивала» сразу целый этап развития военного искусства. Так, ведущие армии мира – прежде всего, французская, а также отчасти Красная Армия – нацеливались на участие в войне, характеризующейся сочетанием применения моторов и лошадей². И хотя первые (моторы) должны были возрасти в удельном весе и абсолютном числе, коннице (уже на её уровне в сочетании с бронетехникой)

¹ Уткин А.И. Россия над бездной. 1918 – декабрь 1941 г. – Смоленск: Рунич, 2000. – С. 10.

² Кокошин А.А. Выдающийся отечественный военный теоретик и военачальник Александр Андреевич Свечин. О его жизни, идеях, трудах и о наследии для настоящего и будущего. – М.: Изд-во Московского университета, 2013. – С. 265–277.

продолжало уделяться повышенное внимание в теории и практике строительства вооружённых сил¹. Будущая (перспективная) же германская армия (резко отличаясь от того, что имелось в наличии в рейхсвере) виделась именно как «войска моторов». Опережающим было и стремление к окружению и полному уничтожению в «котлах» основных сил противника, т.е. осуществление череды крупных и средних по масштабу операций на окружение.

Безусловно, сама тактика «канн», уже исходя из ее названия (в честь крупнейшей победы армии Карфагена под руководством Ганнибала над войсками Римской республики во Второй Пунической войне), была отнюдь не нова. Однако примеров полного окружения главных (притом крупных – уровня не менее общевойсковой армии) сил противника в мировой военной практике к 40-м годам XX в. было накоплено не столь уж много. Карлу XII, хотя он и сумел окружить российскую армию (и союзные ей саксонские войска) в Гродненском лагере зимой 1705/1706 г., так и не удалось её уничтожить – она смогла вырваться из «кольца»². Не умоляя полководческого гения Наполеона, следует признать, что достичь полного окружения и уничтожения войск противника ему удалось лишь единожды (в случае сражения под Ульмом осенью 1805 г.)³. В свою очередь и противники Франции в ходе войн с Наполеоном также лишь один раз были близки к полному окружению основной группировки «Великой армии». На это был нацелен план М.И. Кутузова в сражении на р. Березина (ноябрь 1812 г.), к сожалению, так и не реализованный благодаря ошибкам ряда нижестоящих командиров⁴. Во второй половине XIX в. одним из немногих примеров операций на взятие в «котел» главных сил противника следовало признать наступление прусско-германской армии под Мецем, а затем и Седаном против войск Наполеона III (сентябрь 1870 г.)⁵. Наконец, Первая мировая война содержала крайне мало таких примеров – одним из исключений стало окружение германскими корпусами 2-й армии российских император-

¹ См.: Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. Т. 1. – М.: Изд-во АПН, 1973. – С. 109–149.

² Атлас офицера. – М.: Военно-топографическое управление, 1974. – С. 210.

³ Жилин П.А. Михаил Илларионович Кутузов. Жизнь и полководческая деятельность. – М.: Военное изд-во Министерства обороны СССР, 1979. – С. 95.

⁴ Отечественная война 1812 г. Энциклопедия / Российская политическая энциклопедия. Государственный исторический музей. Федеральная архивная служба России. – М.: РОССПЭН, 2004. – С. 61–65.

⁵ Атлас офицера. – М.: Военно-топографическое управление, 1974. – С. 223.

ских войск в Восточной Пруссии под Танненбергом (при том, что попытка взять в «кольцо» 1-ю армию не удалась)¹.

Это отнюдь не означает, что в других государствах в межвоенный период не разрабатывалась теория окружения, основанная на использовании масс танковых, механизированных и моторизированных войск с сильной авиационной поддержкой. Параллельно с нацистской Германия эта передовая военная концепция получила мощное развитие в СССР, причем не только теоретическое (в виде разработок «глубокой операции» А.А. Свечина и Г.С. Иссерсона)², но и практическое. Ещё до вермахта (который впервые начал окружать противника в Польше в сентябре 1939 г.) практику окружения общевойсковой группировки армейского типа блестяще осуществил Г.К. Жуков в ходе сражения на р. Халхин-Гол в августе 1939 г.³ Однако в сопоставлении с другими вооружёнными силами стран мира (кроме РККА) вермахт в плане «задела на перспективу» оказался далеко впереди⁴.

Вновь следует подчеркнуть, что основы передовой военной теории на окружение были сформулированы в недрах германского офицерского корпуса в период Веймарской республики, ограниченной самым различным образом в своей внешней политике в целом и реализации стратегической линии в области обороны в особенности. Притом, безусловно, ни в коей мере не следует стремиться к идеализации офицерского корпуса Веймарской республики в основной массе его представителей в смысле перспективного видения развития «военной машины» – с расчётом на снятие всех ограничений. Значительная часть командиров рейхсвера считала необходимым уделять внимание именно повседневным вопросам армии и флота, не задумываясь о завтрашнем и уж точно не о послезавтрашнем (в переносном смысле) дне⁵. Рутина и схоласти-

¹ Переслегин С.Б. Первая мировая. Война между реальностями. – М.: Яуза, 2016. – С. 208–218.

² Кокошин А.А. Выдающийся отечественный военный теоретик и военачальник Александр Андреевич Свечин. О его жизни, идеях, трудах и о наследии для настоящего и будущего. – М.: Изд-во Московского университета, 2013. – С. 265–321.

³ Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. Т. 1. – М.: Изд-во АПН, 1973. – С. 161–175.

⁴ Нацистская Германия против Советского Союза: планирование войны / Под общей ред. В.А. Золотарева. – М.: Кучково поле, 2015. – С. 172–179.

⁵ Гудериан Г. Танковые войска Германии во Второй мировой войне 1939–1945. – М.: Центрполиграф, 2007. – С. 16–30.

ка отличали в значительной степени все уровни офицерства, однако среди него наблюдалось немало представителей передовой военной мысли. Они и создавали вооружённые силы будущего – до 1935 г. в основном в теории, однако сумев сконструировать и на практике ряд элементов¹. Хотя рейхсвер был создан ещё в 1920–1921 гг., упорядочение дел внутри него проходило до 1924 г. – с этого времени начался период стабильности в развитии вооружённых сил, что и позволило непосредственно начать готовить масштабные и проводить первые частичные преобразования.

Из числа высокопоставленных офицеров ключевую роль в этой деятельности играли Г. фон Сект (Зект²) (фактический главнокомандующий рейхсвера, до своей отставки в 1926 г.) и К. фон Шлейхер (занимал высшие посты в системе военного управления, в 1932–1933 гг. был военным министром и канцлером). Г. фон Сект сумел воссоздать основу генерального штаба под видом Службы войск (личного состава) – управления, решавшего организационное задачи рейхсвера. Так, управление «Т-1» отвечало за изучение и разработку тактики, «Т-2» – определение организационно-штатной структуры войск, «Т-3» – оценку боеспособности вооружённых сил иностранных государств, а «Т-4» – контроль боевой подготовки германских войск³.

Служба войск (личного состава) стала тем «мозговым центром», который и сам готовил разработки – концептуальные и детализированные – по будущим преобразованиям войск, получив многочисленные идеи от войсковых офицеров в свои профильные отделы. Так, среди прочих вопросами будущего становления танковых войск занимались управления «Т-1», «Т-2», «Т-4», а «Т-3» активно собирало информацию об эволюции подвижных военных сил других государств (прежде всего, «западных демократий» и СССР). Предложения по развитию ВВС, возможности их применения в будущей войне аккумулировали секретные отделы по авиации

¹ Уткин А.И. Россия над бездной. 1918 – декабрь 1941 г. – Смоленск: Руслоч, 2000. – С. 7–15.

² Более правильным является звучание его фамилии как «Зект», однако «Сект» является более устоявшейся формой перевода фамилии в отечественной историографии. – Прим. авт.

³ Уткин А.И. Россия над бездной. 1918 – декабрь 1941 г. – Смоленск: Руслоч, 2000. – С. 10.

онным вопросам в рамках управлений «Т-2» и «Т-4»¹. Именно в Службе войск (личного состава) разрабатывались военно-теоретические положения, во многом позволившее уже Третьему рейху сформулировать концепцию blitzkrieg – «молниеносной войны», т.е. резкого ухода от позиционных форм противостояния – в её собственно военном выражении.

Преобразования рейхсвера уникальны тем, что импульсы к ним исходили сразу с трёх направлений: *сверху*, со стороны политического и особенно военного руководства – их ключевым проводником и становилась Служба войск (личного состава), *снизу* – от инициативных младших и средних офицеров, а также *сбоку* (*с фланга*) – от германских промышленников.

Какие это создавало преимущества и трудности? Значительная часть высших кадров рейхсвера придерживалась схоластических взглядов, находившихся под огромным влиянием традиций кайзеровской армии. Организационно ВС Веймарской республики изначально опирались на её опыт; преемственность проявилась и в системе комплектования войск: Пруссия и каждая из частей бывшей Германской империи имели свои квоты (от роты до дивизии, части дивизии) внутри ВС. Верхушка командования – прежде всего, персонально Г. фон Сект – придерживалась передовых взглядов на будущую войну: главный создатель рейхсвера, планировал начать войну внезапно, введением в бой высокоподвижных, полностью укомплектованных соединений, способных быстро выйти на оперативный простор². Наиболее перспективной формой боевых действий виделась манёвренная война (требовавшая очень высокого уровня подготовки от рядового состава и особенно офицерства в составе ударных соединений) как отход от позиционных форм борьбы. Соответственно, Г. фон Сект не рассматривал отсутствие массы резервистов как препятствие³ – он планировал начинать войну немногочисленными, но полностью укомплектованными в мирное время кадровыми дивизиями, тем обращая в свою пользу запрет на призыв резервистов по Версальскому договору. В данном случае Г. фон Сект вступал в противоречие с традициями германо-прусской военной школы, основывавшимися на вос-

¹ *Corum J.S. The Roots of Blitzkrieg: Hans von Seeckt and German Military Reform.* – Kansas: University Press of Kansas, 1994. – P. 125–255.

² *Ibid.*, p. 12–54.

³ *Ibid.*

приятии вооружённых сил как массовых, т.е. с привлечением масс резервистов.

Однако в планах Г. фон Секта роль высокоподвижных соединений на суще прежде всего отводилась кавалерии – конкретно 3 «большим» дивизиям этого рода войск в составе рейхсвера. Танкам отдавалось должное в качестве перспективного вида оружия (с использованием их макетов на учениях), однако при этом показателен тот исключительно скептический настрой в вопросе создания отдельных танковых частей (не говоря уже о соединениях), который наблюдался у большинства генералов рейхсвера даже в начале 1930-х годов¹. В составе пехотных дивизий (всех 7) создавались автомобильные отделы, но они мыслились как силы перевозки грузов, а не личного состава.

В противовес этому наиболее передовые офицеры выступали за предельную моторизацию войск, особенно сухопутных. При том уже внутри них шли споры о том, насколько самостоятельными должны быть бронетанковые войска. Так, Э. Фолькхайм, воюя в тяжёлой танковой роте на завершающей стадии Первой мировой войны, считал, что танки предназначены для поддержки пехоты, а потому их следует сводить в части не более полка². Это во многом определялось неудачным опытом создания и использования немногочисленных мелких подразделений танков Германией (в отличие от западных союзников) в Первую мировую войну³. Качественно иного подхода придерживался Г. Гудериан: хотя он и не имел опыта вождения танков в боевых условиях, как Э. Фолькхайм, он оказался блестящим военным теоретиком. Г. Гудериан предлагал отказаться от видения танка как средства поддержки пехоты (и кавалерии), создав из этих бронемашин самостоятельный род войск с организацией на уровне не ниже дивизии⁴.

Наибольшее сопротивление этим идеям оказывали представители офицеров-кавалеристов, до начала 1930-х годов находившиеся в большинстве: в рейхсвере имелись 3 кавалерийские дивизии, а сторонники танковых войск в основном служили лишь в автомобильных отделах пехотных дивизий (примечательно, что в

¹ Гудериан Г. Танковые войска Германии во Второй мировой войне 1939–1945. – М.: Центрполиграф, 2007. – С. 23, 28–30.

² Corum J.S. The Roots of Blitzkrieg: Hans von Seeckt and German Military Reform. – Kansas: University Press of Kansas, 1994. – Р. 153–186.

³ Атлас офицера. – М.: Военно-топографическое управление, 1974. – С. 233.

⁴ Гудериан Г. Танковые войска Германии во Второй мировой войне 1939–1945. – М.: Центрполиграф, 2007. – С. 20–32.

конных соединениях данные подразделения отсутствовали). Кульминация столкновения этих взглядов наблюдалась в самом начале 1930-х годов (Г. фон Сект был уволен ещё в 1926 г.). В ходе манёвров 1932 г. кавалерийское командование решило противопоставить идею концентрации танков в профильных частях массированное коннице: из кавалерийских дивизий рейхсвера был составлен профильный корпус. Однако он показал свою громоздкость и неуклюжесть, что признавали независимые наблюдатели – в частности, тогдашний президент Германии, известнейший военачальник времён Первой мировой войны П. фон Гинденбург¹.

Наличие сразу трех источников импульсов стимулировало достаточно высокую скорость и разноплановость преобразований «военной машины». Обладая финансовыми и производственными возможностями, накопив огромный опыт выживания в рыночных условиях в 1920-е – начале 1930-х годов, в том числе в ходе начавшейся в 1929 г. «Великой депрессии», германские промышленники оказывали весьма существенную помощь в разработке, доведении до ума моделей перспективной военной техники. Практически все её ведущие виды, с которыми вермахт вступил во Вторую мировую войну и воевал как минимум на первых её стадиях, т.е. пребывая на пике своих возможностей, были разработаны именно в период Веймарской республики². Не менее важно и иное: была исподволь налажена технологическая цепочка будущего выпуска масс образцов перспективной военной техники. Как отмечал в своих воспоминаниях флотоводец Ф. Руге, верфи стали заранее (как минимум за несколько лет) готовиться к старту производства подводных лодок и перспективных надводных кораблей, что резко ускорило сроки спуска на воду первых партий тех и других³.

Примечательны в данной связи достаточно разветвленные связи Веймарской республики с Советской Россией: обе страны оказались де-факто в лагере побежденных по итогам Первой мировой войны, критически (в случае СССР все руководство в целом, а Германии – значительная часть военной верхушки и в несомнимо меньшей степени политической) воспринимая миропорядок,

¹ Гудериан Г. Танковые войска Германии во Второй мировой войне 1939–1945. – М.: Центрполиграф, 2007. – С. 27.

² Уткин А.И. Россия над бездной. 1918 – декабрь 1941 г. – Смоленск: Рунич, 2000. – С. 7–15.

³ Руге Ф. Война на море. 1939–1945 / Перевод В.Я. Голанта. – М.: АСТ; СПб.: Полигон, 2000. – С. 33–34.

основанный на доминировании «западных демократий». Советский Союз предоставил Веймарской республике свою территорию для создания центров подготовки специалистов сухопутных войск (в частности, танкистов, а также специалистов в области защиты от химического ОМП) и авиации, апробации перспективных боевых образцов и их вспомогательных элементов для нужд армии и ВВС. Было создано три основных школы по подготовке кадров: военно-воздушная в Липецке (открыта в 1924 г.), танковая в Казани (с 1926 г.), химической обороны вблизи Саратова (с 1927 г.)¹. С одной стороны, сам факт успешного преодоления ограничений, наложенных Версальским договором, был крайне важен для «военной машины» Веймарской Германии во всех отношениях. Наиболее значимой являлась возможность испытания новейших образцов вооружений: в частности, истребителей Не-17, прототипов танка Рz. I, средств защиты от химического оружия. Это в определенной мере и позволяло германским конструкторам и офицерам технических войск, притом с минимальными ресурсными затратами, «перескочить» уровень подготовки к конфлиktу «пост-Первая мировая война», быстро переходя к «**пост**-пост-Первая мировая война». Вместе с тем не следует гиперболизировать роль площадок подготовки военных кадров в СССР: апробация новых образцов военной техники велась в Швеции (прежде всего, танков и их экипажей²), Нидерландах (где проходили подготовку многочисленные будущие кадры люфтваффе, включая и Г. Геринга) и даже Испании (ещё до установления режима Ф. Франко, строительство подводных лодок)³ – все эти страны объединял нейтральный статус в Первой мировой войне, трактовавшийся как готовность к сотрудничеству с новой Германией по её окончании. Не менее важно и другое: СССР получил доступ к широкому спектру разработок, что не только облегчало глубокую и масштабную техническую модернизацию РККА, но и в перспективе повышало её способность противостоять натиску уже гитлеровской «военной машины»⁴. Очевидно также, что без помощи СССР немецкие военные и

¹ Уткин А.И. Россия над бездной. 1918 – декабрь 1941 г. – Смоленск: Рунич, 2000. – С. 14.

² Гудериан Г. Танковые войска Германии во Второй мировой войне 1939–1945. – М.: Центрполиграф, 2007. – С. 20.

³ Уткин А.И. Россия над бездной. 1918 – декабрь 1941 г. – Смоленск: Рунич, 2000. – С. 10–15.

⁴ Несмотря на исключительно тяжелую ситуацию на Восточном фронте, гитлеровское командование так и не пошло на применение здесь химического

конструкторы пришли бы к тем же практическим результатам и выводам лишь с небольшим опозданием (не более 1–2 лет). Однако Советский Союз не получил бы исключительно ценного опыта инклюзивного участия в создании и аprobации перспективных образцов вооружения германской стороной. Кроме того, не следует преувеличивать масштабов деятельности рейхсвера на территории СССР: так, за период существования военно-воздушной школы в Липецке подготовку в ней прошли менее 900 человек персонала, в том числе 120 пилотов¹. Это численность лётного состава всего 1–1,5 эскадр, притом выпускавшего в течение нескольких лет. И если для рейхсвера, который оставался и мыслился как «карликовые» вооружённые силы, это было достаточно существенной величиной, то для ВС будущего – массовых – незначительной.

Как происходили преобразования родов войск в рейхсвере?

В случае *армии* на базе каждой из 7 имевшихся пехотных дивизий (из расчета 1 на военный округ) в случае войны должны были быть развернуты ещё по 3 дивизии, т.е. суммарно, с использованием кадровых войск мирного времени учреждалось 28 дивизий. Сверх того создавалось ещё 7 второочередных дивизий из запасных сил из расчета 1 на каждый военный округ. Кавалерийские дивизии составляли мобильный резерв, т.е. подвижную ударную группу. Однако вопрос набора достаточного числа резервистов проработан в полном объёме не был. Рейхсверу в принципе крайне сложно было подготовить массовые кадры рядовых, особенно в виде боеспособных резервистов. Попытки сделать это предпринимались под видом так называемого «чёрного рейхсвера»: тайного (от «западных демократий») набора желающих на краткосрочные военные сборы (2–3 месяца). Спонсирование этих шагов осуществлялось промышленниками – прежде всего, Г. Стиннесом (поэтому данных запасников даже называли «солдатами Стиннеса»)². Однако не следует преувеличивать практической результативности данных мер: число вновь обученных резервистов составляло

оружия (хотя неоднократно планировало это сделать). Одна из ключевых причин того – наличие сильной системы защиты от данного вида ОМП, разработанной совместно советскими и германскими специалистами в период сотрудничества СССР с Веймарской республикой. – Прим. авт.

¹ Уткин А.И. Россия над бездной. 1918 – декабрь 1941 г. – Смоленск: Рунич, 2000. – С. 15.

² Ландер И.И. Негласные войны. Кн. Первая. Условный мир. – Одесса: «Друк», 2007. – С. 70.

лишь порядка 7 тыс. человек¹, т.е. запасного личного состава за несколько лет было переподготовлено только на одну пехотную дивизию (!). Кроме того, по своему уровню прошедшие краткосрочные военные сборы резко отличались от кадровых военно-служащих рейхсвера.

На данном фоне важнейшим практическим результатом стала подготовка масс унтер-офицерских кадров (численность которых, в отличие от офицеров, не регламентировалась): значительная их часть, а также рядовых, длительное время служащих в войсках, составила «костяк» унтер-офицеров уже в вермахте в первые годы его существования.

Автомобильные отделы пехотных дивизий стали первоначально – с середины 1920-х годов – центрами подготовки кадров будущих танковых и моторизованных войск. Последние получили своё собственное управление, а к началу 1930-х годов стала происходить внутренняя реорганизация отдельных моторизованных батальонов (наличествовали по 1 в составе каждой пехотной дивизии). Первым был преобразован 3-й мотобатальон: одна его рота получила разведывательные бронеавтомобили, ещё одна – муляжи танков, третья стала противотанковой (ПТО), а четвёртая – мотоциклистной². Тем самым получили старт к развитию все основные компоненты танковых и моторизованных сил Германии на микроуровне – безусловно, с той оговоркой, что наиболее важные из них (танковые) развивались пока более в теоретическом плане, нежели в практическом. Так, не был до конца прояснен вопрос о снабжении и ремонте бронемашин, особенно в значительных масштабах.

В отстающем положении с точки зрения уделяемого внимания стала оказываться артиллерия: показательно, что даже в начале 1930-х годов развитие средств ПТО оказалось передано в ведение моторизованных войск.

Военно-воздушный флот. Несмотря на неоднократные попытки отстоять право послевоенной Германии иметь ВВС (которые показали свою исключительную боеспособность в Первую мировую войну), в этом ей было отказано – в том числе даже под

¹ Ландер И.И. Негласные войны. Кн. Первая. Условный мир. – Одесса: «Друк», 2007. – С. 70.

² Гудериан Г. Танковые войска Германии во Второй мировой войне 1939–1945. – М.: Центрполиграф, 2007. – С. 22.

видом эскадрилий полиции¹. Однако, несмотря на невозможность иметь даже несколько боевых самолётов, Г. фон Секту удалось уже внутри бюрократического аппарата военного ведомства Веймарской республики пролоббировать решение о сохранении группы офицеров BBC (без воздушных машин) в количестве 180 человек (почти 5% от всей численности позволенных Версальским договором командных кадров), среди прочего развернув при всех округах сухопутных войск (по числу пехотных дивизий – 7) по небольшому (всего 3 сотрудника) отделу BBC². Офицеры-авиаторы, частично прошедшие подготовку в СССР, а также Нидерландах³, накапливались в качестве сверхштатных командиров в сухопутных войсках (прежде всего, в составе всех 3 кавалерийских дивизий). Удалось сохранить цвет боевых пилотов, выдвинувшихся уже в Первую мировую войну (в частности, это Э. Мильх, Г. Шперле, К. Штудент)⁴. Тем самым была создана скрытая первичная структура BBC, позволявшая обеспечить их развертывание в полноценный вид войск при появлении благоприятных внешнеполитических условий.

Вместе с тем, в отличие от перспективного применения танковых войск, в период Веймарской республики не была чётко сформулирована концепция будущей «воздушной войны» – в частности, неоправданно ограниченное внимание уделялось стратегическим операциям с использованием бомбардировщиков⁵. Причина видится в том, что в Первую мировую войну в BBC Германии наибольшее развитие получила истребительная авиация.

Военно-морской флот. Старые надводные корабли использовались для интенсивной подготовки личного состава. В отличие от армии, для флота длительный срок службы рядовых моряков, младших офицеров был существенно более полезен и даже необходим: сложность технического оборудования требовала высокого уровня квалификации. По сравнению с другими видами оружия

¹ Версальский договор 28 июня 1919 г. 2021. // Сайт «Хронос». Режим доступа: https://www.hronos.ru/dokum/191_dok/19190628versal.php (дата обращения: 23.08.2021).

² Corum J.S. The Roots of Blitzkrieg: Hans von Seeckt and German Military Reform. – Kansas: University Press of Kansas, 1994. – P. 220–242.

³ Уткин А.И. Россия над бездной. 1918 – декабрь 1941 г. – Смоленск: Руслан, 2000. – С. 9.

⁴ Corum J.S. The Roots of Blitzkrieg: Hans von Seeckt and German Military Reform. – Kansas: University Press of Kansas, 1994. – P. 220–242.

⁵ Ibid.

военно-морские силы в существенно меньшей степени пострадали от ограничений, введенных Версальским договором (1919).

Во второй половине 1920-х годов развернулась дискуссия по вопросу определения стратегической схемы развития будущего флота Германии. Фактически в принципе не рассматривался вопрос ограничения лишь «москитным флотом», т.е. составленным в подавляющем большинстве из катеров, способных выполнять лишь ограниченные задачи в прибрежной акватории. Причина тому – разрешение даже по Версальскому договору (1919) иметь линкоры, лёгкие крейсера и миноносцы. Основными были два варианта: прибрежный флот с использованием крупных надводных кораблей или Флот открытого моря. При ведущем участии адмирала Э. Редера выбор был сделан в пользу последнего. ВМС оказались единственным видом войск, где план преобразований был утвержден ещё до полномасштабного прихода нацистов к власти: в ноябре 1932 г. министр обороны К. фон Шлейхер утвердил «план реконструкции» военно-морского флота. В надводных силах важная роль отводилась тяжелым крейсерам с дизельными двигателями (иронически прозванными британской прессой «карманными линкорами», будучи известны и под данным названием)¹. «План реконструкции» (1932) предполагал создание организационной базы управления подводными лодками и обучение их персонала, а также подготовку производственных мощностей к их выпуску как среднесрочную (со сроком реализации к 1938 г.) задачу. Параллельно было принято решение о подготовке создания морской авиации².

Каковы основные результаты преобразований середины 1920-х – начала 1930-х годов? Важнейшим из них следует признать резкий бросок вперёд в теоретическом видении вооружённых сил будущего с апробацией отдельных, но отнюдь ещё не массовых элементов их структуры. Сухопутные войска, ВМС, а, по сути, и формально не существовавшие BBC уже к 1933 г. стали вплотную подходить к пониманию требований к войскам, предназначенным к использованию в военном конфликте «*пост-пост-Первая мировая война*».

В отличие от «западных демократий» и СССР, Германия для перехода к следующей модели танков и самолётов (но не артилле-

¹ Руге Ф. Война на море. 1939–1945 / Перевод В.Я. Голанта. – М.: АСТ; СПб.: Полигон, 2000. – С. 32.

² Там же.

рийских систем) должна была снимать с вооружения не сотни и тысячи единиц образцов предшествующей¹, но лишь несколько, что, безусловно, резко облегчало разработку и апробацию единиц новой техники.

Образовалась достаточно значительная группа офицеров среднего уровня (как минимум несколько десятков), понимавших данные задачи в области строительства ВС, притом передовые командиры были во всех основных родах войск и «ядре» генерально-го штаба – Службе войск (личного состава). Не менее важно было и наличие многотысячного корпуса хорошо подготовленных унтер-офицерских кадров. Вместе с тем ни в коем случае не следует идеализировать то положение, которого рейхсвер достиг в смысле внутренних преобразований в начале 1930-х годов. Значительная часть офицерского корпуса, в том числе на высшем уровне, продолжала придерживаться старых, схоластических, взглядов, не веря в возможность самостоятельного использования соединений, оснащенных машин с моторами на земле, – прежде всего, танков. Вооружённые силы Веймарской республики были и оставались военной организацией профессионалов, слабо подготовленной к организации и приёму масс резервистов (так, это отчетливо показал опыт «чёрного рейхсвера»).

Притом германский истеблишмент все более активно стремился к выходу из ограничений, установленных Версальским договором (1919): в политическом отношении об этом свидетельствовала направленность курса Г. Штреземана, в военном – «план реконструкции» ВМС, принятый в конце 1932 г., за подписью К. фон Шлейхера (на тот момент руководитель военного ведомства и вскоре возглавивший правительство).

Сама по себе «военная машина» Веймарской республики была во многом «государством в государстве»: рейхсвер стремился максимально дистанцироваться от политики. И если режим Веймарской республики в 1919–1933 гг., особенно к концу этого временного промежутка, ассоциировался со слабостью и неустойчивостью системы власти, особенно на высшем уровне, то вооружённые силы, напротив, пребывали в состоянии стабильности (со знаком плюс), готовясь к новым масштабным совершенствованиям. Период существования Веймарской республики, особенно с 1929 г. (времени наступления «Великой депрессии»), характеризо-

¹ Уткин А.И. Россия над бездной. 1918 – декабрь 1941 г. – Смоленск: Рунич, 2000. – С. 9.

вался наличием глубоких проблем социально-экономического развития. Безусловно, резкое усложнение финансовой обстановки не могло не сказаться на вооружённых силах; вместе с тем не следует гиперболизировать данное влияние, подтверждением чему является уже отмеченное принятие «плана реконструкции» военно-морских сил осенью 1932 г. Почему? Помимо иных причин важным обстоятельством следует признать негласные достаточно разветвлённые связи рейхсвера с кругами промышленников, готовых содействовать в различных формах (притом не только участием в разработке и подготовке массового производства перспективных вооружений, что показал феномен «солдат Стингнеса») воссозданию военной мощи Германии. Была ли возможна эта координация усилий без поддержки некоторых политических кругов Веймарской республики? Представляется, что нет.

Вскоре после обрушения политического режима Веймарской республики (1933) А. Гитлер осуществил слом старой «военной машины» (притом взяв от неё значительную часть профессиональных кадров) и приступил к стремительному созданию новой. Было ли это подготовлено в период Веймарской республики не только в военном отношении (безусловный импульс к наращиванию мощи), но и внешнеполитически? Следует дать положительный ответ на данный вопрос. Первые успехи гитлеровского режима в вопросе реформ «военной машины» оказались едва ли возможны (и уж точно не были бы столь масштабными) без негласной поддержки «западных демократий». Последние согласились с фактическим пересмотром ограничений, установленных их же национальными лидерами (но другого поколения – приверженца качественной иной тактики), по Версальскому договору (1919).

Почва для смены взглядов элит в странах Запада была подготовлена сближением с франко-британским блоком Веймарской республики в период руководства её МИД Г. Штреземаном – в том числе для «сдерживания» СССР. Локарнские соглашения (1925), гарантировав границы Германии лишь на западе, но отнюдь не на востоке, создавали не только де-факто, но и де-юре возможность для будущей ремилитаризации страны под предлогом противостояния «советской угрозе». Однако степень демократизации, равно как и устойчивости политической системы Веймарской республики была переоценена франко-британским альянсом. Утвердившись, нацистский режим лишь временно стремился прийти к стратегическому соглашению с «западными демократиями», притом последовательно продавливая самым жёстким образом свои условия, но отнюдь

не собираясь интегрироваться в данный лагерь: напротив, всем внутренним обликом и внешними более чем агрессивными действиями Третий рейх противопоставлял себя франко-британскому тандему и особенно его младшим партнёрам.

«Западные демократии» не только не осознали опасности внешнеполитического курса нацистской Германии, но и недооценивали в огромной степени будущий масштаб роста её «военной машины». Ошибочные оценки того, что «довооружение» Третьего рейха окажется лишь частичным, не сверхбыстрым по скорости, а главное – не обгоняющим по объёму военных потенциалов сами «западные демократии», разумеется, возникли отнюдь не на пустом месте. Данные представления выработались под влиянием экономической и политической нестабильности Веймарской республики (которую нацистский режим сумел достаточно быстро преодолеть), а также отсутствия видимых крупномасштабных изменений «военной машины» страны, особенно в смысле наземных сил и авиации, на протяжении более чем десятилетия. Иными словами, не был учтён (а, скорее всего, и обнаружен в полной мере) широкий комплекс подготовительных мер по созданию будущих громадных вооруженных сил, осуществленный в «карликовом» рейхсвере. Вкупе с чувством реваншизма, бытовавшим в тот период у части немецкого общества в целом и «людей в погонах» в особенности, это и обеспечило с собственно военной точки зрения огромные успехи в создании уже вермахта. Будучи аномальной по своей природе с точки зрения традиций германо-пруссского (пруссского) государства, миниатюрная «военная машина» готовилась к слому и переформатированию в огромную. В данном случае А. Гитлер и его окружение воспользовались результатами обширной подготовительной работы, притом её творцы на высшем уровне были частично убраны – устраниены физически (К. фон Шлейхер в 1934 г.) или досрочно уволены в отставку (В. фон Бломберг в 1938 г., В. фон Фрич также в 1938 г., позднее восстановлен с резким понижением в звании).

Таким образом, режим А. Гитлера и внутри-, и внешнеполитически (со стороны «западных демократий» – творцов Версальского договора, позднее ставших «демонтажниками») обеспечил благоприятные условия для проведения полноценной военной реформы, многие контуры которой были определены в период Веймарской республики. Единственный актор, способный противостоять планам ремилитаризации Германии, – Советский Союз – в силу географического положения и навязанной ему политической изоля-

ции не мог принять действенных мер, притом совершенно правиль-но оценив идеологическую и политическую направленность (преж-де всего, против себя) данного процесса. Так, все военные контакты, бывшие с Веймарской республикой, были свёрнуты с нацистской Германией сразу после прихода А. Гитлера к власти, включая за-крытие всех трёх школ подготовки военных специалистов.

4.2. Стремительный старт строительства вооруженных сил будущего: 1934–1939 гг.

Придя к власти, нацистский режим уже в 1933–1934 гг. ускорил реализацию мер по превращению вооруженных сил из карликовых в широкомасштабные. В данное время положения Версальского договора (1919) в количественном и особенно каче-ственном отношениях стали грубо нарушаться: прежде всего, гер-манская сторона приступила к созданию военно-воздушных сил как полноценного вида войск и танковых сил как рода в составе армии. К началу 1934 г. были созданы «ядра» 44 воздушных эс-кадрилий и отдельных первых эскадр, рассредоточенных на 42 аэродромах¹. Летом 1934 г. были проведены длительные (четы-ре недели) сборы импровизированной танковой дивизии, которые позволили чётко нащупать возможности и «узкие места» соедине-ния данного типа². Соответственно, шла апробация структуры со-единений бригадного и дивизионного уровней технических видов и родов войск. Уже в 1934 г. стал де-факто реализовываться план Г. фон Секта: на базе 10 дивизий развёртывалось 36 дивизий, ко-торые постепенно наполнялись личным составом до штата, притом число кавалерийских соединений было оставлено неизменным – 3, что показывало растущий скепсис в отношении конницы.

Подготовка будущих кадров рядового состава осуществля-лась под эгидой военно-молодёжного объединения «гитлерюгенд». Между 1932 и 1936 гг. численность его членов возросла с 0,1 млн до 3,5 млн человек³. К подготовке будущих военнослужащих ак-

¹ Уткин А.И. Россия над бездной. 1918 – декабрь 1941 г. – Смоленск: Ру-сич, 2000. – С. 23.

² Гудериан Г. Танковые войска Германии во Второй мировой войне 1939–1945. – М.: Центрполиграф, 2007. – С. 22.

³ Уткин А.И. Россия над бездной. 1918 – декабрь 1941 г. – Смоленск: Ру-сич, 2000. – С. 23.

тивно привлекались кадры отставных и действующихunter-офицеров и (в меньшей степени) офицеров. В «гитлерюгенде» обучали применению автоматического оружия и гранат, радиотехники, саперной лопаты и компаса, т.е. уровень технической грамотности будущих военнослужащих был достаточно высоким (обгоняя аналогичный показатель масс вновь набираемого на службу личного состава во всех государствах Европы и мира).

А. Гитлер избрал стратегический курс на милитаризацию внешней политики, что требовало создания не только первоклассных (с точки зрения технического парка, уровня боевой подготовки и политической приверженности идеям НСДАП масс личного состава вермахта), но и количественно огромных вооружённых сил для покорения всего мира, притом в весьма сжатые сроки. Одним из неотъемлемых факторов достижения этих крупных результатов в области строительства ВС являлось подведение необходимой финансовой основы. Так, уже в 1934 г. на военные нужды тратился всего 21% государственного бюджета, а в 1938 г. этот показатель возрос до 67%¹. Важную роль сыграла «связка» между руководством Третьего рейха и германскими промышленниками уже с момента старта стремительного запуска программы производства вооружений, особенно тяжелых. Основы этого союза уходили корнями в период Веймарской республики, притом восприятие «жёсткой руки» А. Гитлера со стороны владельцев крупных производств было в целом весьма позитивным, что в значительной степени обеспечивалось усилиями «финансового гения» Третьего рейха Я. Шахта. Осуществление перевооружения, особенно в 1934–1937 гг., происходило посредством выделения промышленникам особых денежных обязательств – «чеков Мефо». Предприятия Круппа очень быстро – уже к весне 1934 г. – освоили конвейерное производство танков (на тот момент легких Рz. I)². В мае 1936 г. был заложен завод по производству бомбардировщиков He-111, а первые машины были произведены к июню 1937 г.³ Стартовавшее перевооружение сопровождало переход к совершенно иному, чем позволялось по Версальскому договору (1919), построению «военной машины» страны.

¹ Советские Вооруженные Силы. Вопросы и ответы. Страницы истории. – М.: Воениздат, 1987. – С. 156.

² Уткин А.И. Россия над бездной. 1918 – декабрь 1941 г. – Смоленск: Рунич, 2000. – С. 24.

³ Там же, с. 27–28.

Де-факто стартовав летом 1934 г., де-юре качественно новый, основной этап реформы наступил 16 марта 1935 г., когда А. Гитлер объявил о восстановлении всеобщей воинской повинности и переименовании вооружённых сил из рейхсвера в вермахт. Это было не простое изменение названия, но демонстрация сил, ибо понятие «Wehrmacht» традиционно обозначало в немецком языке полноценные ВС; тем самым демонстрировалось возвращение страны при нацистах к традициям германского (германо-пруссского) государства. Служба войск (личного состава) переименовывалась официально в генеральный штаб. В составе вермахта провозглашалось создание все трех видов войск (де-факто существовали, включая и авиацию): сухопутные войска (хеер), ВМС (кригсмарине) и ВВС (люфтваффе). Их командования подчинялись командованию вермахта в целом (ОКВ); на деле самостоятельность главного управления сухопутных войск (ОКХ) от ОКВ существовала изначально, усиливаясь по мере развития боевых действий.

Именно в предвоенный период (1935–1939) был проведён основной этап военной реформы. Хронологически его нижней границей стало лето 1934 г., а верхней – 1 сентября 1939 г. – начало Второй мировой войны, когда основные силы вермахта начали полномасштабную агрессию против Польши.

Здесь сразу следует оговориться, что, с одной стороны, оккупация Третьим рейхом ряда соседних государств – аншлюс Австрии (1938 г. март), занятие Судетской области (1938 г., октябрь), а затем и основной части Чехословакии (1939 г., март) и тем более Клайпедской области – не сопровождался боевыми действиями. Вскрывая многочисленные «узкие места» в подготовке войск (особенно подвижных), эти операции всё же в полной мере не могли дать опыта ведения реальной войны. С другой стороны – он активно приобретался кадрами вермахта, особенно танкистами и лётчиками (прежде всего, сведенными в легион «Кондор») в ходе Гражданской войны в Испании в 1936–1939 гг.¹: к началу 1938 г. здесь было сосредоточено 50 тыс. германских военных (прежде всего, профессионалов из технических родов войск), 800 орудий, 300 танков и 600 самолётов². Это позволяло германской стороне отрабатывать в условиях боевых действий взаимодействие на уровне до танкового батальона и даже полка, воздушной эскадры, апробируя (внося конструкторские правки и направляя в войска

¹ Сто великих битв. – СПб: Вече, 2000. – С. 425–430.

² Атлас офицера. – М.: Военно-топографическое управление, 1974. – С. 242.

уже модифицированные образцы) различные модели танков и боевых самолетов. Испанский опыт оказался несопоставимо богаче и ценнее для вермахта в количественном и качественном отношениях, чем обучение небольших групп специалистов в СССР в период Веймарской республики.

Существенным отличием вновь создаваемого вермахта от вооруженных сил германо-пруссского государства (кайзеровских, затем рейхсвера) являлось стирание границ между пруссаками и не-пруссаками, чему в немалой степени содействовал сам А. Гитлер (этнический австриец). Так, начальником ОКХ в 1938–1942 гг. являлся Ф. Гальдер, выходец из Баварии. До 1939 г. пехотные дивизии (и тем более образующие их части и подразделения) продолжали комплектоваться в основном выходцами из конкретного района (области), однако все они имели единую нумерацию и не отражали в своих названиях принадлежности к прусским или, наоборот, непруссским землям. Технические рода (авиация) и виды (особенно танковые силы) комплектовались уже по смешанному принципу, т.е. выходцами со всей Германии.

Как проходил процесс глубоких преобразований в войсках в случае каждого из видов войск?

Армия (Heer). В 1934–1938 гг. в составе вермахта были созданы 34 пехотные дивизии. Они были реорганизованы (для первых семи сквозная нумерация от 1 до 7) и сформированы (также сквозная нумерация от 8 до 36, за вычетом 13-й и 29-й, которые стали мотопехотными) в 1934–1935 гг., опираясь на планы Г. фон Секта путём разделения на четыре части каждой из имевшихся дивизий (де-факто на пять). После аншлюса Австрии (март 1938 г.) и оккупации Судетской области (октябрь 1938 г.) на этих вновь провозглашенных частью Третьего рейха территориях из кадровых военнослужащих немецкого происхождения были сформированы ещё 6 дивизий (44-я, 45-я 46-я, 50-я, 60-я, 72-я). Каждая из 40 пехотных дивизий первой волны имела в составе по 3 пехотных полка, по 1 артиллерийскому полку, дивизиону противотанковой артиллерии, инженерному, разведывательному батальонам и батальону связи, а также включала тыловые подразделения¹. Пехотная дивизия имела, таким образом, треугольную структуру (дивизия – 3 пехотных полка; каждый пехотный полк – 3 батальона). Имея

¹ Infanterie-Division 1. Welle – Gesamtübersicht (1939 / 40)-. 2001. // Lexikon der Wehrmacht. Mode of access: <https://www.lexikon-der-wehrmacht.de/Zusatz/Heer/Infanterie-Division-R.htm> (date of access: 24.08.2021).

представленные части дивизионного подчинения, соединение данного типа получало возможность сохранять боеспособность на протяжении стратегической операции, даже неся существенные потери. Интересно, что силы снабжения дивизии первой волны были представлены как конной тягой (более 4,8 тыс. лошадей, свыше 900 повозок), так и грузовиками (свыше 600)¹, а кроме того, соединение имело более 0,5 тыс. мотоциклов – прежде всего, для ведения разведки и поддержания связи. Иными словами, пехотная дивизия обладала определённой степенью мобильности, что сочеталось с высокой огневой силой, в том числе с наличием дивизиона противотанковой артиллерии, плотным насыщением пехотных полков пулемётами (и в реалиях второй половины 1930-х гг. в существенно меньшей степени автоматами²). Численность соединения по штату была свыше 17,7 тыс. военнослужащих с учетом тыловых подразделений, т.е. порядка 13–14 тыс. «активных штыков»³, т.е. пехотная дивизия вермахта была «большим» соединением. Даже при некотором уменьшении (на 2–2,5 тыс.) штатной численности пехотных дивизий новых формирований они оставались безусловно «большими».

Одновременно шла подготовка к созданию регулярных пехотных дивизий второй, третьей и четвёртой волн. Де-юре они были развернуты 26 августа 1939 г. накануне начала Второй мировой войны, однако де-факто подготовка их создания велась ранее, как минимум с 1938 г.:

– это ещё 16 дивизий, укомплектованных в основном военнообязанными резервистами 1-го разряда (номера: 52-я, 56-я, 57-я, 58-я, 61-я, 62-я, 68-я, 69-я, 71-я, 73-я, 75-я, 76-я, 78-я, 79-я, 86-я, 87-я)⁴, которые имели внутреннюю организацию, практически идентичную тем, что были у 40 дивизий первой волны. Всего, таким образом, вермахт к началу агрессии против Польши располагал 56 отборными пехотными дивизиями, что было весьма значительной цифрой. Как следует из нумерации, под дивизии 1-й и

¹ Infanterie-Division 1. Welle – Gesamtübersicht (1939 / 40)-. 2001. // Lexikon der Wehrmacht. Mode of access: <https://www.lexikon-der-wehrmacht.de/Zusatz/Heer/Infanterie-Division-R.htm> (date of access: 24.08.2021).

² Ibid.

³ Ibid.

⁴ Infanterie-Division 2. Welle. – Gesamtübersicht (1939 / 40 – Abweichungen gegenüber der 1. Welle)-. 2001. // Lexikon der Wehrmacht. Mode of access: <https://www.lexikon-der-wehrmacht.de/Zusatz/Heer/Infanterie-Division2-R.htm> (date of access: 24.08.2021).

2-й волн бронировались номера до 100 (точнее, даже до 89). Притом штатная численность каждой из новых 16 пехотных дивизий соединений составляла 15,2 тыс.¹ (против 17,7 тыс. у первых 40 соединений);

– 22 дивизии, укомплектованные резервистами 2-го разряда и силами ландвера (сквозная нумерация от 205-й до 209-й, от 211-й до 218-й, 221-я, 223-я, 227-я, 228-я, 231-я, 239-я, 246-я, 311-я). Данные дивизии не имели такой ударной компоненты, как разведывательный батальон (был заменен на команду самокатчиков), а также в основном использовали гужевой, а не моторный транспорт, что резко снижало их мобильность². Под дивизии третьей волны формирования оставлялись в основном номера пятой полусотни (201–249-я). Штатная численность данных дивизий составляла 17,9 тыс. – в основном за счёт дополнительного личного состава тыловых подразделений вследствие низкого уровня их моторизации³;

– 14 дивизий, укомплектованных наполовину резервистами 1-го разряда, наполовину – 2-го (сквозная нумерация от 251-й до 258-й, 260-я, 262-я, 263-я, 267-я, 268-я, 269-я), по своей внутренней организации и боеспособности скорее относясь к дивизиям первой и второй волн формирования, нежели третьей⁴. Рассмотренным соединениям присваивались номера из второй полусотни. Их штатная численность составляла лишь чуть более 15,0 тыс. солдат и офицеров в каждом соединении⁵.

Таким образом, в ходе преобразований вермахта в предвоенный период в его составе были сформированы значительные пехотные силы (включавшие многочисленные части и подразделения в составе других родов оружия, оказывавшие поддержку самой инfanterии на поле боя): 56 были, по сути, ударными, ещё 14 –

¹ Infanterie-Division 2. Welle. – Gesamtübersicht (1939 / 40 – Abweichungen gegenüber der 1. Welle)-. 2001. // Lexikon der Wehrmacht. Mode of access: <https://www.lexikon-der-wehrmacht.de/Zusatz/Heer/Infanterie-Division2-R.htm> (date of access: 24.08.2021).

² Infanterie-Division 3. Welle – Gesamtübersicht (1939 / 40 – Abweichungen gegenüber der 1. Welle)-. 2001. // Lexikon der Wehrmacht. Mode of access: <https://www.lexikon-der-wehrmacht.de/Zusatz/Heer/Infanterie-Division3-R.htm> (date of access: 24.08.2021).

³ Ibid.

⁴ Infanterie-Division 4. Welle – Gesamtübersicht (1939 / 40 – Abweichungen gegenüber der 1. Welle)-. 2001. // Lexikon der Wehrmacht. Mode of access: <https://www.lexikon-der-wehrmacht.de/Zusatz/Heer/Infanterie-Division4-R.htm> (date of access: 24.08.2021).

⁵ Ibid.

близкими к ним по боевому потенциалу (т.е. суммарно 70 соединений). Из этого числа две дивизии (2-я и 20-я) вскоре стали мотопехотными. Кроме того, ещё 22 соединения обладали ограниченными возможностями по ведению боевых действий.

Соответственно, в предвоенный период нацистская Германия накопила опыт ускоренного варианта развёртывания значительного числа полностью боеспособных пехотных дивизий: в 1934–1939 гг. их количество возросло почти в 10 раз (не считая обладавших ограниченной боеспособностью) – с 7 до 68, притом что, согласно скрытым планам усиления потенциала рейхсвера их количество должно было увеличиться в 4 раза (с 7 до 28; ещё 7 считались соединениями пониженной боеготовности и формировалась скорее по остаточному принципу). В реальности разрыв (28 и 68) был ещё больше, учитывая, что все вновь созданные дивизии были «большими» соединениями, а также были сформированы 4 моторизованные дивизии. То есть в деле формирования пехотных дивизий – численно безусловно основной силы не только армии, но и вооружённых сил в целом – гитлеровский режим достиг существенно более масштабных результатов, чем позволял «задел», созданный в период Веймарской республики.

Наличие 68 боеготовых дивизий резко меняло военное положение Третьего рейха: по этому показателю он превосходил Францию и стал приближаться к РККА, учитывая, что её стрелковые дивизии мирного времени де-факто были скорее «малыми», а планы по резкому увеличению их числа (с 99 до 173) стали реализовываться лишь осенью 1939 г.¹, что было сложно осуществимо до перехода к построению полностью регулярных войск (т.е. упразднения) территориальной компоненты (1939). Притом штатная численность вновь создаваемых дивизий (посредством передачи части состава из ранее существовавших) была первоначально небольшой, не превышая в основном 8–9 тыс.²

Тем самым Третий рейх сумел набрать очень высокую скорость строительства вооружённых сил в смысле создания пехотных соединений; повышенной она оказалась и в случае танковых и моторизованных соединений.

По итогам летних маневров 1935 г., в ходе которых вновь была создана импровизированная танковая дивизия (с демонстра-

¹ Мельтюхов М.И. Советско-польские войны. – М.: Язуа, Эксмо, 2006. – С. 431–432.

² Там же.

цией возможности применения больших масс лёгких танков), было создано управление бронетанковых войск. А 15 октября 1935 г. были созданы три первые танковые дивизии вермахта (1-я, 2-я и 3-я, причем 2-й командовал Г. Гудериан)¹. Танковая дивизия состояла из танковой бригады (2 полка), стрелковой бригады (1 полк и мотоциклетный батальон), артиллерийского полка, отдельных батальонов: разведывательного, противотанкового, ПВО, связи, инженерного; кроме того, имелась разведывательная воздушная эскадрилья². Таким образом, и танковые дивизии имели треугольную структуру (дивизия – 3 полка, из которых 2 основного вида оружия). Каждый танковый полк состоял из 2 батальонов, в каждом из которых было по 2 роты легких танков (Pz. I и Pz. II) и 1 – средних (сюда первоначально включались легкие Pz. II, а также средние Pz. III и до 1940 г. в очень ограниченных количествах Pz. IV). Разнообразной по составу и достаточно сильной была артиллерия противотанковая и общего назначения в составе танковой дивизии³, и в этом плане она обладала существенной огневой мощью. Исключительно мощными были подразделения тактической разведки в составе танковой дивизии, включая не только наземный батальон, но и воздушную эскадрилью. Вся пехота танковых дивизий была моторизирована, будучи составлена из мотоциклетных (4 из расчёта на мотопехотный полк и мотоциклетный батальон), мотопехотных (6 рот), пулеметных (4 роты) и смешанных рот (4 роты). Иными словами, число рот пехоты (на разном транспорте) лишь незначительно (меньше, чем в 1,5 раза) превосходило число танковых, что следует признать недостаточным пехотным сопровождением танков на уровне танковой дивизии – её бронеединицам требовалась дополнительная поддержка. С одной стороны, был нашупан путь решения данной проблемы: стали создаваться моторизованные дивизии, т.е. полностью оснащенные автотранспортом пехотные дивизии. В 1935–1936 гг. были сформированы 4 дивизии. Частично в моторизованные реорганизовывались имевшиеся пехотные дивизии (2-я и 20-я), частично вновь формируемые (2 мотодивизии получили номера 13-й и 29-й,

¹ Гудериан Г. Танковые войска Германии во Второй мировой войне 1939–1945. – М.: Центрполиграф, 2007. – С. 34.

² Состав 1-й бронетанковой дивизии на 09.05.1940. (Приложение 24). // Гудериан Г. Танковые войска Германии во Второй мировой войне 1939–1945. – М.: Центрполиграф, 2007. – С. 566–569.

³ Там же.

отсутствующие в сквозной нумерации пехотных дивизий, см. выше). С другой стороны, – они оказались сведены в отдельный армейский корпус (XIV¹), т.е. на данной стадии преобразований «военной машины» Германии ещё не была понята необходимость сочетания танковых и мотопехотных дивизий в рамках *одного* корпуса подвижных войск.

В целом в вермахте уже в середине 1930-х годов наблюдалась тенденция к объединению танковых подразделений в профильные дивизии, т.е. концентрация бронетехники в составе ударных соединений. Эти взгляды нашли наиболее подробное теоретическое обоснование в книге Г. Гудериана «Внимание, танки!» («Achtung! Panzer!»), а также цикле его статей (1937). Вместе с тем, несмотря на общую приверженность данному пути, наблюдался и ряд исключений. Так, первым из них стало формирование «легких» дивизий, каждая из которых состояла из 2 мотопехотных полков, разведывательного и артиллерийского полков (по одному), а также танкового батальона². По сути, это было смешанное соединение, представлявшее собой нечто среднее между танковой и моторизованной дивизиями вермахта – однако из-за очень большого разнообразия типов войск внутри соединения «лёгкие» дивизии оказались недостаточно эффективны. Противоречащим принципу концентрации танков в составе профильных ударных соединений стало не только учреждение «лёгких» дивизий, но отдельных танковых бригад, которые предназначались для поддержки пехоты: с этой целью уже в 1936 г. была создана 4-я танковая бригада (позднее направленная на формирование танковой дивизии)³.

Вермахтом был наработан существенный опыт в использовании подвижных войск – прежде всего, танковых и моторизованных дивизий – в ходе аншлюса Австрии (1938 г., март) и оккупации Судетской области (1938 г., октябрь). Тот факт, что в ходе них не велось боевых действий, оказался, как ни парадоксально, даже плюсом: появилась возможность спокойно, без потерь, устранить возникавшие проблемы. Была отработана тактика передислокации комбинированным путем (на железнодорожных платформах и составами, а затем собственным ходом) масс единиц

¹ Состав 1-й бронетанковой дивизии на 09.05.1940. (Приложение 24) // Гудериан Г. Танковые войска Германии во Второй мировой войне 1939–1945. – М.: Центрполиграф, 2007. – С. 35.

² Там же.

³ Там же.

гусеничного и колесного транспорта. При этом сразу же выявились необходимость сопровождения танковых дивизий моторизованными: под управление XVI корпуса под командованием Г. Гудериана в ходе аншлюса были переданы 2-я танковая дивизия и мотодивизия СС лейб-штандарт «Адольф Гитлер»¹, а в период оккупации Судет – 1-я танковая, 12-я и 13-я моторизованные². Подвижные корпуса, в которых танковые дивизии играли роль ударной компоненты, продемонстрировали свою эффективность в наступлении, что обусловило интерес гитлеровского командования к росту числа этих соединений. В лагерях 2-й танковой дивизии, перебазированной в австрийские земли, была сформирована 4-я танковая дивизия осенью 1938 г., а вскоре созданы 5-я танковая и еще одна «лёгкая» дивизии³. В апреле 1939 г. была создана новая, 10-я танковая дивизия (шестая по счету).

Притом, как видно из примеров состава штаба XVI корпуса (который, будучи наиболее подготовлен, использовался для принятия командования над профильными войсками на направлении предполагаемых боевых действий) под его командование передавалась лишь 1 танковая дивизия. Почему? К числу причин следует отнести наличие более чем ограниченного (всего три) числа соединений данного типа, размер каждого из них – профильная танковая бригада в составе была «большой», но главным, представляется, был иной фактор. Германское военное командование ещё принципиально не утвердились в возможности использовать сразу нескольких танковых дивизий (2–3) в составе одного корпусного управления. В данном случае первоначальная передача (1935–1936) всех трёх танковых дивизий под управление XVI корпуса не может служить примером, так как это было сделано в сугубо мирных условиях для выработки единой методики подготовки соединений данного типа – аналогичная мера была осуществлена в отношении моторизованных и «лёгких» дивизий.

Именно танковым и моторизованным (до осени 1939 г. и «лёгким») дивизиям отводилась роль ударных соединений, способных (в случае необходимости при поддержке пехоты) стремительно прорвать фронт обороны противника и стремительно выйти

¹ Состав 1-й бронетанковой дивизии на 09.05.1940. (Приложение 24) // Гудериан Г. Танковые войска Германии во Второй мировой войне 1939–1945. – М.: Центрполиграф, 2007. – С. 50.

² Там же, с. 60.

³ Там же, с. 59.

на оперативный простор, уничтожая его тылы и срывая военно-организационные мероприятия – прежде всего, мобилизацию. Для этого подобные ударные соединения содержались по штатам военного времени в мирных условиях (или предельно приближенным нормам численности личного состава), обладая полностью укомплектованным парком вооружений и особенно военной техники. Вкупе с маневренностью это позволяло вводить данные дивизии в дело сразу, что уже само по себе обеспечивало эффект внезапности. Не менее важно и другое: подвижность позволяла перемещать массы бронетехники и мотопехоты в сектор на линии фронта, где противник совершенно этого не ожидал. В своей основе данная концепция была разработана еще Г. фон Сектом, однако будучи существенно модифицирована уже командованием вермахта. Важнейшим изменением стало наделение функциями ударных сил не кавалерийских дивизий (которым нацистский режим практически сразу стал отводить сугубо вспомогательную роль, по возможности используя их кадры для формирования танковых сил), а танковых и моторизированных. В этом и проявился переход к подготовке к конфликту «*пост*-пост-Первая мировая война». При том практически все моторизованные корпуса или армейские корпуса, имевшие танковую составляющую, заранее готовились к использованию с целью окружения войск противника, что отрабатывалось уже в ходе учений, т.е. осуществления кессельшахта – операций на окружение – как наземной основы блицкрига. Впереди при наступлении развертывались роты лёгких танков, позади них – средних, по мере возможности сопровождаясь мотопехотой. Пехотным соединениям отводилась роль помощников в уничтожении уже взятых в кольцо сил противника. Следует подчеркнуть, что кессельшахт как тактика являлся органичным военно-теоретическим «продуктом» германского (германо-пруссского, прусского) государства, опираясь на традиции использования «военной машины», заложенные ещё Фридрихом II и развитые при Х. Мольтке-старшем.

Линия на постепенное упразднение кавалерийских соединений (и уж тем более отказ от формирования новых) в полной мере отвечала требованиям времени, притом Германия пошла по данному пути быстрее, чем другие страны.

«Узким местом» процесса реформирования сухопутных войск являлся отказ от создания отдельных артиллерийских частей и соединений: в отличие от РККА, в которой уже в предвоенный период активно создавались артиллерийские полки (пушечные и гаубичные) Резерва главного командования, подобная практика в вермахте

распространения не получила. Как справедливо отмечали советские военачальники, артиллерия в вооружённых силах нацистской Германии играла роль «падчерицы» в отношении войск, оснащенных боевой техникой с моторами, – танковых и люфтваффе¹.

В предвоенный период ещё не получала масштабного развития практика формирования войск СС – параллельной армии «войenneй машины». Последние были ограничены в основном ещё отдельными полками (позднее переформированными в дивизии: «Великая Германия», «Адольф Гитлер»).

Каковы результаты основного этапа военной реформы к 1 сентября 1939 г. применительно к сухопутным войскам? Ответ на этот вопрос позволяет получить обращение к составу группировки гитлеровских войск, развернутых на границах с Польшей к началу агрессии против нее.

Всего было развернуто две группы армий (ГрА). ГрА «Север», не считая именных соединений², имела в своем составе 10 полностью готовых пехотных дивизий (1-я, 3-я, 11-я, 12-я, 21-я, 23-я, 32-я, 50-я, 61-я, 73-я), а также 6 соединений, обладавших более низким уровнем боеспособности (206-я, 207-я, 208-я, 217-я, 218-я, 228-я)³. В основном эти силы были сведены в состав 5 армейских корпусов, однако часть соединений непосредственно подчинялось штабам армий (4 дивизии) и группы армий (еще 3 дивизии), при этом в обоих случаях речь шла в основном о второразрядных дивизиях. Основная масса корпусов имела по две дивизии, в основном полностью боеготовых. Сверх того, в составе группы армий «Север» было по 2 танковых (3-я и 10-я, последняя прибывала) и 2 моторизованных (2-я и 20-я) дивизии, а также 1-я отдельная кавалерийская бригада и временная (сформированная для поддержки войск в Восточной Пруссии – анклаву к началу войны) танковая дивизия «Кемпф». Из подвижных войск был первоначально составлен лишь 1 моторизованный корпус (XIX), вообравшей обе моторизованные и единственную прибывшую (3-ю) танковую дивизию⁴. Почти все мобильные соединения (кро-

¹ Воронов Н.Н. На службе военной. – М.: Военное изд-во Министерства обороны СССР, 1963. – С. 190–206.; Хлебников Н.М. Под грохот сотен батарей. – М.: Воениздат, 1974. – С. 87–106.

² Это бригады и дивизии, составленные в основном из гарнизонных сил. – *Прим. авт.*

³ Группировка вермахта на 1 сентября 1939 г. // Мельтюхов М.И. Советско-польские войны. – М.: Яузा, Эксмо, 2006. – С. 333.

⁴ Там же.

ме временной дивизии «Кемпф») были собраны в составе 4-й полевой армии – соответственно, 3-я армия практически подвижных войск не имела¹.

ГрА «Юг» имела в своем составе 20 полностью боеспособных пехотных дивизий (4-я, 7-я, 8-я, 10-я, 14-я, 17-я, 18-я, 19-я, 24-я, 27-я, 28-я, 30-я, 31-я, 44-я, 45-я, 46-я, 56-я, 57-я, 62-я, 68), 2 почти полностью боеспособных (257-я и 258-я), а также 3 дивизии пониженной боеспособности (213-я, 221-я, 233-я). Кроме того, в составе группы армий «Юг» находились 3 горно-пехотные дивизии (1-я, 2-я и 3-я)². Часть этих дивизий была передана в подчинение управлений 8 армейских корпусов (и прибывал ещё 1), вне них находились 13 дивизий, из которых более половины еще лишь прибывали. Как и в группе армий «Север», ГрА «Юг» в своих армейских корпусах в основном имела по 2 дивизии, притом в основном полностью боеготовых. Группа армий «Юг» имела 4 танковые дивизии (1-я, 2-я, 4-я, 5-я), 2 моторизованные (13-я, 29-я) и все 4 «лёгкие» (1-я, 2-я, 3-я, 4-я)³.

Управление ими осуществлялось тремя моторизованными корпусами, причем все они имели различную структуру:

– XVI моторизованный корпус имел две танковые (1-я и 4-я) и две пехотные (т.е. обладавшие все же существенно меньшей мобильностью, чем моторизованные) дивизии;

– XIV моторизованный корпус в составе двух моторизованных дивизий (13-й и 29-й), т.е. в составе этого подвижного соединения не было ни одной (!) танковой дивизии;

– XV моторизованный корпус, имевший две «лёгкие» дивизии (2-я и 3-я);

– наконец, по сути, моторизованным являлся XVIII армейский корпус в составе танковой (2-я), «легкой» (4-я), а также горнопехотной дивизии.

Кроме того, 5-я танковая дивизия наряду с двумя пехотными дивизиями входила в состав VIII армейского (который де-факто также имел признаки моторизованного, хотя таковым не назывался), а 1-я «лёгкая» дивизия находилась в армейском подчинении. Все мобильные соединения были сосредоточены в составе 10-й (половина танковых и почти все моторизованные и «лёг-

¹ Группировка вермахта на 1 сентября 1939 г. // Мельтюхов М.И. Советско-польские войны. – М.: Яуза, Эксмо, 2006. – С. 333.

² Там же.

³ Там же.

кие» дивизии) и 14-й полевых армий, а 8-я армия была ими обделена¹.

О чем это свидетельствует? В целом, учитывая быстрый разгром армии Польши, задействованная группировка войск оказалась достаточной. Руководство Третьего рейха задействовало против официальной Варшавы более 44% полностью боеспособных пехотных дивизий (30 из 68) – этот относительно небольшой показатель объяснялся тем, что не все дивизии успели полностью завершить мобилизацию к 1 сентября 1939 г. Наибольшим соединением стал армейский корпус, который был «малым» (в основном входили только по 2 дивизии, хотя и «большие»). Более примечателен другой показатель: против Польши было брошено 100% танковых (5 постоянных и 1 временная), моторизованных (4), «лёгких» (4) дивизий, чем реализован принцип предельной концентрации мобильных войск на главном стратегическом направлении. Сосредоточение подвижных войск в составе 4-й полевой армии ГрА «Север», равно как и 10-й и 14-й полевых армий ГрА «Юг», оказалось более чем оправданным. Взаимодействуя с войсками 3-й армии (в том числе временной танковой дивизией «Кемпф»), 4-я полевая армия осуществила де-факто «асимметричные канны» в «данцигском коридоре»². 10-я полевая армия, используя XIV и XVI моторизированные корпуса, успешно реализовала тактику «симметричных канн» (в районе Радома). 14-я полевая армия, напротив, применяла тактику «асимметричных канн»³ (восточнее Сандомира)⁴. На фоне достигнутых успехов показательна пестрота состава моторизированных корпусов. Это, во-первых, корпуса только с одной танковой дивизией, в которые также включались моторизованные и обычные пехотные дивизии; последний опыт оказался в целом неудачным – танковые и мотопехотные части отрывались от стационарной пехоты. Во-вторых, это корпуса без танковых дивизий – укомплектованные только моторизованными и «легкими» дивизиями; большие вопросы вызывала ударная мощь данных корпусов – даже «лёгкие» соедине-

¹ Группировка вермахта на 1 сентября 1939 г. // Мельтюхов М.И. Советско-польские войны. – М.: Язва, Эксмо, 2006. – С. 333.

² Атлас офицера. – М.: Военно-топографическое управление, 1974. – С. 247.

³ «Асимметричные канны» означали, что одна «клешня» войск, осуществлявших окружение, состояла из мобильных войск (танковых и моторизованных), другая – только их пехотных сил. «Симметричные канны» подразумевали использование подвижных войск в составе обеих ударных клешней. – Прим. авт.

⁴ Атлас офицера. – М.: Военно-топографическое управление, 1974. – С. 247.

ния обладали всё же недостаточным числом танков (всего 1 батальон). Наиболее удачной оказалась модель моторизированных корпусов, которые имели по 2 танковые дивизии. Таковым в итоге стал не только XVI, но и XIX корпус (но уже на второй стадии польской кампании): преимущества сразу двух дивизий в составе одного моторизированного корпуса были практически и теоретически обоснованы командиром корпуса Г. Гудерианом¹.

Притом уже в период польской кампании проявилось пренебрежение гитлеровским генералитетом сохранением как минимум на первой стадии операции крупных резервов в тылу: это свидетельствовало об уверенности в тактической непогрешимости кессельшахта и необходимости вложить максимум сил в первый, самый сильный удар.

В 1934–1939 гг. гитлеровской Германии удалось в целом осуществить основой этап реформы вооружённых сил применительно к армии: не в пример рейхсверу, она стала большой, массовой, при этом сохранив высокий уровень профессионализма. Уже к осени 1939 г. большая часть дивизий, даже пехотных, не говоря уже о технических родах войск, содержалась либо по штатам военного времени, либо имела численность, близкую к ним, что обеспечивало высокий уровень боевой подготовки. Вместе с тем требовалось устранять ряд недоработок, а главное – Третий рейх был заинтересован в дальнейшем существенном увеличении числа соединений сухопутных войск, требовавшихся для разгрома «западных демократий» и особенно уничтожения национальной государственности на территории СССР.

Военно-воздушные силы (люфтваффе). Опираясь на потенциал, созданный в период существования Веймарской республики, гитлеровский режим приступил к ускоренному варианту развертывания полноценных военно-воздушных сил. Во главе них стал Г. Геринг, бывший лётчиком-профессионалом. Совместно с группой пилотов, активно занимавшихся вопросами BBC в 1920-е – начале 1930-х годов (прежде всего, Э. Мильхом), Г. Геринг разработал в середине 1930-х годов схему структуры люфтваффе.

«Большим кирпичом» была избрана воздушная эскадра. По составу боевых машин она была однотипной: истребительной, бомбардировочной, штурмовой; однако в состав каждой эскадры включались самолёты-разведчики. Как и дивизии сухопутных

¹ Гудериан Г. Танковые войска Германии во Второй мировой войне 1939–1945. – М.: Центрполиграф, 2007. – С. 80–82.

войск, воздушные эскадры люфтваффе являлись «большими» соединениями. Имея в своем составе от 110 до 150 самолётов, эскадра включала штаб (в непосредственном распоряжении которого имелось от 4 до 6 самолётов) и от трёх (к 1939 г.) до четырех групп, каждая из которых насчитывала 30–40 самолётов. Каждая группа, в свою очередь, делилась на 3 (реже 4) эскадрильи, имевшие по штату 12 боевых машин. Эскадрильи делились на звенья: в дневной истребительной авиации они имели по 4 самолёта (делившиеся/хся на пары), в остальных (прежде всего, бомбардировочной и штурмовой) – по 3¹. Соответственно, в авиации, особенно до 1939 г., в основном применялась треугольная структура (воздушная эскадра – 3 группы; группа – 3 эскадрильи), которая была характерной и для сухопутных войск.

Высшим объединением в составе ВВС являлся военно-воздушный флот. Первоначально было развернуто три воздушных флота (1-й, 2-й и 3-й), после вхождения Австрии, Судетской области, а затем и большей части Чехословакии был создан 4-й воздушный флот.

Каждый тип воздушных эскадр (истребительные, бомбардировочные, штурмовые) имел свою нумерацию. В 1935–1939 гг. она свидетельствовала о принадлежности к воздушному флоту, в зоне которого дислоцировалась в мирное время эскадра: номера от 1 до 25 указывали на принадлежность к 1-му воздушному флоту, от 26 до 50 – ко 2-му, от 51 до 75 – к 3-му, а от 76 до 100 – 4-му флоту². При этом сама нумерация была не сплошной, с разрывами. Так, в составе *истребительной* авиации были развернуты 1-я – 7-я (сквозная), 11-я, 20-я, 21-я, 25-я – 28-я (сквозная), 50-я – 54-я (сквозная), 70-я – 72-я (сквозная), 76-я, 77-я и 80-я³, т.е. суммарно 25 воздушных эскадр. *Бомбардировочная* авиация включала 1-ю – 4-ю (сквозная нумерация), 6-ю, 25-ю – 28-ю (также сквозная нумерация), 30-ю, 40-ю, 50-ю – 55-ю (сквозная нумерация), 60-ю, 66-ю, 76-ю, 77-ю и 100-ю эскадры, т.е. в сумме 21 воздушную эскадру⁴.

¹ Зефиров М.В. Асы люфтваффе: Бомбардировочная авиация. – М.: Изд-во АСТ, 2002. – С. 5–6.

² Kurowski F. Der Luftkrieg über Deutschland. – Berlin: Neuer Kaiser Verlag, 1996. – S. 37.

³ Истребительные эскадры (Jagdgeschwader) // Авиаторы Второй мировой. Режим доступа: <http://allaces.ru/ge/struct/istr/main.php> (дата обращения: 23.08.2021).

⁴ Бомбардировочные эскадры (Kampfgeschwaders) // Авиаторы Второй мировой. Режим доступа: <http://allaces.ru/ge/struct/bom/main.php> (дата обращения: 23.08.2021).

Штурмовая авиация была представлена 1-й, 2-й, 3-й, 5-й, 51-й, 76-й, 77-й, итого 7 воздушными эскадрами¹. Разведывательная авиация, прежде всего используясь в интересах других видов ВВС, в основном состояла из групп и более мелких подразделений – её звенья и эскадрильи передавались в состав воздушных эскадр боевой авиации², существенно повышая эффективность её применения.

Как и танковые войска, ВВС готовились к массированному применению боевых машин, что обеспечивалось развертыванием сети воздушных эскадр. Острием ударных группировок была бомбардировочная авиация, сосредоточенно применявшаяся, в зависимости от конкретной обстановки, для уничтожения самолётов и аэродромов, живой силы и техники противника на линии фронта, его подходивших резервов или разрушения коммуникаций. Основу ВВС к 1939 г. составляли средние бомбардировщики (в частности, He-111, а также Ju-87). Истребительная авиация (прежде всего, представленная Bf-109 и Bf-110) имела задачу не только сопровождения бомбардировщиков, но и нанесения чувствительных ударов силам авиации противника, не уничтоженной на аэродромной сети. Сильные группировки люфтваффе в основном использовались для поддержки моторизированных корпусов (позднее танковых групп) и армейских корпусов, действовавших на направлениях главного удара.

Уже к 1936 г. самолётный парк Третьего рейха насчитывал около 1,9 тыс. единиц (в том числе много разведывательных и учебных), что было активно использовано для запугивания общественности и руководства «западных демократий». По состоянию на 26 августа 1939 г. в парке воздушных машин Третьего рейха (с учетом армейской и морской авиации) насчитывалось: истребителей – 1230, бомбардировщиков – 1210, штурмовиков – 400, разведывательных самолетов – 661, транспортных самолетов – 544, иных – 243, а суммарно 4288 боевых и вспомогательных воздушных машин³. Показательно преимущество бомбардировочной и штурмовой авиации перед истребительной по числу самолетов,

¹ Штурмовые эскадры (Sturzkampfgeschwaders) до реорганизации 08.10.43 г. // Авиаторы Второй мировой. Режим доступа: <http://allaces.ru/ge/struct/st/main.php> (дата обращения: 23.08.2021).

² Разведывательные эскадры (Aufklärungsgeschwadern) // Авиаторы Второй мировой. Режим доступа: <http://allaces.ru/ge/struct/rec/main.php> (дата обращения: 23.08.2021).

³ Kroener B., Müller R.-D., Umbreit H. Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. – Stuttgart: Militärgeschichtliches Forschungsamt (MGFA), 1988. – S. 963.

что говорило о ярко выраженному ударном характере состава ВВС Третьего рейха. Иллюстративна также значительная численность разведывательной авиации: она играла очень большую практическую роль в «высвечивании» позиций и сил противника: сухопутных войск (разведсамолёты в составе армейской авиации) и люфтваффе – для нанесения по ним ударам.

Основная масса боевых самолётов была сосредоточена против Польши к сентябрю 1939 г.: для поддержки группы армий «Север» был развернут 1-й воздушный флот в составе 746 самолётов (720 готовых), а для группы армий «Юг» – 4-й воздушный флот, который насчитывал 1095 самолетов (1000 боеготовых)¹, не считая сил армейской и морской авиации. Данных сил оказалось достаточно, чтобы обеспечить уверенное превосходство люфтваффе в воздухе уже в течение первых двух дней войны в ходе польской кампании.

В целом, как и сухопутные войска, ВВС к 1939 г. успешно прошли основной этап военной реформы, располагая значительными, оснащенными эффективными для реалий новой мировой войны и, что не менее важно, хорошо организованными силами.

Военно-морские силы (кригсмарине). Логично, что руководство уже гитлеровской Германии переняло «план реконструкции» флота, сформулированный при К. фон Шлейхере (1932). Лондонские соглашения от июня 1935 г. означали пересмотр ограничений, наложенных на германские ВМС в соответствии с Версальским договором (1919). Официальному Берлину разрешалось иметь надводный флот тоннажем в 35% от британского (401 тыс. т суммарно для тяжелых крейсеров, легких крейсеров, авианосцев и эскадренных миноносцев); подводный – в 45% от ВМС Объединённого королевства (24 тыс. т). Притом ожидалось увеличение абсолютных значений данных показателей в связи с истечением в 1936 г. Вашингтонского договора по лимитированию военно-морских флотов и последующему старту усиленного корабельного строительства на британских верфях².

Уже в 1931–1933 гг. были построены и спущены на воду 3 мощных броненосных корабля, по своим характеристикам расположившиеся между тяжёлым крейсером (в частности, по водоизмещению) и линкором (по орудиям), с 8 дизельными двигателями

¹ Мельюхов М.И. Советско-польские войны. – М.: Яузा, Эксмо, 2006. – С. 332.

² Руге Ф. Война на море. 1939–1945 / Перевод В.Я. Голанта. – М.: ACT; СПб.: Полигон, 2000. – С. 33.

и имевшие каждый тоннаж от 10 до 12 тыс. т, т.е. в пределах, лишь незначительно выше ограничений, наложенных Версальским договором (1919). В предвоенный период эти корабли – «Дойчланд», «Адмирал Шеер», «Адмирал граф Шпее» – именовались броненосцами, в 1940 г. были классифицированы как тяжелые крейсера («карманные линкоры»). Кроме того, к 1935 г., будучи в основном заложены еще в период Веймарской республики, были построены 6 легких крейсеров (по 6 тыс. т) и 8 миноносцев¹.

Руководство нацистской Германии перефокусировало внимание с постройки «карманных линкоров» (готовился выпуск еще двух) на полноценные линкоры: «Гнейзенау» и «Шарнхорст», которые имели водоизмещение не 10–12 тыс., а по факту свыше 30 тыс. т². Реализовывалась программа резкого наращивания миноносцев (16 единиц), создания многочисленного катерного флота (прежде всего, торпедных катеров), а также полноценно стартовал процесс производства подводных лодок – первоначально (к 1936 г.) первая их партия определялась в 28 единиц³. Здесь вновь следует подчеркнуть длительную предварительную подготовку германских верфей к строительству кораблей различного предназначения, что позволяло существенно ускорить сроки спуска на воду первых партий.

Особое внимание стало уделяться строительству подводного флота – его лодки (ПЛ) первоначально строились трех типов – на 250, 500 и 750 т. 250-тонные ПЛ в количестве 24 единиц были произведены уже к 1937 г., предназначаясь прежде всего для действий в прибрежной зоне и обучения личного состава. Развитие концепции подводного флота было поручено К. Дёницу, назначенному командующим данной частью кригсмарине. Обратившись к использованию тактики «стай», а точнее, «волчьей стаи», основанной на концентрированном (сосредоточенном) нападении отряда / отрядов ПЛ на конвой судов и кораблей противника, К. Дёниц настаивал на первоочередном производстве средних (500 т и 750 т) ПЛ, определяя соотношение между ними как 3:1. Притом К. Дёниц выступал против массового строительства подводных крейсеров водоизмещением 1400–2000 т, вооруженных артиллерией. Как показал практический опыт, наиболее хорошо себя зарекомендовали

¹ Руге Ф. Война на море. 1939–1945 / Перевод В.Я. Голанта. – М.: АСТ; СПб.: Полигон, 2000. – С. 33.

² Там же, с. 33–34.

³ Там же.

средние (770 т) и среднекрупные (1120 т) ПЛ, активно используя свои торпедные аппараты, в то время как подводные крейсера так и не приобрели стратегического значения¹. Споры о тоннаже базовых типов ПЛ вкупе со стремлением до 1939 г. придерживаться критериев, установленных Лондонским соглашением (1935), обусловили достаточно ограниченные объемы выпуска субмарин, что отражено в таблице 4.1.: так, в 1937 г. была спущена на воду лишь одна (!) таковая. В чем причины этого? Запрет на производство подводных лодок, наложенный Версальским договором (1919), было обойти намного сложнее, чем в случае танков или боевых самолётов уже вследствие габаритов и трудностей производства любой, даже небольшой, субмарины. Данное отставание проявилось и в том достаточно длительном сроке (по сравнению с выпуском наземной военной техники и надводных кораблей), который потребовался для производства ПЛ средних размеров и определения будущей тактики их использования.

Таблица 4.1.

**Динамика спуска на воду ПЛ нацистской Германией
в 1935–1941 гг.²**

Год	1935	1936	1937	1938	1939	1940	1941
число ПЛ	14	21	1	9	18	50	198

К концу 1938 г. командующий ВМС Э. Редер представил А. Гитлеру два плана развития кригсмарине. Первый основывался на использовании и развитии потенциала тяжёлых крейсеров, линкоров и подводных лодок, позволяя вести борьбу с судоходством и в меньшей степени ВМС Великобритании, а в целом и «западных демократий». Второй путь предполагал создание существенно более разнообразного по составу флота, что соответственно открывало возможность реализации сразу нескольких тактик борьбы с военно-морскими силами противника. Однако данный сценарий был более затратным во всех отношениях – финансовом, технико-технологическом, временном, не обеспечивая полноценной готовности кригсмарине к ведению широкомасштабных боевых дейст-

¹ Руге Ф. Война на море. 1939–1945 / Перевод В.Я. Голанта. – М.: АСТ; СПб.: Полигон, 2000. – С. 35–36.

² Построено автором на основе: Руге Ф. Война на море. 1939–1945. / Перевод В.Я. Голанта. – М.: АСТ; СПб.: Полигон, 2000. – С. 35.

вий на море как минимум до середины 1940-х годов¹. Несмотря на это, А. Гитлер, известный своим стремлением к максимализму, выбрал именно второй вариант. При наступательных действиях задача борьбы с ВМС Великобритании в её прибрежной зоне была возложена на подводные лодки, морскую авиацию; кроме того, важная роль отводилась установке значительных минных полей. В более отдалённых районах основная нагрузка возлагалась на подводные лодки и миноносцы, а в Атлантическом океане – на линкоры, тяжёлые и лёгкие крейсера. Всего масштабная кораблестроительная программа предполагала, что флот, включая уже имевшиеся вымпелы, будет иметь 78 крупных надводных кораблей, включая 10 линкоров, 4 авианосца и 20 тяжёлых крейсеров и броненосцев, 158 миноносцев (стандартных и эскадренных), 27 огромных (океанских) и 222 малые и средние подводные лодки². Кроме того, планировалось выстроить до 300 малых кораблей (сторожевиков, тральщиков, торпедных катеров, охотников за подводными лодками)³. Данными силами ВМС Германии должны были располагать к 1948 г., хотя даже в реалиях самого конца 1930-х годов представленные цифры вызывали большие сомнения. Осознавая, что постройка такого громадного флота потребует заполнения всех имевшихся верфей, командование ВМС сосредоточило первоочередное внимание на сооружении линкоров, подводных лодок (как «ядра» кригсмарине), а также легких крейсеров, на неопределенные времена отложив реализацию планов по постройке авианосцев. Летом 1939 г., с учетом возможностей широкой подводной войны, было решено увеличить плановое число субмарин до 300, выпуская до 29 ПЛ ежемесячно⁴.

В целом в случае надводного флота в ходе основного (1934–1939) этапа реформы вооружённых сил были достигнуты ограниченные результаты. Здесь в основном использовался «задел», созданный в последние годы существования Веймарской республики; строительство же запланированных крупных кораблей в условиях начала Второй мировой войны столкнулось с большими трудностями. Притом уже на этом этапе наметился рост интереса к развитию и использованию подводного флота в ущерб надводным си-

¹ Руге Ф. Война на море. 1939–1945. / Перевод В.Я. Голанта. – М.: АСТ; СПб.: Полигон, 2000. – С. 37–38.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

лам. Вместе с тем к 1939 г. Германия получила его менее чем в 60 боеспособных вымпелов: хотя уже 3 сентября 1939 г. были начаты достаточно активные боевые действия на море, в том числе с участием субмарин, масштабы борьбы оказались достаточно ограниченными. Другое дело, что к 1940 г. была определена концепция развития флота ПЛ (нацеленная на резкое увеличение их числа, особенно средних по размеру), начавшая успешно реализовываться быстрыми темпами уже в условиях начала Второй мировой войны (см.: табл. 4.1.).

4.3. «Дореализация» военной реформы в 1940 – первой половине 1941 г.

Во введении уже ставился принципиальный вопрос о том, можно ли проводить реформу вооружённых сил в ходе войны. Условием для этого является ряд совпадающих характеристик конфликта: он должен идти со значительными промежутками, когда отсутствуют активные широкомасштабные боевые действия, не нести реальной угрозы для территории государства, осуществляющего глубокие преобразования «военной машины», а сама она в ходе проводимых силовых (боевых) не должна нести крупных потерь. Именно такая исключительно благоприятная внешнеполитическая обстановка складывалась для Третьего рейха с сентября 1939 г. по середину июня 1941 г.

Все основные проведенные в этот период военные кампании – польская (сентябрь 1939 г.), норвежская (апрель 1940 г.), французская (май – июнь 1940 г.), балканская (апрель 1941 г.) – оказались скоротечными, исключительно результативными и сопровождались более чем ограниченными (не более нескольких десятков тысяч убитых и раненых) потерями вермахта. Не менее важно и другое: в период каждой из данных кампаний отсутствовал второй активный фронт. Так, в случае оккупации Польши, Дании и Норвегии это было обусловлено «странной войной», ведшейся «западными демократиями» на суше; в случае разгрома Югославии – критическим ослаблением Великобритании. В данный период был проведен завершающий этап военной реформы.

В ходе данных операций гитлеровская «военная машина» продемонстрировала свою исключительную силу и мощь, не требуя кардинальной перестройки. В основном осуществлялся коли-

чественный рост практически всех параметров «военной машины» по траектории, наметившейся в 1935–1939 гг., однако с внесением ряда корректировок. Так, численность личного состава ВВС между нападением на Польшу и началом агрессии против СССР возросла более чем в 4 раза (в том числе за счет обслуживающего персонала), ВМС нацистской Германии – в 9 раз (см.: табл. 4.2.). В частности, последнее положение объяснялось стремлением связать полномасштабную морскую (в том числе подводную) войну не только против Советского Союза, но и ангlosаксонских держав.

Таблица 4.2.
Динамика численности вермахта (и войск СС) в 1939–1941 гг.¹

Год / Дата	1939 г., 1 сентября	1940 г., 10 мая	1941 г., 22 июня
Сухопутные войска (без учета армии резерва)	2471 тыс.	3650 тыс.	3800 тыс.
Армия резерва	996 тыс.	900 тыс.	1200 тыс.
<i>Сухопутные войска всего</i>	<i>3737 тыс.</i>	<i>4550 тыс.</i>	<i>5000 тыс.</i>
Люфтваффе	400 тыс.	1200 тыс.	1680 тыс.
Кригсмарине	50 тыс.	250 тыс.	404 тыс.
Войска СС	35 тыс.	50 тыс.	150 тыс.
Суммарно вермахт и войска СС	4222 тыс.	6050 тыс.	7234 тыс.

В целом в кампаниях осени 1939 – весны 1941 г. силы люфтваффе демонстрировали способность быстро завоевывать и прочно удерживать превосходство в воздухе, но с одним значимым исключением. Неспособность выиграть воздушную битву за Англию в августе – сентябре 1940 г. не привела к реорганизации структуры ВВС нацистской Германии: она оставалась в своей основе той же, наблюдались обновление материальной части (в частности, массовые поставки в войска бомбардировщиков типа Ju-87) и рост числа воздушных эскадр (стали создаваться оные с нумерацией второй сотни). Последняя мера позволяла существенно усилить воздушные флоты (1-й, 2-й и 4-й), готовившиеся к боевому применению против СССР². Так, несмотря на потери, понесенные в «воздушной битве» за Англию, по состоянию на конец апреля 1941 г. Германия располагала 1757 истребителями, 1476 бомбардировщиками, 461 штурмовиком, 803 разведывательными само-

¹ Мюллер-Гиллебранд Б. Сухопутная армия Германии, 1939–1945 гг. – М.: Изографус, Эксмо, 2002. – С. 719–722.

² См.: Атлас офицера. – М.: Военно-топографическое управление, 1974. – С. 253.

лётами, 768 транспортными и 542 иными, т.е. суммарно насчитывалось 5807 боевых и вспомогательных воздушных машин¹.

В случае кригсмарине в 1940–1941 гг. гитлеровское командование уделяло повышенное внимание производству подводных лодок (прежде всего, средних и среднекрупных), а также производству миноносцев и небольших надводных кораблей, по сути, отказавшись от большинства пунктов создания океанского крупнотоннажного флота новых линкоров, крейсеров².

Наибольшее увеличение наблюдалось у армии, притом самые заметные изменения произошли в случае подвижных войск (танковых, моторизированных и «легких» дивизий), что вполне логично – именно они играли ключевую роль в реализации планов по осуществлению агрессии. Так, наблюдался рост числа пехотных дивизий: в сентябре 1939 г. было развернуто 5 новых соединений (90-й нумерации), в ноябре 1939 г. – 4 (80-й нумерации), в конце ноября – начале декабря 1939 г. – еще 14 дивизий (нумерация в диапазоне от 160 до 190). С весны 1940 г. по начало 1941 г. было сформировано еще 80 пехотных дивизий³. Следует подчеркнуть, что сложившаяся «треугольная» структура дивизий (дивизия – 3 полка, полк – 3 батальона) оставалась неизменной; в зависимости от волны формирования дивизии в её составе менялся состав (отсутствие, исчезновение, замена) рот полковой артиллерии, разведывательного батальона, дивизионной артиллерии, инженерного батальона, а также уровень моторизации (соотношение гужевого и моторного транспорта). По сути, все вновь формируемые дивизии можно было условно разделить на две части: предназначенные быть полностью или практически полностью боеспособными, а также с ограниченной боеспособностью. При формировании дивизий первого типа в них часто направлялись опытные кадры из отборных, имеющих полноценный боевой опыт соединений (с заменой личного состава в последних новобранцами) и солдаты молодых возрастов. В связи с этим командование вермахта опиралось на опыт создания дивизий нумерации в пределах первой сотни (а также шестой полусотни – от 250 до 299), накопленный в 1935–1939 гг.

¹ Kroener B., Müller R.-D., Umbreit H. Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. – Stuttgart: Militärgeschichtliches Forschungsamt (MGFA), 1988. – S. 963.

² Рузе Ф. Война на море. 1939–1945 / Перевод В.Я. Голанта. – М.: ACT; СПб.: Полигон, 2000. – С. 38–39.

³ Мюллер-Гиллебранд Б. Сухопутная армия Германии, 1939–1945 гг. – М.: Изографус, Эксмо, 2002. – С. 620–621.

Эти силы предназначались прежде всего для использования на ключевом театре военных действий (по сути, единственном): французском – в мае – июне 1940 г., балканском – в апреле 1941 г., а с июня 1941 г., – на советско-германском фронте. Дивизии второго типа (ограниченной боеспособности) в основном предназначались к использованию внутри Третьего рейха и прежде всего на оккупированных территориях, особенно во Франции и Норвегии. В основном на укомплектование дивизий с недостаточными возможностями направлялись резервисты старших возрастов; практически повсеместной практикой являлось оснащение этих соединений тяжёлым вооружением и транспортом из трофейных запасов, захваченных у бывших французской, чехословацкой и других (включая даже польскую) армий. Здесь также в полной мере использовалась схема создания дивизий (прежде всего, пятой полусотни номеров – от 201 до 249), наработанная в ходе основного этапа военной реформы, т.е. в 1935–1939 гг.

Какие изменения произошли в подвижных войсках и почему? После польской кампании вермахта три «лёгкие» пехотные дивизии были переформированы в танковые, продемонстрировав свою громоздкость. Каким образом была осуществлена данная процедура? В дополнение к имевшемуся танковому батальону в них был добавлено ещё по два танковых батальона, из которых (суммарно составлен) танковый полк 3-батальонного состава. Из-за нехватки техники германского производства эти вновь созданные танковые дивизии (6-я, 7-я, 8-я) получили материальную часть (танки) чешского производства¹. Во всех данных дивизиях сохранилось по 2 мотопехотных полка (как и было ранее в «лёгкой» дивизии) и 1 артиллерийский полк. С опорой на кадры еще одной «лёгкой» была сформирована новая – 9-я танковая – дивизия, также лишь с 1 танковым полком, притом 2-батальонного состава, но техникой немецкого производства. Имевшиеся 6 танковых дивизий (1-я, 2-я, 3-я, 4-я, 5-я, 10-я) сохранили свою структуру: 2 танковых полка по 2 батальона, мотопехотный полк, а также артиллерийский. Оснащены эти соединения были техникой исключительно германского производства². Соответственно, все танковые дивизии имели «треугольную» структуру, но разной конфигурации: по 2 танковых полка и 1 мотопехотному у дивизий старого формиро-

¹ Гудериан Г. Танковые войска Германии во Второй мировой войне 1939–1945. – М.: Центрполиграф, 2007. – С. 519.

² Там же.

вания, по 1 танковому полку и 2 мотопехотных – у вновь учреждённых танковых соединений. Как и в польскую кампанию, основу парка танков продолжали составлять машины типов Pz. I и особенно Pz. II (суммарно 60% от общего числа танков), остальные – Pz. III и особенно Pz. IV, а также танки чешского производства Pz. 35 и Pz. 38 были представлены в меньших количествах (хотя и более значительных, чем осенью 1939 г.)¹.

Существенное (более чем в 1,5 раза – с 6 до 10) увеличение числа танковых соединений позволило перейти к их использованию на более высоком уровне – от моторизованных корпусов к танковым группам. К моменту нападения на Францию (10 мая 1940 г.) была развернута лишь одна танковая группа (под командованием Э. фон Клейста), которая объединила в своем составе 5 (из 10; т.е. 50%) танковых дивизий. Её XIV моторизованный корпус состоял из 2 моторизованных дивизий (13-й и 29-й), XIX – 3 танковых (1-й, 2-й, 10-й) и отдельного моторизованного полка («Великая Германия»), XXXIX – двух танковых (6-я и 8-я) и одной моторизованной (2-я) дивизии². Детально и многократно отрабатывалась схема взаимодействия танковой группы, корпусов и дивизий с авиацией – как армейской (истребительной и разведывательной), так и бомбардировочными корпусами люфтваффе³: тем самым обеспечивалась тесная координация усилий масс моторной бронетехники на земле и в воздухе.

Таким образом, к началу французской кампании так и не было найдено схемы оптимального соотношения танковых и моторизованных войск в составе корпуса. Это проявлялось и в том, что остальные танковые (и моторизованные) дивизии были разбросаны по корпусам в составе полевых армий: по 1–2 танковые дивизии в корпусах, притом не более 2 в составе одной полевой армии. Примечательно также, что вне танковой группы Э. Клейста танковые дивизии собирались либо обособленно, либо в сочетании с пехотными, но не моторизованными дивизиями⁴. Притом и

¹ Рассчитано автором на основе: Гудериан Г. Танковые войска Германии во Второй мировой войне 1939–1945. – М.: Центрполиграф, 2007. – С. 519.

² Gruppe von Kleist, Herresgruppe A, 10.05.1940. // Niehorster.org. Mode of access: http://niehorster.org/011_germany/40-05-10_army/_hgr_a/kleist.html (date of access: 23.08.2021).

³ Гудериан Г. Танковые войска Германии во Второй мировой войне 1939–1945. – М.: Центрполиграф, 2007. – С. 104–106.

⁴ См.: Battle for France. German Armed Forces. Order of Battle. 10 May 1940 // Niehorster.org. Mode of access: http://niehorster.org/011_germany/40-05-10_army/_okh.html (date of access: 23.08.2021).

танковая группа Э. Клейста в оперативном отношении подчинялась командованию 12-й полевой армии¹.

Таким образом, эффект концентрации мобильных сил был реализован не в самой полной мере. Однако даже это не помешало войскам нацистской Германии нанести решающее поражение французским войскам уже в первые недели кампании (10 мая – конец мая 1940 г.), осуществив внезапный бросок с использованием танковой группы (ТГр Э. Клейста) через Арденны². Одна из причин неудач французского оружия – сведение лишь части своих танков в профильные дивизии (всего 4, из них одна в процессе формирования, против 10 у вермахта), грубые ошибки в их тактическом использовании. Германские моторизированные корпуса – как на уровне дивизий внутри корпуса (в основном), так и на межкорпусном уровне (реже) – осуществляли окружение группировок противника³.

Успехи танковой группы Э. Клейста, особенно её XIX моторизованного корпуса, привели к увеличению числа танковых групп с одной до трёх. Данная реорганизация была оперативно осуществлена в самых первых числах июня 1940 г., чему способствовало резкое ослабление моцки французских войск, их сугубо оборонительная тактика, и сохранявшаяся высокая боеспособность всех германских дивизий, особенно танковых. К этому времени было определено достаточно эффективное сочетание танковых и мотопехотных соединений в составе корпуса: по 2 танковые и 1 моторизованной дивизии. Так, вновь учрежденная танковая группа Г. Гудериана состояла из 2 корпусов с данной внутренней организацией: XXXIX корпуса (1-я и 2-я танковые и 29-я мотопехотная дивизии) и XLI корпуса (6-я и 8-я танковые и 20-я мотопехотная дивизии)⁴. Это объединение мобильных войск вновь подчинялось управлению полевой армии (12-й), однако на практике действовало весьма автономно. Две ТГр (Г. Гудериана и реорганизованная Э. фон Клейста) были нацелены в ходе второй стадии французской кампании (конец первой и вторая декада июня 1940 г.) в южном направлении (юго-восточные департаменты и альпийская граница), а ещё одна ТГр – в западном, следуя в подчинении 4-й по-

¹ См.: Battle for France. German Armed Forces. Order of Battle. 10 May 1940 // Niehorster.org. Mode of access: http://niehorster.org/011_germany/40-05-10_army/_okh.html (date of access: 23.08.2021).

² Роковые решения вермахта. Воспоминания немецких полководцев. – Смоленск: Русич, 2001. – С. 23–25.

³ Гудериан Г. Танковые войска Германии во Второй мировой войне 1939–1945. – М.: Центрполиграф, 2007. – С. 106–126.

⁴ Там же, С. 131.

левой армии к портам на Атлантическом побережье¹. Важно подчеркнуть, что в данное время, в условиях стремительно нараставшего развала во французской армии, была в полной мере (прежде всего, в ТГр Г. Гудериана) отработана тактика «симметричных канн» посредством межкорпусного взаимодействия (а не только междивизионного в составе одного корпуса)².

По итогам французской кампании было принято решение об удвоении числа танковых и мотопехотных дивизий в условиях подготовки к осуществлению агрессии против СССР. Соответственно, число первых возрастило с 10 до 20 (сплошная нумерация). Каждое из новых соединений получало часть сил одной из танковых дивизий старого формирования (от батальона до полка); большинство из них (12-я, 13-я, 14-я, 15-я, 16-я, 17-я, 18-я, 19-я, т.е. все, кроме двух) формировались на базе пехотных и моторизованных дивизий первой волны формирования. Все дивизии теперь состояли из 1 танкового полка и 2 мотопехотных полков, т.е. вводилась унифицированная «треугольная» структура. Изменение состава полков приводило к тому, что на одно танковое подразделение (рота) приходилось на уровне дивизии более 2 мотопехотных; в моторизованном корпусе (в состав которого обычно включалась мотопехотная дивизия с 3 профильными полками) это соотношение составляло 1:4–6. Однако по числу боевых машин танковый полк продолжал оставаться безусловно «большим». Хотя число танков в танковых дивизиях уменьшилось (с 240–270 до 180–220³), однако это в полной мере компенсировалось тем, что наиболее массовым танком к 22 июня 1941 г. стал Рз. III, а в большинстве дивизий имел по 20–30 средних Рз. IV⁴.

В период балканской кампании подвижные силы вермахта вновь использовались на уровне моторизованных корпусов (преимущественно) с созданием лишь одной танковой группы (1-й; притом взятой из сил, готовившихся к осуществлению агрессии против СССР)⁵. Однако это нельзя рассматривать как откат назад: такая форма использования войск объяснялась существенно меньшей численностью югославской армии по сравнению с фран-

¹ Атлас офицера. – М.: Военно-топографическое управление, 1974. – С. 248.

² См.: Гудериан Г. Танковые войска Германии во Второй мировой войне 1939–1945. – М.: Центрполиграф, 2007. – С. 131–145.

³ Исаев А.В. «Котлы» 1941-го. – М.: Яузा, Эксмо, 2006. – С. 213.

⁴ Jentz T.L. “Panzertruppen. The Complete Guide to the Creation and Combat Employment of Germany’s Tank Force. 1933–1942”. – Atglen, PA: Schiffer Publishing Ltd., 2003. – Р. 190–193.

⁵ Атлас офицера. – М.: Военно-топографическое управление, 1974. – С. 249.

цузской и тем более РККА, а главное – немногочисленностью подвижных войск самого официального Белграда.

В зрелом виде схема применения танковых групп как наиболее значимых инструментов осуществления агрессии была подготовлена для осуществления плана «Барбаросса» – нападения на Советский Союз (см.: табл. 4.3.).

Таблица 4.3.

Распределение подвижных войск Германии по танковым группам к 22 июня 1941 г.

Танковая группа	Моторизованные корпуса	Состав
4-я ТГр ¹	XLI корпус	1 тд, 6 тд, 36 мпд
	LVI корпус	8 тд, 3 мпд
	Резерв	мпд СС «Мёртвая голова»
	<i>В целом по группе</i>	–
Итого по группе:		тд – 3, мпд – 3
3-я ТГр ²	XXXIX корпус	7 тд, 20 тд, 14 мпд, 20 мпд
	LVII корпус	12 тд, 19 тд, 18 мпд
	<i>В целом по группе</i>	–
Итого по группе:		тд – 4, мпд – 3
2-я ТГр ³	XXIV корпус	3 тд, 4 тд, 10 мпд, 1 кд
	XLVII корпус	17 тд, 18 тд, 29 мпд
	XLVI корпус (резерв)	10 тд, мпд СС «Дас Райх», мпп СС
	<i>В целом по группе</i>	–
Итого по группе:		тд – 5, мпд – 3 1/3, кд – 1
1-я ТГр ⁴	III корпус	13 тд, 14 тд
	XLVIII корпус	11 тд, 16 тд
	XIV корпус	9 тд, мпд СС «Викинг»
	Резерв	16, 25 мпд; мпд СС «Лейбштандарт Адольф Гитлер»
	<i>В целом по группе</i>	–
Итого по группе:		тд – 5, мпд – 4
Всего		тд – 17, мпд – 13 1/3, кд – 1

¹ Построено автором на основе: 4. Panzergruppe, Army Group North. 22 June 1941. // Niehorster.org. Mode of access: http://www.niehorster.org/011_germany/41-oob/ag-nord/army_pz4.html (date of access: 23.08.2021).

² Построено автором на основе: 3. Panzergruppe, Army Group Center. 22 June 1941. // Niehorster.org. Mode of access: http://www.niehorster.org/011_germany/41-oob/ag-mitte/army_pz3.html (date of access: 23.08.2021).

³ Построено автором на основе: 2. Panzergruppe, Army Group Center. 22 June 1941. // Niehorster.org. Mode of access: http://www.niehorster.org/011_germany/41-oob/ag-mitte/army_pz2.html (date of access: 23.08.2021).

⁴ Построено автором на основе: 1. Panzergruppe, Army Group South. 22 June 1941. // Niehorster.org. Mode of access: http://www.niehorster.org/011_germany/41-oob/ag-mitte/army_pz1.html (date of access: 23.08.2021).

Как видно из данных таблицы, у большинства моторизированных корпусов отчётливо вырисовалась «треугольная» структура: две танковые и одна мотопехотная дивизии, т.е. суммарно 2 танковых и 7 мотопехотных полков. Исключения были либо вынужденными (в 4 ТГр было суммарно только 3 танковые дивизии, что не позволило развернуть 2 полных корпуса; командование 3 ТГр, ожидая сильных контрударов уже после прорыва фронта, имело в одном из корпусов не одну, а две мотодивизии), либо зависели от командующего танковой группы: Э. фон Клейст, изначально не введя мотопехотных дивизий в состав моторизированных корпусов (и тем демонстрируя в определенной мере схоластический подход), сделал это уже по ходу наступления.

В целом же танковые группы представляли собой «отшлифованные» важнейшие инструменты агрессии (особенно при условии сочетания их использования с бомбардировочными корпусами воздушных флотов люфтваффе), показывая, сколь большой зрелости достигла германская «военная машина» всего через несколько лет после старта реформы к моменту её завершения – времени агрессии против Советского Союза.

К 22 июня 1941 г. вермахт подошёл в условиях колоссальных успехов в деле строительства ВС, подтвержденных быстрыми и сопровождавшимися крайне незначительными потерями победами над армиями стран Восточной, Северной, Юго-Восточной Европы, а также «западноевропейскими демократиями». Для нападения на Советский Союз нацистская Германия выделила 17 из 20 (ещё 2 имея в резерве ОКХ, т.е. суммарно 95%) своих танковых дивизий, тем чётко обозначив своего ключевого противника. Это должно было позволить в максимально больших масштабах реализовывать тактику «кессельшлакта» как основу осуществления блицкрига. Всего же на границах СССР было развернуто свыше 190 дивизий вермахта и вооружённых сил государств-сателлитов нацистского Третьего рейха¹, из которых германскими были 157, включая почти все не только танковые, но и подавляющее большинство полностью боеспособных пехотных дивизий². К моменту нападения на Советский Союз, так же как и в

¹ Чекмарев Г.Ф. Военная стратегия в Великой Отечественной войне // История военной стратегии России / Под ред. ген.-майора В.А. Золотарева. Институт военной истории Министерства обороны РФ. – М.: Кучково поле, Полиграф-ресурсы, 2000. – С. 289.

² Там же.

предшествующих кампаниях, вермахт готовился оперировать полностью укомплектованными (по штату, в ряде случаев – даже сверхштатно, за счёт усиления дивизий на Восточном фронте подразделениями и частями соединений, располагавшихся на оккупированных территориях) и в основном имевшими боевой опыт дивизиями, что среди прочего содействовало достижению фактора внезапности в смысле силы удара. В целом к 22 июня 1941 г. в результате осуществления военной реформы (основного этапа и его дореализации в 1939–1941 гг.) вермахт достиг огромных успехов в поступательном наращивании потенциала для осуществления агрессии.

* * *

В абсолютных цифрах и с точки зрения реализации агрессивных намерений на кратко- и среднесрочную перспективу (но отнюдь не долгосрочную) военная реформа, осуществленная в Третьем рейхе, дала действительно колоссальный результат. В сжатые сроки – по сути, чуть больше пятилетия – передовая промышленная страна Европы, жившая во многом чувством реванша, стремительно превратилась в огромный «военный лагерь». Притом степень милитаризации по всем параметрам (в том числе в военно-идеологическом отношении) достигла небывалых для истории прусского, германо-пруссского государства величин. Данные успехи были во многом подготовлены в период Веймарской республики: нахождение в условиях жестких ограничений стимулировало вдвойне и втройне военно-теоретические изыскания по поиску максимально успешной модели развития перспективных вооруженных сил. Эти интеллектуальные наработки нашли практически предельное по эффективности выражение именно в период середины – второй половины 1930-х годов. Однако в дальнейшем, особенно по мере неудач в борьбе с Красной Армией, новаторские результаты колоссального «мозгового штурма» передовых военных Германии стали стремительно сокращаться. Оригинальность в развитии и использовании масс войск, что наблюдалась в 1939–1941 гг. и в значительной степени в 1941–1942 гг., себя исчерпала, а новая оказывалась меньшей, чем в случае командования РККА. Показательно, что, переименовав осенью 1941 г. танковые группы в танковые армии, с весны 1942 г. гитлеровское командование стало на постоянной (ранее лишь на временной – фазе самого начала на-

ступления¹) основе передавать в их состав многочисленные пехотные (не моторизованные) дивизии. Это облегчало прорыв фронта и прикрытие флангов, но резко сокращало подвижность танковых армий в целом, по сути, превращая их в смешанные механизмы, имевшие совершенно разные по скорости передвижения и возможности составляющие: ударную (мобильные войска) и обычную (общевойсковые силы). Тем самым вермахт возвращался «назад в прошлое»: от продвинутых танковых групп к полевым армиям с танковыми и моторизованными соединениями в их составе (что практиковалось в ходе польской и французской кампаний). Блицкриг провалился (уже к концу 1941 г.), кессельшлахт в преднароченных и ранее успешно реализуемых формах стал невозможен уже не позднее лета 1942 г. (что показали оборонительные бои в среднем течении Дона и Предкавказье), а найти им эффективную замену военачальники Третьего рейха оказались уже не способны.

Эффект «перегрева» – быстрое и даже сверхстремительное развитие потенциала «военной машины» не могло длиться априори очень долго – сказался не только в случае теории применения ВС, но и качества войск. К июню 1941 г. нацистская Германия создала или максимум, или почти таковой первоклассных дивизий, которые могла развернуть: подтверждение тому – растущий удельный вес неполностью боеспособных и укомплектованных (в частности, так называемые «стационарных» дивизий) в составе вермахта уже с весны 1941 г.². Безусловно, на протяжении всей войны происходило совершенствование систем вооружений: так, германские тяжелые танки Pz. V («пантера»), Pz. VI («тигр», а тем более «королевский тигр») не шли ни в какое сравнение по своим характеристикам с Pz. II и уж тем более Pz. I. Однако если развитие вооружений и военной техники шло поступательно (притом не только в качественном, но во многом в количественном отношениях, особенно до лета 1944 г.), то в случае уровня личного состава наблюдалась обратная тенденция. Те потери солдат, унтер-офицеров и офицеров, которые вермахт понёс в 1941–1942 гг., оказались во многом невосполнимы в качественном отношении: многочисленные пополнения (даже в ходе «тотальных мобилизаций») по уров-

¹ См.: 2. Panzergruppe, Army Group Center. 22 June 1941. // Niehorster.org. Mode of access: http://www.niehorster.org/011_germany/41-oob/ag-mitte/army_pz2.html (date of access: 23.08.2021).

² См.: *Мюллер-Гиллебранд Б.* Сухопутная армия Германии, 1939–1945 гг. – М.: Изографус, Эксмо, 2002. – С. 621–722.

нию боевой подготовки, уверенности в себе и своих командах, опыту все более отличались от вермахта образца 1940–1941 гг., кадры которого тщательно создавались в ходе военной реформы.

В определенной степени данное исчерпание эффекта «военной реформы» стало проявляться уже в ходе контрнаступления советских войск под Москвой (5 декабря 1941 г. – 20 апреля 1942 г.) и ещё более при проведении операции «Уран» под Сталинградом (19 ноября 1942 г. – 2 февраля 1943 г.). В полной мере проблема достижения пределов результативности в развитии вермахта проявилась во время срыва мощного германского наступления под Курском (5 июля – 23 августа 1943 г.): сколь далеко оно оказалось по результатам, потерям, продемонстрированному уровню военного искусства со стороны вермахта от того, что ему удавалось летом – осенью 1941 г. на Восточном фронте и тем более в кампаниях 1939–1940 гг.¹. Битва за Днепр (24 августа – конец декабря 1943 г.) ознаменовала собой нараставшую деградацию германской «военной машины», потенциал реформ второй половины 1930-х годов которой оказался фактически израсходован. Это окончательно проявилось в ходе «десети сталинских ударов» (1944) и последующего зимне-весеннего наступления РККА (1945), приведшего не только к освобождению западных республик и областей СССР от оккупации, порабощенных стран Восточной Европы, но полному разгрому и безоговорочной капитуляции нацистской Германии в мае 1945 г.². Такого падения мощи и престижа войск в истории германского (германо-пруссского, прусского) государства ещё не было никогда. Это означало, что в итоге военная реформа нацистской Германии оказалась провальной (во многом из-за сверхагрессивных политических установок), несмотря на огромные первоначальные успехи. А ключевую роль в достижении этого результата, позволившего уничтожить самую мощную «военную машину» из применявшихся агрессором когда-либо в истории, сыграл Советский Союз, его народы, Красная Армия и отечественное военное искусство.

¹ Вторая мировая война. Итоги и уроки / Институт военной истории Министерства обороны СССР. Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Институт всеобщей истории АН СССР. Институт истории СССР АН СССР. – М.: Военное изд-во, 1985. – С. 321–326.

² Там же.

Глава V

НА ПУТИ К ВОССТАНОВЛЕНИЮ ВОЕННОЙ МОЩИ: ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ЗАПАДНОГЕРМАНСКОГО БУНДЕСВЕРА

5.1. Подготовка официального старта создания «военной машины» Бонской республики

Уже в первые годы существования Федеративной Республики Германия, образовавшейся в результате слияния трёх немецких оккупационных секторов западных держав (США, Великобритании, Франции) и превращения их в единую государственную систему (1949 г., май), стал возникать вопрос о возможности создания ФРГ собственных вооружённых сил. Бесспорно ключевую, определяющую роль в постановке и реализации данной задачи сыграл основатель политической системы страны, её первый канцлер и председатель ХДС К. Аденауэр. Его стратегическим приоритетом являлась максимально полная по качеству и предельно протяженная на перспективу по времени интеграция Федеративной Республики Германия в состав Евро-Атлантического сообщества. Фактор единства с Западом в целом и его тремя ведущими державами (США, Великобритания, Франция) в особенности рассматривался К. Аденауэром и его окружением в качестве необходимой легитимизации предпринимаемых внешнеполитических шагов ФРГ. Интегрированность означала готовность и способность реализовывать данные меры как неотъемлемую, органичную часть *многосторонних*, т.е. совместных с государствами – партнёрами по Евро-Атлантическому сообществу, усилий. Особое значение демонстрация приверженности принципу *мультилатерализма* приобретала именно в военной сфере. Лишь чётко и на бессрочной

основе вписав будущие вооружённые силы в систему общего с партнёрами планирования и осуществления процесса строительства военных механизмов, Федеративная Республика Германия могла рассчитывать на получение политической поддержки со стороны стран Запада в вопросе официального старта создания своей «военной машины».

Здесь не могут не возникнуть два вопроса: как соотносился стратегический курс К. Аденауэра на скорейшее и максимально полное интегрирование ФРГ в Евро-Атлантическое сообщество с решением «германской проблемы»? А как данная линия соизмерялась с возможностью сохранения и усиления конфронтации «холодной войны», особенно с учетом расположения Боннской республики непосредственно на линии разделения Запада и Востока? На достаточно длительную перспективу избранный К. Аденауэром курс вел к развитию негативного сценария в случае каждого из двух стратегических вопросов. Любой шаг по координации усилий с Евро-Атлантическим сообществом представлял собой (и преподносился руководством ФРГ во главе с канцлером-основателем) меру, не только направленную на сближение с Западом и вхождение в него, но и на отдаление от Востока – от восточногерманского государства и СССР, т.е. как готовность поддержать ужесточение конфронтации.

Чем объяснялось столь алогичное на первый взгляд поведение К. Аденауэра? Стремлением обеспечить за ФРГ **в будущем** максимально широкий потенциал для осуществления внешней политики, в том числе предельно допустимые (с учетом непреложного фактора исторической ответственности как ведущего агрессора во Второй мировой войне) возможности для становления, развития и использования «военной машины». Достижение данной перспективной цели виделось К. Аденауэру только посредством вступления ФРГ в союз с «западными демократиями» и обретения их постоянной поддержки. Притом **в настоящем** канцлер был готов согласиться с разделением Германии и сохранением конфронтации «холодной войны» как временными, пусть и хронологически протяжёнными, процессами – разумеется, стремясь скорее их прекратить, но лишь на условиях Боннской республики и её западных партнёров.

Иллюстративна в связи с этим предельно жёсткая реакция К. Аденауэра на выдвижение дипломатической ноты СССР от 10 марта 1952 г., предлагавшей создание единой, демократической, демилитаризованной и нейтральной Германии. Реализация

инициативы СССР позволяла быстро осуществить объединение Германии, отводя ей роль «разделителя» Запада и Востока и тем способствуя серьёзному падению градуса напряженности «холодной войны» (прежде всего, вследствие исчезновения линии конфронтации в Центральной Европе). Однако этот план был в принципе неприемлем для канцлера ФРГ тем, что закрывал (или как минимум отодвигал на длительное время) возможность движения страны по траектории реализации державных амбиций в ряде отношений. Объединённая Германия уже не могла стать полноценной частью лагеря «западных демократий», а значит, использовать их поддержку для решения своих внешнеполитических задач. Это показывало, что помочь СССР и его союзников ценилась официальным Бонном несоизмеримо ниже, чем США и их партнёров. Нота от 10 марта 1952 г. предполагала создание объединенной Германией собственного военного потенциала, но в строго ограниченных объемах, а её планируемое положение практически исключало его значительное наращивание и широкое использование на мировой арене, что также де-факто рассматривалось К. Аденауэром препятствием для реализации избранной им перспективной внешнеполитической стратегии Западной Германии¹.

Вместо этого тогдашнее руководство ФРГ взяло курс на поддержку разделения Германии и ужесточение конфронтации «холодной войны», используя оба эти фактора для достижения своих целей – прежде всего, в вопросе *воссоздания военного потенциала*. Согласием на сохранение немецких земель разделёнными, т.е. в составе двух государств, антагонистических по своей политической системе, К. Аденауэр безапелляционно показывал приоритет вхождения в круг «западных демократий» перед всем остальным, тем завоевывая их доверие и поддержку в принципе, в том числе в решении «германского вопроса» на перспективу².

Расположение на передовой «холодной войны», особенно по мере ужесточения конфронтации, несло огромные риски и издержки для обороны и безопасности ФРГ, вынуждая СССР и его союзников сохранять значительный военный потенциал в Восточной Германии. Однако именно это положение обеспечивало геостратегическую ценность Боннской республики для партнёров (де-

¹ См.: Архив посла А.И. Степанова / Отдел Европы и Америки ИНИОН РАН. Фонд 1. Опись 3. Дело 7. Лист 92-р.

² Архив посла А.И. Степанова / Отдел Европы и Америки ИНИОН РАН. Фонд 1. Опись 2. Дело 22. Лист 25-о.

юре будущих по состоянию на начало 1950-х годов) по Евро-Атлантическому сообществу, заставляя их реально прислушиваться к озабоченности ФРГ для сохранения её в качестве надежного «заслона» от якобы существовавшей «советской угрозы». Особое внимание канцлер К. Аденауэр уделял «высвечиванию» конвенциональной мощи вооружённых сил СССР, представляя её неоднократно в гиперболизированном виде¹. Это требовалось, чтобы укрепить партнёров по Евро-Атлантическому сообществу во мнении, что «препятствие» в виде территории ФРГ требовало предельно укрепить в военном отношении посредством не только усиления контингентов войск «западных демократий», но и развертывания собственных военных сил Боннской республики². В практическом плане это согласие должно было конкретизироваться в определении того многостороннего механизма, под эгидой которого могла быть воссоздана «военная машина» ФРГ, а также её базовых качественных и количественных параметров. Уже в 1949–1951 гг. со стороны канцлера К. Аденауэра начался соответствующий зондаж позиции западных держав.

В сентябре 1951 г. на встрече руководителей внешнеполитических ведомств США, Великобритании и Франции была выражена поддержка идеи создания «общей европейской армии», так называемого «плана Плевена» – учреждения совместных вооружённых сил группой западноевропейских государств – партнёров США³. Данная концепция легла в основу Парижского договора от 27 мая 1952 г. об учреждении «Европейского оборонительного сообщества». Однако ратификация документа встретила сопротивление со стороны парламента самой Франции⁴ (хотя перед именно её руководство инициировало обсуждение данной идеи и предоставило территорию для подписания), что объяснялось внутриполитическими изменениями в Четвёртой республике, а главное – наличием «саарской проблемы» во франко-западногерманских отношениях. Несмотря на исключительную заинтересованность в скорейшем

¹ Архив посла А.И. Степанова / Отдел Европы и Америки ИНИОН РАН. Фонд 1. Опись 3. Дело. 9. Лист 53-о.

² Архив посла А.И. Степанова / Отдел Европы и Америки ИНИОН РАН. Фонд 1. Опись 2. Дело 24. Лист 107-о.

³ Эта формула была предложена в октябре 1950 г. тогдашним премьер-министром Франции Р.Ж. Плевеном, по его фамилии и получив свое название. – Прим. авт.

⁴ Архив посла А.И. Степанова / Отдел Европы и Америки ИНИОН РАН. Фонд 1. Опись 2. Дело 5. Лист 121-о.

создании вооружённых сил ФРГ, К. Аденауэр не поступился интересами в отношении Саара (Саарланда), не допуская доминирования здесь Франции и постепенно обеспечивая его вхождение в ФРГ (что и произошло в 1957 г.).

На фоне наличия «саарской проблемы» как препятствия на пути создания западногерманских вооружённых сил К. Аденауэр сосредоточился на достижении согласия прежде всего с США, считая, что эти договорённости «потянут за собой» изменение позиции Франции, а также обеспечат благожелательный подход официального Лондона. Дополнительное ускорение действиям канцлера придавало наличие советской инициативы от 10 марта 1952 г., которую он стремился максимально полно «торпедировать». Прорывом стал визит К. Аденауэра в США 6–17 апреля 1953 г. в США, где он провел продолжительные переговоры с президентом Д. Эйзенхауэром¹. В ходе данного прецедентного для внешней политики ФРГ дипломатического турне канцлеру удалось добиться принципиального согласия на воссоздание западногерманской «военной машины», притом уже не под эгидой «Европейского оборонительного сообщества», а Североатлантического альянса². Д. Эйзенхауэр согласился с настоятельными просьбами канцлера ФРГ освободить большую группу офицеров вермахта, содержавшихся в заключении США в статусе военных преступников³. Кроме того, были достигнуты неофициальные договорённости о возвращении ФРГ части кораблей и судов ВМС бывшего Третьего рейха, перешедших в распоряжение западных союзников. В свою очередь, К. Аденауэр принял на себя обязательства предельно полно интегрировать будущие войска в состав НАТО, сопровождая «потолок» численности личного состава, организаци-

¹ На завершающем этапе Второй мировой войны Д. Эйзенхауэр возглавлял наиболее мощную группировку войск западных союзников, освобождавшую Францию, Бельгию, Нидерланды, Люксембург и занимавшую западные области Германии, двигаясь навстречу РККА.

В последующем Д. Эйзенхауэр возглавлял оккупационные силы США на немецких землях, содействуя их демократизации и сближению с Соединёнными Штатами в период возникновения холодной войны. Всё это обусловливало отчетливое понимание Д. Эйзенхауэром, в январе 1953 г. вступившим в должность президента США, интересов и озабоченностей в области обороны партнеров, особенно ФРГ. – Прим. авт.

² Архив посла А.И. Степанова / Отдел Европы и Америки ИНИОН РАН. Фонд 1. Опись 2. Дело 22. Лист 26-о.

³ Архив посла А.И. Степанова / Отдел Европы и Америки ИНИОН РАН. Фонд 1. Опись 2. Дело 34. Лист 11-р.

онно-штатную структуру вооруженных сил с партнёрами по блоку – прежде всего, самими США¹. К. Аденауэр поддержал идею прецельно длительного (даже после образования общегерманского государства) сохранения войск западных держав (особенно Соединённых Штатов) на землях ФРГ².

Результатом договоренностей между К. Аденауэром и Д. Эйзенхауэром действительно стало занятие благожелательной позиции Великобританией (особенно в премьер-министерство У. Черчилля), а в последующем и Францией. 23 октября 1954 г. именно в её столице были подписаны Парижские соглашения между западными державами (США, Великобританией, Францией), ФРГ, а также Италией, Канадой, Бельгией, Нидерландами и Люксембургом. Вкупе с отменой оккупационного статуса Федеративная Республика Германии принималась в состав НАТО (создана на основе Вашингтонского договора 1949 г.), а также Западноевропейского союза (с внесением соответствующих дополнений в Брюссельский пакт 1948 г.). При условиях интегрирования своих будущих вооружённых сил в НАТО и отказа от производства, владения и распоряжения оружием массового уничтожения (ОМУ) и поражения (ОМП), Боннской республике разрешалось создание своей «военной машины»³.

Парижскими соглашениями устанавливались два предела численности западногерманских войск (речь шла исключительно о военнослужащих, т.е. гражданский персонал не учитывался): 500 тыс. для регулярных войск⁴ и 605 тыс. (с учетом вышеуказанных 0,5 млн) для «военной машины» в целом, включая территориальные силы обороны⁵. Первый лимит вводился для войск, которые подлежали полному интегрированию в состав НАТО, а второй – для формально остававшихся под национальным командованием. Они были представлены штабами (военных областей,

¹ Архив посла А.И. Степанова / Отдел Европы и Америки ИНИОН РАН. Фонд 1. Опись 2. Дело 34. Лист 11-р.

² Архив посла А.И. Степанова / Отдел Европы и Америки ИНИОН РАН. Фонд 1. Опись 2. Дело 44. Лист 89-о.

³ Pariser Verträge 1955. // Konrad Adenauer-Stiftung. Mode of access: <https://www.konrad-adenauer.de/stichworte/aussenpolitik/pariser-verträge-1955> (date of access: 24.08.2021).

⁴ The Bundeswehr on Operations: Publication to Mark the 15 th Anniversary of the First Parliamentary Mandate for Armed Bundeswehr Missions Abroad. – Berlin: Federal Ministry of Defense, 2009. – P. 12.

⁵ Ibid.

военных округов, военных районов) и бригадами наземных войск, представляющими войска 2-го разряда. Последние отвечали непосредственно за оборону местности, где формировались и дислоцировались. Без учёта территориальных сил ФРГ разрешалось в течение трех лет сформировать 12 дивизий армии, еще через год иметь 22 эскадры ВМС, а ВМС могли насчитывать до 172 вымпелов (без детализации их организационно-штатной структуры)¹.

Формально это были ограничения. Однако де-факто, с учётом огромного масштаба верхней «планки» личного состава (тем более, что после окончания Второй мировой войны произошло масштабное сокращение численности личного состава вооружённых сил стран мира) то было заданное США и их партнёрами определение широкого потенциала для развития «военной машины» ФРГ в собственном боевом отношении, и выражение принципиальной поддержки ремилитаризации Западной Германии – в политическом.

Как результат 5 мая 1955 г. Парижские соглашения вступили в силу. А 9 мая 1955 г. ФРГ официально вошла в состав Североатлантического альянса, при одобрении своих уже формально союзников по НАТО приступив к строительству собственных вооружённых сил – западногерманского бундесвера.

Здесь, однако, следует сделать важное уточнение: неофициально ряд составляющих «военной машины» стал создаваться ещё до 1955 г. Речь прежде всего идет о достаточно сильных войсках пограничной охраны – сухопутной и морской. Тем самым стали заранее подготавливаться кадры регулярной армии, притом не только в собственно военном плане, но и политico-идеологическом: служба на границах ФРГ (преимущественно северных, восточных и юго-восточных) означала пребывание в статусе охраны на линии разделения Запада и Востока, т.е. непосредственно передовой «холодной войны», тем предельно ощущая дух противостояния. Значимо и другое: отрабатывалась на практике схема тесной координации усилий элементов будущей западногерманской «военной машины» с контингентами войск партнёров по НАТО на территории ФРГ. Если в случае наземной части пограничной стражи речь шла об оснащении её личного состава лишь лёгкими (в подавляющем большинстве стрелковыми) вооружениями, то в случае морской – о

¹ The Bundeswehr on Operations: Publication to Mark the 15 th Anniversary of the First Parliamentary Mandate for Armed Bundeswehr Missions Abroad. – Berlin: Federal Ministry of Defense, 2009. – P. 12.

предоставлении разнообразной техники для патрулирования. Прे-
дыстория вопроса такова: в 1949–1952 гг. на территории ФРГ при
активном участии специалистов кригсмарине была создана «Воен-
но-морская историческая группа», трудившаяся в интересах ВМС
США. Фактически данная группа представляла собой «зародыш»
будущих ВМС ФРГ – именно так воспринимал её К. Аденауэр и
предполагал, опираясь на «Военно-историческую морскую груп-
пу» как «ядро», начать создавать военно-морской флот ФРГ под
эгидой пограничных войск¹. Будучи оформлены в виде «меморан-
дума Химмеродера», данные мысли стали развиваться после визи-
та К. Аденауэра в США (апрель 1953 г.), когда было получено
принципиальное согласие на передачу некоторых единиц ВМС
бывшей нацистской Германии Боннской республике. Первоначально
речь шла лишь о «малом», по сути, «москитном» флоте ох-
раны побережья, состоящим из минных тральщиков, катеров раз-
личного предназначения (малых и больших, сопровождения),²
а также малых же подводных лодок и самолётов морской авиации³.

Выдвижение этих планов облегчалось наличием огромной
минной опасности в водах морей, омывающих европейский кон-
тинент, особенно с севера: она возникла вследствие массовой по-
становки данного вида морского оружия в годы Второй мировой
войны. Команды минных тральщиков, ранее входившие в состав
ВМС Третьего рейха, а теперь уже под командованием офицеров
Великобритании и США, в начале 1950-х годов играли активную
роль в очистке от мин акватории Северного и западной части Бал-
тийского морей³.

Почему руководство ФРГ обращало на этапе подготовки во-
енной реформы столь пристальное внимание именно на флот, а не
другие виды оружия? С одной стороны, именно в данном случае
наблюдалась наибольшая заинтересованность западных держав –
прежде всего, США и Великобритании – в восстановлении воен-
ного потенциала Западной Германии. «Москитный» флот служил
весомым дополнением к ВМС двух англосаксонских держав в
плане не только траления мин, но и сопровождения, хорошего зна-

¹ Zenker K.-A. Aus der Vorgeschichte der Bundesmarine // Deutsches Marine Institut, Deutsche Marine-Akademie (Hrsg.). Die deutsche Marine. Historisches Selbstverständnis und Standortbestimmung. – Bonn: Herford, 1983. – S. 91.

² Ibid.

³ Die Geschichte der Marine. 2021. // BMVg. Mode of access: <https://www.bundeswehr.de/de/ueber-die-bundeswehr/geschichte-bundeswehr/geschichte-marine> (date of access: 24.08.2021).

ния акватории, опоры на местные базы, а также обученности персонала плаванию на кораблях и судах, построенных ещё в Третьем рейхе. С другой стороны, – с учётом сложности, ресурсозатратности и трудоёмкости создание одного нового корабля, особенно среднегорного и крупногабаритного, требовало намного большей усилий и главное – времени, чем создание самолёта, танка или артиллерийского орудия. Для того чтобы флот стал полновесной составляющей вооружённых сил, старт его развития должен был начаться раньше, чем у сухопутных войск и ВВС. Осознание данного факта руководством ФРГ (прежде всего, персонально К. Аденауэром) говорило о наличии достаточно четкого понимания общей схемы военной реформы.

Важнейшим же элементом в организационном плане этапа подготовки ее проведения стало учреждение т.н. «ведомства Бланка» (названо по его основателю Т. Бланку)¹ уже 26 октября 1950 г. по поручению канцлера К. Аденауэра. Задачей этой структуры являлась подготовка офицерских кадров на будущие командные должности в вооружённых силах, а главное – определение потребной их организационно-штатной структуры. Уже в «ведомстве Бланка» был определен жёсткий примат властных полномочий гражданских специалистов (особенно из числа управлёнцев-технократов) над собственно военными профессионалами, которым де-юре отводилась роль исполнителей указаний и задач, сформулированных правительством в согласии с Бундестагом. Тем самым ФРГ демонстрировала инкорпорирование принципов функционирования системы военного управления на высшем уровне, сложившейся в «западных демократиях», постепенно становясь их частью.

5.2. Запуск военной реформы и её общая направленность

7 июня 1955 г. «ведомство Бланка» было официально переименовано в Министерство обороны ФРГ, а сам Т. Бланк стал его первым руководителем². Однако, несмотря на исключительное желание руководства ФРГ, процесс строительства ВС не мог быть запущен сразу же после вступления страны в НАТО. Лишь 12 ноября 1955 г.

¹ Die Geschichte des Heeres. 2021. // BMVg. Mode of access: <https://www.bundeswehr.de/de/ueber-die-bundeswehr/geschichte-bundeswehr/geschichte-heer> (date of access: 24.08.2021).

² Ibid.

на службу был торжественно принят 101 доброволец¹. 2 января 1956 г. первые партии военнослужащих были направлены в состав учебных команд ВВС в Нёрвенихе (федеральная земля Северный Рейн – Вестфалия), ВМС – в Вильгельмсхафене (Нижняя Саксония) и учебного же батальона в Андернхае (Рейнланд-Пфальц)², а потому именно эта дата стала фактическим началом военной реформы.

Хотя уже в 1956 г. были сформированы первые 56 подразделений численностью 7,7 тыс. военнослужащих, было очевидным, что создание многочисленных вооружённых сил лишь на добровольной основе невозможно: с 1 января 1957 г. в бундесвер был объявлен призыв (первоначально сроком на 12 месяцев; с 1 апреля 1962 г. он был увеличен до 18 месяцев)³, впервые будучи осуществлен к 1 апреля 1957 г.⁴, что позволило начать развертывать первые соединения. Притом в октябре 1956 г. новым министром обороны ФРГ стал Ф.-Й. Штраус (ХСС): соответственно, если на время пребывания на этому посту (неофициально, а затем и формально) Т. Бланка пришлась подготовительная фаза и старт, то Ф.-Й. Штрауса – большая часть основного и завершающий этапы военной реформы. В чём заключались её отличительные черты?

Во-первых, вновь следует подчеркнуть последовательную приверженность ФРГ принципу многосторонности (мультилатерализма) на практике. Впервые в германской истории вооружённые силы начинали функционировать не в сугубо национальном качестве, но как часть многосторонних военных механизмов – в военном плане прежде всего размещенных на территории самой ФРГ. Как уже отмечалось, все регулярные германские войска (с «потолком» до 500 тыс. военнослужащих) передавались в подчинение командно-штабным структурам НАТО. Вне управления ими оставались лишь территориальные силы (до 105 тыс.), однако в случае военной опасности и они де-факто переходили в подчинение управлеченческим органам НАТО. Необходимо подчеркнуть,

¹ Die Geschichte des Heeres. 2021. // BMVg. Mode of access: <https://www.bundeswehr.de/de/ueber-die-bundeswehr/geschichte-bundeswehr/geschichte-heer> (date of access: 24.08.2021).

² Die Bundeswehr im Kalten Krieg. 2021. // BMVg. Mode of access: <https://www.bundeswehr.de/de/ueber-die-bundeswehr/geschichte-bundeswehr/kalter-krieg> (date of access: 24.08.2021).

³ Ibid.

⁴ Die Geschichte des Heeres. 2021. // BMVg. Mode of access: <https://www.bundeswehr.de/de/ueber-die-bundeswehr/geschichte-bundeswehr/geschichte-heer> (date of access: 24.08.2021).

что контроль со стороны штабов и инспекционных групп Североатлантического альянса устанавливался над соединениями бундесвера уже на стадии формирования, т.е. ещё даже до их приведения в боеспособное состояние¹, а на всех военнослужащих кадровых войск распространялся статут войск НАТО 1951 г.

Вместе с тем в ходе военной реформы изначально не планировалось создавать многонациональные соединения, части и подразделения, т.е. осуществлять включение граждан ФРГ в состав войсковых единиц с участием военнослужащих иностранных (пусть и союзных по НАТО) государств. Речь шла об ином: развернуть формирования исключительно из солдат и офицеров бундесвера, уже их передав в состав совместных (общих) военных сил на уровне группировок. Иными словами, в данном случае воспроизводилась схема многосторонних сил, апробированная американо-британскими союзниками (с подключением к ним сил «Сражающейся Франции», а также легионерских формирований ряда других народов Европы) в ходе Второй мировой войне и особенно широко употребляемая в 1944–1945 гг. Имея общее командование, союзники имели однонациональные армии (и образующие их по нисходящей иерархии соединения), а также отдельные корпуса и дивизии². Соответственно, совместное многонациональные штабные органы управляли *объединениями и соединениями наиболее высокого уровня, которые могло сформировать конкретное государство, исходя из своих ресурсных возможностей*, на данном направлении (театре военных действий). Тем демонстрируя переход к мультилатерализму, данная формула была в 1943–1945 гг. и реалиях «классической» «холодной войны»³, особенно в первые её десятилетия, наиболее удобной для стран Запада, позволяя осуществлять мягкий переход от сугубо национальных вооружённых сил. От них брались войковые механизмы (как числители в дроби), под которые уже подводился общий знаменатель в виде совместных органов военного управления и планирования.

¹ The Bundeswehr on Operations: Publication to Mark the 15 th Anniversary of the First Parliamentary Mandate for Armed Bundeswehr Missions Abroad. – Berlin: Federal Ministry of Defense, 2009. – P. 13.

² Атлас офицера. – М.: Военно-топографическое управление, 1974. – С. 286.

³ План войны с СССР под кодовым называнием «Немыслимое», разрабатываемый при самом активном участии У. Черчилля, предполагал аналогичное использование реорганизованных германских дивизий бывшего вермахта в составе американо-британских войск. – *Прим. авт.*

Данная формула, называемая автором *непротивленческим мультилатерализмом* в сфере строительства вооружённых сил, характеризовала и интегрирование бундесвера в состав НАТО в ходе военной реформы 1956–1962 гг. На уровнях корпус и дивизия (для сухопутных войск), дивизия и эскадра (для ВВС), эскадра (для ВМС) и ниже войсковые механизмы были составлены исключительно из солдат, офицеров и генералов бундесвера, подчиняясь общим штабным структурам НАТО.

Как и в 1944–1945 гг.¹, войска партнёров чередовались друг с другом при размещении вдоль линии соприкосновения с потенциальным противником (фронт с реальным противником) свои соединения – прежде всего, речь шла о наземных корпусах, но также дивизиях, эскадрах ВВС и эскадрах же ВМС². Эта «членесполосица» содействовала укреплению «чтобы локти» между вооружёнными силами государств-партнёров, тем обеспечивая развитие принципов мультилатерализма в ситуации, даже когда он имел непротивленческий характер. Для повышения слаженности действий в состав соседних соединений направлялись миссии связи, т.е. небольшие группы офицеров и обслуживающего персонала, представляющие собой мини-штабы, ответственные за координацию усилий с органами управления войск партнёра.

Во-вторых, параллельно с введением прецедентного внешнего контроля над процессом строительства вооружённых сил (со стороны государств-партнёров по НАТО) вводился таковой и внутренний – со стороны Бундестага и общественности, что также было новым явлением в германской военной практике. Нижняя палата западногерманского парламента (Бундестаг), рассматривая запросы правительства, определяя ежегодный военный бюджет, с ней согласовывались планы по формированию новых войсковых единиц (с указанием их штатной численности, оснащения), реорганизации имевшихся, задачи оных, родов войск и вооружённых сил в целом. Значимым инструментом контроля развития «военной машины» со стороны парламента являлись плановые и внезапные инспекции войск депутатами Бундестага, т.е. посещение ими подразделений, частей и соединений с целью проверки соблюдения прав человека на уровне рядовых военнослужащих

¹ Атлас офицера. – М.: Военно-топографическое управление, 1974. – С. 286.

² Die Bundeswehr im Kalten Krieg. 2021. // BMVg. Mode of access: <https://www.bundeswehr.de/de/ueber-die-bundeswehr/geschichte-bundeswehr/kalter-krieg> (date of access: 24.08.2021).

(особенно новобранцев), отсутствия пропагандирования националистических идей и, напротив, привития «людям в погонах» социокультурного кода приверженности политической системе, выстроенной по принципам «западных демократий». Выездные поездки парламентариев проводились и в ходе военных учений¹. Правительство было строго ограничено в любых шагах по развитию и использованию вооруженных сил контролем Бундестага².

Соблюдая данные правила, кабинет ФРГ, будучи составлен из представителей партий, суммарно обладавших большинством мест в Бундестаге, на деле имел возможность заранее согласовывать со значительной частью парламентского корпуса основные решения в области строительства вооружённых сил, тем обеспечивая нужную поддержку. На протяжении всего периода подготовки и проведения (1956–1962) военной реформы у власти друг друга последовательно сменяли коалиционные кабинеты, в которых К. Аденауэр исполнял функции канцлера, а ведущей силой был блок ХДС / ХСС (образуя правительство до 1961 г. совместно с Немецкой партией, а с 1961 г. – с СвДП). Именно его представители играли решающую роль в определении контуров, содержания планов по созданию бундесвера, выборе схем их реализации. Так, после напряжённых дискуссий 7 июля 1956 г. при ведущем участии депутатов ХДС / ХСС и СвДП был принят закон о всеобщей воинской повинности (с внесением соответствующих изменений в Основной закон ФРГ)³.

Этими положениями, как и структурой Министерства обороны, во главе которого стоял либо управленец-технократ, либо (намного чаще) профессиональный политик, но исключительно из числа невоенных, вновь подчеркивался примат гражданской власти над собственной военной. Высший пост, который занимался представителем «людей в погонах» – генерал-инспектор бундесвера, подчинённость которого главе оборонного министерства и федеральному канцлеру была строго регламентирована. Показательно также, сколь большую роль в системе Министерства обороны ФРГ, начиная с военной реформы 1956–1962 гг., стал играть штатский персонал, составлявший основную часть представителей бюрократии данного ведомства.

¹ Rink M. Die Bundeswehr 1950/55–1989. – München: De Gruyter Oldenbourg, 2015. – S. 24–60.

² The Bundeswehr on Operations: Publication to Mark the 15 th Anniversary of the First Parliamentary Mandate for Armed Bundeswehr Missions Abroad. – Berlin: Federal Ministry of Defense, 2009. – P. 12–16.

³ Ibid., p. 12.

Практической реализацией принципов приверженности мультилатерализму и парламентского контроля над развитием и использованием вооружённых сил руководство Федеративной Республики Германия подчёркивало, что страна становится одной из «западных демократий», тем обеспечив максимально положительное восприятие ими своей ремилитаризации. Однако на пути демократизации самой ФРГ и придания соответствующей направленности её «военной машине» вставала существенная трудность: как быть с набором кадров офицерского корпуса, особенно высшего уровня?

С учётом сложности и продолжительности (до нескольких десятилетий) подготовки командиров этого звена К. Аденауэр реализовал идею возвращения на военную службу лиц, занимавших высокие командные должности в гитлеровском вермахте. Так, первым, кто занял пост генерал-инспектора бундесвера, стал А. Хойзингер: в 1940–1944 гг. (до покушения на А. Гитлера 20 июля 1944 г.) он был начальником оперативного отдела генерального штаба сухопутных войск (ОКХ), внимание которого было сосредоточено на планировании и осуществлении агрессии в отношении СССР и борьбе с ним на Восточном фронте в целом. Более того, в июле 1944 г. А. Хойзингер стал исполнять обязанности начальника ОКХ. Для смягчения негативного представления об А. Хойзингере властями ФРГ педалировался факт его ареста после покушения на А. Гитлера 20 июля 1944 г. – однако причастность к этим событиям А. Хойзингера, несмотря на тщательность проведения расследования гестапо (известного достижением цели любой ценой), доказана так и не была.

Первым инспектором ВМС ФРГ стал Ф. Руге, который в 1941–1944 гг. руководил организацией морской (преимущественно надводной) обороны на Западе (в оккупированной Франции, а затем в Италии и вновь на Западном фронте), а в 1944–1945 гг. возглавлял конструкторское управление. Соответственно, Ф. Руге был прекрасно знаком с новейшими разработками (весьма перспективными) Третьего рейха в области кораблестроения на завершающей стадии войны, а также отлично разбирался в теоретических и практических вопросах развития и использования флота нацистской Германии во Второй мировой войне в целом¹.

¹ См.: *Руге Ф. Война на море. 1939–1945.* – СПб: Полигон, 2002. – 400 с.; *Руге Ф. Военно-морской флот Третьего рейха. 1939–1945.* – М.: Центрполиграф, 2003. – 444 с.

Здесь следует подчеркнуть, что бывшие офицеры вермахта занимали доминирующее число постов в бундесвере вплоть до 1970-х годов¹. Так, Г. Гудериан-младший, активно участвовавший во Второй мировой войне и занимавшийся вопросами развития бронетанковых войск не только на практике, но и в теории, вступил в бундесвер среди первых, а в 1967–1974 гг. выполнял функции инспектора танковых войск в ВС Западной Германии.

Соответственно, именно бывшие офицеры вермахта (подбиравшиеся на высшие посты в бундесвере по возможности с условием наличия у них сильной теоретической подготовки) играли со стороны профессиональных военных определяющую роль в проведении реформы 1956–1962 гг. Притом далеко не всегда они на практике были готовы полностью слушать, а не только слышать указания высшестоящих и контролирующих гражданских чиновников и в целом бюрократических инстанций ФРГ. Так, германский исследователь Ф. фон Бредов писал в этой связи о «кризисе внутреннего управления», который был урегулирован в пользу окончательного утверждения системы гражданского контроля при ведущей роли министра обороны ФРГ (будущего канцлера) Г. Шмидта только в 1969–1972 гг.² (!), т.е. спустя десятилетие после завершения реформы. Соответственно, демократизация вновь создаваемой «военной машины» осуществлялась прежде всего на нижнем (рядовые, унтер-офицеры) уровне, первоначально существенно меньше затрагивая верхний.

Однако стоявший у истоков реформы круг лиц руководства ФРГ – прежде всего, «супертяжеловес» К. Аденауэр, обладавший исключительно прочными позициями в политической системе страны, – не рассматривал это как препятствие на пути проведения реформы, в данном случае во главу угла ставя способность бывших офицеров вермахта (работавших всё же де-юре под контролем профессиональных политиков) создать почти с нуля перспективную военную организацию. Показателем этой заинтересованности в военных специалистах стала, в частности, уже отмеченная просьба К. Аденауэра к президенту США Д. Эйзенхаузеру в апреле 1953 г. освободить большую группу генералов вермахта – военных преступников³, которые

¹ Von Bredow W. Sicherheit, Sicherheitspolitik und Militär. – Wiesbaden: Springer Fachmedien, 2015. – S. 175.

² Ibid.

³ Архив посла А.И. Степанова / Отдел Европы и Америки ИНИОН РАН. Фонд 1. Опись 2. Дело 34. Лист 11-р.

позже частично были приняты на службу в западногерманский бундесвер.

В-третьих, при запуске его развития принципиальным был также вопрос определения масштаба отдельно взятого соединения – оно должно было быть «большим» или, напротив, «малым». Так, в случае пехотных (стрелковых, мотопехотных, моторизованных, мотострелковых) войск принадлежность к «большой» дивизии означала наличие не менее 12–15 тыс. личного состава по штату, но также и де-факто при развёртывании к началу боевых действий или началу операции в ходе конфликта. Чем определялась приверженность концепции «малых» или, напротив, «больших» дивизий? Безусловно, ресурсной базой, однако не только. Так, в РККА, а затем и Советской Армии, располагавшей большими людскими ресурсами, предпочитали оперировать массой «малых» дивизий¹. Напротив, для США и Великобритании во Второй мировой войне было характерно составление ВС из «больших» соединений². Значимую роль здесь играли не только ресурсные возможности в их абсолютном выражении, но способность, навыки поддержания боеспособности «больших» или «малых» дивизий в ходе боевых действий – так, масштаб потерь и уровень ожесточённости сопротивления на Восточном фронте на протяжении всей Великой Отечественной войны был несоизмеримо выше, чем на Западном, существовавшем лишь неполный последний год Второй мировой войны. Исключительно важны были и особенности национальной школы (научного подхода) строительства вооружённых сил. Так, для Красной Армии ещё со времени Гражданской и советско-польской войн удобнее было управлять де-факто «малыми»³ дивизиями (хотя по штату де-юре они были как раз «большими»⁴). В случае прусского, германо-пруссского и германского государства преобладали «большие» соединения, которыми, в частности, оперировал вермахт на протяжении значительной части Второй миро-

¹ Вторая мировая война. Итоги и уроки / Институт военной истории Министерства обороны СССР. Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Институт всеобщей истории АН СССР. Институт истории СССР АН СССР. – М.: Военное издательство, 1985. – С. 265–276.

² Там же, с. 279–284.

³ Мельтюхов М.И. Советско-польские войны. – М.: Яузा, Эксмо, 2006. – С. 78–83.

⁴ Отечественные военные реформы XVI–XX веков / Под общ. ред. ген.-майора В.А. Золотарева. Институт военной истории Министерства обороны РФ. Институт проблем естествознания АЕН РФ. – М.: Воентехниздат, 1995. – С. 130.

вой войны в целом и Великой Отечественной войны как ее ведущей составляющей – вплоть до весны 1945 г., когда потери стали уже невосполнимыми. Здесь следует подчеркнуть, что каждая из германских «больших» пехотных дивизий по численности и боевой мощи равнялась примерно двум советским «малым» дивизиям¹.

В бундесвере был избран путь строительства «больших» соединений: по первоначальному штату (1956) каждая дивизия наземных войск должна была насчитывать до 28 тыс. солдат и офицеров² (!), т.е. количество военнослужащих было огромным. В ходе самой военной реформы численность дивизии сократилась почти вдвое, однако все равно продолжала оставаться значительной³. Чем это было обусловлено? Первая причина – определённую роль играли традиции строительства вооружённых сил самой Германии. Нельзя не отметить учёт опыта США и Великобритании – равно как и в других сферах (в частности, развитии социологии, политологии) влияние традиций англосаксонских стран сказывалось и в вопросах строительства вооружённых сил Западной Германии⁴. Видимо, определенное значение имело и неофициальное противопоставление бундесвера (который создавался бывшими офицерами вермахта, стремительно разгромившего в мае – июне 1940 г. войска Третьей республики) традициям французской военной школы, для которой было характерно оперирование «малыми» дивизиями⁵. Вторая причина заключалась в том, что дивизии создавались «большими», в том числе потому, чтобы в случае начала широкомасштабных боевых действий, даже неся значительные потери, они сохраняли свою боеспособность и продолжали наступление как минимум в рамках одной стратегической операции без существенных пополнений. Здесь следует учитывать, что при планировании использования войск в теоретическом

¹ Конев И.С. Записки командующего фронтом. – М.: Воениздат, 1980. – С. 236–237.

² Die Geschichte des Heeres. 2021. // BMVg. Mode of access: <https://www.bundeswehr.de/de/ueber-die-bundeswehr/geschichte-bundeswehr/geschichte-heer> (date of access: 24.08.2021).

³ Ibid.

⁴ Печуров С.Л. Вооруженные силы Германии: от «прусской» к «англо-саксонской» модели // Военно-исторический журнал. 2006. № 11. – С. 51–54.

⁵ См.: Вторая мировая война. Итоги и уроки / Институт военной истории Министерства обороны СССР. Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Институт всеобщей истории АН СССР. Институт истории СССР АН СССР. – М.: Военное издательство, 1985. – С. 279–284.

широкомасштабном конфликте для периода «холодной войны» был характерен учёт следующих факторов. Это осуществление сплошной моторизации войск (чего не было в годы Второй мировой войны), позволяющей всей их массе, а не только танковым, механизированным и относительно немногочисленным мотопехотным (мотострелковым) силам передвигаться с высокой скоростью и на очень большие расстояния¹. Следующий фактор – наличие практического опыта глубоких операций, которые в 1941 и отчасти в 1942 г. осуществлял вермахт, а с ноября 1942 по май 1945 г. со всевозрастающим искусством уже Красная Армия. Соответственно, эти детерминанты определяли возможность решения очень масштабных задач в рамках одной стратегической операции. Ядерное оружие появилось уже в 1945 г., однако в полной мере осознание характера и степени его влияния на широкомасштабные боевые действия возникло намного позже – ближе к концу 1950-х годов. Даже точечное применение ЯО могло уничтожить одним ударом штабы дивизии и бригад, тем дезорганизовав, лишив управления большую массу войск, сосредоточенных в составе дивизии. Поэтому более предпочтительным являлось наличие большого числа войсковых единиц, но меньшей численности каждой. Министерство обороны ФРГ признавало, что понимание разрушительности ОМУ при его использовании на театре военных действий стимулировало сокращение дивизий: их переход из состояния «огромных» в «большие» – новые штаты принимались сухопутных войск бундесвера как раз в 1959 г.²

Однако не эти причины всё же следует признать ключевыми, а те ограничения по количеству соединений (в увязке с «потолком» численности личного состава), которые вводились для бундесвера Парижскими соглашениями 23 октября 1954 г. Даже при том, какое внимание при создании бундесвера уделялось BBC и BMC, очевидно, что не менее 70% его общей численности должны были составлять наземные войска. Так, при «потолке» в 500 тыс. солдат и офицеров Министерство обороны ФРГ при Т. Бланке определило количество военнослужащих сухопутных войск в

¹ Пронько А.В. Военная стратегия после Второй мировой войны // История военной стратегии России / Под ред. ген-майора В.А. Золотарева. Институт военной истории Министерства обороны РФ. – М.: Кучково поле, Полиграфресурсы, 2000. – С. 410–436.

² Die Geschichte des Heeres. 2021. // BMVg. Mode of access: <https://www.bundeswehr.de/de/ueber-die-bundeswehr/geschichte-bundeswehr/geschichte-heer> (date of access: 24.08.2021).

320 тыс. (64% от максимального предела в 500 тыс.), а к концу 1980-х годов они достигли предельной отметки почти в 360 тыс. (свыше 70%)¹. При этом количество дивизий устанавливалось строго в 12 единиц, оставаясь неизменным на протяжении всей «холодной войны». Простой арифметический расчет показывает, что расчетная численность одной дивизии наземных войск составляла около 27 тыс. (больше в пехотных / мотопехотных соединениях, несколько меньше – в танковых) в начале основного этапа реформы (1956). В ходе военной реформы численность дивизии сократилась до 16–18 тыс. (для полного соединения), чтобы затем вновь начать расти на протяжении «классической» «холодной войны».

При этом вновь создаваемые дивизии имели уникальную для традиций германского (германо-пруссского, прусского) государства структуру: так, в пехотной дивизии кайзеровских войск насчитывалось по 2 бригады сил профильного оружия в составе 4 пехотных полков, в одной пехотной дивизии вермахта – 3 полка, что с учётом других войск приравнивалось к эквиваленту 2 бригад. Дивизии бундесвера предполагались составленными из 3 бригад (!) каждая, представляя собой эквивалент сразу 6–9 полков профильного рода оружия (хотя само полковое звено войск отсутствовало). Интересно изменение сопоставления боевой мощи одной дивизии вермахта и бундесвера с одной же дивизией Красной Армии и Советской Армии: если в первом случае (гитлеровский вермахт – РККА) соотношение личного состава составляло 2:1, то во втором (западногерманский бундесвер – Советская Армия) – 3:1. Притом следует подчеркнуть, что соединения бундесвера содержались до мобилизации по численности, близкой к штату, и даже сверхкомплекту. По сути, в случае острой необходимости каждая из бригад 3-бригадной дивизии могла развернуться сама в дивизию, пусть и не столь большую. Эта гибкость, учитывавшая строгие ограничения числа дивизий в армии в мирное время и потребность в их росте в военное, подтверждается тем фактом, что в отличие от кайзеровской армии и вермахта, в бундесвере «малым кирпичом» «стены» наземных войск рассматривался уже не полк, но именно бригада. В её состав вводились подразделения непрофильных войск: в случае пехотной / мотопе-

¹ Die Geschichte des Heeres. 2021. // BMVg. Mode of access: <https://www.bundeswehr.de/de/ueber-die-bundeswehr/geschichte-bundeswehr/geschichte-heer> (date of access: 24.08.2021).

хотной бригады это были артиллерийские, танковые, саперные подразделения, силы армейской авиации¹. Дивизия же продолжала оставаться «большим кирпичом».

Интересно, что в других видах войск – ВМС и BBC – соединения высшего из созданных уровней (эскадры, в случае авиации также дивизии) не были столь громадными, относясь к числу «больших» весьма условно. Так, первые две эскадры ВМС ФРГ насчитывали лишь по 6–12 вымпелов в своем составе². Чем обусловлено это различие с армией? Тем, что Парижскими соглашениями от 23 октября 1954 г. вводились не столь жёсткие ограничения (для BBC – сразу 22 воздушные эскадры, что намного технически сложнее реализуемо, чем создание 12 дивизий), а для ВМС была определена лишь общая, притом значительная (172 корабля) численность вымпелов без указания предельного количества единиц высшего уровня организационно-штатной структуры³.

5.3. Создание соединений и частей бундесвера: трудности и успехи

Насколько динамичным оказалось развёртывание западно-германского бундесвера? В 1956 – первые месяцы 1957 г. создавалось профессиональное (в основном офицеры и унтер-офицеры) «ядро» вооружённых сил: штабы, отдельные подразделения, а также кадры будущих войсковых частей и соединений. Так, в сухопутных войсках в это время была создана основа для будущих 9-й учебной танковой, 12-й танковой, 21-й танковой, 23-й горнопехотной, 26-й воздушно-десантной бригад бундесвера⁴. С началом реа-

¹ Die Geschichte des Heeres. 2021. // BMVg. Mode of access: <https://www.bundeswehr.de/de/ueber-die-bundeswehr/geschichte-bundeswehr/geschichte-heer> (date of access: 24.08.2021).

² Zenker K.-A. Aus der Vorgeschichte der Bundesmarine // Deutsches Marine Institut, Deutsche Marine-Akademie (Hrsg.). Die deutsche Marine. Historisches Selbstverständnis und Standortbestimmung. – Bonn: Herford, 1983. – S. 92–93.

³ The Bundeswehr on Operations: Publication to Mark the 15 th Anniversary of the First Parliamentary Mandate for Armed Bundeswehr Missions Abroad. – Berlin: Federal Ministry of Defense, 2009. – P. 12.

⁴ См.: Hammerich H., Kollmer D., Rink M., Schlaffer R. Das Heer 1950 bis 1970. Konzeption, Organisation und Aufstellung. – München: DeGruyter Oldenbourg Oldenbourg, 2006. – 821 S.

лизации закона о всеобщей воинской повинности (апрель 1957 г.) началось «наполнение» данных контуров содержанием. Для рассмотрения дальнейшего процесса уместно обратиться к каждому из основных родов оружия.

Сухопутные войска (heer). Как уже отмечалось, Западной Германии разрешалось сформировать 12 дивизий сухопутных войск уже к 1959 г. Однако данный процесс, а конкретно приведение в боевую готовность последней из 12 дивизий, был завершён лишь к 1966 г.¹ Чем это было обусловлено? Нехваткой тяжёлой техники – так, в период самой военной реформы 1956–1962 гг. на вооружении бундесвера стояла импортные образцы вооружения (прежде всего, танки производства США «М-47» и «М-48»)², а первые образцы западногерманской разработки и производства (танк «Leopard 1») стали поступать в распоряжение бундесвера лишь с середины 1960-х годов³. Ещё более острой проблемой была нехватка подготовленного личного состава, особенно унтер-офицерских кадров, которые должны были обладать не только нужным уровнем военной компетенции, но быть и идеологически зрелыми, т.е. полностью разделять принципы развития ФРГ как продвинутой парламентской демократии. Некомплект младших командиров обуславливал невозможность набора изначально планируемых масс рядового состава. Вкупе с проблемой объемов тяжёлых вооружений это привело к тому, что уже к 1959 г. штатная численность сухопутных войск была снижена с 320 тыс. (как то планировал Т. Бланк) до 195 тыс. (при Ф.-Й. Штраусе в 1959 г.)⁴. Одним из путей преодоления нехватки кадров в бундесвере стало массовое принятие на службу в него личного состава пограничной стражи: только в сухопутные войска было набрано 9,5 тыс. её солдат и

¹ См.: Hammerich H., Kollmer D., Rink M., Schlaffer R. Das Heer 1950 bis 1970. Konzeption, Organisation und Aufstellung. – München: DeGruyter Oldenbourg Oldenbourg, 2006. – p. 13.

² Die Bundeswehr im Kalten Krieg. 2021. // BMVg. Mode of access: <https://www.bundeswehr.de/de/ueber-die-bundeswehr/geschichte-bundeswehr/kalter-krieg> (date of access: 24.08.2021).

³ The Bundeswehr on Operations: Publication to Mark the 15 th Anniversary of the First Parliamentary Mandate for Armed Bundeswehr Missions Abroad. – Berlin: Federal Ministry of Defense, 2009. – P. 18.

⁴ Die Geschichte des Heeres. 2021. // BMVg. Mode of access: <https://www.bundeswehr.de/de/ueber-die-bundeswehr/geschichte-bundeswehr/geschichte-heer> (date of access: 24.08.2021).

унтер-офицеров¹, которые пошли на укомплектование 1-й и 2-й пехотных дивизий бундесвера², а также 4-й пехотной дивизии.

Первоначальная нехватка опытного личного состава и вооружений, а также влияние англо-саксонских военных традиций привели к тому, что изначально (в 1956–1958 гг.) вновь формируемые дивизии состояли из боевых групп («А», «В» и «С»). Последние с 1959 г. были реорганизованы в бригады, причем большинство переформировалось из расчёта из одной одна, а некоторые боевые группы передавали часть своего личного состава для укомплектования специальных частей дивизии. Вновь формируемые бригады состояли из батальонов, т.е. полковое звено для профильных войск в них отсутствовало; имелись также разведывательный (для всех бригад) и артиллерийский (у части) батальоны.

К началу 1960-х годов была успешно осуществлена полная моторизация войск – пехотные бригады стали мотопехотными³, тем обретя возможность с нужной скоростью сопровождать танковые части на поле боя. Мотопехотные дивизии должны были по штату состоять из 2 мотопехотных бригад (мпбр) и одной танковой (тбр), танковые дивизии – напротив, из 2 тбр и одной мпбр. Отдельно следует отметить воздушно-десантную (составлена из профильных – воздушно-десантных, вдбр) и горнопехотную (из горнопехотных бригад – гпбр) дивизии.

В состав каждой из них входили части дивизионного подчинения, прежде всего представленные артиллерийским полком и узкоспециальными батальонами: разведки, связи, саперов, ПВО, медицинский. Здесь, однако, надо подчеркнуть, что если танковые войска и армейская авиация получили мощный импульс к развитию в ходе военной реформы 1956–1962 гг., то артиллерия всё же оставалась в «догоняющем» положении в отношении остальных родов сухопутных войск. Иллюстрация тому – отсутствие отдельных артиллерийских бригад (и тем более дивизий) в составе бундесвера. Данное положение было отнюдь не случайным: в гитлеровском вермахте – вооружённых силах «моторов» – артиллерия

¹ The Bundeswehr on Operations: Publication to Mark the 15 th Anniversary of the First Parliamentary Mandate for Armed Bundeswehr Missions Abroad. – Berlin: Federal Ministry of Defense, 2009. – P. 13.

² Die Bundeswehr im Kalten Krieg. 2021. // BMVg. Mode of access: <https://www.bundeswehr.de/de/ueber-die-bundeswehr/geschichte-bundeswehr/kalter-krieg> (date of access: 24.08.2021).

³ Ibid.

играла роль «падчерицы»¹; определенную роль оказывали и военные традиции строительства ВС ангlosаксонских держав.

В 1956 г. было инициировано формирование первой волны из 8 дивизий – 4 пехотных (мотопехотных, номера: 1-я, 2-я, 4-я, 6-я), 2 танковых (3-я и 5-я), горнопехотной (1-й) и воздушно-десантной (1-й). В 1958–1959 гг. было начато формирование ещё 3 дивизий, все они были мотопехотными: 7-й, 10-й и 11-й. Последней в 1961 г. стала формироваться 12-я дивизия: изначально она виделась как танковая, на короткое время (в том числе на этапе завершения военной реформы) она стала мотопехотной, затем, по мере наращивания парка вооружений, вновь превратившись в танковую (см.: табл. 5.1.).

К середине 1959 г. в бундесвере насчитывалось уже 11 дивизий в составе 27 бригад (ещё 2 бригады были сформированы к концу года), которые суммарно имели 148 тыс. солдат и офицеров². Соответственно, средняя численность бригады составляла около 5,5 тыс. военнослужащих. Часть дивизий ещё не успели получить в свой состав укомплектованную третью бригаду, имея лишь по 2 (иногда даже 1) соединения данного типа. И всё же темпы строительства вооружённых сил следует признать достаточно высокими. За первые четыре года военной реформы были созданы 29 из 36 запланированных к формированию бригад (более 80%), притом пик пришёлся именно на 1959 г.: именно в этом году были укомплектованы и реорганизованы из боевых групп рекордные 24 бригады (см.: табл. 5.1.).

Дивизии стали сводиться в армейские корпуса (АК; суммарно их было создано 3) с момента достижения боеготовности, даже в отсутствие в них третьей (в отдельных случаях и второй) бригады. Структура сухопутных войск к моменту завершения военной реформы представлена в таблице 5.1., **жирным** выделены бригады, «ядро» которых создавалось раньше всех (уже к 1959 г.), а се-рым – соединения, созданные в 1960–1962 гг. Видно, что в начале 1960-х годов количество новых разворачиваемых бригад резко сократилось. Требовались время и ресурсы на «отлаживание» ус-

¹ Воронов Н.Н. На службе военной. – М.: Военное изд-во Министерства обороны СССР, 1963. – С. 190–206.; Хлебников Н.М. Под грохот сотен батарей. – М.: Воениздат, 1974. – С. 87–106.

² Die Geschichte des Heeres. 2021. // BMVg. Mode of access: <https://www.bundeswehr.de/de/ueber-die-bundeswehr/geschichte-bundeswehr/geschichte-heer> (date of access: 24.08.2021).

пешного функционирования уже имевшихся, особенно учрежденных в 1959 г.

Как следует из данных таблицы 5.1., к 1963 г. создание сухопутных войск было в основном завершено – проблема недокомплектованности остро стояла лишь в случае 12-й дивизии. Высшей формой организации (в условиях мирного времени) стал АК. Каждый армейский корпус имел в своём составе как минимум по 1 танковой и по 1–2 мотопехотных дивизии (т.е. суммарно 3–4 танковые и 3–5 мотопехотных бригад по завершении формирования всех дивизий в составе корпуса). При этом фланговые АК – I на севере и II на юге – имели усиленный состав.

Таблица 5.1.
Состав сухопутных войск бундесвера к 1963 г.¹
Часть I.

Дивизия	Корпусная принадлежность	Дата начала формирования	Дата достижения боеготовности	Бригады в составе (к 1963 г.)
1-я мотопехотная	I АК	1956 г.	1957 г.	1 мпбр, 2 мпбр, 3 тбр
2-я мотопехотная	III АК	1956 г.	1960 г.	4 мпбр, 5 мпбр, 6 тбр
3-я танковая	I АК	1956 г.	1958 г.	7 мпбр, 8 тбр, 9 учебная тбр
4-я мотопехотная	II АК	1956 г.	1957 г.	10 мпбр, 11 мпбр, 12 тбр
5-я танковая	III АК	1956 г.	1958 г.	13 мпбр, 14 тбр, 15 тбр
6-я мотопехотная	I АК	1956 г.	1959 г.	16 мпбр, 17 мпбр, 18 тбр
7-я мотопехотная	III АК	1958 г.	1962 г.	19 мпбр, 21 тбр
1-я горнопехотная	II АК	1956 г.	1958 г.	22 гпбр, 23 гпбр , 24 тбр
1-я воздушно-десантная	II АК	1956 г.	1962 г.	25 вдбр, 26 вдбр
10-я мотопехотная	II АК	1959 г.	1962 г.	29 мпбр, 30 тбр
11-я мотопехотная	I АК	1959 г.	1961 г.	31 мпбр, 32 мпбр, 33 тбр
12-я мотопехотная	II АК	1961 г.	1965 г.	35 мпбр

¹ Построено автором на основе: Hammerich H., Kollmer D., Rink M., Schlaffer R. Das Heer 1950 bis 1970. Konzeption, Organisation und Aufstellung. – München: DeGruyter Oldenbourg Oldenbourg, 2006. – 821 S.; а также материалов сайта бундесвера <https://www.bundeswehr.de>.

Часть II.

Дивизия (штаб)	Федеральная земля (земли), выходцами из которой комплектовалась ¹	Дальнейшая судьба	
		Реорганизация (+/-)	В случае реорганизации – вид войск
1-я мотопехотная (Мюнстер)	Нижняя Саксония, Северный Рейн – Вестфалия	+(1981)	танковая (1-я танковая)
2-я мотопехотная (Кассель)	Нижняя Саксония, Гессен	- ²	-
3-я танковая (Букстхеде)	Северный Рейн – Вестфалия, Нижняя Саксония, Гамбург	-	-
4-я мотопехотная (Регенсбург)	Бавария	- ³	-
5-я танковая (Дис)	Рейнланд-Пфальц, Гессен	-	-
6-я мотопехотная (Ноймюнстер)	Северный Рейн – Вестфалия, Гамбург, Шлезвиг-Гольштейн, Берлин	-	- ⁴
7-я мотопехотная (Унна)	Северный Рейн – Вестфалия	+(1980)	Танковая (7-я танковая)
1-я горнопехотная (Гармиш-Партенкирхен)	Бавария	-	- (1(8) горнопехотная) ⁵
1-я воздушно-десантная (Брухзаль)	Все земли	-	- (9-я воздушно-десантная)
10-я мотопехотная (Зигмаринген)	Бавария, Баден-Вюртемберг	+(1970)	танковая (10-я танковая)
11-я мотопехотная (Ольденбург)	Северный Рейн – Вестфалия	-	-
12-я мотопехотная (Файтсхёххайм)	Бавария, Баден-Вюртемберг, Рейнланд-Пфальц	+	танковая (12-я танковая)

I армейский корпус, разделяясь на две части, выстраивал единую систему организации обороны вдоль восточной границы ФРГ с контингентами Великобритании и Нидерландов, взаимодействуя также с датскими войсками (см. рис. 5.1.). Выделение сразу

¹ Преимущественно комплектовалась. Федеральные земли даны в порядке убывания удельного веса новобранцев, поступавших из них. – *Прим. авт.*

² В 1970-е годы была реорганизована в егерскую, затем вновь стала мотопехотной, не меняя по сути рода оружия. – *Прим. авт.*

³ В 1970-е годы также была реорганизована в егерскую, затем снова стала мотопехотной, не меняя по сути рода оружия. – *Прим. авт.*

⁴ В начале 1980-х годов в состав дивизии была введена четвертая по счету бригада – 51-я территориальной обороны, по сути, ставшая регулярной. – *Прим. авт.*

⁵ В начале 1980-х годов в дивизию также была передана еще одна, четвертая по счету, бригада – 56-я территориальной обороны, де-факто превратившаяся в регулярную. – *Прим. авт.*

двух группировок обеспечивалось тем, что уже к 1963 г. корпус имел полностью сформированные 3-ю танковую, 1-ю и 11-ю мотопехотные дивизии; сверх того в его составе находилась 6-я мотопехотная дивизия (также 3-бригадного состава уже к 1963 г.), выполнявшая роль ударной компоненты ОВС НАТО, действующей в приморской зоне (изначально развертываясь в федеральной земле Шлезвиг-Гольштейн). Территориально I армейский корпус был ответственен в том числе за столь важные федеральные земли, как Северный Рейн – Вестфалия (промышленное «сердце» Федеративной Республики Германия), а также Нижняя Саксония.

II армейский корпус был сосредоточен на юге ФРГ, выстраивая совместную систему обороны с контингентом США. В состав корпуса входила 1-я горнопехотная и 1-я воздушно-десантная дивизии (в случае угрозы войны бригады последней распределялись между тремя армейскими корпусами – прежде всего, I и II), представлявшие собой отборные ударные соединения. Танковая дивизия (12-я временно, к моменту завершения военной реформы, ставшая мотопехотной) и одна из мотопехотных (10-я) дивизий начали здесь формироваться позднее. Помимо 2 специальных соединений и фактора наличия группировки войск США (безусловно, самой многочисленной и оснащённой различной техникой среди контингентов государств – партнеров ФРГ по НАТО) важно понимать, что изначально (до 1959 г.) в состав II корпуса входили дивизии, позднее переданные III АК. Однако и с учётом этого ослабления (в свою очередь, повлекшего за собой существенное сужение зоны ответственности) II АК уже к 1963 г. выглядел очень сильным, имея в своем составе также отборную 4-ю мотопехотную дивизию – наряду с 6-й МПД ей отводилась особая роль в ударных многонациональных группировках ОВС НАТО. II армейский корпус в том числе отвечал за оборону двух из четырёх крупнейших федеральных земель ФРГ – Баварии и Баден-Вюртемберга.

III армейский корпус, будучи размещён в центре построения регулярных войск бундесвера, состоял из 5-й танковой, 2-й и 7-й мотопехотных дивизий. Де-факто первоначально (к началу 1960-х годов) III АК представлял собой северную группировку войск II АК. Будучи слабее по своему составу, чем соседи, II АК взаимодействовал с контингентами Бельгии, США, а также Франции (последний размещался у западных, а не восточных границ ФРГ), прикрывая центральные районы страны (см. рис. 5.1).

NATO-VORNEVERTEIDIGUNG

im Kalten Krieg nahe der innerdeutschen Grenze

Grenznah wollte die NATO im Kalten Krieg die Bundesrepublik Deutschland gegen einen Angriff seitens des Warschauer Paktes verteidigen. Bei der „Vorneverteidigung“ hatte jede Nation ihre eigenen Gefechtsstreifen.

Рис. 5.1.

Схема зон ответственности наземных контингентов государств – партнеров по НАТО в ФРГ (с конца 1950-х годов)¹

Параллельно с созданием регулярных войск (частей и соединений 1-го разряда) шло выстраивание «сетки» военных округов и формирований территориальных сил – войск 2-го разряда, в мирное время поддерживавших в инженерном, военно-техническом, медицинском отношениях регулярные соединения бундесвера и контингенты государств – партнёров по НАТО, дислоцированные на территории ФРГ². В случае угрозы войны на территориальные войска возлагалась задача формирования новых (резервных) соединений для подкрепления регулярных бригад и дивизий. Было создано 3 территориальных командования: «Шлезвиг-Гольштейн» (в его составе 1 военный округ), «Север» (2 военных округа) и «Юг» (3 военных округа). В свою очередь в составе каждого округа стали формироваться по 2 бригады помимо массы мелких учебных

¹ Die Bundeswehr im Kalten Krieg. 2021. // BMVg. Mode of access: <https://www.bundeswehr.de/de/ueber-die-bundeswehr/geschichte-bundeswehr/kalter-krieg> (date of access: 24.08.2021).

² Die Geschichte des Heeres. 2021. // BMVg. Mode of access: <https://www.bundeswehr.de/de/ueber-die-bundeswehr/geschichte-bundeswehr/geschichte-heer> (date of access: 24.08.2021).

и запасных подразделений: одна кадровая (50-й нумерации) и одна кадрированная (60-й нумерации). Тем самым выстраиваемая структура сухопутных войск получала развитие «вширь».

Таким образом, в ходе военной реформы 1956–1962 гг. удалось сформировать базовую структуру бундесвера, основанную на применении «тяжёлых» бригад – мотопехотных и танковых, сданных в дивизии с жесткой организационно-штатной структурой и корпуса с достаточно гибкой внутренней организацией. Притом фланги развернутых наземных войск (I АК, II АК) были существенно сильнее, чем центр (III АК).

Военно-воздушные силы (люфтваффе). Как и другие рода оружия в бундесвере, военно-воздушные силы были формально созданы в 1956 г., в октябре того же года осуществив первые полёты на учебных и боевых самолётах¹. BBC «унаследовали» от вермахта свое название – люфтваффе.

В 1957 г. были учреждены командования люфтваффе «Север» и «Юг», зоны ответственности которых были установлены соответственно к северу и югу от условной (воображаемой) линии Ахен – Кассель. Силы первого из двух управлений («Север») включались в состав 2-го объединенного тактического авиационного командования (ОТАК) НАТО с ведущим на тот момент участием BBC Великобритании, а другого («Юг») – 4-го ОТАК, в составе которого основную нагрузку выполняли BBC США.

Тогда же, в 1957 г., началось формирование боевых (самой первой из них стала 31-я истребительно-бомбардировочная) и вспомогательных эскадр BBC (здесь таковой являлась 61-я военно-транспортная). Как уже отмечалось, согласно Парижским соглашениям (1954), ФРГ разрешалось создать 22 воздушные эскадры. В ходе военной реформы 1956–1962 гг. было сформировано 2 разведывательные (51-я и 52-я), 8 боевых (31-я, 32-я, 33-я, 34-я истребительно-бомбардировочные, 71-я, 72-я, 73-я, 74-я истребительные), а также 4 вспомогательные (61-я, 62-я, 63-я, 64-я военно-транспортные). Соответственно, эскадры 30-й нумерации предназначались для осуществления наступления, а 70-й нумерации – прикрытия воздушного пространства и войсковых группировок. Здесь необходимо подчеркнуть, что формирование соединений происходило путем, аналогичным созданию сухопутных

¹ Die Geschichte der Luftwaffe. 2021. // BMVg. Mode of access: <https://www.bundeswehr.de/de/ueber-die-bundeswehr/geschichte-bundeswehr/geschichte-luftwaffe> (date of access: 24.08.2021).

войск: активное «ядро» летного состава воздушных эскадр стало создаваться уже с 1956 г. По мере получения боевой техники эти сколоченные группы (точнее, даже коллективы) личного состава превращались в полноценные соединения BBC¹.

В 1963 г. в составе командований BBC «Север» и «Юг» были созданы по 3 дивизии: 2 из них были боевыми, 1 – вспомогательной, обеспечивая функционирование первых двух. В качестве оперативного резерва (из-за опасений, что командование BBC «Север» окажется отсеченным от остальных войск) была создана 7-я дивизия люфтваффе. При этом именно эскадры оставались основным «кирпичом» BBC².

Как и в случае сухопутных войск, в период военной реформы 1956–1962 гг. военно-воздушные силы ФРГ стали оснащаться иностранной техникой. Прежде всего, это сверхзвуковой истребитель-бомбардировщик, разработанный США, F-104 «Старфайтер» (первая партия была закуплена в Соединенных Штатах, затем наложено лицензионное производство в самой Западной Германии), а также дозвуковой истребитель-бомбардировщик «Fiat G. 91»³. Эти машины стали массово поступать в бундесвер с 1961 г. К середине 1960-х годов начали активно проводиться военно-воздушные учения с применением ракетного вооружения⁴.

Соответственно, в целом в ходе военной реформы 1956–1962 гг. удалось успешно решить задачу формирования полноценных военно-воздушных сил. Как и сухопутные войска, они изначально получали сильные фланги, а уже фактически на завершающей стадии военной реформы был существенно подкреплен и центр построения BBC.

Военно-морские силы (марине). Процесс создания ВМС ФРГ в ходе военной реформы 1956–1962 гг. шел несколько иным путем, чем в случае армии и BBC. Как уже отмечалось, частичное воссоздание военно-морского потенциала – в качестве погранич-

¹ Die Geschichte der Luftwaffe. 2021. // BMVg. Mode of access: <https://www.bundeswehr.de/de/ueber-die-bundeswehr/geschichte-bundeswehr/geschichte-luftwaffe> (date of access: 24.08.2021).

² Schlaffer R., Sandig M. Die Bundeswehr 1955–2015. Sicherheitspolitik und Streitkräfte in der Demokratie. Analysen, Bilder und Übersichten. – Freiburg-im-Breisgau: Rombach, 2015. – S. 15–55.

³ Die Geschichte der Luftwaffe. 2021. // BMVg. Mode of access: <https://www.bundeswehr.de/de/ueber-die-bundeswehr/geschichte-bundeswehr/geschichte-luftwaffe> (date of access: 24.08.2021).

⁴ Ibid.

ной стражи, а главное, команд минных тральщиков, сохранных и используемых, по сути, в составе ВМС США и Великобритании, – стартовало не позднее начала 1950-х годов.

Однако если к 1956 г. ВМС ФРГ находились в обгоняющем положении в отношении двух других основных видов войск, то к 1963 г. оказались, напротив, в отстающем. Так, уже 16 мая 1956 г. была сформирована 1-я эскадра быстрых тральщиков в составе 12 кораблей, а 1 июня 1956 г. – 2-я эскадра тральщиков, способных искать мины на больших глубинах, численностью 6 боевых вымпелов¹. В начале 1960-х годов флот Западной Германии продолжал состоять в основном из тральщиков, быстроходных катеров, катеров траления, учебных судов, обладая лишь отдельными единицами дизельных подводных лодок (притом произведенных ещё в Третьем рейхе) и эсминцев, закупаемых у США. Соответственно, это позволяло развёртывать в дополнение к эскадрам тральщиков соединения катеров различного предназначения, т.е. строить «малый» флот, однако возможности для создания эскадр «большого» флота с точки зрения класса кораблей и их возможностей – как надводного, так и подводного – ещё отсутствовали. Не только в качественном отношении, но и количественном отношении ВМС ФРГ были на момент завершения военной реформы 1956–1962 гг. далеки от достижения «потолка» в 172 боевых корабля. Эти недостатки восполнялись полной интеграцией марине в состав НАТО, что означало тесную координацию усилий и взаимодополнение с военно-морскими группировками США, Великобритании, а также Дании².

Тем самым по своей структуре и задачам ВМС ФРГ к середине 1960-х годов были нацелены на обеспечение охраны побережья и прибрежной зоны – прежде всего, в наиболее западной части Балтийского моря, прилегающей к территории Западной Германии, а также безопасности мореплавания в Северном море. При этом, помимо относительно немногочисленных собственно корабельных надводных соединений (и отдельных подводных лодок), уже в этот период в составе ВМС стали формироваться силы флотской авиации. Кроме того, в интересах командования марине могла быть использована частично или полностью ударная 6-я мо-

¹ Die Geschichte der Marine. 2021 // BMVg. Mode of access: <https://www.bundeswehr.de/de/ueber-die-bundeswehr/geschichte-bundeswehr/geschichte-marine> (date of access: 24.08.2021).

² Ibid.

топехотная дивизия, а также территориальное командование «Шлезвиг-Гольштейн», т.е. именно на крайнем левом фланге построения бундесвера стало в ходе военной реформы 1956–1962 гг. отрабатываться развёртывание крупной межвидовой группировки войск.

Главное же состояло в чётком формулировании и запуске кораблестроительной программы по созданию «большого» флота самой Западной Германии: его основу должны были составлять 12 эсминцев, 6 фрегатов и 12 подводных лодок. Кроме того, планировалось построить 40 быстроходных катеров с ракетным вооружением, 24 тральщика побережья, 30 быстроходных тральщиков, 30 десантных судов, 10 катеров береговой охраны и 11 тендеров¹. Соответственно, ФРГ планировала полностью (и даже с небольшим превышением) исчерпать свою квоту в 172 боевых корабля, установленную по Парижским соглашениям (1954).

* * *

Если до военной реформы 1956–1962 гг. обеспечение обороны ФРГ осуществлялось почти исключительно контингентами группы стран – участниц НАТО (США, Великобритании, Франции, Нидерландов, Бельгии, Люксембурга, Канады), размещенными на западногерманской территории, то теперь и сама Боннская республика стала полноправным участником данного процесса. При этом сам фактор присутствия группировок партнёров по НАТО обеспечил внешние условия для воссоздания «военной машины» Западной Германии. Берлинский (1961) и Карибский (Кубинский ракетный) (1962) кризисы «холодной войны», исключительно острые, воспринимались руководством ФРГ в качестве обоснования правоты ремилитаризации страны и ускорения её военного развития, основы которого были заложены в ходе предшествовавших усилий по созданию бундесвера².

¹ Die Geschichte der Marine. 2021 // BMVg. Mode of access: <https://www.bundeswehr.de/de/ueber-die-bundeswehr/geschichte-bundeswehr/geschichte-marine> (date of access: 24.08.2021).

² The Bundeswehr on Operations: Publication to Mark the 15 th Anniversary of the First Parliamentary Mandate for Armed Bundeswehr Missions Abroad. – Berlin: Federal Ministry of Defense, 2009. – P. 13.

Его учреждение и наращивание потенциала обеспечивались значительными ассигнованиями на военные нужды – эта статья расходов к началу 1960-х годов стала уверенно составлять от 3 до 3,5% от ВВП ФРГ¹, что в условиях западногерманского «экономического чуда» было значительной величиной, позволявшей удовлетворять возраставшие нужды бундесвера – прежде всего, в вопросе переоснащения новейшей тяжёлой наземной, авиационной и морской техникой².

Военная реформа 1956–1962 гг., ключевую роль в которой играли канцлер К. Аденауэр (особенно на стадии создания благоприятных внешнеполитических условий для ремилитаризации страны), министры обороны Т. Бланк и (прежде всего) Ф.-Й. Штраус, а также большая группа офицеров, длительное время служивших в вермахте, оказалась успешной с точки зрения тогдашних стратегических задач линии ФРГ на мировой арене. Подтверждение тому – сохранение неизменной в своей базовой основе той структуры развертывания войск, которая была реализована в ходе военной реформы 1956–1962 гг. Безусловно, не все задачи удалось разрешить сразу и успешно. Главные штабы видов войск были созданы только к началу 1970-х годов, однако уже в ходе военной реформы их задачи успешно выполняли аппараты инспекторов армии, ВМС и BBC в тесной координации со службой генерал-инспектора³.

В сухопутных войсках к 1963 г. были сформированы 31 из 36 запланированных бригад – создание остальных продолжалось вплоть до середины 1970-х годов. Менялась профильная направленность части дивизий армии. В 1962 г. в бундесвере имелось 2 танковые, 8 мотопехотных (из них 1 планировалась в перспективе как танковая), 1 горно-пехотная и 1 воздушно-десантная дивизии. К 1972 г. армия имела 4 танковые, 4 мотопехотные, 2 легкопехотные (егерские), 1 горно-пехотную и 1 воздушно-десантную дивизии. К началу 1980-х годов хеер состоял из 6 танковых, 4 мотопехотных (легкопехотные соединения были упразднены),

¹ Financial and economic data relating to NATO defence. Defence Expenditures of NATO countries. 1949–1985. Press Release M-DPC-2 (85) 25. – Brussels: NATO Press Service, 1985. – P. 3–9.

² The Bundeswehr on Operations: Publication to Mark the 15 th Anniversary of the First Parliamentary Mandate for Armed Bundeswehr Missions Abroad. – Berlin: Federal Ministry of Defense, 2009. – P. 17–21.

³ Rink M. Die Bundeswehr 1950/55–1989. – München: DeGruyter Oldenbourg, 2015. – S. 24–60.

1 горно-пехотной и 1 воздушно-десантной дивизий¹. Из общего числа бригад в 36 единиц танковых было 17 (в 1962 г. – 12), мотопехотных – 15 (в 1962 г. – также 15, но в несколько иной конфигурации), горно-пехотных – 1 (в 1962 г. – 2), воздушно-десантных – 3 (в 1962 г. – 2). Тем самым реализовывался курс на увеличение удельного веса технических родов войск (прежде всего, танковых частей и соединений) в составе бундесвера в целом и его сухопутных войск в частности². Наличие и полноценное функционирование корпусного звена как высшего в системе армии оставалось неизменным. Новой стала передача в подчинение корпусам дивизионов оперативно-тактических ракет, а также введение (к началу 1980-х годов) отдельных кадровых бригад территориальных сил в состав 2 дивизий (что делало каждую из них 4-бригадной)³. Однако все эти изменения были эволюционными строго на основе той рамочной структуры, которая была задана в ходе военной реформы 1956–1962 гг. Бундесвер совершенствовался технически и технологически, притом в основном (особенно в случае армии и ВМС) на его вооружение стали поступать боевые машины и корабли западногерманской разработки и производства. Активное развитие получало использование ракет различного предназначения. Всё это сопровождалось изменениями организационно-штатной структуры, но отнюдь не её ломкой и кардинальной перестройкой, что, разумеется, было характерно не только для армии, но также BBC и ВМС.

В случае BBC к 1970-м годам были упразднены два командования «Север» и «Юг», боевые дивизии были реорганизованы в соединения ударной авиации и прикрытия воздушного пространства (по две), учреждались службы управления радарами, радиоэлектронной разведки. Как и в случае сухопутных войск, после 1963 г. наблюдался рост числа воздушных эскадр. Так, были дополнительно созданы 35-я и 36-я истребительно-бомбардировочные эскадры, а также сформированы легкобомбардировочные эскадры (четыре 40-й нумерации) в увязке с динамичным развитием парка боевой и

¹ Die Geschichte des Heeres. 2021. // BMVg. Mode of access: <https://www.bundeswehr.de/de/ueber-die-bundeswehr/geschichte-bundeswehr/geschichte-heer> (date of access: 24.08.2021).

² Von Bredow W. Sicherheit, Sicherheitspolitik und Militär. – Wiesbaden: Springer Fachmedien, 2015. – S. 122.

³ Ibid.

вспомогательной техники¹. Однако эти изменения не затронули основ организационно-штатной структуры, построения люфтваффе, которые были заложены в 1956–1962 гг. Показательно, что с 1962 г. ВВС ФРГ стали использоваться (прежде всего, в смысле привлечения военно-транспортной авиации) для оказания помощи в зоне различных природных и техногенных катастроф², тем аккуратно и ненавязчиво обозначая возможность своего перспективного применения на глобальном уровне в целом.

Динамичное развитие получила военно-медицинская служба, осуществлявшая свою деятельность в интересах всех родов войск ВС ФРГ, и уже в годы «холодной войны» активно сочетавшаяся при использовании с военно-транспортной авиацией.

Развитие ВМС характеризовалось успешной реализацией кораблестроительной программы по созданию «большого» флота: были сформированы эскадры подводных лодок и эсминцев, дополненные в 1980-е годы двумя эскадрами фрегатов (2-й и 4-й)³. Вкупе с обновлением парка тральщиков и катеров различного предназначения, ВМС ФРГ стали сочетать в себе «малый» и «большой» флоты, последний был способен в своем использовании выйти за пределы узкой зоны ответственности у побережья страны. Притом формирование новых эскадр, определение их штата происходило на основе опыта создания уже имевшихся.

В целом в ходе военной реформы 1956–1962 гг. была создана и наполнена конкретным содержанием, от более чем 30% (ВМС) до свыше 80% (армия), структура «военной машины» ФРГ. Она была «заточена» на «сдерживание» Востока в составе Евро-Атлантического сообщества, обеспечивая его разноплановую поддержку Западной Германии на тот момент и перспективу, в том числе в решении «германского вопроса». Наличие мощного и динамично развивавшегося бундесвера стало одним из важнейших факторов, подкреплявших стремление ФРГ укрепиться в положении одной из «западных держав».

Не изменения в своей основе структуры бундесвера вплоть до окончания «классической» «холодной войны», руководство Федера-

¹ Die Geschichte der Luftwaffe. 2021 // BMVg. Mode of access: <https://www.bundeswehr.de/de/ueber-die-bundeswehr/geschichte-bundeswehr/geschichte-luftwaffe> (date of access: 24.08.2021).

² Ibid.

³ Die Geschichte der Marine. 2021 // BMVg. Mode of access: <https://www.bundeswehr.de/de/ueber-die-bundeswehr/geschichte-bundeswehr/geschichte-marine> (date of access: 24.08.2021).

тивной Республики Германия избрало курс на последовательное наращивание его потенциала в целом и отдельных родов оружия в частности. Если к 1958 г. в западногерманских вооружённых силах насчитывалось 174,7 тыс. военнослужащих (и 55,6 тыс. гражданского персонала Министерства обороны ФРГ), то в 1962 г. – уже 389,4 тыс. солдат и офицеров (и 127,6 тыс. гражданского персонала)¹. Данный процесс не прекратился в период «разрядки» и тем более ускорился в условиях нового «издания» «холодной войны» с 1979 г.: так, в 1969 г. западногерманские вооружённые силы имели 455,1 тыс. личного состава (без штатского персонала), в 1989 г. – 509,1 тыс. солдат, офицеров и генералов². Так, численность сухопутных войск возросла со 148 тыс. (1959) до почти 360 тыс. (1989)³, что теперь уже не де-юре, как на этапе планирования военной реформы, а де-факто превратило бригады и дивизии сухопутных войск бундесвера в «огромные», этим примером в очередной раз подчёркивая приверженность избранной при К. Аденауэре траектории развития вооружённых сил на протяжении всей последующей «холодной войны».

Это нашло отражение не только на практическом уровне, но и на концептуальном. В ходе самой военной реформы 1956–1962 гг. не принималось объемных официальных программных документов в области строительства вооружённых сил. Причинами тому видятся отсутствие соответствующей практики в прошлом, а также повышенная скорость изменений (в плюс) «военной машины» ФРГ на стадии её создания. Первая Белая книга в области обороны была подготовлена в 1969 г.⁴ В подготовке этого документа, как и последующих документов данного типа, определяющую роль играли Министерство обороны и Ведомство федерального канцлера – именно эти две структуры определяли

¹ Глазунов Н. Западногерманская военная историография о роли бундесвера в системе НАТО // Военно-исторический журнал. 1973. № 11. – С. 99–105.

² Die Bundeswehr im Kalten Krieg. 2021 // BMVg. Mode of access: <https://www.bundeswehr.de/de/ueber-die-bundeswehr/geschichte-bundeswehr/kalter-krieg> (date of access: 24.08.2021).

³ Die Geschichte des Heeres. 2021 // BMVg. Mode of access: <https://www.bundeswehr.de/de/ueber-die-bundeswehr/geschichte-bundeswehr/geschichte-heer> (date of access: 24.08.2021).

⁴ Weissbuch 1969 zur Verteidigungspolitik der Bundesregierung. Herausgeber: der Bundesminister der Verteidigung Veröffentlicht durch das Presse- und Informationsamt der Bundesregierung. – Bonn: Bundesministerium der Verteidigung, Presse- und Informationsamt der Bundesregierung, 1969. – S. 1–5.

контуры, направленность строительства вооружённых сил, начиная с 1956–1962 гг. Сама Белая книга с 1970 г. подписывалась главой правительства (верховным главнокомандующим в условиях вступления страны в войну) и министром обороны (верховным главнокомандующим в мирное время). Вписываясь в общеполитический контекст (в Европе прежде всего и в мире в целом), которому уделялось все возрастающее внимание, в Белых книгах детально освещались изменения организационно-штатной структуры бундесвера и его тактических задач. В 1970-е годы Белые книги принимались наиболее часто, с интервалом в один, затем два года (1969, 1970, 1971–1972, 1973–1974, 1975–1976, 1979) в условиях динамичного изменения внешней обстановки, что было обусловлено развитием «разрядки» и наступлением (с 1979 г.) нового «издания» «холодной войны». В первой половине 1980-х годов срок принятия новых Белых книг увеличился (1983; 1985), а сами они продолжали уделять первостепенное внимание эволюции структуры бундесвера, находящегося на пике своих боевых возможностей¹.

¹ Weissbuch 1985 zur Lage und Entwicklung der Bundeswehr. Im Auftrage der Bundesregierung herausgeben vom Bundesminister der Verteidigung. – Bonn: Bundesministerium der Verteidigung, Presse- und Informationsamt der Bundesregierung, 1985. – 418 S.

Глава VI

НАПРАВЛЕННОСТЬ И ХОД ПРОЦЕССА РЕФОРМИРОВАНИЯ ОБЩЕГЕРМАНСКОГО БУНДЕСВЕРА (1990-е – НАЧАЛО 2010-х ГОДОВ)

6.1. Вопрос о будущем бундесвера в новых международных реалиях

К концу 1980-х годов структура бундесвера, созданная в ходе военной реформы 1956–1962 гг., продолжала совершенствоваться: наблюдался рост числа бригад технических (т.е. требующих высокого уровня специализации) родов войск в армии – прежде всего, танковых бригад за счёт переформирования в них мотопехотных. Сухопутные регулярные войска (т.е. без учета территориальных сил) состояли из 12 дивизий в составе 36 бригад, численность которых к концу 1980-х годов возросла до порядка 360 тыс. военнослужащих, а на их вооружении стояли свыше 7 тыс. танков, БТР и БМП. По численности эти силы являлись эквивалентом 24–26 «больших» дивизий вермахта, т.е. полноценной группы армий времён Второй мировой войны. Показателем дальнейшего роста наземных сил стало введение двух наиболее боеспособных бригад сил территориальной обороны (51-й и 56-й) в состав 6-й и 4-й мотопехотных дивизий соответственно¹, т.е. их фактический переход от 3- к 4-бригадной структуре, что означало наличие в регулярной армии ФРГ на момент окончания «холодной

¹ Die Geschichte des Heeres. 2021. // BMVg. Mode of access: <https://www.bundeswehr.de/de/ueber-die-bundeswehr/geschichte-bundeswehr/geschichte-heer> (date of access: 24.08.2021).

войны» не 36, а 38 бригад¹ (соответственно, в территориальных силах оставалось не 12, а 10 бригад).

В ВВС Западной Германии к концу 1980-х годов насчитывалось 15 воздушных эскадр, имевших 1 тыс. боевых самолётов, а ВМС включали не только существенно модернизированные силы минных тральщиков и катеров различного предназначения, но также эскадры фрегатов, эсминцев и подводных лодок – в частности, последних насчитывалось 24 единицы². Сохранялось сложившееся в ходе военной реформы К. Аденауэра – Ф.-Й. Штрауса и укрепившееся к началу 1970-х годов соотношение численности между основными видами войск: на долю армии приходилось свыше 70% от общей численности военнослужащих, ВВС – порядка 20 и ВМС – менее 10%³.

В 1980-е годы западногерманский бундесвер достиг пика своих возможностей, представляя собой одну из ведущих (с точки зрения возможностей армии – второе место после США) «военных машин» стран – участниц НАТО. В таблице 6.1 представлена структура сухопутных войск ФРГ в середине 1980-х годов.

Важнейшим следует признать сосредоточенность практически всех ресурсов «военной машины» ФРГ на участии в конфронтации «холодной войны» на центральноевропейском направлении. Так, все боевые подразделения и части (не говоря уже о соединениях) бундесвера продолжали дислоцироваться и использоваться исключительно на территории самой Западной Германии, составляя порядка 50% размещенной здесь мощной многонациональной группировки стран – участниц НАТО. Данная военная мощь вкупе с её расположением на «передовой» линии «сдерживания» СССР и его союзников по ОВД продолжала обеспечивать ФРГ значимые военно-стратегические позиции внутри Североатлантического альянса. Однако это же положение лишало Федеративную Республику Германия возможности обеспечивать присутствие на мировой арене в целом – в отличие от вооружённых сил других «западных держав» и стран – участниц НАТО в целом, бундесвер не применялся за пределами зоны ответственности Североатлантиче-

¹ Die Geschichte des Heeres. 2021. // BMVg. Mode of access: <https://www.bundeswehr.de/de/ueber-die-bundeswehr/geschichte-bundeswehr/geschichte-heer> (date of access: 24.08.2021).

² Die Bundeswehr im Kalten Krieg. 2021. // BMVg. Mode of access: <https://www.bundeswehr.de/de/ueber-die-bundeswehr/geschichte-bundeswehr/kalter-krieg> (date of access: 24.08.2021).

³ Рассчитано автором на основе: Атлас офицера. – М.: Военно-топографическое управление, 1974. – С. 297.

ского альянса вплоть до окончания «холодной войны». Точечное исключение касалось лишь небоевых подразделений военно-транспортной авиации и медицинской службы, направляемых для оказания помощи мирному населению в зоны природных и техногенных катастроф, локальных вооружённых конфликтов с середины 1960-х годов¹.

Таблица 6.1.

Часть 1.
Структура наземных регулярных войск бундесвера (1985)²

Корпус	Дивизии в составе (численность личного состава)	Бригады в составе дивизии
I корпус	1-я танковая дивизия	1 мпбр, 2 тбр, 3 тбр
	3-я танковая дивизия	7 мпбр, 8 тбр, 9 тбр
	7-я танковая дивизия	19 мпбр, 20 тбр, 21 тбр
	11-я мотопехотная дивизия	31 мпбр, 32 мпбр, 33 тбр
	6-я мотопехотная дивизия	16 мпбр, 17 мпбр, 18 тбр + 51 территориальная бр ³
II корпус	4-я мотопехотная дивизия	10 мпбр, 11 мпбр, 12 тбр + 56 территориальная бр ⁴
	1-я горнопехотная дивизия	22 мпбр, 23 гпбр, 24 тбр
	1-я воздушно-десантная дивизия	25 вдбр, 26 вдбр, 27 вдбр
	10-я танковая дивизия	28 тбр, 29 тбр, 30 мпбр
III корпус	2-я мотопехотная дивизия	4 мпбр, 5 мпбр, 6 тбр
	5-я танковая дивизия	13 мпбр, 14 тбр, 15 тбр
	12-я танковая дивизия	34 тбр, 35 мпбр, 36 тбр
Итого: 3 корпуса	12 дивизий	36 бригад, в том числе: тбр – 17, мпбр – 15, гпбр – 1, вдбр – 3

¹ Die Geschichte der Luftwaffe. 2021 // BMVg. Mode of access: <https://www.bundeswehr.de/de/ueber-die-bundeswehr/geschichte-bundeswehr/geschichte-luftwaffe> (date of access: 24.08.2021).

² Построено автором на основе: Weissbuch 1985 zur Lage und Entwicklung der Bundeswehr. Im Auftrage der Bundesregierung herausgeben vom Bundesminister der Verteidigung. – Bonn: Bundesministerium der Verteidigung, Presse- und Informationsamt der Bundesregierung, 1985. – S. 195.

³ Введена в состав регулярных войск в качестве четвертой по счету бригады, став фактически регулярной. – Прим. авт.

⁴ Введена в состав регулярных войск в качестве четвертой по счету бригады, став фактически регулярной. – Прим. авт.

Часть 2.

Структура территориальных сил бундесвера (1985)¹

Территориальное командование	«Север»	«ЮГ»	«Шлезвиг-Гольштейн»	Всего
Военные округа внутри	2	3	1	6
Штабы военно-окружного (областного) уровня	10	18	1	29
Штабы военных районов	33	43	4	80
Оперативное командование войск	1	1	1	3
Бригады территориальной обороны	4	6 (5)	2 (1)	12 (10) ²

Столь огромная военная мощь рассматривалась истеблишментом ФРГ в качестве более чем востребованной в условиях активного противостояния «холодной войны», однако стала восприниматься избыточной в условиях его стремительного свёртывания. Одновременно проявилось и стремление истеблишмента страны выйти в использовании бундесвера – прежде всего, войсковых, а не только вспомогательных частей – вне территориальных границ объединившейся Германии и зоны ответственности НАТО в целом.

В данной связи необходимо подчеркнуть исключительную активность политico-дипломатических усилий Боннской республики, нацеленных на обеспечение скорейшего свертывания конфронтации Запада – Востока на условиях, максимально отвечавших интересам первого. Заметные симптомы потепления отношений между ними, в том числе самой ФРГ и СССР, появились к концу 1987 г.³ Однако даже в условиях вновь начатой М.С. Горбачёвым линии «опережающих уступок» Евро-Атлантическому сообществу, особенно в военной сфере, как минимум до начала 1990 г., западногерманское руководство не демонстрировало полной уверенности в том, что улучшение диалога приведет к окончанию

¹ Построено автором на основе: Weissbuch 1985 zur Lage und Entwicklung der Bundeswehr. Im Auftrage der Bundesregierung herausgegeben vom Bundesminister der Verteidigung. – Bonn: Bundesministerium der Verteidigung, Presse- und Informationsamt der Bundesregierung, 1985. – С. 195.

² Из них две – 51-я и 56-я – были переданы в оперативное подчинение 6 мпд и 4 мпд, а потому эти бригады 50-й нумерации правильнее было бы отнести к регулярным войскам. – *Прим. авт.*

³ См.: Из беседы М.С. Горбачева с Рихардом фон Вайцзеккером. Москва, 7 июля 1987 г. // Михаил Горбачев и германский вопрос. Сборник документов. 1986–1991. – М.: Издательство «Весь Мир», 2006. – С. 44–54.

«холодной войны», а не станет лишь ещё одной, пусть и более масштабной, «разрядкой». Так, начав выстраивать доверительные отношения с М.С. Горбачёвым и обозначив «10 пунктов» (ноябрь 1989 г.)¹, канцлер Г. Коль и руководство ФРГ не инициировали каких-либо масштабных сокращений вооруженных сил или подготовительных реорганизаций².

Иным стал его подход в ходе переговорного процесса по решению «германского вопроса» 9 февраля – 12 сентября 1990 г. Произошло урегулирование последнего по сценарию, предельно учитывающему национальные интересы ФРГ: распространение без ограничений её суверенитета на территорию ГДР вкупе с предоставлением права свободного выбора членства в военно-политических союзах, а в более широком плане – суверенитета во внешней политике³. В обмен на это правительство Г. Коля / Г.-Д. Геншера согласилось на приятие ряда обязательств по ограничению военной мощи объединявшейся Германии, с тем чтобы доказать отсутствие у неё агрессивных намерений в принципе, что было зафиксировано в формуле «мира и только мира, исходящего с немецкой земли»⁴. В чем конкретно состояли данные лимитирования? В своей основе они были окончательно сформулированы канцлером Г. Колем в ходе его встречи с М.С. Горбачёвым в Архызе 16 июля 1990 г.

Это, *во-первых*, снижение численности вооружённых сил расширявшей границы ФРГ до 370 тыс. без превышения данного показателя по его достижении⁵. Как уже отмечалось, «потолок» численности личного состава уже неоднократно устанавливался в истории страны: в 1807 г. (42 тыс.), в 1919 г. (100 тыс.), а де-факто и в 1954 г. (500 + 105 тыс.). Причём если в первых двух случаях, особенно по Версальскому договору, лимиты были крайне жёст-

¹ Горбачёв М.С. Жизнь и реформы. Глава 22. Объединение Германии // Горбачев-фонд. Режим доступа: https://www.gorby.ru/gorbachev/zhizn_i_reformy2/page_5/#5 (дата обращения: 24.08.2021).

² См.: Die Bundeswehr im Kalten Krieg. 2021. // BMVg. Mode of access: <https://www.bundeswehr.de/de/ueber-die-bundeswehr/geschichte-bundeswehr/kalter-krieg> (date of access: 24.08.2021).

³ Из беседы М.С. Горбачёва с Г. Колем один на один. 15 июля 1990 г. // Михаил Горбачев и германский вопрос. Сборник документов. 1986–1991. – М.: Издательство «Весь Мир», 2006. – С. 495–503.

⁴ Из беседы М.С. Горбачёва с Г. Колем. Архыз, 16 июля 1990 г. // Михаил Горбачёв и германский вопрос. Сборник документов. 1986–1991. – М.: Издательство «Весь Мир», 2006. – С. 514–524.

⁵ Там же.

кими, априори заставляя ломать всю имевшуюся к моменту их введения военную организацию, то «потолок» 1954 г. не просто оставлял, но создавал широкий потенциал для воссоздания военного потенциала Западной Германии. На первый взгляд, вновь вводимый верхний лимит в 370 тыс. был достаточно жёстким, учитывая численность самого западногерманского бундесвера к началу 1990-х годов, а также принятые правительством Боннской республики обязательства по интегрированию войск ГДР в состав общегерманской «военной машины». Однако следует учитывать, что новый «потолок» устанавливался для ФРГ в условиях начинавшихся массовых сокращений вооружённых сил государств мира в целом, в том числе НАТО и ОВД – пример задавал СССР при «зрелом» М.С. Горбачёве, идя на огромные, притом часто односторонние, уменьшения боевой мощи Советской Армии. Именно на СССР, ещё продолжавшего восприниматься в качестве ключевого противника по «холодной войне», прежде всего ориентировалось в плане редукций своих войск руководство ФРГ. Г. Коль жёстко увязывал график уменьшения потенциала бундесвера со скоростью вывода советских войск с территории ГДР¹. Подчёркивалось, что вооружённые силы объединившейся Германии будут готовы выйти на отметку в 370 тыс. военнослужащих в момент, когда завершится процесс демонтажа советского военного присутствия на территориях бывшей Германской Демократической Республики. В результате непродуманных шагов М.С. Горбачёва данный срок определялся рекордно коротким – всего 3–4 года², будучи в итоге уточнен как 31 декабря 1994 г.³ Совокупность этих положений, вписывание общей численности бундесвера в логику интенсивно шедших переговоров по договору об обычных вооруженных силах в Европе (ДОВСЕ) означали, что вводимые для ФРГ ограничения по численности ВС были для неё более чем умеренными, сохраняя достаточно широкие возможности для развития потенциала «военной машины» уже общегерманского государства.

¹ Из беседы М.С. Горбачёва с Г. Колем. Архыз, 16 июля 1990 г. // Михаил Горбачёв и германский вопрос. Сборник документов. 1986–1991. – М.: Издательство «Весь Мир», 2006. – С. 514–524.

² Из беседы М.С. Горбачёва с Г. Колем один на один. 15 июля 1990 г. // Михаил Горбачёв и германский вопрос. Сборник документов. 1986–1991. – М.: Издательство «Весь Мир», 2006. – С. 495–503.

³ Из беседы М.С. Горбачёва с Г. Колем. Архыз, 16 июля 1990 г. // Михаил Горбачёв и германский вопрос. Сборник документов. 1986–1991. – М.: Издательство «Весь Мир», 2006. – С. 514–524.

В ходе переговоров Г. Коль также «пробросил» положение о том, что «военная машина» сохранит название бундесвер, тем представляя его эволюционное продолжение не только по содержанию и духу, но и по букве¹. В ходе переговоров 1990 г. речь не шла о конкретных изменениях организационно-штатной структуры ВС ФРГ на период и особенно по завершении процесса сокращений. Это было обусловлено как нежеланием официального Бонна выносить данный вопрос на обсуждение с внешними партнёрами (в лице СССР, не входившего в блок НАТО и Евро-Атлантическое сообщество), так и очевидной организационной неготовностью уже в реалиях 1990 г. чётко понять, какой точно облик приобретет перспективная организационно-штатная структура ВС. Интересно, что общий «потолок» в 370 тыс. был дополнен частным – в 345 тыс. – суммарно для сухопутных войск (хеера) и ВВС (люфтваффе)². Почему? Они играли важнейшую роль в агрессивных устремлениях нацистской Германии, и эти виды войск в последующем получили наиболее масштабное развитие в бундесвере, хотя и с качественно иной официальной мотивацией. Данное положение создавало предпосылки для сохранения потенциала и развития ВМС и вспомогательных родов вооружённых сил – в частности, медицинской службы, военно-транспортной авиации.

Во-вторых, ФРГ принимала на себя добровольные обязательства по отказу от производства, владения и распоряжения ядерным, биологическим и химическим оружием. Эти ограничения уже принимались по Парижским протоколам (1954), однако тогда лишь в отношении группы будущих государств – партнёров по НАТО. Притом в середине 1960-х годов при поддержке США осуществлялись попытки допустить Боннскую республику к практической части ядерного планирования в Североатлантическом альянсе³. Отличие обязательств 1990 г. состояло в том, что они принимались уже объединенной ФРГ (а не лишь декларировавшей подготовку к поглощению территории ГДР на перспективу) не

¹ Из беседы М.С. Горбачёва с Г. Колем. Архыз, 16 июля 1990 г. // Михаил Горбачёв и германский вопрос. Сборник документов. 1986–1991. – М.: Издательство «Весь Мир», 2006. – С. 514–524.

² Договор об окончательном урегулировании в отношении Германии от 12 сентября 1990 г. // Сборник международных договоров СССР и Российской Федерации. Выпуск XLVII. – М.: Международные отношения, 1994. – С. 34–37.

³ См.: Лекаренко О.Г. Проблема разделения ядерной ответственности в НАТО в годы президентства Л. Джонсона // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 1. – С. 108–116.

только перед западными державами, но и перед СССР¹, а по сути – и всем международным сообществом в целом. Это означало, что на длительную перспективу вооружённые силы Германии должны развиваться как сугубо конвенциональные, т.е. состоящие лишь из обычных, не оснащенных ОМУ и ОМП, войск. Принимая ограничения, западногерманская (выступая от имени общегерманской) сторона тем подчеркивала признание исторической вины как агрессора во Второй мировой войне. Здесь следует обозначить, что лимитирование военной мощи ФРГ являлось одним из немногих пунктов, бывших общими для переговорных позиций «старых» западных держав и СССР, чем во многом объяснялась та лёгкость, с которой кабинет Г. Коля / Г.-Д. Геншера согласился на ограничения². В итоговом виде они были юридически оформлены в договоре об окончательном урегулировании в отношении Германии, подписанном в Москве 12 сентября 1990 г. В увязке с принятыми лимитами официальный Бонн (и Берлин как столица ГДР) обязался соблюдать условия договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО, 1968 г.) и вновь подготавливаемого к подписанию в тот момент договора об обычных вооружённых силах в Европе (ДОВСЕ, 19 ноября 1990 г.)³, тем определяя важнейшие положения будущей политики ФРГ в области безопасности и обороны в целом и в вопросе строительства вооружённых сил в частности.

6.2. Поиск траектории проведения военной реформы

Стратегически договор 12 сентября 1990 г. («2 + 4») уместно рассматривать в качестве формальной точки старта подготовительного этапа новой военной реформы в ФРГ. Её *стратегическая цель* – перейти от теперь уже устаревшей громоздкой военной структуры к новой, менее объемной, более гибкой, а главное – приспособленной к решению качественно новых внешнеполитических задач. Для их

¹ Договор об окончательном урегулировании в отношении Германии от 12 сентября 1990 г. // Сборник международных договоров СССР и Российской Федерации. Выпуск XLVII. – М.: Международные отношения, 1994. – С. 34–37.

² См.: Из беседы М.С. Горбачёва с Г. Колем. Архыз, 16 июля 1990 г. // Михаил Горбачёв и германский вопрос. Сборник документов. 1986–1991. – М.: Издательство «Весь Мир», 2006. – С. 514–524.

³ Договор об окончательном урегулировании в отношении Германии от 12 сентября 1990 г. // Сборник международных договоров СССР и Российской Федерации. Выпуск XLVII. – М.: Международные отношения, 1994. – С. 34–37.

постановки и тем более решения требовалось четко понимать изменения мирополитической обстановки, что, с учётом скорости последних в конце 1980-х – начале 1990-х годов, являлось непростой задачей. Показательно, что с 1986 по 1993 г. не было принято ни одной (!) Белой книги в области обороны и безопасности, т.е. в начале 1990-х годов в условиях массовых сокращений уже обще-германский бундесвер продолжал де-юре функционировать, опираясь на явно устаревшие Белые книги (1985)¹.

В первой половине 1990-х годов «военной машине» объединившейся ФРГ приходилось решать одновременно сразу три весьма непростые и трудоемкие по содержанию задачи:

- а) интегрирование в состав западногерманского бундесвера элементов вооружённых сил бывшей ГДР;
- б) осуществление масштабных сокращений численности личного состава, вооружений и военной техники (в соответствии с договором «2+4»);
- с) определение перспективной модели ВС, способных использоваться не только и не столько внутри зоны ответственности НАТО, но и за её пределами.

Как решалась каждая из данных задач? Приступая к поиску ответа на данный вопрос, следует отметить, что наибольшее внимание было уделено направлению «б», что представляется вполне логичным. Истеблишмент ФРГ не был заинтересован в сколько-нибудь масштабном реальном использовании потенциала Национальной народной армии ГДР с учетом её идеологической и военной направленности как многолетнего противника западногерманского бундесвера². Понимание же того, какими станут вооружённые силы будущего, могло возникнуть только после определения того, какой конкретно ресурсной базой будет обладать бундесвер в настоящем, т.е. на момент завершения редукций, осуществляемых в соответствии с буквой договора об окончательном урегулировании в отношении Германии.

К 1990 г. бундесвер насчитывал 495 тыс. военнослужащих, ННА ГДР – 173 тыс. Первые масштабные редукции на пути к достижению отметки в 370 тыс. солдат и офицеров были осуществлены именно за счёт восточногерманских войск. Исключительно непро-

¹ Weissbuch 1985 zur Lage und Entwicklung der Bundeswehr. Im Auftrage der Bundesregierung herausgeben vom Bundesminister der Verteidigung. – Bonn: Bundesministerium der Verteidigung, Presse- und Informationsamt der Bundesregierung, 1985. – 418 S.

² Ходаков И. Преданная армия. 18.03.2013. // Военно-промышленный курьер. Режим доступа: <https://vpk-news.ru/articles/14979> (дата обращения: 24.08.2021).

стым оказался вопрос о будущем их офицерского корпуса. Его генералитет, а также значительная часть средних и младших командиров (по данным Министерства обороны ФРГ – до 60%, включая всех политработников) были уволены в отставку перед провозглашением образования общегерманского государства 3 октября 1990 г.¹ Менее чем 18 тыс. кадровых командиров – около 6 тыс. офицеров, 11 тыс. унтер-офицеров и 800 ефрейторов – получили возможность служить два года как срочники, что рассматривалось в качестве испытательного срока с последующим отбором части желающих уже в качестве профессиональных военных. Таковыми на службу в общегерманский бундесвер было принято порядка 3,0 тыс. офицеров, 7,6 тыс. унтер-офицеров ННА ГДР и 200 ефрейторов². Это составляло лишь немногим более 20% от общей численности корпуса командных кадров вооружённых сил ГДР, хотя число подавших заявление служить в общегерманском бундесвере кадровых командиров было существенно большим³. Рядовому составу, набранному на службу до 1991 г., также предлагалось отслужить до конца положенный срок с последующим увольнением в запас, новобранцы же сразу направлялись в войска бундесвера. Вооружения ННА ГДР в основной массе (в частности, за исключением 20 фронтовых истребителей МиГ-29) подлежали экспорту за рубеж или утилизации⁴.

Была полностью разрушена организационно-штатная структура ННА ГДР. На территории «новых» земель ФРГ было учреждено командование «Восток», в составе которого формировались 13-я и 14-я мотопехотные дивизии 3-бригадного состава, однако меньшей численности (лишь порядка 12–12,5 тыс. солдат и офицеров каждая), чем остальные «тяжёлые» аналогичные соединения наземных войск бундесвера. От ВВС на территории ГДР развертывалась 5-я авиационная дивизия⁵. Эти соединения были смешанными по составу: «ядро»

¹ Die Bundeswehr wird zur Armee der Einheit. 2021. // BMVg. Mode of access: <https://www.bundeswehr.de/de/ueber-die-bundeswehr/geschichte-bundeswehr/armee-der-einheit-wiedervereinigung> (date of access: 24.08.2021).

² Ibid.

³ «Armee der Einheit». 1.05.2015. // Bundeszentrale für Politische Bildung. Mode of access: <https://www.bpb.de/politik/grundfragen/deutsche-verteidigungspolitik/199278/wiedervereinigung> (date of access: 24.08.2021).

⁴ Чуприн К. Рабоче-Крестьянский вермахт. 14.06.2021 // Военно-промышленный курьер. Режим доступа: <https://vpk-news.ru/articles/62541> (дата обращения: 24.08.2021).

⁵ Die Bundeswehr wird zur Armee der Einheit. 2021. // BMVg. Mode of access: <https://www.bundeswehr.de/de/ueber-die-bundeswehr/geschichte-bundeswehr/armee-der-einheit-wiedervereinigung> (date of access 24.08.2021).

их (особенно в плане офицеров) составляли военнослужащие западно-германского бундесвера, к которым добавлялся (с раскассированием по вновь созданным соединениям) личный состав ННА ГДР.

Параллельно с реорганизацией войск на «новых» землях стартали массовые сокращения бывшего западногерманского бундесвера. Наиболее масштабными они оказались в сухопутных войсках (см.: табл. 6.2., часть 1). Так, первый случай упразднения бригады (притом танковой) «старого» набора был осуществлён в 1992 г. А весной 1993 – осенью 1994 г. были расформированы уже 19 бригад западногерманской армии (8 танковых, 10 танковых и 1 воздушно-десантная; выделены **жирным**) – свыше половины от их общего числа. В большинстве случаев расформированию подлежала одна (реже две) из трёх бригад из каждой «старой» дивизии.

На дивизионном уровне были расформированы 6 из 12 соединений. Так, из четырех дивизий в I АК были оставлены две (1-я танковая и 6-я мотопехотная, а управления 3-й танковой и 11-й мотопехотной упразднены). Во II АК были сохранены также две дивизии (10-я танковая и 1-я горнопехотная; расформированы: 4-я мотопехотная, 12-я танковая и 1-я воздушно-десантная). III АК также был оставлен в составе двух дивизий (5-й и 7-й танковых, а 2-я мотопехотная дивизия была упразднена). Иными словами, все армейские корпуса перешли на 2-дивизионную структуру. Между оставшимися дивизиями были перераспределены сохраненные бригады.

Параллельно с расформированием бригад регулярных войск происходило упразднение бригад территориальных сил: практически все они прекратили существование к середине 1990-х годов. Изначальные планы предполагали сокращение числа бригад (регулярных + территориальных войск) с 48 до 26 (без учёта войск на «новых» землях), причем последние должны были дифференцироваться по уровню обеспеченности личным составом, оснащенности вооружениями и военной техникой, боеготовности в целом¹. Одновременно предполагалось увеличить число штабов военных районов с 29 до 46². Чем было обусловлено различие? Последние должны были сохранять возвратный потенциал для развёртывания ряда упраздненных бригад в случае восстановления в том или ином виде конфронтации Запада и Востока.

¹ Die Geschichte des Heeres. 2021. // BMVg. Mode of access: <https://www.bundeswehr.de/de/ueber-die-bundeswehr/geschichte-bundeswehr/geschichte-heer> (date of access: 24.08.2021).

² Ibid.

Часть 1.
Сохранение и расформирование
«старых» регулярных бригад бундесвера

Брига-да	Первоначальное название ²	Дивизия, в состав которой входила	Дата создания бригады	Дата расформирования
1 мпбр	—	1 тд (1 мпд) (НЕ расформирована)	1959	2007
2 тбр	2 мпбр		1959	1993
3 тбр	—		1959	1994
4 мпбр	—	2 мпд (расформирована в 1994 г.)	1959	1993
5 мпбр	—		1959	1996
6 тбр	—		1959	2008
7 мпбр	—	3 тд (расформирована в 1994 г.)	1959	2004
8 тбр	—		1959	1993
9 уч тбр	—		1958	НЕТ
10 мпбр	—	4 мпд (расформирована в 1994 г.)	1959	1993
11 мпбр	—		1959	1993
12 тбр	—		1956	НЕТ
13 мпбр	—	5 тд (расформирована в 2001 г.)	1959	1994
14 тбр	—		1959	2002
15 тбр	—		1959	1993
16 мпбр	—	6 мпд (расформирована в 1997 г.)	1959	1994
17 мпбр	—		1959	1993
18 тбр	—		1959	2008
19 мпбр	—	7 тд (7 мпд) (расформирована в 2007 г.)	1959	2002
20 тбр	20 мпбр		1965	1992
21 тбр	—		1957	НЕТ
22 мпбр	22 гпбр	1 гпд (8 гпд) (расформирована в 2001 г.)	1959	1993
23 гпбр	—		1957	НЕТ
24 тбр	—		1959	1994
25 вдбр	—	1 вдд (9 вдд) (расформирована в 1994 г.)	1959	1996
26 вдбр	—		1958	2015 г. ³
27 вдбр	—		1970	1993
28 мпбр	—	10 тд (10 мпд) (НЕ расформирована)	1975	1993
29 тбр	29 мпбр		1959	1993
30 тбр	—		1959	2008
31 мпбр	—	11 мпд (расформирована в 1994 г.)	1960	1993
32 мпбр	—		1959	1996
33 тбр	—		1959	1993
34 мпбр	—	12 тд (12 мпд) (расформирована в 1994 г.)	1975	1993
35 тбр	35 мпбр		1960	1993
36 тбр	—		1963	2002

¹ Построено автором на основе: *Schlaffer R., Sandig M. Die Bundeswehr 1955–2015. Sicherheitspolitik und Streitkräfte in der Demokratie. Analysen, Bilder und Übersichten.* – Freiburg-im-Breisgau: Rombach, 2015. – S. 150–220 и материалов сайта бундесвера <https://www.bundeswehr.de>.

² Если отличалось. – *Прим. авт.*

³ Бригада была переформирована в 1-ю аэромобильную, т.е. расформирована де-факто не была. – *Прим. авт.*

Часть 2.

Сохранение и реорганизация основных боевых эскадр люфтваффе

Номер воздушной эскадры	Название	Изменение названия	Дата создания	Дата расформирования
31-я	Истребительно-бомбардировочная	Тактическая	1958 г.	<i>HET</i>
32-я		—	1958 г.	2013 г.
33-я		Тактическая	1958 г.	<i>HET</i>
34-я		—	1958 г.	2003 г.
71-я	Истребительная	Тактическая	1959 г.	<i>HET</i>
72-я		—	1961 г.	2002 г.
73-я		Тактическая	1959 г.	<i>HET</i>
74-я		Тактическая	1961 г.	<i>HET</i>

Считалось, что технически воссоздание однойвойской единицы армии осуществить намного менее затратно и притом быстрее, чем авиации или военно-морского флота. Вкупе с огромной абсолютной численностью и удельным весом (порядка 70% от количества личного состава всех вооруженных сил в целом) это превращало хеер в основной объект для сокращений уже в первой половине 1990-х годов. Так, не в пример армии в ВВС в первой половине – середине 1990-х годов были сохранены свыше 70% от числа воздушных эскадр западногерманского бундесвера (см.: табл. 6.2., часть 2, упразднены 35-я и 36-я эскадры). Редукции в основном осуществлялись за счёт уменьшения войск ПВО, а также различных обслуживающих подразделений¹. Аналогичная люфтваффе ситуация наблюдалась и в случае марине.

В 1994 г. на фоне динамичного (несмотря на исключительные трудности, обусловленные самороспуском СССР²) вывода группировки российских (советских) войск из «новых» земель ФРГ бундесвер вышел на отметку в 370 тыс. военнослужащих, однако процесс редукций на этом не прекратился: уже к концу 1994 г. численность войск снизилась до 340 тыс. солдат и офицеров, продолжая сокращаться и далее. Первая причина тому состояла в развитии исключительно благожелательной для Федеративной Республики Германия международной обстановки: «классическая»

¹ Die Geschichte der Luftwaffe. 2021. // BMVg. Mode of access: <https://www.bundeswehr.de/de/ueber-die-bundeswehr/geschichte-bundeswehr/geschichte-luftwaffe> (date of access: 24.08.2021).

² Максимычев И.Ф. Цена политических иллюзий // Обозреватель (Observer). 2008. № 3. – С. 29–38.

«холодная война» стала исключительно достоянием прошлого, что означало сведение к минимуму угрозы территориальной обороны ФРГ в восприятии истеблишмента страны, что наконец нашло отражение на доктринальном уровне¹.

Вторая причина заключалась, с точки зрения автора, в «перегреве» Федеративной Республики Германия от несения избыточной военной нагрузки в период конфронтации Запад – Восток. Так, количество военнослужащих бундесвера, а также гражданских сотрудников, занятых в системе Министерства обороны ФРГ, составляла с середины 1960-х годов порядка 1% и даже более от общей численности населения страны, включая нетрудоспособное население (женщин, стариков и детей)². Спустя неполное пятидесетие с момента образования общегерманского государства удельный вес занятых в «военной машине» ФРГ сократился до 0,4%, причем здесь вновь следует подчеркнуть, что власти страны стремились снизить этот показатель ещё, опускаясь от уровня «потолка», установленного договором об окончательном урегулировании в отношении Германии (1990). Не менее иллюстративен и другой показатель – доли расходов на военные нужды от ВВП (см. табл. 6.3.).

Таблица 6.3.³

**Изменение удельного веса военных расходов от ВВП
для крупнейших стран – участниц НАТО (в %)**

Страна	1980 г.	1983 г.	1985 г.	1990 г.	1994 г.	1999 г.
Великобритания	5,0	5,3	5,4	4,1	3,4	2,5
Италия	2,4	2,7	2,7	2,1	2,1	2,0
Соединённые Штаты Америки	5,5	6,5	6,9	5,6	4,3	3,0
Франция	4,0	4,2	4,1	3,4	3,3	2,8
Федеративная Республика Германия (Германия)	3,3	3,4	3,3	3,0	1,8	1,6

¹ Weissbuch zur Sicherheit der Bundesrepublik Deutschland und zur Lage und Zukunft der Bundeswehr (1994). – Bonn: Bundesministerium der Verteidigung, 1994. – S. 2–42.

² Рассчитано автором на основе: Глазунов Н. Западногерманская военная историография о роли бундесвера в системе НАТО // Военно-исторический журнал. 1973. № 11. – С. 99–105.

³ Построено автором на основе: Financial and economic data relating to NATO defence. Defence Expenditures of NATO countries. 1949–1985. Press Release M-DPC-2 (85) 25. – Brussels: NATO Press Service, 1985. – P. 4.; Financial and economic data relating to NATO defence. Defence Expenditures of NATO countries. 1970–1994. Press Release M-DPC-2 (94) 125. – Brussels: NATO Press Service, 1994. – P. 4.

Среди крупнейших европейских стран – участниц НАТО и США объединенная Германия уверенно обгоняла остальных по сокращению процента от ВВП, затрачиваемого на «военную машину», в том числе в удельном отношении: уже в 1994 г. ФРГ уверенно «преодолела» вниз планку в 2%, притом что всеми остальными она продолжала наблюдаться, что отражено в таблице 6.3.

Тем самым срабатывал «эффект компенсации»: уже объединившаяся Германия, сокращая ускоренными темпами потенциал бундесвера и его финансирование, стремилась скорее преодолеть усталость общества и от части экономики от ремилитаризации. Стремление «сбросить перегрев» проявилось в дальнейшем сокращении вооружённых во второй половине 1990-х годов, при этом в авангарде данного процесса продолжали оставаться сухопутные войска: только число «старых» бригад хеера в 1996 г. сократилось ещё на 3, включая 1 воздушно-десантную, что отражено в таблице 6.2., часть 1 (эти редукции выделены *курсивом*). Сокращения затрагивали и войсковые единицы в Восточной Германии: в обоих дивизиях к концу 1990-х годов осталось лишь по 1 бригаде, как к этому времени и в западногерманских дивизиях.

Однако не следует представлять бундесвер в 1990-е годы лишь как сокращавшуюся «военную машину» – она была также и реорганизовавшейся. При этом этот процесс осуществлялся не только в «новых» землях ФРГ, но и в «старых», хотя и имел совершенно иную природу. Если на восточных территориях происходило интегрирование на уровне дивизии и ниже военнослужащих «старого» бундесвера и ННА ГДР, то на западных – первых с солдатами и офицерами контингентов государств – партнёров по НАТО, дислоцированных в Германии. «Пробным шаром» стало учреждение в 1989 г. франко-германской бригады¹, которая комплектовалась по принципу 50:50. При этом смешанный состав имел только её штаб; части и отдельные подразделения бригадного подчинения продолжали оставаться монанациональными, т.е. представляли войсковые единицы либо бундесвера, либо ВС Пятой республики, но переданные под управление двустороннего

¹ Deutsch-Französische Brigade. 2021 // BMVg. Mode of access: <https://www.bundeswehr.de/de/organisation/heer/organisation/10-panzerdivision/deutsch-franzoesische-brigade> (date of access: 24.08.2021).

штаба¹. В ноябре 1993 г. Францией, Бельгией и Германией был учреждён штаб корпуса «Северо-Восток»².

Несколько ранее, в феврале 1993 г. в Вашингтоне было подписано соглашение о создании германо-американского, т.е. с ролью ФРГ как основной комплектующей стороны, корпуса в составе дивизии из состава II армейского корпуса бундесвера и дивизии войск США. Штаб корпуса развертывался в г. Ульм (федеральная земля Баден-Вюртемберг)³. Другой корпус – американо-германский, в котором роль основной комплектующей нации взяли на себя США, – был создан в составе 2 дивизий (по одной от каждой из стран-участниц) со штабом в г. Гейдельберг (также федеральная земля Баден-Вюртемберг)⁴. С германской стороны данные управления развёртывались на базе штабов II армейского корпуса бундесвера⁵, на протяжении всей холодной войны тесно взаимодействовавшего с группировкой войск США на юге ФРГ.

Реорганизации подверглось и управление I армейского корпуса: на его базе в конце августа 1995 г. был сформирован штаб 1-го германо-нидерландского корпуса, в подчинении которого оказалось свыше 2 дивизий⁶. Таким образом, в первой половине 1990-х годов ФРГ в развитии своих вооружённых сил постаралась выйти на новый уровень практического сотрудничества с государствами-партнерами – уже *продвинутого мультилатерализма*.

Чем это было обусловлено? Во-первых, наличием длительного (в полной мере с конца 1950-х годов) практического сотрудничества по линии вооруженных сил с группой стран – участниц НАТО (США, Великобритания, Франция, Нидерланды, Бельгия, Люксембург, Канада, отчасти Дания) в вопросе выстраивания линии «сдерживания» ОВД в Центральной Европе – организации системы территориальной обороны и безопасности Федеративной

¹ Deutsch-Französische Brigade. 2021 // BMVg. Mode of access: <https://www.bundeswehr.de/de/organisation/heer/organisation/10-panzerdivision/deutsch-franzoesische-brigade> (date of access: 24.08.2021).

² Armee der Einheit 1990–2000. – Bonn: Bundesministerium der Verteidigung, 2000. – S. 35.

³ Ibid., S. 37.

⁴ Ibidem.

⁵ Die Geschichte des Heeres. 2021. // BMVg. Mode of access: <https://www.bundeswehr.de/de/ueber-die-bundeswehr/geschichte-bundeswehr/geschichte-heer> (date of access: 24.08.2021).

⁶ Armee der Einheit 1990–2000. – Bonn: Bundesministerium der Verteidigung, 2000. – S. 36–37.

Республики Германия. Отработка схем многостороннего сотрудничества «военных машин» (в ходе различных учений, повседневной службы, с использованием миссий связи) на протяжении нескольких десятилетий создавала возможность углубить данную кооперацию, в том числе институционально (структурно). Во-вторых, расширение границ ФРГ за счет ГДР (1990), вывод советских войск с территории последней и параллельное масштабное сокращение бундесвера как проявление окончания конфронтации «холодной войны» актуализировали вопрос о сокращении иностранного (союзнического) военного присутствия на «старых» землях ФРГ. Суммарно его объём составлял 0,5 млн солдат и офицеров, т.е. примерно ту же цифру, что и численность самой западногерманской «военной машины»¹. Все страны заявили о готовности сократить свои контингенты: так, США первоначально предполагали вывести к 1997 г. более $\frac{3}{4}$ своих сил, оставив в Германии лишь 60 тыс. из 246 тыс. военнослужащих². Все остальные государства также заявили³ и осуществили либо полный демонтаж своего воинского присутствия (Канада), либо его сокращение до номинальных или близких к ним значений (Бельгия, Люксембург, Нидерланды, Франция)⁴, либо его существенное уменьшение (Великобритания)⁵. К числу причин такого подхода относились не только осознание избыточности военного присутствия в новых мирополитических реалиях, но и определённая делегитимизация иностранных военных сил на территории ФРГ. Данный факт в полной мере осознавался руководством последней, которое пошло навстречу пожеланиям партнёров: переход от одно- к многонациональным соединениям (на уровне корпуса, в случае Франции также отдельной бригады) дополнительно легитимизировал союзническое военное присутствие на территории уже объединившейся ФРГ, в том числе в понимании внешних игроков.

Однако долговечность этого продвинутого мультилатерализма в военной области оказалась в случае конкретных государств

¹ Fleckenstein B. Fremde Truppen im Vereinigten Deutschland – Gegenwärtige Situation und künftige Aussichten // SOWI-Arbeitspapier. 1990. Nr. 44. – S. 2.

² Ibidem.

³ Ibidem.

⁴ Antwort der Bundesregierung auf der Kleine Anfrage der Abgeordneten P. Schäfer (Köln), I. Höger, J. van Aken, weiterer Abgeordneter und der Fraktion DIE LINKE (2011). – Drucksache 15/5279 –. – Deutscher Bundestag, 17. Wahlperiode. Drucksache 17/5586, 14.04. – S. 14–15.

⁵ Ibidem.

различной. Управления трёх (франко-бельгийско-германского, германо-американского, американо-германского) из четырёх многонациональных корпусов оказались расформированы уже в середине – второй половине 1990-х годов. Безусловно, поводом тому может быть признано дальнейшее сокращение военного присутствия данных государств на территории ФРГ; в случае Франции – сохранение франко-германской бригады; однако США не имели теперь ни совместных корпусных штабов, ни соединений общего комплектования, в то же время не стремясь полностью выводить свои войска¹. В чем же причины недолговечности данных штабов и почему продолжило успешно функционировать как дееспособная единица управление германо-нидерландского корпуса? С собственно военной точки зрения это объяснялось качественными различиями принципов комплектования первых трех и последнего из четырех корпусов. В случае франко-бельгийско-германского, германо-американского, американо-германского корпусных штабов сохранялось наличие 2 (3) параллельно действующих однонациональных управлений войск, которые не объединялись в единое целое, а продолжали координироваться посредством использования миссий связи². Германо-нидерландский корпус имел один штаб, в состав которого вошли офицеры от обеих государств-членов, т.е. он имел смешанный состав³. Будучи применена в штабной структуре, в дальнейшем (уже в 2010-е годы) эта практика получила распространение на уровне войсковых частей.

Безусловно, можно привести различные обоснования отмеченной разницы быстрого распуска и успешного функционирования управлений многонациональных корпусов. В частности, одной из них может быть названа географическая «нарезка» стран – участниц НАТО при комплектовании группировок Альянса на ротационной основе. Однако ключевым фактором всё же следует признать иное: различную степень готовности конкретного государства к созданию общих военных механизмов при условии принятия ФРГ политической роли «старшего» или как минимум равноправного партнёра, т.е. выхода из положения ведомого парт-

¹ Rede von Kanzler Gerhard Schröder auf der XLI. Münchener Konferenz für Sicherheitspolitik. 12.02.2005. // AGFF. Mode of access: <https://www.agfriedensforschung.de/themen/Sicherheitskonferenz/2005-schroeder.html> (date of access: 24.08.2021).

² Armee der Einheit 1990–2000. – Bonn: Bundesministerium der Verteidigung, 2000. – S. 35–37.

³ Ibidem.

нёрами по НАТО, как это было в период «холодной войны». Ни одна из «старых» западных держав (США, Великобритания, Франция) не была согласна с занятием данного положения в существенном объеме; в силу ряда причин – первоочередной ориентированности на англосаксонские державы (Канада) и Францию (Бельгия) – не были готовы к принятию подобной схемы и другие страны; лишь Нидерланды поддержали установление продвинутого сотрудничества с учётом менявшихся роли и места ФРГ в составе Евро-Атлантического сообщества и мире в целом.

Проявлением данной тенденции стало стремление руководства объединившейся Германии выйти в использовании бундесвера за пределы зоны ответственности НАТО, особенно в смысле применения войсковых подразделений и частей, а не только вспомогательных сил. Так, сразу после ратификации СССР договорённостей о демонтаже своего военного присутствия на территории бывшей ГДР руководство ФРГ приняло решение о направлении группы кораблей в акваторию Персидского залива и гражданских экспертов в Ирак (в обоих случаях на основе просьбы генерального секретаря ООН, мандата организации)¹ для реализации мер в поддержании мира по завершении силовой операции группы стран Запада и их партнёров «Буря в пустыне»². Наиболее масштабным в первой половине 1990-х годов стало применение бундесвера в Сомали: сначала перед ним была поставлена задача создать «воздушный мост» для эвакуации больных и раненых мирных жителей в Кению и оказания гуманитарной помощи (1992–1993), а затем здесь была развернута значительная (почти 2,4 тыс. военнослужащих) межвидовая группировка, основу (75%) которой составляли наземные части. Она, по сути, выполняла задачи по обеспечению и поддержанию мира в составе миссии ООН UNOSOM II³. Однако эти усилия завершились провалом – досрочной эвакуацией контингента германских войск без достижения поставленных задач (в условиях начала гражданской войны в Сомали)⁴.

¹ Zeittafel vom 12.9.1990 bis 20.12. 1990. // Deutsche Aussenpolitik nach der Einheit 1990–1993. Eine Dokumentation herausgeben vom Auswärtigen Amt. – Bonn: Auswärtiges Amt, 1993. – S. 13–14.

² Ibidem.

³ The Bundeswehr on Operations: Publication to Mark the 15 th Anniversary of the First Parliamentary Mandate for Armed Bundeswehr Missions Abroad. – Berlin: Federal Ministry of Defense, 2009. – P. 53.

⁴ Ibidem.

Показательно, что все данные применения бундесвера осуществлялись в отсутствие юридически оформленной в законодательстве страны процедуры использования бундесвера вне зоны ответственности НАТО, и даже географически *уже* – за пределами государственных границ Германии. Активные дискуссии по пересмотру данного положения, инициированные христианскими демократами, стартовали с января 1993 г. В ответ на правительственные обращение 12 июля 1994 г. Федеральный конституционный суд Германии принял решение, которое гласило: «Суд постановляет, что, являясь полноправным членом таких структур безопасности, как ООН и НАТО, ФРГ имеет право использовать вооружённые силы в операциях, осуществляемых в рамках деятельности данных механизмов»¹. При этом в решении судебного органа подчёркивалось, что «все операции данного характера в обязательном порядке требуют предварительного согласия со стороны Бундестага»². 22 июля 1994 г. Бундестаг ФРГ одобрил законопроект подавляющим большинством голосов (421 депутат выступил в поддержку законопроекта при 21 «против» и 16 воздержавшихся)³. Таким образом, 12–22 июля 1994 г. в результате консенсуса всех ветвей власти (исполнительной, судебной, законодательной) был положительно решён вопрос о возможности использования бундесвера за пределами государственных границ, но под строгим и постоянным контролем Бундестага.

Будучи урегулирован юридически, данный вопрос влек за собой постановку и решение практической задачи – определения (в случае отсутствия – создания) тех составляющих «военной машины» ФРГ, которые предназначались для использования вне зоны ответственности НАТО. Впервые попытку сделать это предприняла в 1991 г. специальная комиссия под руководством тогдашнего главы военного ведомства Г. Штолтенберга⁴. Её наработки были использованы преемником Г. Штолтенберга Ф. Руз в «Основополагающих принципах политики в области безопасности»

¹ The Bundeswehr on Operations: Publication to Mark the 15 th Anniversary of the First Parliamentary Mandate for Armed Bundeswehr Missions Abroad. – Berlin: Federal Ministry of Defense, 2009. – P. 38–39.

² Ibid.

³ Plenarprotokoll 12/240. Deutscher Bundestag, 12 Wahlperiode. Stenographischer Bericht 240. Sitzung Bonn, Freitag, 22. Juli 1994. – S. 21165 A-21215 A.

⁴ The Bundeswehr on Operations: Publication to Mark the 15 th Anniversary of the First Parliamentary Mandate for Armed Bundeswehr Missions Abroad. – Berlin: Federal Ministry of Defense, 2009. – P. 29.

от ноября 1992 г. Документ данного типа, будучи издан впервые, расширял положения «Белой книги», в том числе в вопросах развития бундесвера. Была обозначена необходимость дополнения «главных сил бундесвера», предназначенных для решения задач по обеспечению обороны ФРГ и её партнеров по НАТО, «силами кризисного реагирования» (СКР), должны использоваться вне зоны ответственности Альянса для борьбы с достаточно широким спектром вызовов и угроз¹. Тем самым впервые была прописана дихотомия сил общего назначения (СОН) и СКР. Будучи концептуально необходимой, сама данная формула не получила необходимой конкретизации. В чём причины этого? Как уже отмечалось, для ответа на вопрос «какими по составу должны быть вооружённые силы будущего», нужно было понять «какой будет военная машина на момент движения к новому облику», т.е. чётко представлять состояние бундесвера на момент выхода к показателям 1995 г. (выполнения условий договора от 12 сентября 1990 г.).

Ещё более важно другое – у бундесвера отсутствовал богатый опыт сколько-нибудь масштабного использования своих сил вне зоны ответственности НАТО. При этом ситуация в бывшем «третьем мире», где (помимо Югославии) прежде всего могло быть осуществлено применение германских военных, существенно усложнялась, характеризуясь резким ростом числа, продолжительности и повышением сложности урегулирования локальных вооружённых конфликтов по сравнению с эпохой bipolarности. Собственно, неготовность бундесвера использовать в зонах очагов организованного насилия, рискующих превратиться в затяжные гражданские войны, т.е. во многом конфликты «всех против всех», показал опыт применения германских войск в Сомали в 1992–1994 гг. Без чёткого осознания новой природы сферы международной безопасности нельзя было сформулировать чётких требований к оснащению и целеполаганию использования СКР. Как накапливался данный опыт? Во-первых, ФРГ продолжала использовать вспомогательные рода войск (военно-транспортную авиацию и медицинскую службу, обычно теснейшим образом координируя их усилия) в конфликтогенных государствах Африки (в частности, в Руанде в 1994 г.) и на Ближнем Востоке². Во-вторых, бундесвер активно применялся на вновь возникшем

¹ The Bundeswehr on Operations: Publication to Mark the 15 th Anniversary of the First Parliamentary Mandate for Armed Bundeswehr Missions Abroad. – Berlin: Federal Ministry of Defense, 2009. – P. 29.

² Ibid., p. 38–39.

постюгославском пространстве, притом в силовых операциях (военно-воздушных под эгидой НАТО в Боснии в 1995 г.¹ и Югославии в связи с ситуацией в Косове в 1999 г.²), равно как и небоевых формах – миссиях Североатлантического альянса по обеспечению и поддержанию мира в тех же Боснии и Герцеговине, Косове, также Македонии. Причём при несиловом использовании речь шла единовременно о нескольких тысячах германских военных, используемых прежде всего на земле³.

Существенными, как ни странно на первый взгляд, оказались внутренние трудности. В 1990-е годы первоочередное внимание руководство Федеративной Республики Германия уделяло вопросу осуществления интеграции «новых» земель, подкрепляя это огромными финансовыми ассигнованиями. Вкупе с отмеченным выше фактором «перегрева» от несения повышенной военной (в том числе военно-экономической) нагрузки в годы предшествующей «холодной войны» это привело к определённому снижению внимания правительственные кругов к развитию вооружённых сил, прежде всего в смысле их финансирования.

С точки зрения автора, определённую роль здесь сыграли и особенности утверждения ФРГ в положении региональной державы. Важнейшими вехами на пути к осуществлению данной цели, де-факто возникшей ещё в первые годы существования Боннской республики, стали само распространение юрисдикции ФРГ на ГДР (1990), а также демонстрация способности к боевому применению своих войск в согласии с партнёрами по НАТО, что и было осуществлено прежде всего в отношении Югославии (1999). Причём в данном случае оказалось достаточным использовать СОН бундесвера. Глубоко символично, что его силовое использование произошло на фоне фактического (формально решение было принято

¹ Toth R. Zwischen Konflikt und Kooperation: Fünfzehn Jahre Friedenskonsolidierung in Bosnien-Herzegowina. – Wiesbaden: Verlag für Sozialwissenschaften, 2011. – S. 107–112.

² Meiers Fr.-J. Zu neuen Ufern? Die Deutsche Sicherheits- und Verteidigungspolitik in einer Welt des Wandels 1990–2000. – Paderborn: Verlag Ferdinand Schöning GmbH, 2006. – S. 294.

³ Antrag der Bundesregierung. Deutsche Beteiligung an einer internationalen Sicherheitspräsenz im Kosovo zur Gewährleistung eines sicheren Umfeldes für die Flüchtlingsrückkehr und zur militärischen Absicherung der Friedensregelung für das Kosovo auf der Grundlage der Resolution 1244 (1999) des Sicherheitsrats der Vereinten Nationen vom 10. Juni 1999. – Deutscher Bundestag, 14. Wahlperiode. Drucksache 14/1133, 11.06.1999. – S. 3.

в 1991 г.) переноса столицы из Бонна в Берлин. Если первый город олицетворял ограниченность внешней политики «рейнской республики», то второй традиционно ассоциировался с имперской мощью. Окончательное утверждение в числе «западных держав» было достигнуто благодаря усилиям, в том числе военным, в Европе, а не за её пределами, т.е. не на значительном удалении от зоны ответственности Североатлантического альянса. Соответственно, до обретения роли полновесного регионального игрока задача применения бундесвера в Азии и Африке рассматривалась, по сути, всё же как второстепенная. Акции, осуществлённые в данном направлении в первой половине 1990-х годов, были нацелены прежде всего на достижение имиджевого эффекта: показать возросшую дееспособность объединившейся ФРГ как военного игрока в принципе. Показателен минимализм в изменении организационно-штатной структуры бундесвера в этот период: так, в 1996 г. из числа «старых» наземных бригад было расформировано ещё 3 (их количество сократилось с 36 до 13; см.: табл. 6.2., часть 1, выделено курсивом), а также одно дивизионное управление (6-й мотопехотной дивизии), однако новых редукций до начала 2000-х годов не предпринималось.

Качественно иная ситуация сложилась после принятия Германией роли региональной державы: это стало отправной точкой движения по пути утверждения в роли полновесного глобального игрока. Достижение данной цели было в принципе невозможно без создания военного присутствия на мировой арене в целом, что требовало создания и активного использования СКР. Понимание этого в полной мере имелось у канцлера Г. Шрёдера (СДПГ), чьё избрание на пост главы федерального правительства (1998) означало не только завершение «эры» Г. Коля, но и неопределенной ситуации с контурами преобразований «военной машины».

6.3. Основной этап реформы бундесвера: амбициозные цели и сложности их достижения

Показателем заинтересованности в скорейшей трансформации вооружённых сил в двусоставные стала работа специальной комиссии при Министерстве обороны, составленной из военных (действующих и отставных) и гражданских экспертов, руководимых

экс-федеральным президентом Р. фон Вайцзеккером¹. Итогом работы стало опубликование обширного доклада от 23 мая 2000 г. Собственно, этой комиссией была наконец предпринята попытка детально сформулировать цели военной реформы – по сути, опубликованный доклад стал её «дорожной картой» в реалиях начала 2000-х годов², что ознаменовало наконец старт основной фазы преобразований. Предполагалось, что намеченные меры могут быть успешно осуществлены в течение десятилетия³. Комиссия Р. фон Вайцзеккера предложила сфокусироваться на создании ударных сил (оперативного / экстренного реагирования), которые могли бы выполнять задачи как СКР (прежде всего), так и СОН, причем в последнем случае – за пределами ФРГ, т.е. в зоне ответственности НАТО в целом⁴. Исходя из важности обеспечения военного присутствия в Европе и мире в целом, германская сторона должна была обрести возможность одновременно развернуть следующие ударные силы:

- две бригады наземных войск с необходимыми подразделениями поддержки и органами управления по 8 тыс. военнослужащих каждая, т.е. суммарно 16 тыс. солдат и офицеров;
- две военно-воздушные оперативные группы («ядро» эскадры), имевшие суммарно от 90 до 100 боевых самолётов, 10 подразделений ПВО с соответствующими силами военно-транспортной авиации и самолётов-заправщиков;
- две оперативные военно-морские группы в составе надводных кораблей, подводных лодок (без конкретизации числа вымпелов в обоих случаях) с самолётами морской авиации.

В дополнение к этим силам ФРГ должна была обрести возможность выделить две группы персонала медицинской службы бундессвера⁵.

Отмечалось, что из 338 тыс. военнослужащих (2000) лишь 60 тыс. могли быть отнесены к ударным, быстро развертываемым на направлениях вне границ ФРГ, силам. Уже к 2007 г. численность последних должна была возрасти до 140 тыс., при том что общее количество солдат и офицеров в вооруженных силах в це-

¹ Gemeinsame Sicherheit und Zukunft der Bundeswehr. Bericht der Kommission an die Bundesregierung 23. Mai 2000. – Berlin, 2000. – S. 5.

² Lemke H.-D. Bundeswehrreform. Schwachpunkt Krisenfähigkeit // SWP-Aktuell. 2000. November. № 66. – S. 1–3.

³ Gemeinsame Sicherheit und Zukunft der Bundeswehr. Bericht der Kommission an die Bundesregierung 23. Mai 2000. – Berlin, 2000. – S. 14.

⁴ Ibidem.

⁵ Ibidem.

лом должно было снизиться до 240 тыс.¹ Оставшиеся 100 тыс. образовывали силы поддержки, которые должны были базироваться и использоваться только на территории ФРГ².

Показательно, что при развёртывании заграничных миссий, особенно на значительном удалении от зоны ответственности Альянса, основная роль отводилась люфтваффе и марине, в то время как сухопутные войска в абсолютном, равно как и ³удельном отношении должны были играть вспомогательную роль.

Тем самым для ФРГ создавалась возможность *параллельно* принимать *среднемасштабное* участие в противодействии угрозам безопасности вне национальных границ сразу на двух стратегических направлениях. Показательно, что численность одномоментно задействуемых ударных сил (оперативного / экстренного реагирования) определялась для сухопутных войск примерно в 16 тыс.⁴ ВВС – порядка 9 тыс., ВМС – около 3 тыс., т.е. суммарно 28 тыс.⁴ Соответственно, на каждом направлении должны были использоваться 14 тыс., т.е. *межвидовой эквивалент неполной дивизии*. Откуда же взялась цифра в 140 тыс.? Предполагалось, что каждая часть ударных сил 6 месяцев выполняет свои задачи вне границ ФРГ, а последующие 2 года (24 месяца) возвращается в места постоянной дислокации, пребывая на родине⁵. То есть комиссией Р. фон Вайцзеккера предусматривалась де-факто возможность не просто ротации с запасом возможностей, но и существенные резервы для развёртывания аналогичных сил (межвидовой эквивалент дивизии) на третьем, а в случае острой необходимости даже на четвёртом направлении.

Исходя из предложенных практических рекомендаций, комиссия Р. фон Вайцзеккера учла одновременно опыт применения бундесвера и на Балканах (вне и в то же время вблизи зоны ответственности Альянса, закладывая возможность похожего географического варианта и в дальнейшем), и на значительном удалении от европейского континента. В последнем случае в 1990-е годы именно ВВС (конкретно военно-транспортная авиация) и в меньшей степени ВМС играли ведущую роль, в то время как единст-

¹ Gemeinsame Sicherheit und Zukunft der Bundeswehr. Bericht der Kommission an die Bundesregierung 23. Mai 2000. – Berlin, 2000. – S. 55.

² Ibid., S. 14.

³ Ibidem.

⁴ Ibid., S. 54.

⁵ Ibidem.

венное применение наземных войск (в Сомали) оказалось неудачным. Однако именно здесь проявилась нехватка у ФРГ опыта: как показала практика первой половины 2000-х годов, особенно участие Германии в деятельности МССБ (ISAF) в Афганистане, основная нагрузка при проведении операций по миротворчеству и поддержанию мира – осевых и наиболее трудоёмких при урегулировании вооружённых конфликтов в целом – ложилась именно на армию, а не на военно-воздушные и военно-морские силы.

Уменьшение численности вооружённых сил до уровня в 240 тыс. военнослужащих предполагалось осуществить посредством сокращения срока службы по призыву (до 10 месяцев). При этом бундесвер должен был сохранить возможность в случае необходимости нарастить свою численность до 300 тыс. военнослужащих, что должно было быть обеспечено наличием корпуса резервистов в 100 тыс. человек. В увязке с этим обращалось внимание на необходимость увеличения профессиональных (кадровых) военных и военнослужащих сверхсрочной службы в абсолютном и удельном отношениях¹. Были также детально разработаны количественные параметры модели вооружённых сил в случае сокращения срока службы по призыву до 6 и 4 месяцев².

На протяжении всего доклада комиссии Р. фон Вайцзеккера последовательно подчёркивался тезис о приверженности ФРГ принципу многосторонности. Увеличение ударных сил бундесвера (войск оперативного / экстренного реагирования) было прежде всего нацелено на рост объёмов нагрузки Германии в вопросе комплектования различных группировок ЕС и НАТО внутри Евро-Атлантического сообщества и миссий этих структур вне его³. Развёртывание данных сил – применительно к началу 2000-х годов прежде всего многонациональных контингентов в конфликтогенных районах Балкан, Азии и Африки – являлось формой *продвинутого мультилатерализма* в смысле кооперации вооружённых сил с участием бундесвера.

Сильной стороной рассмотренной «дорожной карты» в виде доклада от 23 мая 2000 г. следует признать стремление найти баланс между применением бундесвера *внутри* зоны ответственности НАТО (но за границами ФРГ) и *вне* последней. Притом вопро-

¹ Gemeinsame Sicherheit und Zukunft der Bundeswehr. Bericht der Kommission an die Bundesregierung 23. Mai 2000. – Berlin, 2000. – S. 15–16.

² Ibid., S. 86.

³ Ibid., S. 16–17.

сам обеспечения территориальной обороны ФРГ уделялось второстепенное внимание. Примечательно, однако, что была закреплена возможность обратного (восстановительного) роста численности бундесвера, а также то внимание, которое уделялось созданию многочисленного корпуса резервистов. Вновь обращение к двум данным проблемам произойдет лишь в конце 2010-х годов, т.е. почти два десятилетия спустя.

В целом в докладе комиссии Р. фон Вайцзеккера бундесвер впервые рассматривался в качестве многопрофильной «военной машины», способной укреплять позиции Германии как региональной державы и обеспечивать движение к положению полновесного глобального игрока. Очевидно, что силы поддержки (планируемые в количестве 100 тыс. военнослужащих) относились к СОН. Ударные войска (оперативного / экстренного реагирования) объединяли в себе наиболее боеспособные части и соединения СОН, но также и СКР без их жёсткого разделения. Отсутствие этого «разведения» несло не только плюсы (восприятие бундесвера будущего как универсальной многопрофильной «военной машины»), но и минусы, поскольку особенности применения войск вне зоны ответственности НАТО и внутри неё существенно отличались, требуя фиксирования разницы в боевой подготовке, оснащении и внутренней организации войск.

В целом же данный доклад стал едва ли не самой перспективной разработкой в области военного планирования ФРГ XXI века, оказав сильное практическое влияние на развитие данной сферы на длительную перспективу.

Бундесвер стал в начале 2000-х годов двигаться по пути, очерченному в докладе от 23 мая 2002 г. Так, в сухопутных войсках были проведены новые сокращения: в 2002 г. были расформированы дополнительно 3 бригады из числа «старых» (созданных в годы предшествующей «холодной войны»), в 2004 г. – еще 1, что следует из таблицы 6.2., часть 1. В результате к середине 2010-х годов в составе бундесвера осталось 10 «старых» и 2 «новые» бригады (не считая компоненты франко-германской бригады, эквивалентной 0,5 единицы). Это, соответственно: 1-я, 6-я, 9-я учебная, 12-я, 18-я, 21-я, 30-я танковые, 23-я горнопехотная, 26-я воздушно-десантная, а также 37-я и 41-я мотопехотные (последние две дислоцировались в восточных землях ФРГ) бригады¹.

¹ Рассчитано автором на основе: *Schlaffer R., Sandig M. Die Bundeswehr 1955–2015. Sicherheitspolitik und Streitkräfte in der Demokratie. Analysen, Bilder und*

На дивизионном управлении были расформированы еще 2 дивизии (1-я горнопехотная и 5-я танковая), а оставлены 1-я, 7-я, 10-я танковые – по одному дивизионному управлению на зону ответственности «старых» армейских корпусов (см.: табл. 6.2., часть 1).

Согласно «дорожной карте» (2000) бундесвер должен иметь 10 полностью боеспособных бригад, не считая сил поддержки. Их основу составляли 8 «тяжёлых» (танковых) соединений. Они были приспособлены полностью (на уровне всей бригады) и тем более мелкими частями для участия в развертывании многонациональных группировок как внутри Евро-Атлантического сообщества, так и вблизи него; отдельные подразделения (прежде всего, разведывательные и мотопехотные) могли использоваться и на значительном удалении от зоны ответственности НАТО, что, в частности, показал афганский опыт. Две другие (из 10 планируемых комиссией Р. фон Вайцзеккера) составляли: 23-я горнопехотная и 26-я воздушно-десантная. 23-я гпбр дислоцировала свои основные силы на постоянной основе в самой Германии, однако её подразделения могли оказаться исключительно востребованными в условиях гор, гористой и в целом сильно пересеченной местности (в частности, на Балканах и афганском направлении). 26-я вдбр единственная из всех перечисленных, была «лёгкой», т.е. способной к быстрым перемещениям и развертываниям на огромные расстояния; в отличие от всех других соединений она могла быть переброшена практически в любую точку мира, т.е. прежде всего использоваться на значительном удалении от зоны ответственности НАТО, безусловно представляя собой соединение СКР. Наконец, остальные силы (37 мпбр и 41 мпбр) относились скорее к войсковой составляющей сил поддержки.

В составе люфтваффе из 8 боевых воздушных эскадр были расформированы 2 (34-я и 72-я, см.: табл. 6.2., часть 2). Чем были обусловлены столь значительные в удельном плане сокращения? Наряду с проблемой недофинансирования бюджета (особенно остро стоявшей перед BBC, исходя из цены не только одной вновь приобретаемой боевой машины, но и даже каждого полета) значимую роль сыграла и неготовность официального Берлина идти на собственно боевое (силовое) применение авиации, как это имело место на постюгославском пространстве в 1995 и 1999 гг. Два этих кейса объединяли территориальную принадлежность к евро-

Übersichten. – Freiburg-im-Breisgau: Rombach, 2015. – S. 150–220 и материалов сайта бундесвера <https://www.bundeswehr.de>.

пейскому континенту и желание ФРГ во второй половине 1990-х годов окончательно утвердиться в положении региональной державы. В реалиях начала XXI в. Германия стремилась, особенно в случае различных государств Азии и Африки, демонстрировать приверженность формуле «стратегической сдержанности», т.е. предельно взвешенному подходу к использованию своих вооружённых сил в целом и боевой авиации в частности. Данная линия, с одной стороны, была обусловлена исторической ответственностью страны за развязывание и распространение по земному шару Второй мировой войны (признание вины было де-факто нарушено в 1995 и особенно 1999 г., но эти случаи всё же рассматривались руководством ФРГ скорее как точечные сугубо вынужденные исключения¹). Важную роль здесь играла позиция общественности: так, она даже после актов мегатеррора в США (2001) воспротивилась фокусированию на использовании бундесвера в силовой операции «Enduring Freedom», тем повлияв на решение кабинета Г. Шрёдера / Й. Фишера сосредоточить основное внимание на участии в небоевой деятельности ISAF в Афганистане по миротворчеству и поддержанию мира². С другой стороны, и само руководство ФРГ, имея более слабые стартовые общеполитические и особенно военные позиции, чем у других западных держав, на мировой арене в целом, стремилось найти свой особый путь утверждения в положении внешнего гаранта региональных подсистем безопасности в Азии и Африке. Это движение и было основано на создании имиджа Германии как предельно взвешенного в своем подходе к использованию военной мощи государства, сосредоточенного прежде всего на многочисленных небоевых формах сотрудничества по линии вооружённых сил с другими странами, что не должно было вызывать острого критического восприятия применения бундесвера уже со стороны общественности данных государств.

Столь последовательная приверженность концепции «стратегической сдержанности» в Азии и Африке, став особенно отчётливой с начала 2000-х годов, привела к снижению ценности ВВС в практической деятельности бундесвера как многопрофильных

¹ Rede von Bundesminister des Auswärtigen Dr. Klaus Kinkel // Plenarprotokoll 13/248. Deutscher Bundestag, 13. Wahlperiode. Stenographischer Bericht 248. Sitzung. Bonn, Freitag, den 16. Oktober 1998. – S. 23127 D.

² Михайлин К.Н. ФРГ и НАТО в Афганистане (2001–2008) // Известия Российской государственной педагогической университета им. А.И. Герцена. 2009. № 1. – С. 22–24.

вооружённых сил. Вопреки выводам комиссии Р. фон Вайцзеккера, ведущую роль при использовании германских войск вне зоны ответственности НАТО (особенно на значительном удалении от нее) стали играть не ВМС и ВВС, а армия и ВМС. В случае последних наблюдалось повышение практической значимости двух фрегатных эскадр (2-й и 4-й), сформированных ещё в 1980-е годы и ставших активно использоваться в различных акваториях Мирового океана (Средиземное море, Красное море, Аденский залив, северо-западная часть Индийского океана)¹. На данном фоне в случае моряне наблюдалась растущая практическая потребность в создании соединения (в составе нескольких профильных эскадр) СКР. Ещё более острой эта проблема становилась для армии.

Уже будучи частично реализованы, предложения, выдвинутые комиссией Р. фон Вайцзеккера, получили дальнейшее развитие в «Основополагающих принципах политики в области обороны» (2003)² и особенно «Основах концепции бундесвера» (2004), в подготовке которых исключительную роль сыграл министр обороны П. Штрук (СДПГ). «Основы концепции бундесвера» представляли собой документ планирования политики в области безопасности и обороны третьего уровня, в котором наиболее подробно непосредственно освещались вопросы развития «военной машины» ФРГ. Поменялись местами задачи по урегулированию конфликтов и кризисных ситуаций вне зоны ответственности НАТО (она была поставлена на первое место) и оказания помощи партнёрам по Альянсу и ЕС в пределах Евро-Атлантического сообщества (второе). Третье место стабильно занимал вопрос обеспечения территориальной обороны и безопасности самой ФРГ³. Тем самым давался «зеленый свет» ускоренному созданию СКР в составе бундесвера как второй его составляющей. Соответственно предлагалась следующая структура вооруженных сил:

– войска, предназначенные для использования в зонах вооружённых конфликтов *высокой* интенсивности, т.е. предназначенные для ведения силовых (боевых) операций, в том числе вне зоны ответственности НАТО, – 35 тыс. военнослужащих;

¹ The Bundeswehr on Operations: Publication to Mark the 15 th Anniversary of the First Parliamentary Mandate for Armed Bundeswehr Missions Abroad. – Berlin: Federal Ministry of Defense, 2009. – P. 76–77.

² Verteidigungspolitische Richtlinien für den Geschäftsbereich des Bundesministers der Verteidigung, 2003. – Berlin: Bundesministerium der Verteidigung, 2003. – 31 S.

³ Grundzüge der Konzeption der Bundeswehr, 2004. – Berlin: Bundesministerium der Verteidigung, 2004. – S. 8–15.

– войска, предназначенные для использования в зонах вооруженных конфликтов *средней и низкой интенсивности*, т.е. осуществления операций по миротворчеству и поддержанию мира, особенно за пределами Евро-Атлантического сообщества, – 70 тыс. солдат и офицеров;

– силы поддержки (с постоянным базированием исключительно на территории ФРГ) численностью 147 тыс. военнослужащих¹.

В «Основах концепции бундесвера» была заложена идея оснащения войск, прежде всего привлекаемых к использованию на значительном удалении от ФРГ и Евро-Атлантического сообщества в целом, индивидуальными комплектами спутниковой связи и навигации².

Из доклада Р. фон Вайцзеккера (2000) были взяты два важнейших положения. Это разделение войск на ударные (способные применяться за пределами национальных границ) и силы поддержки (такой возможностью не обладающие), а также распределение ударных войск на 5 эшелонов: по очередности один непосредственно используемый и четыре сменных (подкрепляющих) в рамках ротации. Вместе с тем налицо и существенные изменения. Совокупная численность планируемых к созданию ударных войск уменьшалась на 25% – со 140 тыс. (2000) до 105 тыс. (2004). Теперь войска разделялись на две составляющие (для использования в зонах вооружённых конфликтов высокой, а также средней и низкой интенсивности), притом в соотношении 1:2. Логично, что численность одного эшелона, предназначенного к использованию единовременно, составляла 21 (7 + 14) тыс. против 28 тыс. ранее, при этом теперь данный эшелон приобретал в существенно большей степени межвидовой характер. В «Основах концепции бундесвера» (2004) не говорилось о том, сколько войск из указанных 21 тыс. должно было принадлежать к каждому из основных видов войск – лишь отмечалось, что «ядро» из армейских частей должно было быть подкреплено необходимыми силами ВВС и ВМС³. Тем самым задавалась гибкая схема использования компонент родов войск, что фактически означало признание растущей ценности сухопутных войск. В случае сил поддержки, в отличие от ударных войск, в «Основах концепции бундесвера», напротив, наблюдался

¹ Grundzüge der Konzeption der Bundeswehr, 2004. – Berlin: Bundesministerium der Verteidigung, 2004. – S. 16–27.

² Ibidem.

³ Ibidem.

рост планируемой численности (почти в 1,5 раза по сравнению с докладом комиссии Р. фон Вайцзеккера).

Чем были обусловлены данные изменения? Во-первых, они свидетельствовали о дальнейшей готовности к редукциям параметров «военной машины». Хотя в «Основах концепции бундесвера» (2004) была прописана возможность восстановительного роста (потенциально до уровня в 370 тыс. солдат и офицеров), практические возможности её осуществления не прорабатывались. Ограниченнное внимание уделялось развитию корпуса резервистов. Не менее значимым было увеличение сил поддержки: именно они выступали и могли выступать в дальнейшем основным объектом для дальнейших сокращений вооружённых сил ФРГ, рассматриваясь в качестве наименее ценной их части. Соответственно, чем значительнее по численности были силы поддержки, тем более масштабный потенциал для урезания численности войск в случае необходимости имелся у руководства Федеративной Республики Германия. Последнее не стремилось сопровождать трансформацию структуры вооружённых сил существенным ростом ассигнований на их нужды, а скорее наоборот: в 2002 г. расходы по линии Министерства обороны составляли 31 277 млн евро, в 2005 г. – 30 600 млн евро, что составляло лишь 1,4% от ВВП ФРГ¹.

Во-вторых, при этом были представлены более чем амбициозные планы по развитию бундесвера как «военной машины», используемой за пределами зоны ответственности НАТО. Исходя из направленности «Основ концепции бундесвера» (2004), весь активный эшелон – свыше 20 тыс. военнослужащих (!) – мог в различных формах использоватьсь на удалении от границ Евро-Атлантического сообщества, особенно в зонах нестабильности. Как будет отмечено ниже, в реальности этот показатель был в 2,5–3 раза ниже². Данные планы свидетельствовали об исключительной заинтересованности руководства ФРГ в том, чтобы утвердиться в положении полновесного глобального игрока в военном отношении. На практике это проявлялось прежде всего в растущем воинском вкладе Германии в деятельность ISAF в Афганистане (в районе

¹ Financial and economic data relating to NATO defence. Defence Expenditures of NATO countries. 1990–2010. Communiqué PR/CP (2011) 027. – Brussels: NATO Public Diplomacy Division, 2011. – P. 4, 7–8.

² Glatz R., Hansen W., Kaim M., Vorrath J. Die Auslandseinsätze der Bundeswehr in Wandel. – Berlin: German Institute for International and Security Affairs, Stiftung Wissenschaft und Politik, 2018. – S. 10–11.

Кабула и северных провинциях) под эгидой НАТО¹, старте использования бундесвера в составе миссий ЕС в Африке², а также в продолжении участия в деятельности по поддержанию мира на Балканах (в Косове, Боснии и Герцеговине). ФРГ стремилась закрепиться в роли глобального миротворца, сопоставимого в данном качестве с другими «западными державами», особенно с Францией и Великобританией. В случае США Германия стремилась к преобладанию первой компоненты дихотомии «кооперация – конкуренция», притом все же стремясь достичь постепенно растущей стратегической автономии, что, в частности, проявилось в ходе иракского военно-политического кризиса (2003).

Войска, свободные от использования в составе многонациональных миссий вне зоны ответственности НАТО, частично предназначались для использования в группировках самого Альянса (прежде всего, вновь созданных с 2002–2003 гг. силах быстрого реагирования НАТО³), Европейского союза уже внутри Евро-Атлантического сообщества⁴.

Приверженность использованию бундесвера вне зоны ответственности Североатлантического альянса была подтверждена в новой «Белой книге по политике в области безопасности и будущему бундесвера» (2006)⁵. Этот документ высшего уровня в области военного планирования активно разрабатывался ещё правительством Г. Шрёдера / Й. Фишера (СДПГ и Союз 90 / «Зелёные»), будучи принят уже кабинетом «большой коалиции» (блок ХДС / ХСС, а также социал-демократы) под руководством А. Меркель. Положения «Белой книги» иллюстрировали наличие преемственности в стратегическом курсе в области планирования и осуществления

¹ Antrag der Bundesregierung. Fortsetzung der Beteiligung bewaffneter deutscher Streitkräfte an dem Einsatz einer Internationalen Sicherheitsunterstützungstruppe in Afghanistan. – Deutscher Bundestag, 15. Wahlperiode. Drucksache 15/1700, 15.10.2003. – S. 2–4.

² The Bundeswehr on Operations: Publication to Mark the 15 th Anniversary of the First Parliamentary Mandate for Armed Bundeswehr Missions Abroad. – Berlin: Federal Ministry of Defense, 2009. – P. 55, 56.

³ Varwick J. Nordatlantische Allianz // Handbuch zur deutschen Außenpolitik / S. Schmidt, G. Hellmann, R. Wolf (Hrsg.). – Wiesbaden: Verlag für Sozialwissenschaften/GWV Fachverlage GmbH, 2007. – S. 771–772.

⁴ Grundzüge der Konzeption der Bundeswehr, 2004. – Berlin: Bundesministerium der Verteidigung, 2004. – S. 16–27.

⁵ Составлено автором на основе: Weissbuch zur Sicherheitspolitik Deutschlands und zur Zukunft der Bundeswehr (2006). – Berlin: Bundesministerium der Verteidigung, 2006. – S. 16–54.

преобразований вооружённых сил. Их первоочередная общеполитическая направленность – обеспечение предельно возможного военного присутствия на мировой арене как подкрепления амбиций полновесного глобального игрока – де-факто оставалась неизменной¹. В данной связи далеко не случайна тесная связь между «Белой книгой» (2006), «Основополагающими принципами политики в области обороны» (2003) и «Основами концепции бундесвера» (2004) – не только по духу, но и по букве.

Однако на пути реализации данных исключительно амбициозных планов вставало мощнейшее препятствие – *несоответствие* их *задействуемой ресурсной базе*. К силам кризисного реагирования предъявлялись значительные требования: повышенная мобильность, возможность развернуться практически в любой точке мира, способность успешно решать свои задачи на значительном удалении от территории ФРГ вкупе с автономностью мелких подразделений и даже отдельных бойцов в случае необходимости². Это означало необходимость их оснащения массой транспортных средств повышенной проходимости, притом дублирующих друг друга в различных средах – прежде всего, наземной и воздушной, а также морской; предоставления каждому бойцу (не говоря уже о командах) средств спутниковой связи и навигации. Наконец, отдельную проблему представляли требования к профессиональному уровню военнослужащих: он должен был быть высок как в военном отношении (готовность к реагированию на различные нестандартные кризисные ситуации как гарантия сохранения жизни), так и в политическом: германские миротворцы должны были содействовать выходу конфликтогенных стран из состояния «хрупкости». Это иллюстрировало наличие чёткого понимания политico-идеологических установок, стоящих перед контингентом ФРГ в составе многонациональной миссии в каждой конкретной стране. Столь широкий спектр требований означал необходимость выделения существенных ассигнований на создание подобных сил кризисного реагирования, резко отличавшихся от «классических» войск, густо насыщенных тяжёлой (а не только и не столько лёгкой) техникой, предназначенных к использованию вблизи или на территории страны, притом большими массами, т.е. в составе

¹ Weissbuch zur Sicherheitspolitik Deutschlands und zur Zukunft der Bundeswehr (2006). – Berlin: Bundesministerium der Verteidigung, 2006. – S. 82–88.

² Grundzüge der Konzeption der Bundeswehr, 2004. – Berlin: Bundesministerium der Verteidigung, 2004. – S. 16–27.

крупных соединений, а не мелких подразделений. Ещё больше средств требовало не только создание, но и использование данных СКР. Эта статья в 2000-е – начале 2010-х годов составляла порядка 20–25% всего объема военного бюджета Германии¹.

Выше уже говорилось о неготовности официального Берлина сколько-нибудь существенным образом наращивать свои военные расходы. В данной ситуации источником для развития потенциала СКР становилось сокращение СОН. Однако и это было ещё не все: военно-финансовые «тиски» заставляли делать выбор между более быстрым наращиванием численности и сохранением (тем более увеличением и расширением) масштаба и географического спектра использования СКР. То есть изыскивание необходимым средств осуществлялись не только между СКР и СОН, но и внутри СКР – выбор с точки зрения финансирования делался между *их развитием и использованием*.

Ещё одной проблемой выступала заинтересованность широких слоев избирателей в дальнейшем сокращении сроков службы по призыву и численности контингентов новобранцев. С одной стороны, борясь за поддержку избирателя (что становилось особенно актуальным в условиях постепенного ослабления политических позиций как ХДС / ХСС, так и СДПГ²), правящие круги не могли не учитывать этой заинтересованности. В данном случае (как и при перераспределении средств внутри военного бюджета) осуществлялись «сокращения ради сокращений». С другой стороны, и экспертное сообщество настаивало на повышении уровня профессионализма (с учётом новых требований к бундесверу), также указывая на необходимость уменьшения призыва³. Эти положения детерминировали тенденцию к дальнейшему сокращению численности бундесвера – вниз от уровня в 250 тыс. солдат и офицеров.

¹ Оценка дана автором на основе: Financial and economic data relating to NATO defence. Defence Expenditures of NATO countries. 1990–2010. Communiqué PR/CP (2011) 027. – Brussels: NATO Public Diplomacy Division, 2011. – P. 15.; Defence Expenditure of NATO Countries (2010–2017). COMMUNIQUE PR/CP (2018) 16. – Brussels: NATO Public Diplomacy Division, 2018. – P. 15.

² См.: Bundestag. Ergebnisse der Bundestagswahlen. 2020. // Wahlrecht. Mode of access: <https://www.wahlrecht.de/ergebnisse/bundestag.htm> (date of access: 24.08.2021).

³ Lange S. Strukturanpassung der Bundeswehr // SWP-Aktuell. 2004. Juli. № 29. – S. 1–3.

6.4. Попытки реализации планов преобразований «военной машины»: её усиления и ослабления одновременно

Несоответствие планов и ресурсов предопределило противоречивость развития бундесвера во второй половине 2000-х – середине 2010-х годов, т.е. на завершающей фазе военной реформы. С одной стороны, бундесвер стал реально превращаться в *двусоставные вооружённые силы*. Логично, что в авангарде данного процесса оказались ВМС и армия – в их составе было сформировано по одному соединению СКР. С другой стороны, «военная машина» ФРГ продолжала двигаться по траектории сокращений. Так, процесс редукций личного состава проходил последовательно, имея плавную динамику до начала 2010-х годов (см.: табл. 6.4.).

Таблица 6.4.
Динамика изменения количества военнослужащих бундесвера
в середине 2000-х – первой половине 2010-х годов¹

Часть 1

Год	2004	2005	2006	2007	2008	2009
Численность ²	264,0	251,8	250,0	249,0	247,6	249,9

Часть 2

Год	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Численность	245,8	206,1	197,9	184,0	182,7	179,6

В середине 2000-х годов продолжительность воинской службы новобранцев по призыву сократилась до 6 месяцев, а с 1 июля 2011 г. их количество было «заморожено» на нулевой отметке. Это привело к резкому (на четверть) уменьшению численности бундесвера в 2010–2013 гг., что видно из таблицы 6.4. Средний уровень профессиональной подготовки в вооружённых силах Германии резко возрос, однако и здесь стали возникать трудности: именно призывники, пожелавшие оставаться на сверхсрочную службу, составляли значительную часть корпуса контрактников среди рядового и унтер-офицерского состава бундесвера. Иными словами, теперь началось «размывание» последнего, сопровождаемое дальнейшим уменьшением численности: в 2015 г. бундесвер «пробил» вниз от-

¹ Personalbestand der Bundeswehr von 1959 bis 2019. 2020. // Statista.de. Mode of access: <https://de.statista.com/statistik/daten/studie/495515/umfrage/personalbestand-der-bundeswehr/> (date of access: 24.08.2021).

² На 1 января каждого года. – Прим. авт.

метку в 180 тыс. военнослужащих, что было более чем вдвое выше предельной численности ВС ФРГ (370 тыс.) и в 1,3 раза меньше, чем предполагали планы развития «военной машины», разрабатываемые под руководством Р. фон Вайцзеккера (2000) и П. Штрука (2003–2004). В результате длительных, продолжавшихся четверть века, сокращений бундесвер достиг «дна» боевых возможностей не только по численности военнослужащих, но и количеству единиц боевой техники, особенно тяжёлой. Так, число боевых самолетов в люфтваффе уменьшилось с 1 тыс. в 1989 г.¹ до чуть более чем 200 концу 2010-х годов². Численность кораблей и судов ВМС ФРГ сократилась с более чем 170 (1989) до 50 к концу второго десятилетия XXI в.³, в том числе количество дизельных подводных лодок в составе марине уменьшилось с 24 до 6⁴. К данному времени в бундесвере были полностью расформированы территориальные силы. Важной проблемой выступало и сохранявшееся недофинансирование «военной машины» ФРГ, что отражено в таблице 6.5.

Таблица 6.5.
**Доля расходов от ВВП на военные нужды
 крупнейших стран – участниц НАТО⁵**

Страна	2005 г.	2009 г.	2013 г. ⁶	2014 г.	2015 г.
Великобритания	2,5	2,7	2,26	2,16	2,05
Соединённые Штаты Америки	4,0	5,4	4,03	3,73	3,52
Франция	2,4	2,1	1,86	1,82	1,78
Федеративная Республика Германия	1,4	1,4	1,22	1,18	1,18

¹ Die Geschichte der Luftwaffe. 2021. // BMVg. Mode of access: <https://www.bundeswehr.de/de/ueber-die-bundeswehr/geschichte-bundeswehr/geschichte-luftwaffe> (date of access: 24.08.2021).

² Organization der Luftwaffe. 2021. // BMVg. 2021. Mode of access: <https://www.bundeswehr.de/de/organisation/luftwaffe> (date of access: 24.08.2021).

³ Die Geschichte der Marine. 2021. // BMVg. Mode of access: <https://www.bundeswehr.de/de/ueber-die-bundeswehr/geschichte-bundeswehr/geschichte-marine> (date of access: 24.08.2021).

⁴ Ibid.

⁵ Построено автором на основе: NATO-Russia Compendium of financial and economic data relating to defence. – Brussels: NATO Defence Policy and Planning Division, 2006. – P. 7; Financial and economic data relating to NATO defence. Defence Expenditures of NATO countries. 1990–2010. Communiqué PR/CP (2011) 027. – Brussels: NATO Public Diplomacy Division, 2011. – P. 4.; Defence Expenditures of NATO countries (2013–2019). Communiqué PR/CP (2019) 123. – Brussels: NATO Public Diplomacy Division, 2019. – P. 8.

⁶ Применительно к статистике с 2013 г. НАТО стала печатать более точные (с округлением до одной сотой, а не одной десятой). – Прим. авт.

Из числа «западных держав» ФРГ в удельном отношении имела наименьшие расходы на вооружённые силы в 2005–2015 гг., уменьшившиеся с 1,4 до менее 1,2% от ВВП. Это стимулировало дальнейший поиск финансовых возможностей для развития СКР посредством снижения финансирования СОН.

Какие изменения происходили в каждом из основных видов войск?

В составе *военно-морских сил* в 2006 г. были созданы: 1-я¹ и 2-я² оперативные флотилии (см.: табл. 6.6.).

2-я оперативная флотилия предназначалась для обеспечения присутствия в Мировом океане и представляла собой силы кризисного реагирования в составе ВМС. Основу соединения составляли две эскадры фрегатов (2-я и 4-я) – в реалиях начала XXI в. именно кораблям этого класса отводится основная роль в деятельности в дальней морской зоне. При этом стартовало обновление корабельного состава 2-й эскадры «большими» фрегатами типа «Sachsen» (см. табл. 6.6.). Интересной практикой являлось наличие сразу двух экипажей для каждого фрегата – один находился на корабле, а второй – на базе, сменяя друг друга и тем обеспечивая предельно интенсивное использование наиболее крупных по размеру единиц ВМС ФРГ и одновременно свидетельствуя о нехватке фрегатов. В середине 2000-х – начале 2010-х годов 2-я оперативная флотилия прежде всего использовалась в Аденском заливе (борьба с пиратством у берегов Сомали, миссия ЕС «Atalanta»³) и в Средиземном море. Это выполнение задач по обеспечению мира у побережья Ливана (силы ООН UNIFIL)⁴, борьба с террористической опасностью

¹ Einsatzflottille 1. 2021. // BMVg. Mode of access: <https://www.bundeswehr.de/de/organisation/marine/organisation/einsatzflottille-1> (date of access: 24.08.2021).

² Einsatzflottille 2. 2021. // BMVg. Mode of access: <https://www.bundeswehr.de/de/organisation/marine/organisation/einsatzflottille-2> (date of access: 24.08.2021).

³ Antrag der Bundesregierung. Fortsetzung der Beteiligung bewaffneter deutscher Streitkräfte an der EU-geführten Operation Atalanta zur Bekämpfung der Piraterie vor der Küste Somalias. – Deutscher Bundestag, 17. Wahlperiode. Drucksache 17/13111, 17.04.2013. – S. 3–5.

⁴ Antrag der Bundesregierung. Fortsetzung der Beteiligung bewaffneter deutscher Streitkräfte an der „United Nations Interim Force in Lebanon“ (UNIFIL). Deutscher Bundestag, 19. Wahlperiode. Drucksache 19/29626, 12.05.2021. S. 5–6.

(операция НАТО «Active Endeavour», до середины 2010-х годов)¹, а в последующем – неконтролируемой массовой иммиграцией из Северной Африки и Ближнего Востока (миссия «Sophia», ЕС)².

Таблица 6.6.
Структура ВМС ФРГ в конце 2000-х – 2010-е годы

Оперативная флотилия	Основные соединения в составе флотилии	Корабельный состав: тип кораблей / судов и их количество ³
1-я оперативная флотилия	1-я эскадра корветов	5 корветов типа «Braunschweig» ⁴
	3-я эскадра минных тральщиков	10 минных тральщиков тип «Frankenthal», 2 минных тральщика типа «Ensdorf» ⁵
	Эскадра судов поддержки	5 вспомогательных судов типа «Elba» ⁶
	1-я подводная эскадра	6 дизельных подводных лодок типа 212 A ⁷
2-я оперативная флотилия	2-я эскадра фрегатов	3 фрегата типа «Sachsen», 4 фрегата типа «Brandenburg» ⁸
	4-я эскадра фрегатов	4 фрегата типа «Baden-Württemberg» ⁹
	Вспомогательная эскадра	3 больших транспорта, 6 танкеров, 3 буксира ¹⁰

¹ The Bundeswehr on Operations: Publication to Mark the 15 th Anniversary of the First Parliamentary Mandate for Armed Bundeswehr Missions Abroad. – Berlin: Federal Ministry of Defense, 2009. – P. 74.

² Mittelmeer – EUNAVFOR MED Operation Sophia. 2021. // BMVg. Mode of access: <https://www.bundeswehr.de/de/einsaetze-bundeswehr/abgeschlossene-einsaetze-der-bundeswehr/eunavfor-med-operation-sophia> (date of access: 24.08.2021).

³ Приведены данные на 2019 г.

⁴ 1. Korvettengeschwader. 2021. // BMVg. Mode of access: <https://www.bundeswehr.de/de/organisation/marine/organisation/einsatzflottille-1/1-korvettengeschwader> (date of access: 24.08.2021).

⁵ 3. Minensuchgeschwader. 2021. // BMVg. Mode of access: <https://www.bundeswehr.de/de/organisation/marine/organisation/einsatzflottille-1/3-minensuchgeschwader> (date of access: 24.08.2021).

⁶ Unterstützungsgeschwader. 2021. // BMVg. Mode of access: <https://www.bundeswehr.de/de/organisation/marine/organisation/einsatzflottille-1/unterstuetzungsgeschwader> (date of access: 24.08.2021).

⁷ 1. Ubootgeschwader. 2021. // BMVg. Mode of access: <https://www.bundeswehr.de/de/organisation/marine/organisation/einsatzflottille-1/1-ubootgeschwader> (date of access: 24.08.2021).

⁸ 2. Fregattengeschwader. 2021. // BMVg. Mode of access: <https://www.bundeswehr.de/de/organisation/marine/organisation/einsatzflottille-2/2-fregattengeschwader> (date of access: 24.08.2021).

⁹ 4. Fregattengeschwader. 2021. // BMVg. Mode of access: <https://www.bundeswehr.de/de/organisation/marine/organisation/einsatzflottille-2/4-fregattengeschwader> (date of access: 24.08.2021).

¹⁰ Trossgeschwader. 2021. // BMVg. Mode of access: <https://www.bundeswehr.de/de/organisation/marine/organisation/einsatzflottille-2/trossgeschwader> (date of access: 24.08.2021).

1-я оперативная флотилия предназначалась для использования внутри и вблизи зоны ответственности НАТО – прежде всего, в акваториях, омывающих европейский континент с севера и юга. В частности, на ротационной основе надводные корабли 1-й оперативной флотилии предоставлялись в состав 1-й и 2-й постоянных морских и 1-й и 2-й постоянных континентальных групп НАТО, курсировавших соответственно к северу (1-я ПМГ и 1-я ПКМГ) и югу (2-я ПМГ и 2-я ПКМГ) от массива европейских стран – участниц НАТО¹. Основу 1-й оперативной флотилии составляли эскадры корветов, минных тральщиков, а также подводных лодок.

Каждая из оперативных флотилий имела в своем составе эскадру вспомогательных судов, конкретный состав которой определялся тактическими задачами: так, 2-я оперативная флотилия в своей эскадре имела большие транспорты (в том числе для перевозки десанта) и многочисленные танкеры (см.: табл. 6.6.) для оперативного параллельного снабжения топливом отдельных фрегатов, используемых в дальней морской зоне. В интересах кораблей обеих флотилий разработан аппарат-робот по поиску и уничтожению морских мин и иных опасных подводных объектов «Seefuchs»².

Помимо органов управления и сил морской пехоты, командованию ВМС также подчинялись 2 воздушные эскадры флотской авиации: 3-я (на её вооружении состояли самолёты «P-3 C Orion» в боевом и разведывательном вариантах, а также транспортные «Dornier 228 LM»)³ и 5-я (вертолёты типов «Sea Lynx Mk 88 A» (противолодочные), «Sea King Mk41» и «NH-90» в морском варианте⁴. В основном обе воздушные эскадры ис-

¹ См.: STANDING NATO MARITIME GROUP ONE (SNMG1). 2021. // NATO. Mode of access: <https://mc.nato.int/SNMG1> (date of access: 24.08.2021); STANDING NATO MARITIME GROUP TWO (SNMG2). 2021. // NATO. Mode of access: <https://mc.nato.int/SNMG2> (date of access: 24.08.2021).

² Die Unterwasserdrohne Seefuchs – in 60 Sekunden. 14.11.2019. // BMVg. Mode of access: <https://www.bundeswehr.de/de/aktuelles/mediathek/60-sekunden-unterwasserdrohne-seefuchs-148458> (date of access: 24.08.2021).

³ Marinefliegergeschwader 3 “Graf Zeppelin”. 2021 // BMVg. Mode of access: <https://www.bundeswehr.de/de/organisation/marine/organisation/marinefliegerkommando/marinefliegergeschwader-3-graf-zeppelin> (Date of access 24.08.2021).

⁴ Marinefliegergeschwader 5. 2021. // BMVg. Mode of access: <https://www.bundeswehr.de/de/organisation/marine/organisation/marinefliegerkommando/marinefliegergeschwader-5> (Date of access 24.08.2021).

пользовались в интересах 1-й оперативной флотилии, т.е. сил общего назначения морине.

В целом в десятилетие середины 2000-х – первой половины 2010-х годов. ВМС из всех видов войск достигли наибольших успехов в переходе к двусоставной сбалансированной структуре, представленной как СКР (2-я оперативная флотилия), так и СОН (1-я оперативная флотилия, морская авиация).

Сухопутные войска достигли в этом отношении меньших успехов. В 2007–2008 гг. в армии Германии были расформированы ещё 4 бригады (табл. 6.2.1., часть 1) и одно управление дивизии (7-й танковой). В результате в составе бундесвера осталось всего 6,5 (включая компоненту франко-германской бригады) «тяжёлых» бригад, которые оказались сведены в 2 дивизии, что отражено в таблице 6.7.

Интересно, из числа «старых» это были именно те бригады (9-я учебная, 12-я, 21-я танковые, 23-я горнопехотная), которые появились в составе бундесвера самыми первыми ещё на первой стадии реформы 1956–1962 гг. и рассматривались «сосевыми» в ходе последующего его развития (см.: табл. 6.2., часть 1, второй справа столбец).

Общая численность сухопутных войск резко сократилась: с 360 тыс. (1989) до 255 тыс. (1995), 134 тыс. (2003) и 60 тыс. (2019)¹, хотя в последних двух случаях часть тыловых подразделений была передана в силы поддержки. Основным, а, по сути, единственным объектом сокращений внутри сухопутных войск оставались именно силы общего назначения.

СОН в составе армии к середине 2010-х годов представлены 1-й танковой (3 бригады германских войск) и 10-й танковой (3,5 бригады) дивизиями. Таким образом, в результате редукций из 11 «старых» дивизий и 33 бригад² и 2 «новых» (на территории ГДР) дивизий и 6 бригад, т.е. суммарно 13 «тяжёлых» дивизий и 39 «тяжёлых» же бригад (1992), в составе бундесвера осталось лишь 2 дивизии и 6,5 бригад, т.е. лишь порядка 16%. Притом численность одной «тяжёлой» бригады сократилась с 8–10 тыс. в 1980-е годы до 4–5,5 тыс. в середине 2010-х годов.

¹ Die Geschichte des Heeres. 2021. // BMVg. Mode of access: <https://www.bundeswehr.de/de/ueber-die-bundeswehr/geschichte-bundeswehr/geschichte-heer> (date of access: 24.08.2021).

² Без учёта 3-бригадной воздушно-десантной дивизии, бывшей «легкой». – Прим. авт.

Таблица 6.7.

Структура сухопутных войск бундесвера в 2010-е годы

Корпусное подчинение	Дивизия бундесвера	Бригады в ее составе (германские и нидерландские) (тыс. военнослужащих) ¹
1-й германо-нидерландский корпус	1-я танковая дивизия	9-я учебная танковая (6,0 тыс.) ² 21-я танковая бригада (4,5 тыс.) ³ 41-я мотопехотная бригада (4,2 тыс.) ⁴ 43-я механизированная бригада (2,5 тыс.) ⁵
Нет корпусного подчинения	10-я танковая дивизия	12-я танковая бригада (4,5 тыс.) ⁶ 23-я горнопехотная бригада (5,3 тыс.) ⁷ 37-я мотопехотная бригада (5,5 тыс.) ⁸ Компонента франко-германской бригады (2,4 тыс. из 4,9 тыс.) ⁹
	дивизия быстрого реагирования	1-я воздушно-десантная бригада (4,4 тыс.) ¹⁰ 11-я аэромобильная бригада (2,3 тыс.) ¹¹

¹ Приведены данные на 2019 г.

² Panzerlehrbrigade 9. 2021. // BMVg. Mode of access: <https://www.bundeswehr.de/de/organisation/heer/organisation/1-panzerdivision/panzerlehrbrigade-9> (date of access: 24.08.2021).

³ Panzerbrigade 21. 2021. // BMVg. Mode of access: <https://www.bundeswehr.de/de/organisation/heer/organisation/1-panzerdivision/panzerbrigade-21> (date of access: 24.08.2021).

⁴ Panzergrenadierbrigade 41. 2021. // BMVg. Mode of access: <https://www.bundeswehr.de/de/organisation/heer/organisation/1-panzerdivision/panzergrenadierbrigade-41> (date of access: 24.08.2021).

⁵ 43. Mechanisierte Brigade. 2021. // BMVg. Mode of access: <https://www.bundeswehr.de/de/organisation/heer/organisation/1-panzerdivision/43-mechanisierte-brigade> (date of access: 24.08.2021).

⁶ Panzerbrigade 12. 2021. // BMVg. Mode of access: <https://www.bundeswehr.de/de/organisation/heer/organisation/10-panzerdivision/panzerbrigade-12> (date of access: 24.08.2021).

⁷ Gebirgsjägerbrigade 23. 2021. // BMVg. Mode of access: <https://www.bundeswehr.de/de/organisation/heer/organisation/10-panzerdivision/gebirgsjaegerbrigade-23> (date of access: 24.08.2021).

⁸ Panzergrenadierbrigade 37. 2021. // BMVg. Mode of access: <https://www.bundeswehr.de/de/organisation/heer/organisation/10-panzerdivision/panzergrenadierbrigade-37> (date of access: 24.08.2021).

⁹ Deutsch-Französische Brigade. 2021. // BMVg. Mode of access: <https://www.bundeswehr.de/de/organisation/heer/organisation/10-panzerdivision/deutsch-franzoesische-brigade> (date of access: 24.08.2021).

¹⁰ Luftlandebrigade 1. 2021. // BMVg. Mode of access: <https://www.bundeswehr.de/de/organisation/heer/organisation/division-schnelle-kraefte/luftlandebrigade-1> (date of access: 24.08.2021).

¹¹ 11. Luchtmobile Brigade. 2021. // BMVg. Mode of access: <https://www.bundeswehr.de/de/organisation/heer/organisation/division-schnelle-kraefte/11-luchtmobile-brigade> (date of access: 24.08.2021).

Зоны ответственности каждой из двух дивизий СОН вытянуты меридионально. Так, войска 1-й танковой дивизии были расположены в северных землях ФРГ¹, т.е. на территории бывших секторов ответственности I АК, отчасти III АК и северной части командования «Восток», а 10-й танковой – в южных федеральных землях², т.е. зонах ответственности упраздненных III АК, частично II АК, южной части командования «Восток». На СОН ФРГ – прежде всего, 1-ю танковую дивизию – возлагались задачи по комплектованию наземной составляющей сил быстрого реагирования НАТО (второй стратегический эшелон войск Альянса), включая бригаду сверх повышенной боевой готовности³, а также сил передового развёртывания – в частности, «тяжёлой» батальонной тактической группы в Литве (с 2017 г.), в случае которой ФРГ выполнила функции «рамочного государства»⁴.

Используясь в составе многонациональных военных механизмов (прежде всего, под эгидой Североатлантического альянса), СОН ФРГ сами представляли пример продвинутого мультилатерализма по линии сотрудничества вооружённых сил. Помимо франко-германской бригады⁵, со-подчиненной 10-й танковой дивизии бундесвера, это прежде всего осуществлявшаяся с середины 2010-х годов интеграция 43-й механизированной бригады армии Нидерландов в состав 1-й танковой дивизии ФРГ. Притом сам данный процесс был многоуровневым перекрёстным: в состав 43-й мебригады был включен 414-й германский танковый батальон⁶, а 1-я танковая дивизия подчинена управлению 1-го германо-нидерландского корпу-

¹ 1. Panzerdivision. 2021. // BMVg. Mode of access: <https://www.bundeswehr.de/de/organisation/heer/organisation/1-panzerdivision> (date of access: 24.08.2021).

² 10. Panzerdivision. 2021. // BMVg. Mode of access: <https://www.bundeswehr.de/de/organisation/heer/organisation/10-panzerdivision> (date of access: 24.08.2021).

³ NATO Response Force (NRF) Fact Sheet 1.01.2019. // NATO. Mode of access: <https://jfcbs.nato.int/page5725819/nato-response-force-nrf-fact-sheet> (date of access: 24.08.2021).

⁴ FP beim litauischen Tag der Streitkräfte. 23.11.2019. // BMVg. Mode of access: <https://www.bundeswehr.de/de/einsaetze-bundeswehr/anerkannte-missionen/esp-enhanced-forward-presence/esp-beim-litauischen-tag-der-streitkraefte-156840> (date of access: 24.08.2021).

⁵ Сидоров А.С. Франко-германское военно-политическое сотрудничество: «Окно возможностей» или движение по инерции? // Актуальные проблемы Европы. 2019. № 4. – С. 177–181.

⁶ 43. Mechanisierte Brigade. 2021. // BMVg. Mode of access: <https://www.bundeswehr.de/de/organisation/heer/organisation/1-panzerdivision/43-mechanisierte-brigade> (date of access: 24.08.2021).

са¹ – кстати, единственного полноценного корпусного управления, наличествующего в бундесвере в 2010-е годы.

Силы кризисного реагирования в составе сухопутных войск Германии представлены дивизией сил быстрого реагирования². Интересен её состав: это всего одна германская войсковая бригада (1-я аэромобильная, возникшая в результате переформирования 26-й воздушно-десантной), дополненная силами армейской авиации (прежде всего, транспортной), командованием сил специальных операций (ССО), а также 11-й нидерландской бригадой. Тем самым и в случае СКР, а не только СОН, уже к середине 2010-х годов был осуществлен проект создания двунационального воинского соединения³. Вместе с тем даже с учётом высокой боеспособности ССО, дивизия сил быстрого реагирования была неполным, т.е. недоукомплектованным соединением. На долю СКР в составе сухопутных войск приходилось лишь порядка 15% от общей численности (9,5 из 60 тыс. военнослужащих)⁴. Число активных «штыков» (за вычетом персонала невоинских подразделений – в частности, транспортной авиации) не превышало 4–4,5 тыс.⁵, т.е. единовременно в рамках 5-эшелонной ротации могли быть использованы лишь 800–900 военнослужащих, т.е. эквивалент неполной батальонной тактической группы. В десятилетие 2006–2015 гг. основным направлением использования СКР армии являлось афганское (в составе миссии ISAF), однако даже здесь возможностей сил кризисного реагирования оказалось недостаточно, и они дополнялись в североафганских провинциях подразделениями 1-й танковой дивизии СОН⁶.

¹ 1. Panzerdivision. 2021. // BMVg. Mode of access: <https://www.bundeswehr.de/de/organisation/heer/organisation/1-panzerdivision> (date of access: 24.08.2021).

² Division Schnelle Kräfte. 2021. // BMVg. Mode of access: <https://www.bundeswehr.de/de/organisation/heer/organisation/division-schnelle-kraefte> (date of access: 24.08.2021).

³ Ibid.

⁴ Рассчитано автором на основе: Division Schnelle Kräfte. 2021. // BMVg. Mode of access: <https://www.bundeswehr.de/de/organisation/heer/organisation/division-schnelle-kraefte> (date of access: 24.08.2021); Kommando Heer. 2021. // BMVg. Mode of access: <https://www.bundeswehr.de/de/organisation/heer/organisation/kommando-heer> (date of access: 24.08.2021).

⁵ Luftlandebrigade 1. 2021. // BMVg. Mode of access: <https://www.bundeswehr.de/de/organisation/heer/organisation/division-schnelle-kraefte/luftlandebrigade-1> (date of access: 24.08.2021).

⁶ 1. Panzerdivision. 2021. // BMVg. Mode of access: <https://www.bundeswehr.de/de/organisation/heer/organisation/1-panzerdivision> (date of access: 24.08.2021).

Для нужд сухопутных войск была разработана «линейка» беспилотных летательных аппаратов (БПЛА), притом в основном германского производства. В 1990–2010-е годы на вооружение сухопутных войск поступали: БПЛА для артиллерийской разведки KZO¹, приспособленные для применения в условиях плотной городской застройки и сильно пересеченной местности малотактические ALADIN² и MIKADO³, а также тактический дрон широкого применения типа LUNA⁴. ALADIN и MIKADO в основном использовались для нужд ССО и в целом СКР, а аппараты LUNA – и сил общего назначения. Вновь следует отметить, что все данные беспилотники являются разработками и продукция фирм ФРГ (прежде всего, концерна EMT в Баварии, дрон KZO – результат германо-французской военно-технологической кооперации). Если на балканском направлении миссии бундесвера использовали отдельные дроны, то в Афганистане имело место их применение уже небольшими партиями, а в Мали (с дислокацией в Гао) была сосредоточена группировка более чем в 40 БПЛА⁵. Ключевой трудностью в использовании германскими войсками разведывательных БПЛА является их количественная нехватка. Несмотря на то что бундесвер стал получать и использовать роботизированную технику ещё с 1990 г.⁶, даже спустя три десятилетия масштабы этого процесса оказались ограничены. Так, по состоянию на середину 2013 г. в бундесвер суммарно поступил 871 дрон, из которых были

¹ Die Drohne KZO. 2021. // BMVg. Mode of access: <https://www.bundeswehr.de/de/ausuestung-technik-bundeswehr/luftsysteme-bundeswehr/drohne-kzo> (date of access: 24.08.2021).

² Die Drohne ALADIN. 2021. // BMVg. Mode of access: <https://www.bundeswehr.de/de/ausuestung-technik-bundeswehr/luftsysteme-bundeswehr/drohne-aladin> (date of access: 24.08.2021).

³ Die Drohne MIKADO. 2021. // BMVg. Mode of access: <https://www.bundeswehr.de/de/ausuestung-technik-bundeswehr/luftsysteme-bundeswehr/drohne-mikado> (date of access: 24.08.2021).

⁴ LUNA über Mali: Aufklärung aus der Luft. 2021. // BMVg. Mode of access: <https://www.bundeswehr.de/de/einsaetze-bundeswehr/minusma-bundeswehr-un-einsatz-mali/luna-ueber-mali-aufklaerung-aus-der-luft-162852> (date of access: 24.08.2021).

⁵ См.: LUNA über Mali: Aufklärung aus der Luft. 2019. // BMVg. Mode of access: <https://www.bundeswehr.de/de/einsaetze-bundeswehr/minusma-bundeswehr-un-einsatz-mali/luna-ueber-mali-aufklaerung-aus-der-luft-162852> (date of access: 24.08.2021).

⁶ Becker P. Bewaffnete Drohnen. Politische, ethische und rechtliche Aspekte. Podiumsdiskussion im Bundesministerium der Verteidigung am 24 März 2020. – Berlin, 2020. – S. 10.

безвозвратно потеряны 124¹, или 14,2%. В строю оставалось менее 750 БПЛА, из которых тактических, в основном близких по своим характеристикам к малым тактическим, насчитывалось не более 20%. Соответственно, общее количество беспилотных летательных аппаратов в составе бундесвера по состоянию на конец 2010-х годов составляло до 0,8 тыс., или один 1 БПЛА в среднем на 75 военнослужащих сухопутных войск. При этом в начале XXI в. широкого распространения в армии ФРГ не получила наземная робототехника.

Обращает на себя внимание тот факт, что дроны в абсолютном большинстве разрабатывались, производились и импортировались для нужд сухопутных войск, особенно армейской авиации. Почему? Как уже отмечалось выше, бундесвер в основном использовался в небоевых (несиловых) формах, притом основная нагрузка при его использовании легла именно на сухопутные войска и ВМС. Соответственно, наземные части нуждались в поддержке разведывательных (притом рискующих понести потери, а потому в идеале беспилотных) и транспортных воздушных аппаратов, которые было логично использовать в составе армейской авиации, а не люфтваффе. В итоге первая получила мощный импульс к технологическому обновлению, став одним из ключевых элементов СКР и отчасти СОН хеера.

Военно-воздушные силы. Наименьших успехов на пути превращения в двусоставные вооружённые силы добились из основных видов войск ФРГ её BBC. В 2013 г. в составе BBC была упразднена 32-я тактическая эскадра, а в том же 2013 г. 51-я эскадра была переформирована из разведывательной в боевую, а потому число данных соединений осталось неизменным для уровня середины 2000-х гг. – 6 единиц, что отражено в табл. 6.2., часть 2 и 6.8. Из этого числа 4 были укомплектованы истребителями, а 2 – истребителями-бомбардировщиками. Интересно, что в 1989 г. соотношение этих двух видов эскадр было 1:1, а не 2:1, как к середине 2010-х годов, что иллюстрировало уменьшение удельного веса и значимости ударной авиации в военном планировании ФРГ.

¹ Totalverlust von 124 Drohnen zugeben 24.06.2013. // Archive-Bundeswehr. Mode of access: <https://web.archive.org/web/20160304074307/http://www.bundeswehr-monitoring.de/ruestung/totalverlust-von-124-drohnen-zugegeben-13660.html> (date of access: 24.08.2021).

Таблица 6.8.

Список боевых эскадр люфтваффе к середине 2010-х годов

Воздушная эскадра	Численность личного состава, вооружение (самолеты)
31-я тактическая воздушная эскадра	0,9 тыс.; 30 истребителей «Eurofighter Typhoon» ¹
33-я тактическая воздушная эскадра	1,7 тыс., 46 истребителей-бомбардировщиков «Panavia Tornado IDS» ²
51-я тактическая воздушная эскадра	1,6 тыс., 37 истребителей-бомбардировщиков «Panavia Tornado ECR» ³
71-я тактическая воздушная эскадра	0,9 тыс., 28 истребителей «Eurofighter Typhoon» ⁴
73-я тактическая воздушная эскадра	0,9 тыс., 35 истребителей «Eurofighter Typhoon» ⁵
74-я тактическая воздушная эскадра	0,9 тыс., 35 истребителей «Eurofighter Typhoon» ⁶

31-я тактическая эскадра двигалась в 2000-е – середине 2010-х годов по пути превращения в соединение сил кризисного реагирования⁷, однако все ещё не стала таковым в полной мере из-за ограниченной востребованности ВВС вне зоны ответственности НАТО. 71-я тактическая эскадра обеспечивала в воздухе ПВО северной части ФРГ, а также на ротационной основе выделяла самолеты в состав Миссии по патрулированию воздушного пространства стран Балтии⁸. 73-я тактическая эскадра отвечала за подготовку

¹ Taktisches Luftwaffengeschwader 31 “Boelcke”. 2021. // BMVg. Mode of access: <https://www.bundeswehr.de/de/organisation/luftwaffe/organisation-/luftwaffentruppenkommando/taktisches-luftwaffengeschwader-31-boelcke> (date of access: 24.08.2021).

² Taktisches Luftwaffengeschwader 33. 2021. // BMVg. Mode of access: <https://www.bundeswehr.de/de/organisation/luftwaffe/organisation-/luftwaffentruppenkommando/taktisches-luftwaffengeschwader-33> (date of access: 24.08.2021).

³ Taktisches Luftwaffengeschwader 51 “Immelmann”. 2021. // BMVg. Mode of access: <https://www.bundeswehr.de/de/organisation/luftwaffe/organisation-/luftwaffentruppenkommando/taktisches-luftwaffengeschwader-51-immelmann> (date of access: 24.08.2021).

⁴ Taktisches Luftwaffengeschwader 71 “Richthofen”. 2021. // BMVg. Mode of access: <https://www.bundeswehr.de/de/organisation/luftwaffe/organisation-/luftwaffentruppenkommando/taktisches-luftwaffengeschwader-71-richthofen> (date of access: 24.08.2021).

⁵ Taktisches Luftwaffengeschwader 73 “Steinhoff”. 2021. // BMVg. Mode of access: <https://www.bundeswehr.de/de/organisation/luftwaffe/organisation-/luftwaffentruppenkommando/taktisches-luftwaffengeschwader-73-steinhoff> (date of access: 24.08.2021).

⁶ Taktisches Luftwaffengeschwader 74. 2021. // BMVg. Mode of access: <https://www.bundeswehr.de/de/organisation/luftwaffe/organisation-/luftwaffentruppenkommando/taktisches-luftwaffengeschwader-74> (date of access: 24.08.2021).

⁷ Taktisches Luftwaffengeschwader 31 “Boelcke”. 2021. // BMVg. Mode of access: <https://www.bundeswehr.de/de/organisation/luftwaffe/organisation-/luftwaffentruppenkommando/taktisches-luftwaffengeschwader-31-boelcke> (date of access: 24.08.2021).

⁸ Taktisches Luftwaffengeschwader 71 “Richthofen”. 2021. // BMVg. Mode of access: <https://www.bundeswehr.de/de/organisation/luftwaffe/organisation-/luftwaffentruppenkommando/taktisches-luftwaffengeschwader-71-richthofen> (date of access: 24.08.2021).

молодых летчиков-истребителей, оказывая содействие 71-й эскадре в организации системы ПВО на севере Германии¹. Применительно к югу страны эта задача выполнялась 74-й тактической эскадрой, которая также выделяла самолеты в состав военно-воздушной компоненты сил быстрого реагирования НАТО². Таким образом, 3 из 4 истребительных эскадр относятся к СОН.

33-я и 51-я воздушные эскадры были ударными, при этом 33-я могла нести на своем борту ТЯО США, а 51-я отвечала за организацию радиоэлектронной борьбы (тем приняв на себя функции расформированной 32-й эскадры)³.

Помимо 6 боевых воздушных эскадр, в состав люфтваффе также входили 3 военно-транспортные эскадры (62-я, 63-я, 64-я), а также различные отдельные части, особенно наземных сил ПВО⁴.

В 2010 г. для BBC ФРГ был приобретён дальневысотный БПЛА «Heron» в разведывательном (невооружённом) варианте, однако вплоть до середины 2010-х годов число этих машин не превышало нескольких единиц. Они играли весьма ограниченную роль в составе разведывательной авиации люфтваффе, не говоря уже о BBC в целом⁵.

В десятилетие 2005–2015 гг. продолжалось совершенствование сил поддержки, созданных в 2000 г. Они включали в себя транспортные части, подразделения защиты от оружия ОМУ /

¹ Taktisches Luftwaffengeschwader 73 “Steinhoff”. 2021. // BMVg. Mode of access: <https://www.bundeswehr.de/de/organisation/luftwaffe/organisation-/luftwaffentruppenkommando/taktisches-luftwaffengeschwader-73-steinhoff-> (date of access: 24.08.2021).

² Taktisches Luftwaffengeschwader 74. 2021. // BMVg. Mode of access: <https://www.bundeswehr.de/de/organisation/luftwaffe/organisation-/luftwaffentrup-penkommando/taktisches-luftwaffengeschwader-74> (date of access: 24.08.2021).

³ Taktisches Luftwaffengeschwader 51 “Immelmann”. 2021. // BMVg. Mode of access: <https://www.bundeswehr.de/de/organisation/luftwaffe/organisation-/luftwaffentruppenkommando/taktisches-luftwaffengeschwader-51-immelmann-> (date of access: 24.08.2021).

⁴ Organization der Luftwaffe. 2021. // BMVg. 2021. Mode of access: <https://www.bundeswehr.de/de/organisation/luftwaffe> (date of access: 24.08.2021).

⁵ Die Geschichte der Luftwaffe. 2021. // BMVg. Mode of access: <https://www.bundeswehr.de/de/ueber-die-bundeswehr/geschichte-bundeswehr/geschichte-luftwaffe> (date of access: 24.08.2021).

ОМП, учебные центры¹. По сути, силы поддержки являлись межвидовыми тыловыми войсками, создаваясь путем передачи части небоевых частей и подразделений армии, флота и командования под отдельное управление, тем представляя существенно модернизированный вариант территориальных войск «старого» бундесвера – однако с тем отличием, что первые состояли исключительно из кадровых военнослужащих. Не менее важно и другое: в состав сил поддержки не входили войсковые (боевые) части уровнем выше батальона. Кроме того, силы поддержки, будучи разделены на 6 округов, использовались не только на территории ФРГ, но и вне зоны ответственности НАТО (в частности, активно на начальных стадиях операции AFISMA / MINUSMA в Мали²).

По состоянию на середину 2010-х годов по численности силы поддержки (почти 33 тыс. военнослужащих)³ превосходили ВМС (свыше 16 тыс.)⁴ и BBC (около 28 тыс.)⁵, уступая лишь армии (свыше 60 тыс. солдат и офицеров)⁶.

Параллельно дальнейшее развитие получила *медицинская служба* бундесвера, подразделения которой были задействованы практически во всех миссиях бундесвера, развернутых за пределами Евро-Атлантического сообщества⁷.

В целом к середине 2010-х годов можно говорить об условном завершении военной реформы ФРГ, результаты которой оказались на практике достаточно противоречивыми.

* * *

Выше был рассмотрен достаточно протяженный отрезок времени (начало 1990-х – середина 2010-х годов), на протяжении

¹ Auftrag der Streitkräftebasis. 2021. // BMVg. Mode of access: <https://www.bundeswehr.de/de/organisation/streitkraeftebasis/auftrag> (date of access: 24.08.2021).

² Ibid.

³ Ibid.

⁴ Organization der Marine. 2021. // BMVg. Mode of access: <https://www.bundeswehr.de/de/organisation/marine> (date of access: 24.08.2021).

⁵ Organization der Luftwaffe. 2021. // BMVg. 2021. Mode of access: <https://www.bundeswehr.de/de/organisation/luftwaffe> (date of access: 24.08.2021).

⁶ Organization des Heeres. 2021. // BMVg. Mode of access: <https://www.bundeswehr.de/de/organisation/heer/organisation> (date of access: 24.08.2021).

⁷ Kommando Sanitätsdienst. 2021. // BMVg. Mode of access: <https://www.bundeswehr.de/de/organisation/sanitaetsdienst> (date of access: 24.08.2021).

которого происходили достаточно существенные изменения организационно-штатной структуры бундесвера. Неизбежно возникает вопрос: следует ли рассматривать трансформацию бундесвера в качестве *одной* реформы или *череды нескольких*, последовательно сменяющих друг друга? Среди специалистов, особенно отечественных, есть сторонники как первого¹, так и второго² подходов. С одной стороны, логично, что показателем состоятельности и тем более эффективности реформы практически в любой сфере государственного развития должно быть её развитие на временном отрезке от нескольких недель до нескольких лет, но отнюдь не десятилетий. Затягивание воспринимается в качестве неудачи, сложности реализации и, с высокой долей вероятности, итогового провала задуманных преобразований. Государственная система или её часть (в данном случае «военная машина»), находящаяся в состоянии перманентных реформ, начинает ослабевать, длительное время пребывая в неспокойном состоянии.

С другой стороны, применительно к трансформации бундесвера до середины 2010-х годов не было массовых заявлений о неудаче, напротив, изыскивались возможности для продолжения начатых «длинных шагов». Вместе с тем показателем как минимум неоднозначности предпринимаемых преобразований «военной машины» выступало отсутствие заметного роста объёмов военного присутствия ФРГ на мировой арене – важнейшего показателя для реализации державных амбиций руководства страны на глобальном уровне. Так, к началу 2010-х годов вне зоны ответственности НАТО использовалось 7–7,5 тыс. военнослужащих³ – примерно столько же (порядка 7 тыс.), что и в середине 2000-х годов⁴. А с началом новой «холодной войны» (с весны 2014 г.) этот пока-

¹ Синдеев А.А. Реформа бундесвера: три этапа // Мировая экономика и международные отношения. 2015. № 3. – С. 86–94.

² См.: Власов Н.А. Зарубежные миссии бундесвера: проблема периодизации // Теория и практика общественного развития. 2015. № 9. – С. 160–163.

³ The Bundeswehr on Operations: Publication to Mark the 15th Anniversary of the First Parliamentary Mandate for Armed Bundeswehr Missions Abroad. – Berlin: Federal Ministry of Defense, 2009. – P. 49.

⁴ Rede von Kanzler Gerhard Schröder auf der XLI. Münchener Konferenz für Sicherheitspolitik. 12.02.2005. // AGFF. Mode of access: <https://www.agfriedensforschung.de/themen/Sicherheitskonferenz/2005-schroeder.html> (date of access: 24.08.2021).

затель стал стремительно – вдвое – падать, доказывая спорность результатов предпринятых ранее преобразований¹.

При этом задача создания и развития потенциала сил кризисного реагирования возникла де-факто сразу после объединения ФРГ. И если при «позднем» Г. Коле (до 1998 г.) она не имела чётко очерчённой концепции решения, то при Г. Шрёдере (1998–2005) и А. Меркель она таковую получила. Это отражало стратегическую преемственность в выборе траектории развития вооружённых сил.

Исходя из этого, разрешением противоречия в толковании трансформации бундесвера как одной или цепи последовательных реформ является использование термина «реформирование» как характеристики процесса строительства вооружённых сил ФРГ в 1990-е – середине 2010-х годов неизменно в качественно ином направлении, чем это было в годы «классической» холодной войны. Непосредственно же сама *реформа* хронологически охватывала временной отрезок с 2000 г. до середины 2010-х годов – до начала данного периода шли масштабные редукции (продолжавшиеся и позднее), но не предпринималось заметных практических усилий по созданию сил кризисного реагирования. Перспективным обликом ВС для германских войск виделось обретение ими максимальной способности к развертыванию и эффективному проведению разноплановых заграничных миссий. Приоритетность данной задачи оставалась константой, при этом существенно конкретизировались и изменялись количественные параметры развития вооружённых сил: в случае СКР – увеличения, а СОН – уменьшения.

При этом данный процесс реформирования происходил по синусоиде. В 1990-е годы была «зачищена» площадка для проведения основной фазы реформы посредством сокращения вооружённых сил, что отвечало как букве обязательств единой ФРГ, так и её национальным интересам в тот период. Временем кульминации стали начало – первая половина 2000-х годов, когда и произошёл основной этап реформы. В последующее десятилетие, т.е. с наступлением «эры» А. Меркель, происходила дальнейшая корректировка всех её параметров (как де-юре, так и де-факто) в сторону уменьшения, т.е. осуществлялся завершающий этап преобразований, весьма растянувшийся хронологически.

¹ Glatz R., Hansen W., Kaim M., Vorrath J. Die Auslandseinsätze der Bundeswehr in Wandel. – Berlin: German Institute for International and Security Affairs, Stiftung Wissenschaft und Politik, 2018. – S. 10–11.

Причина движения по синусоиде – несоответствие амбициозных планов привлекаемой для их достижения ресурсной базы: будучи первоначально (по состоянию на середину 2000-х годов) недостаточной, она ещё более сократилась или как минимум не возросла (с точки зрения финансовых и особенно людских потоков) существенно в последующее десятилетие. Отсюда и растягивание процесса реформирования по времени, и противоречивость результатов. С одной стороны, были достигнуты крупные успехи в создании двусоставных вооруженных сил, с другой – объёмы каждой из компонент (как СКР, так и ещё более СОН) *не соответствовали* планируемым на перспективу задачам, требуя роста.

Изменения структуры миропорядка, будучи отчасти обусловлены новой холодной войны между Западом и Россией, а также усилением террористических группировок в Азии и Африки, стремительно вскрыли «хрупкость» провозглашаемых успехов преобразований «военной машины» ФРГ.

«Тупик» в формуле поиска успешного завершения реформы де-факто стал находить отражение не только на практическом, но и на концептуальном уровне ещё до начала «холодной войны», а именно уже в начале 2010-х годов: новые «Основополагающие принципы политики в области обороны» (2011)¹ и «Концепция бундесвера» (2013)² не давали чёткого ответа на вопрос: как успешно завершить начатые преобразования? Или каким образом скорректировать их направленность?

¹ См.: Verteidigungspolitische Richtlinien, 2011. – Berlin: Bundesministerium der Verteidigung, 2011. – 21 S.

² См.: Konzeption der Bundeswehr, 2013. – Berlin: Bundesministerium der Verteidigung, 2013. – 64 S.

Глава VII

«ГОРИЗОНТЫ БУДУЩЕГО» В РАЗВИТИИ ВООРУЖЁННЫХ СИЛ ГЕРМАНИИ

7.1. К вопросу поиска новой траектории развития бундесвера на долгосрочную перспективу

Насколько заданная к середине 2010-х годов траектория развития бундесвера оказалась стратегически выверена и, главное, почему? С качественной точки зрения ответ в целом положителен: двусоставная модель вооружённых сил выглядела соответствующей целям политики ФРГ в области безопасности и обороны не только в настоящем, но и в будущем. Вместе с тем актуализировался вопрос о правильности определённой ранее иерархии сил кризисного реагирования (СКР) и сил общего назначения (СОН). Напротив, с количественной точки зрения избранная линия на сокращение стала восприниматься в качестве ошибочной. Перманентные сокращения на протяжении четверти века привели к возникновению и быстрому увеличению разрыва между растущими амбициями ФРГ по обеспечению стратегического присутствия на мировой арене и уменьшающимися для этого практическими возможностями в смысле использования войск¹. Соответственно, вновь запущенные преобразования «военной машины» Германии следует рассматривать в более широком общеполитическом контексте попыток утвердиться в положении полновесного глобального игрока, т.е. мировой державы.

¹ См., напр.: *Glatz R., Hansen W., Kaim M., Vorrath J. Die Auslandseinsätze der Bundeswehr in Wandel.* – Berlin: German Institute for International and Security Affairs, Stiftung Wissenschaft und Politik, 2018. – P. 8–11.

Осознание опасности ослабления (вплоть до обрушения) достигнутых на международной арене позиций в условиях масштабных редукций бундесвера привело к поиску германским истеблишментом новой траектории развития вооружённых сил в середине – второй половине 2010-х годов. Иллюстрация тому – опубликование качественно новых планов по видению перспективного облика ВС ФРГ. Ещё в Белой книге по безопасности и будущему бундесвера, вышедшей в июле 2016 г., была впервые с начала 1990-х годов обозначена принципиальная необходимость *количественного* увеличения численности войск, парка их вооружений и военной техники (ВиВТ)¹. Тем самым де-факто была подвергнута критике траектория развития, выбранная в ходе только что – в середине 2010-х годов – завершившейся военной реформы и обозначена необходимость проведения новой.

В частности, было отмечено, что «потолок численности личного состава 2010/11 г., установленный с учётом внутренней перестройки бундесвера, был очень низким»². Иллюстративно, что Белая книга стала готовиться ещё с начала 2010-х годов, будучи опубликована (со срывом нескольких предполагаемых сроков) лишь во второй половине десятилетия (2016), что отражает те сложности, которые германскому истеблишменту приходилось преодолевать при определении перспективной модели развития бундесвера. После этого понадобилось ещё 1–2 года для детализации более общих установок, зафиксированных в Белой книге (2016): конкретное содержание ответы на вопросы определения числа соединений и частей, требований к их возможностям и вооружению стали приобретать в 2017–2018 гг. Соответствующие материалы начали публиковаться прежде всего на сайтах информационных порталов, связанных с военным ведомством ФРГ^{3, 4}, и

¹ Weissbuch zur Sicherheitspolitik und zur Zukunft der Bundeswehr. – Berlin: Bundesregierung, 2016. – S. 119–120.

² Ibid., S. 118.

³ Bundeswehr-Pläne: Heer soll drei neue Divisionen bekommen 19.04.2017. // DBwV. Mode of access: <https://www.dbwv.de/aktuelle-themen/politik-verband/beitrag/news/bundeswehr-plaene-heer-soll-drei-volle-divisionen-bekommen/> (date of access: 26.08.2021).

⁴ Zurück zur Kernaufgabe. Neue Struktur der Bundeswehr. 03.09.2018. // Tagesschau. Mode of access: <https://www.tagesschau.de/inland/bundeswehrprofil-101.html> (date of access: 26.08.2021).

лишь затем – уже самим Министерством обороны¹. Почему? В системе концептуальных документов по планированию развития ВС (см.: табл. 7.1.) нижний ярус занимает «Профиль возможностей бундесвера» – только в нём содержатся конкретные параметры перспективного облика ВС ФРГ. Но массив этих данных в целом закрыт для публичного ознакомления.

Таблица 7.1.
Иерархия документов планирования строительства ВС ФРГ²

Номер в иерархии	Название	Магистральный вопрос, на который содержит ответ	Открытость документа
1	«Белая книга по безопасности и будущему бундесвера» (<i>Weissbuch zur Sicherheitspolitik und zur Zukunft der Bundeswehr</i>)	Куда и почему? (двигаться в развитии)	Открытый
2	«Концепция бундесвера» (<i>Konzeption der Bundeswehr</i>)	Как?	Открытый
3	«Профиль возможностей бундесвера» (<i>Fähigkeitsprofil der Bundeswehr</i>)	С чем? (какой набор инструментов потребен для этого?)	Закрытый

С точки зрения автора, де-факто одним из оснований для этого выступала неуверенность руководства ФРГ в реальном достижении планируемых показателей поступательного развития бундесвера. В данной ситуации была избрана следующая схема: на фоне закрытости сведений в целом – «вброс» в публичную дискуссию отдельных данных. Следуя этой логике, понятно и первоначальное использование для этой цели не самого военного ведомства (которое подключилось несколько позднее), а связанных с ним информационных порталов: в случае жёсткой критики можно было указать, что «утечки» из Министерства обороны далеко не в полной мере соответствуют реальным планам.

Так, в 2017–2018 гг. в рамках «вбросов» была обозначена задача по удвоению числа дивизий (с 3 имевшихся до 6) и бригад

¹ Neues Fähigkeitsprofil komplettiert Konzept zur Modernisierung der Bundeswehr. 04.09.2018. // BMVg. Mode of access: <https://www.bmvg.de/de/aktuelles/neues-faehigkeitsprofil-der-bundeswehr-27550> (date of access: 26.08.2021).

² Построено автором на основе: Neues Fähigkeitsprofil komplettiert Konzept zur Modernisierung der Bundeswehr. 04.09.2018. // BMVg. Mode of access: <https://www.bmvg.de/de/aktuelles/neues-faehigkeitsprofil-der-bundeswehr-27550> (date of access: 26.08.2021).

(с 7,5 до 15,5–17,5) сухопутных войск¹. Отмечались отдельные категории вооружений, которые должны были составить основу парка ВиВТ (в частности, БТР «Boxer»)². Притом в обоих вопросах (увеличения количества войсковых единиц, их переоснащения) речь преимущественно шла о наземных силах, в существенно меньшей степени затрагивая ВМС и особенно ВВС и совсем умалчивая об изменениях в таких родах войск, как медицинская служба и командование ССО³.

Одновременно с 2018 г. стал обозначаться ряд решений, необходимых для их воплощения на практике. Так, в «Концепции бундесвера», принятой в июле 2018 г. – ровно два года спустя после опубликования Белой книги (2016), была чётко прописана необходимость создания многочисленного корпуса резервистов⁴. Иными словами, впервые со времени окончания предшествующей «холодной войны» была зафиксирована необходимость дополнения активных сил (находящихся на действительной службе солдат и офицеров) активно-пассивными (резервистами). Вслед за изданием «Концепции бундесвера» Министерство обороны ФРГ указало на завершение подготовки «Профиля возможностей бундесвера»⁵. В декабре 2018 г. была обозначена возможность поступления в войска иностранных граждан из Польши, Румынии и Италии⁶, длительное время проживающих на территории Германии. Это решение прецедентно и симптоматично, учитывая, что после реформы Г. Шарнхорста – А. Гнейзенау удельный вес иностранцев в

¹ Zurück zur Kernaufgabe. Neue Struktur der Bundeswehr. 03.09.2018. // Tagesschau. Mode of access: <https://www.tagesschau.de/inland/bundeswehrprofil-101.html> (date of access: 26.08.2021).

² Bundeswehr-Pläne: Heer soll drei neue Divisionen bekommen. 19.04.2017. // DBwV. Mode of access: <https://www.dbwv.de/aktuelle-themen/politik-verband/beitrag/news/bundeswehr-plaene-heer-soll-drei-volle-divisionen-bekommen/> (date of access: 26.08.2021).

³ Ibid.

⁴ Konzeption der Bundeswehr. 2018. – Berlin: Bundesverteidigungsministerium, 2018. – S. 32–39, 63–65.

⁵ Neues Fähigkeitsprofil komplettiert Konzept zur Modernisierung der Bundeswehr. 04.09.2018. // BMVg. Mode of access: <https://www.bmvg.de/de/aktuelles/neues-faehigkeitsprofil-der-bundeswehr-27550> (date of access: 26.08.2021).

⁶ Bundeswehr will EU-Bürger anwerben. 27.12.2018. // Tagesschau. Mode of access: <https://www.tagesschau.de/inland/bundeswehr-auslaender-101.html> (date of access: 26.08.2021).

составе прусской, а затем общегерманской армии¹ был крайне не-значителен, опускаясь вплоть до нулевых значений.

Оба данных решения (воссоздание значительных сил резервистов, готовность набора на военную службу лиц без гражданства ФРГ) вкупе с педалированием в Белой книге (2016) и «Концепции бундесвера» (2018) положения о разноплановом (имиджевом, финансом, карьерном) повышении престижа военной службы² имеют общую детерминированность. Это опасения не набрать потребного количества военнослужащих для формирования новых войсковых единиц в условиях «обнуления» призыва (с 2011 г.). «Проброс» возможности пересмотра данной формулы стартовал также в 2018 г., притом одновременно в СМИ³ и де-факто по линии Министерства обороны: так, в «Концепции бундесвера» отмечалось, что «призыв в вооружённые силы остаётся как закреплённое в Основном законе положение»⁴. Кроме того, власти ФРГ учитывали и сложную демографическую ситуацию в стране: постарение населения и отрицательные показатели его воспроизводства⁵.

Притом показательно, что прецедентный в истории Германии кризис с формированием коалиционного правительства по итогам выборов в Бундестаг (сентябрь 2017 г. – март 2018 г., завершился формированием кабинета с участием блока ХДС / ХСС и СДПГ) практически не привел к замедлению темпов разработки перспективного облика бундесвера. Это говорило в пользу наличия консенсуса по вопросу запуска новой военной реформы в принципе как минимум между представителями христианских и социал-демократов.

Следует подчеркнуть, что представленные планы тесно коррелировали с резкой активизацией программ по созданию совместного военного потенциала в рамках ЕС, в запуске и реализации которых Германия (при поддержке Франции) играла важнейшую

¹ В данном случае речь не идет о войсках СС в Третьем рейхе, представлявших параллельную вермахту «военную машину». – *Прим. авт.*

² Konzeption der Bundeswehr. 2018. – Berlin: Bundesverteidigungsministerium, 2018. – S. 66–71.

³ Большинство немцев поддерживает возврат призыва в армию. 05.08.2018. // DW. Режим доступа: <https://www.com.ru/большинство-немцев-поддерживают-возврат-призыва-в-армию/а-44960085> (дата обращения: 26.08.2021).

⁴ Konzeption der Bundeswehr. 2018. – Berlin: Bundesverteidigungsministerium, 2018. – S. 22.

⁵ Weissbuch zur Sicherheitspolitik und zur Zukunft der Bundeswehr. – Berlin: Bundesregierung, 2016. – S. 117–118.

роль. Так, особо необходимо обратить внимание на запуск странами – участниками ЕС платформы PESCO (2017), на базе которой в 2018–2019 гг. было создано 47 многосторонних проектных комитетов, 16 из которых были с участием Германии. Из этого числа 10 были функциональными, т.е. предназначенными для повышения возможностей стран-участниц по:

- повышению эффективности военно-тренировочных миссий (European Union Training Mission Competence Centre, *EU TMCC*) с участием ФРГ как ведущей страны-участницы. Комитет был создан в марте 2018 г. Интересно, что он стал единственным из представленного списка, что был закрыт в 2020 г. без официального обоснования данного решения (при том, что потребность в увеличении потенциала групп военных инструкторов, особенно в третьих странах, оставалась весьма значительной);
- созданию единого центра по повышению эффективности военно-тренировочных миссий (Integrated European Joint Training and Simulation Centre, *EUROSIM*), работа которого стартовала в ноябре 2019 г.¹;
- повышению уровня боеготовности сил кризисного реагирования ЕС (EUFOR Crisis Response Operation Core, *EUFOR CROC*), в котором ФРГ заняла положение ведущего государства-члена. Комитет был создан в марте 2018 г.;
- совершенствованию системы стратегического управления (Strategic Command and Control (C2) System for CSDP Missions and Operations, *EUMILCOM*) начал работу в марте 2018 г.;
- по созданию одного из узкопрофильных центров по борьбе с киберугрозами (Cyber and Information Domain Coordination Center, *CIDCC*), был учрежден в ноябре 2019 г.;
- совершенствованию навыков военной медицины (European Medical Command, *EMC*) с участием ФРГ как ведущего государства-участника. Комитет начал функционировать с марта 2018 г.;
- созданию единой системы военно-логистических цепочек (Network of logistic Hubs in Europe and support to operations, *Net-LogHubs*) с участием ФРГ как направляющей страны-участницы. Комитет был создан в марте 2018 г.;
- повышению мобильности войск (Military Mobility, *MM*), стал функционировать с марта 2018 г.;

¹ В тех случаях, где ФРГ не указана как ведущее государство-участник, она выполняла роль рядового члена. – *Прим. авт.*

– организации системы совместного базирования войск (Co-basing), учрежден в ноябре 2019 г.;

– совершенствованию возможностей геопространственной, метеорологической, океанографической военных служб (Geospatial, Meteorological and Oceanographic (GeoMETOC) Support Coordination Element, *GMSCE*) с ролью ФРГ как ведущего государства-члена. Комитет приступил к работе в ноябре 2018 г.¹.

Кроме того, Германия включилась в работу ещё 6 технико-технологических комитетов на платформе PESCO по:

– разработке наземной робототехники (Integrated Unmanned Ground System, *UGS*), что был учреждён в ноябре 2018 г.;

– созданию средневысотного БПЛА («евродрона») (European Medium Altitude Long Endurance Remotely Piloted Aircraft Systems – *MALE PRAS, Eurodrone*) с участием ФРГ как ведущей страны-участницы. Комитет начал функционировать с ноября 2018 г.;

– разработке боевого ударного вертолёта (European Attack Helicopters *TIGER Mark III*), создан в ноябре 2018 г.;

– созданию системы военного радио (European Secure Software defined Radio, *ESSOR*), начал функционировать с марта 2018 г.;

– разработке новых приборов для осуществления разведки и навигации (Electronic Warfare Capability and Interoperability Program for Future Joint Intelligence, Surveillance and Reconnaissance Cooperation, *JISR*), работа которого стартовала в ноябре 2018 г.;

– совершенствованию систем навигации (EU Radio Navigation Solution, *EURAS*), также начавший функционировать с ноября 2018 г.²

О чём свидетельствовали данные шаги? Стратегическим знаменателем при запуске нового комплекса преобразований национальной «военной машины» являлась интенсификация процесса закладывания и инкорпорирования положений принципа многосторонности (мультилатерализма) во вновь реорганизуемую структуру бундесвера. Он должен был не только сохранять, но увеличивать свой удельный вес в военно-политической деятельности ЕС и НАТО. Причём, исходя из профиля комитетов с участием ФРГ, особенно в качестве ведущего государства-члена, внимание уделялось как направлениям деятельности вне зоны ответственности НАТО, так и внутри неё. Так, во втором случае речь шла, в

¹ Permanent Structured Cooperation (PESCO)'s projects – Overview. 19.11.2019. // The EU. Mode of access: <https://www.consilium.europa.eu/media/41333/pesco-projects-12-nov-2019.pdf> (date of access: 26.08.2021).

² Ibid.

частности, о создании общего трансграничного пространства перемещения войск, военной техники и грузов, что было особенно важно для официального Берлина с учетом его географического положения.

В технико-технологическом плане Германия также стремилась к кооперации с партнёрами, прежде всего в наиболее сложных и ответственных областях – разработке военной робототехники. Работа в комитетах платформы PESCO сочеталась с продвижением по трекам двусторонних инициатив (в частности, разработка истребителя V поколения совместно с Францией¹) и особенно поддержкой собственных частных военных производств.

В 2019 г. и особенно 2020 г. скорость и объёмы предоставления новых сведений (прежде всего, посредством «вбросов» по линии СМИ) о планах развития бундесвера заметно сократились. Чем это обусловлено? Требовалось время, чтобы определить результативность первых шагов на пути к достижению перспективного облика бундесвера. Так, несмотря на отмеченный рост численности, к 2022 г. в бундесвере – прежде всего, сухопутных войсках – не было сформировано (в завершенном виде) ни одной новой бригады. В случае 2020 г. это объяснялось наступлением пандемии COVID-19, которая привела к «подмораживанию» в той или иной степени подавляющего большинства процессов, составляющих функционирование государства, на всех уровнях – от глобального. Привёл ли этот фактор к стагнации и тем более деградации процесса реформирования бундесвера и почему? Несмотря на объективно наличествующее негативное влияние, на данный вопрос следует дать скорее отрицательный ответ. В 2020 г. продолжился начатый в 2017–2018 гг. рост численности бундесвера², а удельный вес военных расходов от ВВП «пробил» отметку в 1,5%³, в предшествующее десятилетие колеблясь на уровне от 1,19 до 1,36%⁴. Более того, не только в относительном, но и в абсолютном отношении военные расходы в 2020 г. продолжили расти: с 52,5 млрд долл. в 2019 г. до почти 59,0 млрд в следующем⁵. При этом по скорости роста ассигнований на нужды ВС в начале

¹ Vogel D. Future Combat Air System: too big to fail // SWP-Aktuell. 2020. Dezember. № 98. – S. 1–2.

² Defence Expenditure of NATO countries (2013–2020). Communiqué PR/CP (2021) 030. – Brussels: NATO Public Diplomacy Division, 2021. – P. 12.

³ Ibid., p. 8.

⁴ Ibid., p. 1.

⁵ Ibid., p. 7.

2020-х годов ФРГ обогнала все ведущие страны – участницы НАТО¹. Эта тенденция тем более примечательна на фоне неоднократно вводимых властями Германии общенациональных локдаунов (в условиях пика волн эпидемии), что сопровождалось сокращением ВВП: 3,592 трлн долл. (2019) до 3,393 трлн долл. (2020)². И если рост численности личного состава бундесвера может быть отчасти объяснен изменением в минус масштаба безработицы, то увеличение военных расходов как в удельном (что проще в условиях снижения ВВП), так и особенно абсолютном выражении отчётливо свидетельствует о последовательной готовности властей ФРГ усиливать потенциал «военной машины» страны.

Ещё одно подтверждение тому – реализация именно в период пандемии ряда чувствительных шагов, направленных на качественное (а не только количественное) усиление потенциала бундесвера.

Во-первых, в середине октября 2020 г. были проведены, не будучи афишируемы, манёвры люфтваффе с отработкой принятия на борт и применением водородных бомб B-61, складированных на военной базе США в Бюхеле (федеральная земля Рейнланд-Пфальц)³. Показательно, что данные учения были организованы ещё при администрации Д. Трампа, притом что сам 45-й президент США выступал с жёсткой критикой ФРГ, стремясь применить тактику «кнута и пряника» (в случае Германии – с абсолютным преобладанием первой составляющей). Так, после пересмотра первоначальной позиции Белый дом в июле 2020 г. всё же принял итоговое решение о сокращении на 30% группировки войск США, в том числе выводе её наземного «ядра» (2-го бронекавалерийского полка бригадного состава)⁴. На этом фоне сам факт проведения учений с передачей контроля над ЯО ФРГ показывал широкое несогласие истеблишмента США (в том числе высокопоставленных действующих офицеров) с магистральной направленностью курса Д. Трампа в отношении Германии: в противовес данной линии была продемонстрирована заинтересованность в отработке практиче-

¹ Defence Expenditure of NATO countries (2013–2020). Communiqué PR/CP (2021) 030. – Brussels: NATO Public Diplomacy Division, 2021. – P. 12.

² Ibid., p. 10.

³ Минобороны вызвало военного атташе Германии. 23.10.2020. // ТАСС. Режим доступа: <https://tass.ru/armiya-i-opk/9801899> (дата обращения: 26.08.2021).

⁴ Major US military units to leave Germany as part of large drawdown to begin within weeks, Esper says. 29.07.2020. // US Department of Defence. Mode of access: <https://www.stripes.com/major-us-military-units-to-leave-germany-as-part-of-large-drawdown-to-begin-within-weeks-esper-says-1.639217> (date of access: 26.08.2021).

ского сотрудничества. Как ни парадоксально на первый взгляд, в своих действиях и 45-й президент США, и антитрамписты стремились к достижению единой цели – стимулировать официальный Берлин наращивать военный потенциал (и посредством этого усиливать поддержку Соединённых Штатов), однако избрали для этого различные тактики. С точки зрения автора, для самого истеблишмента ФРГ принципиально важна поддержка избранного курса на усиление потенциала «военной машины» со стороны широкого круга представителей элит США (включая и трампистов) – крупнейшего и наиболее влиятельного партнера по НАТО. Показательно, что администрация Дж. Байдена полностью отказалась от планов по сокращению военного присутствия США в ФРГ, напротив, в апреле 2021 г. в ходе своего визита в страну глава военного ведомства Л. Остин заявил о небольшом (0,5 тыс. солдат и офицеров) увеличении контингента¹ (тем отчасти «подсластив пилюлю» итогового решения США о выводе войск из Афганистана, что требовало реализации аналогичных мер Германией).

Во-вторых, 21 сентября 2020 г. в структуре бундесвера был создан центр управления операциями в воздушном и космическом пространстве², т.е. было декларировано создание «рамочной основы» (в смысле администрирования) «большими» ВВС, включающими силы, предназначенные для действий не только в тропосфере, но также стратосфере, мезосфере и термосфере.

В-третьих, в начале октября 2020 г. в Бундестаге был достигнут консенсус между блоком ХДС / ХСС и СДПГ в принятии положительного решения о предоставлении бундесверу доступа к боевым (ударным, разведывательно-ударным) беспилотным аппаратам – до этого социал-демократы выступали против положительно-го решения данного вопроса (см.: пункт 7.3.).

Наконец, *в-четвертых*, 9 февраля 2021 г. был опубликован концептуальный документ за подписью министра обороны ФРГ А. Крамп-Карренбауэр, в котором чётко фиксировалась готовность следовать курсом на количественное наращивание параметров моши бундесвера, одновременно расширяя его функциональное и

¹ US-Amtskollege Austin zu erstem offiziellen Besuch bei Kramp-Karrenbauer. 13.04.2021. // BMVg. Mode of access: <https://www.bmvg.de/de/aktuelles/us-Amtskollege-austin-besuch-kramp-karrenbauer-5054716> (date of Access 26.08.2021).

² Vogel D. Future Combat Air System: too big to fail // SWP-Aktuell. 2020. Dezember. № 98. – S. 1–2.

географическое использование¹. По сути, опубликованием данного материала посыпался отчетливый «сигнал» о том, что власти ФРГ «держат руку на пульсе» хода преобразований бундесвера. После этого военное ведомство стало активно объяснять детерминированность преобразований войск, в существенно меньшей степени раскрывая динамику данного процесса. При этом передача сведений гласности осуществлялось в рамках интервью, а также речей главы Министерства обороны².

О чём свидетельствует реализация указанных чувствительных шагов? О неизменности курса на наращивание возможностей бундесвера как необходимой (но, разумеется, отнюдь не достаточной) опоры утверждения ФРГ в положении полновесного глобального игрока. Демонстрация такой решительности тем более важна с учётом роста числа препятствий, создаваемых пандемией. Иллюстративно, что подавляющее большинство отмеченных мер военного характера, осуществленных ФРГ, было предпринято в интересах BBC. Почему именно их, а не сухопутных войск и ВМС? Причина тому – отмеченное выше отставание люфтваффе от других видов оружия в смысле реформирования с целью более активного использования как внутри, так и вне зоны ответственности НАТО. Показательно в этой связи, что наименьшая детализация (конкретизация) планов развития бундесвера, озвученных в 2017–2018 гг., имела место именно в случае BBC. В начале 2020-х годов руководство ФРГ стало уже более отчётливо осознавать пути преодоления «узких мест» в развитии люфтваффе.

Таким образом, в 2017–2018 гг. была отчётливо обозначена необходимость проведения новой реформы бундесвера. Стартовал её *предварительный* этап, в ходе которого активно шло выявление проблем, встававших на пути реализации подготавливаемых преобразований. Чем объяснялись отсутствие сокращений и, напротив, небольшой рост параметров «военной машины», особенно личного состава, уже на данном этапе? Тем, что в ходе предшествующей реформы она была понижена до критического минимума,

¹ Positionspapier: Gedanken zur Bundeswehr der Zukunft. – Berlin: Bundesministerium der Verteidigung, 2021. – S. 2–5.

² Ministerin und GI starten Veränderungsprozess: Auf dem Weg zur Bundeswehr der Zukunft. 9.02.2021. // DBwV. Mode of access: <https://www.dbwv.de/aktuelle-themen/blickpunkt/beitrag/ministerin-und-gi-starten-veraenderungsprozess-auf-dem-weg-zur-bundeswehr-der-zukunft> (date of access: 26.08.2021).

а потому начался активный поиск способов преодоления «узких мест» в развитии бундесвера.

7.2. Ключевые препятствия на пути запуска реформы

Основные трудности, возникавшие при проведении преобразований бундесвера, могут быть объединены в две группы: общественно-политические и собственно военные. В качестве традиционно «узкого места» развития бундесвера в 2010-е годы рассматривалось значение доли оборонных расходов от ВВП, меньшее 2%¹ (см.: табл. 7.2.).

Таблица 7.2.
**Динамика доли расходов Германии на военные нужды
(от ВВП)²**

Год	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
%	1,23	1,19	1,19	1,20	1,23	1,25	1,36	1,56

Однако детерминированность данной проблемы лежит прежде всего в политической, а не собственно экономической, плоскости, будучи обусловлена наличием / отсутствием воли у истеблишмента Германии выделять соответствующую часть бюджета на нужды «военной машины». Подтверждение тому – резкий рывок в увеличении доли расходов на бундесвер, что имело прежде всего общеполитическую и военную, и в несоизмеримо меньшей степени хозяйственно-финансовую (в условиях пандемии) обусловленность. В случае сохранения ХДС / ХСС в правительстве после 2021 г. (особенно в роли ведущей партии) рост продолжится с перспективой достижения 2% отметки к 2024 г., т.е. выполнения положения Уэльского саммита НАТО (2014).

Особенностью политической системы ФРГ является занятие поста министра обороны представителем «большой» (ведущей) партии в составе коалиционного правительства, которое имело в основном двухпартийный состав. Соответственно, в «эру»

¹ См., например: *Kamp K.-H. Verpflichtungen in der NATO. Mehr Geld für die Bundeswehr // Bundesakademie für Sicherheitspolitik. Arbeitspapier Sicherheitspolitik. 2016. № 12.* – S. 2–4.; *Major C. Die Rolle der NATO für Europas Verteidigung. – Berlin: Stiftung Wissenschaft und Politik, 2019.* – S. 10–11.

² *Defence Expenditure of NATO countries (2013–2020). Communiqué PR/CP (2021) 030. – Brussels: NATO Public Diplomacy Division, 2021.* – P. 7–8.

А. Меркель (2005–2021) глава военного ведомства был (была) неизменно представителем блока ХДС / ХСС, а его руководство играло ключевую роль в определении направленности и контроле хода изменений в бундесвере. Исключительно важное значение для достижения поставленных целей, особенно их одобрения большинством депутатов в Бундестаге, играла поддержка СДПГ и (в меньшей степени) СвДП. Социал-демократы в сопоставлении с христианскими демократами занимали более осторожную, а в ряде вопросов и весьма критическую, позицию в вопросе усиления военной мощи. Соответственно, блок ХДС / ХСС стремился не только содержанием, но характером – прежде всего, плавностью, расстоянностью по времени – предлагаемых к реализации совместных шагов привлечь на свою сторону лидеров и хотя бы часть рядового депутатского корпуса СДПГ.

Это положение становилось особенно актуальным в условиях растущей взаимной заинтересованности христианских и социал-демократов друг в друге в вопросе создания коалиционных правительств. Причина тому – в целом нисходящая линия потери электоральной поддержки двумя партиями, традиционно считавшимися ведущими в ФРГ. Так, если в 1972 г. блок ХДС / ХСС и СДПГ суммарно вел за собой 90,7% пришедших на выборы в Бундестаг, в 1990 г. – 77,3, в 2005 г. – 69,4, то в 2017 г. только 53,4%¹. Несмотря на понятную конкуренцию, этот фактор во многом стимулировал сотрудничество партий, приводя не только к увеличению числа кабинетов «большой коалиции» (с участием ХДС / ХСС и СДПГ), но и росту точек соприкосновения между двумя этими политическими силами. Применительно к военной сфере обычно в принципе возобладал подход христианских демократов, но скорость и ряд особенностей реализуемых мер учитывали интересы социал-демократов.

Для руководства ХДС / ХСС их поддержка тем важнее в условиях окончания «эры» А. Меркель (2021), что влекло за собой существенные риски неопределенности. Логичным в данной связи выступало стремление канцлера – политического супертяжеловеса – добиться к моменту своего ухода не только предельных результатов в деле обеспечения стратегического присутствия ФРГ на мировой арене, но и подкрепления этого соответствующим усилением потенциала ресурсной базой внешней политики. Одним из её

¹ Bundestag. Ergebnisse der Bundestagswahlen. 2021. // Wahlrecht. Mode of access: <https://www.wahlrecht.de/ergebnisse/bundestag.htm> (date of access: 26.08.2021).

ведущих составляющих выступал именно военный инструментарий. Тем самым детерминирована интенсификация усилий элит ФРГ на рубеже 2010-х – 2020-х годов по преодолению сдерживающих факторов на пути преобразований бундесвера.

Каковы основные *общественно-политические* причины возникающих трудностей? На внутреннем (национальном) уровне это, во-первых, принципиально негативное отношение к усилению моши бундесвера со стороны части общественности. Прежде всего, речь идёт о представителях следующих партий и стоящего за ними избирателя: «Левой» и Союза 90 / «Зелёных»¹. В обоих случаях (особенно первом) традиционный пацифизм накладывался на подчёркивание исторической ответственности Германии за развязывание и распространение Второй мировой войны, что обуславливало негативное восприятие любых мер, которые могут быть трактуемы как шаги по милитаризации внешней политики ФРГ в целом. Иным являлось их восприятие со стороны крайне правой оппозиции – прежде всего, представленной «Альтернативой для Германии». АдГ выступала в поддержку наращивания военного потенциала ФРГ, но старалась придерживаться принципа рациональности, т.е. настаивала на отказе от избыточных (в своём понимании) задач в области безопасности и обороны. В основном к таковым АдГ относила те из них, что связаны с реализацией принципа мультилатерализма (многосторонности)².

В вопросе *роста военных расходов* наблюдалась солидаризация «Левой» и «Зелёных»: обе партии резко усилили критику увеличения ассигнований на бундесвер, требуя перенаправить вы свобождаемые средства на решение социальных и экономико-экологических проблем, обострившихся в период пандемии³. Напротив, «Альтернатива для Германии» поддерживала идею наращивания объемов финансирования ВС ФРГ⁴.

¹ Kendall-Taylor A., Mölling C., Major C. The Greens and the Future of German Defense Policy. 28.05.2021. // CNAS. Mode of access: <https://www.cnas.org/publications/podcast/the-greens-and-the-future-of-german-defense-policy-with-claudia-major-and-christian-mölling> (date of access: 26.08.2021).

² Programm für Deutschland. Wahlprogramm der Alternative für Deutschland für die Wahl zum Deutschen Bundestag am 24. September 2017. // AfD. Mode of access: https://cdn.afd.tools/wp-content/uploads/sites/111/2017/06/2017-06-01_AfD-Bundestagswahlprogramm_Onlinefassung.pdf (date of access: 26.08.2021).

³ Deutschland. Alles ist Drin. Programmentwurf zur Bundestagswahl 2021. – Berlin, 2021. – S. 53–73, 130–134.

⁴ Ibid.

Иной расклад позиций оппозиционных партий наблюдался в вопросе *сохранения заграничных миссий* бундесвера. Если представители «Зелёных» проявляли определённуюдержанность, то «Левая» последовательно выступала в поддержку вывода контингентов бундесвера, используемых за пределами национальных границ (особенно вне Европы) – в частности, в Афганистане и Мали¹. Параллельно с «Левой» аналогичное требование предъявляла и АдГ, считая расходование ресурсов (прежде всего, людских и финансовых) на значительном удалении от границ ФРГ обременительным для неё².

Иллюстративен подход оппозиционных партий к *возможному боевому применению* бундесвера. С начала XXI в. бундесвер де-юре не использовался в боевых (силовых) операциях за пределами национальных границ. Вместе с тем де-факто случаи точечного подобного применения германских подразделений (прежде всего, из состава ССО) имели место: на юге Афганистана в начале 2010-х годов, в Алеппо (Сирия) в июне 2016 г.³ и в Мосуле (Ирак) в ноябре-декабре 2016 г.⁴ В «Концепции бундесвера» (2018) отмечалась возможность его использования в боевых действиях высокой интенсивности, в том числе в превентивных формах⁵. Принципиально жёсткую позицию занимала «Левая»: в 2016 г. в противовес опубликованной властями ФРГ «Белой книге по безопасности и будущему бундесвера» данной партией (и близким к ней Фондом Розы Люксембург) была издана «Чёрная книга», где были в систематизированном виде представлены факты применения бундесвера, выходившие за опреде-

¹ Antrag der Abgeordneten S. Dağdelen, H. Hänsel, Dr. G. Gysi, M. Brandt, Ch. Buchholz, Dr. D. Dehm, M. Höhn, A. Hunko, J. Korte, Z. Nastic, Dr. A.S. Neu, Th. Nord, T. Pflüger, E.-M. Schreiber, H.E. Sommer, A. Ulrich, K. Vogler und der Fraktion DIE LINKE. Bundeswehr unverzüglich aus Mali abziehen. – Deutscher Bundestag, 19. Wahlperiode. Drucksache 19/22118, 08.09.2020. – S. 1–2.

² Antrag der Abgeordneten und der Fraktion der AfD. Militärmision EUTM Mali beenden. – Deutscher Bundestag, 19. Wahlperiode. Drucksache 19/19154, 13.05.2020. – 3 S.

³ СМИ: Немецкий спецназ переброшен на север Сирии. 15.06.2016. Режим доступа: <https://topwar.ru/96781-smi-nemeckiy-specnaz-perebroshen-na-sever-sirii.html> (дата обращения: 26.08.2021).

⁴ Иванов П. Битва за цитадели. 31.10.2016. // Военно-промышленный курьер. Режим доступа: <https://www.vpk-news.ru/articles/33314> (дата обращения: 26.08.2021).

⁵ Konzeption der Bundeswehr. 2018. – Berlin: Bundesverteidigungsministerium, 2018. – S. 22.

лённые парламентом рамки¹. «Зелёные» также достаточно критически настроены к перспективе активного силового использования потенциала «военной машины» Германии. Показательно, что обе партии выступали последовательно против предоставления бундесверу легального доступа к вооружённым автоматизированным системам – прежде всего, ударным и ударно-разведывательным БПЛА^{2, 3}. Более ситуативной являлась позиция АдГ: она не выступала жёстко против наращивания потенциала бундесвера, позволявшего активнее использовать его в силовых акциях и операциях. Вместе с тем в контексте общего стремления минимизировать применение германских военных за пределами Европы очевидно отчасти отрицательное отношение «Альтернативы для Германии» к исследуемому вопросу.

Широкие слои избирателей, включая сторонников СДПГ и ХДС / ХСС, рассматривали процесс уменьшения всех основных параметров бундесвера как нечто само собой разумеющееся. Более того, в парадигме редукций «военной машины», когда с начала 2010-х годов сокращения стали проводиться уже ради самих сокращений, не имея под собой достаточного рационального обоснования, стал мыслить и действовать отчасти и сам германский истеблишмент.

Исключительно значимы и **внешнеполитические** трудности, встававшие перед руководством ФРГ при подготовке и проведении военной реформы. С учетом исторической ответственности Германии как ключевого агрессора, развязавшего и приведшего к распространению Второй мировой войны, любая реорганизация «военной машины» страны, особенно в сочетании с последующим наращиванием её количественных параметров, не может не вызы-

¹ Schwarzbuch. Kritisches Handbuch zur Aufrüstung und Einsatzorientierung der Bundeswehr. – Berlin: Rosa-Luxemburg-Stiftung und Fraktion die LINKE, 2016. – S. 3–123.

² Antrag der Abgeordneten T. Pflüger, H. Hänsel, M. Brandt, Ch. Buchholz, S. Dagdelen, Dr. D. Dehm, B. Freihold, Dr. G. Gysi, M. Höhn, A. Hunko, Z. Nastic, Dr. A.S. Neu, Th. Nord, E.-M. Schreiber, H.E. Sommer, A. Ulrich, K. Vogler, A. Wagner und der Fraktion DIE LINKE. Keine Beteiligung an der Entwicklung einer bewaffnungsfähigen Eurodrohne. – Deutscher Bundestag, 19. Wahlperiode. Drucksache 19/26871, 23.02.2021. – S. 1–3.

³ Antrag der Abgeordneten K. Keul, M. Bause, Dr. F. Brantner, A. Brugger, K. Gehring, O. von Holtz, U. Kekeritz, Dr. T. Lindner, C. Özdemir, C. Roth (Augsburg), M. Sarrazin, Dr. F. Schmidt, J. Trittin und der Fraktion BÜNDNIS 90/DIE GRÜNEN. Keine Beschaffung bewaffneter Drohnen für die Bundeswehr. – Deutscher Bundestag, 19. Wahlperiode. Drucksache 19/25293, 15.12.2020. – S. 1–3.

вать озабоченности у внешних игроков. Особенно, это положение относится к России как правопреемнице СССР: он стал объектом для нападения, порабощения и уничтожения со стороны Третьего рейха; внеся решающий вклад в разгром «коричневой чумы», народы Советского Союза заплатили за это огромную цену – прежде всего, в виде гибели 27 млн своих сыновей и дочерей, большинство из которых пребывали в молодом возрасте или в расцвете сил, что оказало колоссальное негативное влияние на развитие СССР и РФ на предельно долгую историческую перспективу. Безусловно, современная ФРГ, позиционируя себя зрелой парламентской демократией, в политическом развитии резко отличается от нацистской Германии. Однако историческая память не может быть утрачена, а потому любая обеспокоенность Советского Союза, а затем и России усилением военного потенциала германского (западногерманского) государства имеет под собой более чем весомые объективные основания, а потому *легитимна, при том бессрочно*.

Официальный Бонн, а затем и Берлин декларировали стремление учитывать историческую ответственность, особенно применительно к военной сфере. Как уже отмечалось (см. главу VI), юридически это выражалось в фиксировании комплекса бессрочных добровольных ограничений, принятых объединившейся ФРГ в договоре от 12 сентября 1990 г.:

- отказ от производства, владения, распоряжения ОМУ / ОМП всех основных видов (атомного, биологического, химического);
- установление с 1994 г. «потолка» численности военнослужащих для бундесвера в целом в 370 тыс., в том числе для армии и ВВС – не более 345 тыс.¹

Общим знаменателем данных самолимитирований выступала формула «мира и только мира», должно исходить с немецкой земли².

Проведение военной реформы, которая отчётливо нацелена как на качественный, так и количественный рост потенциала бундесвера, может вызвать вопросы в смысле полного соблюдения Германией принятых в договоре (1990) обязательств. О возможном и осуществляемом де-факто нарушении каких конкретно обя-

¹ Договор об окончательном урегулировании в отношении Германии от 12 сентября 1990 г. // Сборник международных договоров СССР и Российской Федерации: Выпуск XLVII. – М.: Международные отношения, 1994. – С. 34–37.

² Там же.

зательств идет речь? С одной стороны, крайне маловероятно пробивание «потолка» *предельной численности* бундесвера (370 тыс. солдат и офицеров). В результате длительных сокращений к середине 2010-х годов германские вооружённые силы насчитывали менее 180 тыс. военнослужащих¹, и с учетом как планируемых, так и реально имеющихся темпов увеличения количества солдат и офицеров (см. пункты 7.3. и 7.4.) удвоение этого показателя представляется исключительно сложной, но всё же теоретически достижимой задачей. При этом в случае необходимости по некоторым категориям прироста – например, личному составу вновь формируемых команд управления и обслуживания БПЛА, наблюдателям, направляемым в состав мониторинговых миссий – он де-юре может быть «обнулён» посредством перевода данного персонала из военнослужащих в категорию гражданского персонала Министерства обороны ФРГ. Для него не предусмотрено никаких ограничений по численности. Показательно также, что наращивание специалистов «без погон» выступало одной из приоритетных задач развития ВС Германии согласно Концепции бундесвера (2018)². Существенно более масштабной категорией персонала «военной машины» ФРГ, де-юре не подпадавшей под количественные ограничения, выступали резервисты, переходящие из пассивного разряда в активный (находящийся на действительной службе) личный состав только на время сборов, учений и возникновения кризисных ситуаций.

С другой стороны, возможны нарушения обязательств, закрепленных в договоре об окончательном урегулировании в отношении Германии, в качественном отношении. *Во-первых*, речь идёт о наличии потенциального *доступа бундесвера к единицам ядерного оружия* США (атомные бомбы B-61 на военной базе США в Бюхеле). В ходе отмеченных выше учений, проводимых предельно скрытно, в октябре 2021 г. был отработан сценарий превращения этой потенциальной возможности в экзистенциальную³. В связи с этим более чем логичен и легитимен протест, заявленный РФ по линии Министерства обороны. При этом рос-

¹ Defence Expenditure of NATO countries (2013–2020). Communiqué PR/CP (2021) 030. – Brussels: NATO Public Diplomacy Division, 2021. – P. 12.

² Konzeption der Bundeswehr. 2018. – Berlin: Bundesverteidigungsministerium, 2018. – S. 66–71.

³ Минобороны вызвало военного атташе Германии. 23.10.2020. // ТАСС. Режим доступа: <https://tass.ru/armiya-i-opk/9801899> (дата обращения: 26.08.2021).

сийская сторона обозначила опасность действий Германии в узком плане (содействие эскалации напряжённости в отношениях России и Запада)¹, не став давать более широкий контекст: фактическое нарушение ФРГ обязательства об отказе от распоряжения ОМУ.

Во-вторых, это вопрос оснащения бундесвера боевыми, т.е. имеющими вооружение, роботизированными системами – прежде всего, ударно-разведывательными и ударными БПЛА. Запрет для Германии на данную категорию вооружений не был введен (в том числе, вследствие нахождения военной робототехники почти в зачаточном состоянии на момент подписания договора 12 сентября 1990 г.). Однако получение доступа к оснащённой летальным оружием роботизированной технике существенно расширяет возможности по боевому использованию бундесвера за пределами национальных границ и особенно вне зоны ответственности НАТО. До того ключевым инструментом, применявшимся ФРГ де-факто для проведения силовых акций, выступали подразделения сил специальных операций – симптоматично, что именно они в начале 2020-х годов столкнулись с проблемой резкого укрепления правых радикалов в своих рядах². В случае если ССО будут дополнены командами вооружённых роботизированных систем (прежде всего, средне- и дальневысотными), это резко увеличит возможности ФРГ по сложно контролируемому общественностью проецированию силы в различных точках земного шара. Показательна отмеченная выше растущая готовность Германии к участию в боевых действиях высокой интенсивности, что закреплено в «Концепции бундесвера»³. Соответственно, оснащение бундесвера боевыми дронами заметно повышает риск нарушений Германией формулы «мира и только мира», должного исходить с немецкой земли.

Наконец, на пути проведения реформы бундесвера возникли и *трудности собственно военного характера*. Ключевой из них следует признать инерционность «военной машины» ФРГ, на протяжении четверти века функционировавшей в парадигме сокращений и успевшей к ней привыкнуть. Из медицинской практики известно, что выздоровление больного зависит не только от

¹ Минобороны вызвало военного аттасе Германии. 23.10.2020. // ТАСС. Режим доступа: <https://tass.ru/armiya-i-opk/9801899> (дата обращения: 26.08.2021).

² KSK-Reform: Vertrauen wiederherstellen. 10.05.2021. // BMVg. Mode of access: <https://www.bmvg.de/de/aktuelles/ksk-reform> (date of access: 26.08.2021).

³ Konzeption der Bundeswehr. 2018. – Berlin: Bundesverteidigungsministerium, 2018. – S. 22.

правильного диагностирования недуга (недугов) и определения необходимых мер лечения, но и от готовности самого болеющего к их максимально быстрой и полной реализации, сколь бы трудной она ни была, включая побочные эффекты. В данном случае «больным» выступали вооружённые силы ФРГ, а «болезнью» – процесс дальнейших редукций.

Де-юре более чем логично, что Министерство обороны Германии стало менять траекторию развития ВС с редукционной на постулательный прирост только после получения соответствующих указаний от федерального правительства. Удивительно другое: отсутствие заблаговременно разрабатываемых планов по возможному наращиванию бундесвера в недрах военного ведомства. Иллюстративна та нечёткость первоначальных идей по созданию новых войсковых единиц, которые озвучивались в 2017–2018 гг. Так, для сухопутных войск в 2017 г. это выражалось посредством установления не конкретного показателя, а диапазона (от 8 до 10) новых бригад¹. Ничего не говорилось о создании на базе имевшихся команд БПЛА отдельных частей, оснащённых роботизированной техникой².

Показательно также, что в 2017–2018 гг. разнились приводимые информационными порталами цифры планируемой общей численности бундесвера; к 2020 г. было определено, что в 2025 г. он должен насчитывать в своем составе 203 тыс. солдат и офицеров³, т.е. возрасти более чем на 12,5% от уровня 2017 г.⁴ С учётом набранной к началу 2020-х годов скорости (почти 187,0 тыс. в 2020 г. против менее 180,0 тыс. в 2017 г.)⁵ достижение показателя в 203,0 тыс. выглядит реалистичным. Однако чёткие планы далее, чем на перспективу 5–7 лет, в реалиях начала 2020-х годов не были представлены, что также отражало неуверенность Министерст-

¹ Bundeswehr-Pläne: Heer soll drei neue Divisionen bekommen. 19.04.2017. // DBwV. Mode of access: <https://www.dbwv.de/aktuelle-themen/politik-verband/beitrag/news/bundeswehr-plaene-heer-soll-drei-volle-divisionen-bekommen/> (date of access: 26.08.2021).

² Zurück zur Kernaufgabe. Neue Struktur der Bundeswehr. 03.09.2018. // Tagesschau. Mode of access: <https://www.tagesschau.de/inland/bundeswehrprofil-101.html> (date of access: 26.08.2021).

³ Modernisierungskatalog der Bundeswehr bis 2031: Geld ist knapp – Personal noch viel mehr. 20.12.2019. Mode of access: <https://augengeradeaus.net/2019/12/modernisierungskatalog-der-bundeswehr-bis-2031-geld-ist-knapp-personal-noch-viel-mehr/comment-page-1/> (date of access: 26.08.2021).

⁴ Defence Expenditure of NATO countries (2013–2020). Communiqué PR/CP (2021) 030. – Brussels: NATO Public Diplomacy Division, 2021. – P. 12.

⁵ Ibid.

ва обороны в возможности наращивания потенциала бундесвера до уровня существенно выше отметки в 200 тыс. военнослужащих.

Что такое 20-тысячное усиление к 2026 г.? Вкупе с сокращением тыловых (обслуживающих) подразделений и передачей части их личного состава (либо мест, которые займут вновь набранные солдаты и унтер-офицеры) в боевые это позволит создать новую дивизию (3 бригады) в сухопутных войсках. Кроме того, в их составе может быть сформирована ещё одна отдельная бригада (с возложением на неё ответственности в случае необходимости немедленно принимать на себя функции бригады сверхповышенной боевой готовности СБР НАТО)¹. Иными словами, в состав сухопутных войск будет дополнительно включено до 4 укомплектованных бригад. Кроме того, будут усилены армейская авиация, а также имеющиеся эскадры люфтваффе и ВМС. Собственно, это будет означать начало *основного* этапа военной реформы.

Со второй половины 2020-х годов, если не будут приняты чувствительные решения по расширению базы набираемых на службу (прежде всего, пересмотр «обнуления» призыва, а также увеличение списка государств, граждане из которых могут приниматься в бундесвер), создание новых частей и соединений существенно усложнится. Будет работать следующий принцип: каждые новые 10 тыс. солдат и офицеров по мере роста «военной машины» набираются сложнее, чем предшествующие. При таком сценарии часть планируемых к созданию войсковых единиц не будет обеспечена активным личным составом. Просчитывалась ли такая перспектива военными экспертами? Безусловно. В 2017 г. это выразилось в уже отмеченном колебании числа вновь создаваемых бригад (но не дивизий) сухопутных войск, а в 2019 г. – в признании того факта, что одна из трёх вновь формируемых дивизий (2–3 бригады) будет кадрированной. Иными словами, в основном за ней закреплялись резервисты, призываемые в случае необходимости, а активных офицеров и особенно солдат в ней должен был находиться минимум². Это тесно коррелировало с программой

¹ Bundeswehr-Pläne: Heer soll drei neue Divisionen bekommen. 19.04.2017. // DBwV. Mode of access: <https://www.dbwv.de/aktuelle-themen/politik-verband/beitrag/news/bundeswehr-plaene-heer-soll-drei-volle-divisionen-bekommen/> (date of access: 26.08.2021).

² Modernisierungskatalog der Bundeswehr bis 2031: Geld ist knapp – Personal noch viel mehr. 20.12.2019. Mode of access: <https://augengeradeaus.net/2019/12/modernisierungskatalog-der-bundeswehr-bis-2031-geld-ist-knapp-personal-noch-viel-meehr/comment-page-1/> (date of access: 26.08.2021).

создания и усиления сил резервистов, содержащейся в «Концепции бундесвера» (2018)¹.

Почему наибольшее внимание в представленных планах уделялось развитию именно сухопутных войск? По сравнению с другими видами войск армия подверглась более масштабным сокращениям не только в абсолютном (что вполне логично, учитывая традиционную многочисленность сухопутных сил), но и в удельном отношениях. Вместо 12 полных дивизий (1990) в бундесвере осталось 2 полные и 1 неполная к началу 2020-х годов (менее 25%), в то время как в авиации осталось 6 боевых воздушных эскадр против 15 в начале 1990-х годов, т.е. 40%.

Не менее важна другая причина. Принцип переложения части функциональной нагрузки наземных войск на ВМС и ВВС (особенно при проведении операций вне зоны ответственности), отстаиваемый ещё комиссией Р. фон Вайцзеккера², показал в случае бундесвера свою нежизнеспособность. При развертывании подавляющего большинства миссий (кроме UNIFIL на границах Ливана, EU NAVFOR ATALANTA в Аденском заливе и у берегов Сомали, «Sea Guard» и IRINI в Средиземном море с ведущим участием морине) основная или даже полная нагрузка ложилась на подразделения и части сухопутных войск, а отнюдь не другие виды войск. Внутри зоны ответственности НАТО согласно «Концепции бундесвера» (2018) декларировалась готовность ФРГ активно участвовать в имеющихся и планируемых к созданию военно-морских (постоянных морских группах НАТО) и военно-воздушных (миссиях по патрулированию воздушного пространства)³. Однако при этом наблюдалось постепенное наращивание объёмов использования подразделений наземных войск в составе сил передового развертывания Североатлантического альянса⁴; при комплектовании СБР Альянса в 2010-е годы именно армия несла безусловную клю-

¹ Konzeption der Bundeswehr. 2018. – Berlin: Bundesverteidigungsministerium, 2018. – S. 32–39, 63–65.

² Gemeinsame Sicherheit und Zukunft der Bundeswehr. Bericht der Kommission an die Bundesregierung 23. Mai 2000. – Berlin, 2000. – S. 14–17.

³ Konzeption der Bundeswehr. 2018. – Berlin: Bundesverteidigungsministerium, 2018. – S. 22–24, 42–44.

⁴ Iron Wolf: Höhepunkt jeder EFP-Rotation. 01.07.2019. // BMVg. Mode of access: <https://www.bundeswehr.de/de/einsaetze-bundeswehr/akn-missionen/efp-enhanced-forward-presence/iron-wolf-67288> (date of access: 26.08.2021).

чевую нагрузку¹. В целом сухопутные войска к середине 2010-х годов имели чёткую двусоставную основу (в отличие от ВВС), в их состав были введены подразделения роботизированной разведывательной техники и накоплен опыт её применения (не в пример другим видам ВС). Поэтому в случае армии речь идет не столько о качественной перекройке структуры, но о количественном наращивании созданной платформы перспективных войск, а потому формулировать конкретные планы намного легче, чем в случае других родов войск. С учётом наработанного опыта сухопутные войска останутся «стержнем» бундесвера будущего, притом их удельный вес будет большим, чем это предполагалось в 2000-е и отчасти в 2010-е годы.

Изменится облик соединений сухопутных войск, особенно на бригадном уровне, – они станут более межвидовыми по своему составу, т.е. в них резко увеличится удельный вес непрофильных компонент. Это означает, что помимо танковых и мотопехотных частей (а также штабов и сил тылового обслуживания) в состав каждой бригады сухопутных войск будут включены компоненты армейской авиации (прежде всего, команды БПЛА), морской поддержки (в том числе катера), специального назначения; подлежат численному усилению подразделения сапёров. В состав каждой вновь формируемой дивизии вводился артиллерийский батальон усиленного состава². Данная тенденция стала проявляться уже в 2010-е годы, когда в состав сухопутных частей и подразделений (батальонных и даже ротных тактических групп, действовавших в Мали и в Афганистане) стали включаться команды разведывательных БПЛА³, однако эти усиления носили временный характер, не приводя к изменению официальной организационно-штатной структуры сил наземных войск.

¹ NATO Response Force (NRF) Fact Sheet 1.01.2019. // NATO. Mode of access: <https://jfcbs.nato.int/page5725819/nato-pesponse-force-nrf-fact-sheet> (date of access: 26.08.2021).

² Bundeswehr-Pläne: Heer soll drei neue Divisionen bekommen. 19.04.2017. // DBwV. Mode of access: <https://www.dbwv.de/aktuelle-themen/politik-verband/beitrag/news/bundeswehr-plaene-heer-soll-drei-volle-divisionen-bekommen/> (date of access: 26.08.2021).

³ Die Heeresaufklärer in Mali – Augen und Ohren von MINUSMA Multidimensionale Integrierte Stabilisierungsmission der Vereinten Nationen in Mali. 2018. // BMVg. Mode of access: <https://www.bmvg.de/de/aktuelles/die-heeresaufklaerer-in-mali-augen-und-ohren-von-minusma-11474> (date of access: 26.08.2021).

Существенно медленнее идёт детализация планов в случае ВМС и особенно ВВС. В люфтваффе весь парк боевых самолётов (свыше 200) был укомплектован исключительно пилотируемыми машинами¹. С 2017–2018 гг. речь стала вестись о замене парка боевой авиации, притом как пилотируемыми самолётами (в частности, перспективным истребителем V поколения)², так и БПЛА – прежде всего, дальневысотными³. Однако вопрос формирования новых тактических воздушных эскадр обходился молчанием, в отличие от вновь планируемых к развертыванию дивизий армии.

Аналогичная ситуация наблюдалась с ВМС. Стали декларироваться лишь планы по замене и увеличению корабельного состава – прежде всего, «больших» фрегатов (типа «Sachsen»), минных тральщиков (всего до середины 2030-х годов планируется заменить на более современные 15 из 50 надводных кораблей и судов, т.е. около трети)⁴, однако отнюдь не по формированию новых войсковых единиц. Почему? Военно-морские силы имели сбалансированную структуру: каждая оперативная флотилия включает по 2 эскадры надводных боевых кораблей и по 1 эскадре судов поддержки; сверх того в 1-й оперативной флотилии имеется эскадра подводных лодок⁵. Соответственно, вопрос о введении в состав моряне новых войсковых единиц как минимум остро не стоит, в отличие от вопроса об обновлении корабельного состава. Кроме того, его темпы (15 надводных кораблей, в том числе 4 фрегата⁶)

¹ Bundeswehr-Pläne: Heer soll drei neue Divisionen bekommen. 19.04.2017. // DBwV. Mode of access: <https://www.dbwv.de/aktuelle-themen/politik-verband/beitrag/news/bundeswehr-plaene-heer-soll-drei-volle-divisionen-bekommen/> (date of access: 26.08.2021).

² Vogel D. Future Combat Air System: too big to fail // SWP-Aktuell. 2020. Dezember. № 98. S. 1–8.

³ Dahlmann A. Heron TP – und dann? Implikationen einer Bewaffnung deutscher Drohnen // SWP-Aktuell. 2020. September. № 76. S. 1–4.

⁴ Bundeswehr-Pläne: Heer soll drei neue Divisionen bekommen. 19.04.2017. // DBwV. Mode of access: <https://www.dbwv.de/aktuelle-themen/politik-verband/beitrag/news/bundeswehr-plaene-heer-soll-drei-volle-divisionen-bekommen/> (date of access: 26.08.2021).

⁵ Einsatzflottille 1. 2021. // BMVg. Mode of access: <https://www.bundeswehr.de/de/organisation/marine/organisation/einsatzflottille-1> (date of access: 26.08.2021); Einsatzflottille 2. 2021 // BMVg. Mode of access: <https://www.bundeswehr.de/de/organisation/marine/organisation/einsatzflottille-2> (date of access: 26.08.2021).

⁶ Bundeswehr-Pläne: Heer soll drei neue Divisionen bekommen. 19.04.2017. // DBwV. Mode of access: <https://www.dbwv.de/aktuelle-themen/politik-verband/>

не смогут обеспечить необходимый для формирования новой эскадры рост числа боевых вымпелов. В случае люфтваффе наблюдается аналогичная картина: существующие объёмы закупок пилотируемой техники смогут обеспечить развертывание в лучшем случае новой тактической воздушной эскадры. Однако в случае ВВС ФРГ, в отличие от ВМС, создание ещё одной-двух войсковых единиц крайне востребовано. Выходом могло бы стать оснащение бундесвера ударными и ударно-разведывательными БПЛА в дополнение к пилотируемым машинам. «Повисает» вопрос и об обновлении спутниковой группировки (5 орбитальных аппаратов, запущенных в космос во второй половине 2000-х годов)¹.

Наконец, немаловажным выступает вопрос о качестве – в том числе, с точки зрения идеологическо-политической зрелости, – вновь набираемого на службу личного состава. Это тем более важно для ФРГ, чей истеблишмент стремится позиционировать страну в качестве зрелой парламентской демократии. В соответствии с традициями политической системы стран Запада армия должна быть «вне политики». Однако усиление правого радикализма, характерное для германского общества в 2010-е годы в целом, затронуло и ряды бундесвера: в июле 2020 г. была расформирована 2-я рота отряда сил специальных операций за распространение и проявления крайнего национализма. Это элитное подразделение: при том сами ССО, в состав которых идет очень жёсткий отбор (содержащий намного больше критерииев, чем при поступлении на службу в «обычные» войска), являются достаточно закрытой структурой. Одна из причин тому, уже отмеченная выше, – «заточенность» ССО прежде всего на боевое (силовое) использование, в том числе неофициально в обход мандата Бундестага. Каствость в военном отношении, действия на «лезвии бритвы» всей «военной машины» Германии в целом оказали стимулирующее воздействие на подъём праворадикальных настроений. Руководство военного ведомства уже постфактум стремилось смягчить негативное впечатление, подчеркнув, что речь шла лишь об отдельных лицах². Однако в таком случае были бы расформированы 1–3 взвода (даже

[beitrag/news/bundeswehr-plaene-heer-soll-drei-volle-divisionen-bekommen/](https://www.bundeswehr.de/de/beitrag/news/bundeswehr-plaene-heer-soll-drei-volle-divisionen-bekommen/) (date of access: 26.08.2021).

¹ Bundeswehr startet Satellitensystem SAR-Lupe 5.12.2008. Mode of access: <https://www.silicon.de/39199942/bundeswehr-startet-satellitensystem-sar-lupe> (date of access: 26.08.2021).

² KSK-Reform: Vertrauen wiederherstellen. 10.05.2021. // BMVg. Mode of access: <https://www.bmvg.de/de/aktuelles/ksk-reform> (date of access: 26.08.2021).

с учётом того, что численность каждого из них существенно меньше, чем армейского взвода), но не целая рота, – именно масштаб проблемы во многом вынудил придать дело огласке. Не менее иллюстративен и другой факт: в мае 2021 г. было декларировано осуществление трансформации всего отряда ССО (в том числе его командования и системы управления), включавшая реализацию 60 шагов по само- и внешнему мониторингу политических настроений военнослужащих ССО, обеспечению их предельной приверженности принципам демократии¹. Осуществление мер политических «чисток» и перенастройка механизмов выявления и пресечения неблагонадежных настроений тем важнее, что более чем вероятна возможность существенного наращивания численности отряда ССО. Доводы в пользу этого заключаются не только в поступательном характере развития бундесвера в целом, но и росте потенциальных эпизодов, требующих точечного боевого (силового) применения спецназа – прежде всего, в зонах тех вооружённых конфликтов, где наблюдается деградация процесса урегулирования (в частности, восстановление потенциала и активизация структур международного терроризма). В целом же отмеченный кризис в отряде ССО стимулирует меры по профилактике радикальных (притом не только право-, но и лево-) настроений в вооружённых силах Германии в целом.

7.3. Пути преодоления препятствий начальной стадии военной реформы

Каким образом германский истеблишмент пытался разрешить отмеченные трудности в деле запускаемых преобразований «военной машины» и почему были избраны именно эти тактики? Приступая к поиску ответа на данный вопрос, следует обратить особое внимание на фактор пандемии COVID-19. Он стал «чёрным лебедем» или «стратегическим шоком» для всех акторов на международной арене, однако особо негативное влияние оказал на государства Запада в целом и Германию непосредственно. Евро-Атлантическое сообщество, традиционно воспринимая самого себя в привилегированном положении в различных отношениях (в том числе в социально-экономическом разрезе), оказалось в эпи-

¹ KSK-Reform: Vertrauen wiederherstellen. 10.05.2021. // BMVg. Mode of access: <https://www.bmvg.de/de/aktuelles/ksk-reform> (date of access: 26.08.2021).

центре эпидемии: так, в первый год США уверенно лидировали (точнее, антилидировали) среди государств мира по числу заболевших и умерших от COVID-19, а большинство стран – участниц ЕС пережили 2–3 волны пандемии, сопровождавшиеся национальным локдаунами. Для ФРГ это было тем болезненнее, что, несмотря на большой научный потенциал, Германия не смогла войти не только в первый, но даже во второй и третий эшелоны государств – разработчиков вакцины от коронавирусной инфекции. Это в значительной степени парализовало или как минимум сократило внешнеполитическую активность официального Берлина в целом: так, в феврале–марте 2020 г. произошло временное возвращение в места постоянной дислокации части заграничных контингентов¹. Не оправдались первоначальные (возникшие весной 2020 г.) надежды на то, что медицинская служба бундесвера станет одним из ключевых инструментов борьбы с COVID-19 на глобальном уровне в целом². Данный частный пример иллюстрирует более общую тенденцию – необоснованность представлений о том, что в условиях пандемии Германия с её развитой сферой здравоохранения сможет, используя данный фактор как элемент «мягкой силы» (в том числе и военных медиков), резко укрепить свои позиции на международной арене. Данное «окно возможностей» не было использовано; более того, имиджу ФРГ как наукоёмкого центра влияния на мировой арене был нанесён существенный урон. Такое положение чувствительно для любого влиятельного государства, а в случае официального Берлина оно болезненно вдвойне: ФРГ находится в процессе движения к занятию положения полновесного глобального игрока. Отсюда следует необходимость компенсации утраченных возможностей. Одним из весьма ограниченных по своему спектру средств достижения этого действующая элита Германии рассматривает неизменность курса на наращивание потенциала бундесвера, притом не только в количественном, но и в качественном отношениях.

Здесь необходимо подчеркнуть, что пандемия COVID-19, с одной стороны, создала дополнительные препятствия внутри самой ФРГ на пути преобразований бундесвера. Резкое обострение

¹ См., напр.: *Glatz R., Hansen W., Kaim M., Vorrath J. Die Auslandseinsätze der Bundeswehr in Wandel.* – Berlin: German Institute for International and Security Affairs, Stiftung Wissenschaft und Politik, 2018. – P. 8–11.

² *Major C., Schulz R., Vogel D. Die neuartige Rolle der Bundeswehr im Corona-Krisenmanagement // SWP-Aktuell. 2020. Juni. № 51. – S. 1–8.*

социальных и экономических проблем (прежде всего, рост безработицы и снижение ВВП в условиях неоднократных национальных локдаунов) ставило вопрос о целесообразности роста расходов на ВС в этой ситуации: данная проблематика особенно активно педалировалась представителями «Левой» и «Зелёных». Однако руководство ФРГ, особенно представители блока ХДС / ХСС, не намерены жертвовать ростом ассигнований на нужды «военной машины» даже для решения чувствительных вопросов в социальной сфере. Это решение тем более показательно в условиях завершения «эры» А. Меркель осенью 2021 г.: важной составляющей её политического наследия должен оставаться стратегический мотив усиления военной мощи ФРГ как опоры для реализации её глобальных амбиций. Иными словами, продемонстрирован примат долгосрочных внешнеполитических целей над краткосрочными задачами внутреннего развития.

С другой стороны, эпидемия одновременно и открыла новые возможности для преодоления трудностей в деле преобразований «военной машины». Причина тому – отвлечение внимания общественности внутри ФРГ и внешних акторов на борьбу с пандемией, что позволяло существенно продвинуться в ряде вопросов перевооружения бундесвера, имевших сложную политическую и международно-правовую подоплеку. Ключевой пример использования данной возможности – лоббирование руководством блока ХДС / ХСС положительного *решения вопроса о предоставлении бундесверу доступа к вооружённым (ударным, ударно-разведывательным) роботизированным системам*. Он был поставлен ещё на рубеже 2000-х – 2010-х годов, однако существенные сдвиги произошли лишь десятилетие спустя. Так, в коалиционном договоре (март 2018 г.) впервые отмечалось, что «Бундестаг будет особо решать вопрос о закупках боевых дронов после детального рассмотрения его с точки зрения соответствия международно-правовым, конституционным и этическим нормам»¹. В 2018 г. Министерством обороны ФРГ была взята в лизинг у Израиля партия (7 единиц) разведывательно-ударных БПЛА его производства «Heron TP», однако в небоевом варианте (при том что несколько машин типа «Heron»

¹ Antrag der Abgeordneten K. Keul, M. Bause, Dr. F. Brantner, A. Brugger, K. Gehring, O. von Holtz, U. Kekeritz, Dr. T. Lindner, C. Özdemir, C. Roth (Augsburg), M. Sarrazin, Dr. F. Schmidt, J. Trittin und der Fraktion BÜNDNIS 90/DIE GRÜNEN. Keine Beschaffung bewaffneter Drohnen für die Bundeswehr. Deutscher Bundestag, 19. Wahlperiode. Drucksache 19/25293, 15.12.2020. – S. 1.

имелись в составе парка БПЛА бундесвера с 2010 г.)¹. Вслед за этим один из аппаратов «Heron TP» был направлен в Мали². Не встретив широкого общественного неприятия данного решения, руководство блока ХДС / ХСС устами тогдашнего министра обороны У. фон дер Ляйен в 2019 г. выступило с инициативой взять в лизинг у Израиля (перед которым Германия несла огромную историческую ответственность за осуществление холокоста) машины типа «Heron TP» уже в боевом оснащении, с тем чтобы формально места их постоянной дислокации располагались на территории официального Тель-Авива³. Одновременно, стремясь минимизировать критику, власти ФРГ отклонили возможность направления данных БПЛА в Афганистан под предлогом отсутствия в том необходимости⁴, хотя положение германских подразделений в условиях наступления «Талибана» и (в меньшей степени) местных отрядов «Исламского государства»⁵ в североафганских провинциях было сложным. «Проброс» позиции общественности, осуществленный У. фон дер Ляйен, показал, что критическое отношение к идею предоставления бундесверу вооружённых автоматизированных систем стало снижаться. Воспользовавшись этим, лидеры христианских демократов очень грамотно использовали фактор пандемии, отвлекшей внимание общественности внутри ФРГ и акторов на мировой арене на решение остройших социальных и экономических проблем. В разгар первой волны эпидемии COVID-19 Министерство обороны провело серию профильных научных се-

¹ Денисов Б., Жмеренецкий В. Беспилотные летательные аппараты ВС Германии, часть 1 // Зарубежное военное обозрение. 2019. № 10. – С. 57–62.

² Antrag der Abgeordneten K. Keul, M. Bause, Dr. F. Brantner, A. Brugger, K. Gehring, O. von Holtz, U. Kekeritz, Dr. T. Lindner, C. Özdemir, C. Roth (Augsburg), M. Sarrazin, Dr. F. Schmidt, J. Trittin und der Fraktion BÜNDNIS 90/DIE GRÜNEN. Keine Beschaffung bewaffneter Drohnen für die Bundeswehr. Deutscher Bundestag, 19. Wahlperiode. Drucksache 19/25293, 15.12.2020. – S. 1–2.

³ Dahlmann A. Heron TP – und dann? Implikationen einer Bewaffnung deutscher Drohnen // SWP-Aktuell. 2020. September. № 76. – S. 1–2.

⁴ Antrag der Abgeordneten K. Keul, M. Bause, Dr. F. Brantner, A. Brugger, K. Gehring, O. von Holtz, U. Kekeritz, Dr. T. Lindner, C. Özdemir, C. Roth (Augsburg), M. Sarrazin, Dr. F. Schmidt, J. Trittin und der Fraktion BÜNDNIS 90/DIE GRÜNEN. Keine Beschaffung bewaffneter Drohnen für die Bundeswehr. Deutscher Bundestag, 19. Wahlperiode. Drucksache 19/25293, 15.12.2020. – S. 2–3.

⁵ Запрещенная в России организация. – Прим. автора.

минаров с приглашением независимых экспертов¹. «Высветив» в ходе них многочисленные «узкие места» в обеспечении положительной реакции большинства в Бундестаге, руководство ХДС / ХСС использовало лето 2020 г. для тщательной проработки позиции.

Осенью – зимой 2020 г. на фоне новой волны COVID-19 руководство ФРГ инициировало второй, уже более масштабный, раунд обсуждения вопроса. Крупным успехом руководства блока ХДС / ХСС стало привлечение на свою сторону лидеров фракции СДПГ к началу парламентской дискуссии². Во многом это было обеспечено реализацией совместных шагов, которые де-юре не являлись мерами по оснащению бундесвера вооружёнными автоматизированными системами, но де-факто непосредственно были подготовкой к этому и подводили партнёра по «большой коалиции» в лице социал-демократов к принятию положительного решения. Какие это меры? Прежде всего, это осуществление шагов по взятию в лизинг у Израиля ударно-разведывательных дронов «Heron TP» в невооружённом варианте; принятие ФРГ роли государства-лидера в проекте PESCO по разработке ударно-разведывательного средневысотного «евродрона»³. 5 октября 2020 г. состоялась публичная экспертная дискуссия в профильном Комитете Бундестага по оборонным вопросам. В ходе неё 4 из 6 экспертов высказались за оснащение бундесвера вооружёнными роботизированными системами. Интересны приведенные доводы. В собственно военном отношении отмечалось, что солдаты и офицеры якобы не понимают, что в их распоряжении только невооружённые аппараты, но нет боевых, – напротив, они уверены в обратном⁴. Кроме того, было отмечено, что в этическом плане не

¹ См., напр.: Becker P. Bewaffnete Drohnen. Politische, ethische und rechtliche Aspekte. Podiumsdiskussion im Bundesministerium der Verteidigung am 24 März 2020. – Berlin: BMVg, 2020. – 31 S.

² Bundeswehr könnte Kampfdrohnen erhalten. 05.10.2020. // Bundestag. Mode of access: https://www.das-parlament.de/2020/42_44/innenpolitik/798394-798394 (date of access: 26.08.2021).

³ Antrag der Abgeordneten T. Pflüger, H. Hänsel, M. Brandt, C. Buchholz, S. Dagdelen, Dr. D. Dehm, B. Freihold, Dr. G. Gysi, M. Höhn, A. Hunko, Z. Nastic, Dr. A.S. Neu, T. Nord, E.-M. Schreiber, H.E. Sommer, A. Ulrich, K. Vogler, A. Wagner und der Fraktion DIE LINKE. Keine Beteiligung an der Entwicklung einer bewaffnungsfähigen Eurodrohne. – Deutscher Bundestag, 19. Wahlperiode. Drucksache 19/26871, 23.02.2021. – S. 1–2.

⁴ Kampfdrohnen völkerrechtlich nicht verboten. 05.10.2020. // Bundestag. Mode of access: <https://www.bundestag.de/presse/hib/797150-797150> (date of access: 26.08.2021).

существует разницы между поддержкой с воздуха сухопутных подразделений боевым самолетом с летчиком (экипажем) на борту и беспилотным аппаратом¹, – тезис более чем спорный с точки зрения международного права, особенно гуманитарного. Одновременно подчёркивалась невозможность ведения ударными дронами огня по мирному населению (как это неоднократно имело место в случае беспилотной авиации США в Афганистане) с педализированием факта наличия жёсткого парламентского контроля над использованием бундесвера². Безусловно, и данный аргумент не может быть признан полностью справедливым, учитывая приводимые выше случаи боевого использования ССО в обход мандата Бундестага, – как уже отмечалось, наличие боевых роботизированных систем в арсенале бундесвера существенно расширит эти возможности. Однако в целом сторонникам положительного решения вопроса удалось, пребывая в большинстве (что во многом было обеспечено соответствующей подборкой экспертов), добиться лоббирования своего подхода: позиция противников оказалась слабее, причем не был упомянут тезис о весьма вероятном нарушении Германией пункта о «мире и только мире», должна исходить с немецкой земли в случае принятия на вооружение ударных и ударно-разведывательных БПЛА.

На данном фоне более чем вероятно создание во второй половине 2020-х годов первой воздушной эскадры вооружённых беспилотных аппаратов в бундесвере – средне- и дальневысотных. Основу их парка составят образцы типов «Нетон ТР», а также «Eurodrohne» (в случае успешного завершения разработки и испытаний последнего). Не исключено также приобретение ударных БПЛА производства США типа «MQ-4 С Triton» (менее вероятно – «RQ-4 В Global Hawk»), однако здесь возникают повышенные трудности коммерческого характера. Притом важно учитывать ещё одно обстоятельство – как и в случае с ЯО, ФРГ имеет опосредованный доступ к парку ударных и ударно-разведывательных БПЛА США, находящихся на их базах на территории Германии – прежде всего, «Рамштайн» и «Шпангдалем»³.

¹ Kampfdrohnen völkerrechtlich nicht verboten. 05.10.2020. // Bundestag. Mode of access: <https://www.bundestag.de/presse/hib/797150-797150> (date of access: 26.08.2021).

² Ibid.

³ Becker P. Bewaffnete Drohnen. Politische, ethische und rechtliche Aspekte. Podiumsdiskussion im Bundesministerium der Verteidigung am 24 März 2020. – Berlin: BMVG, 2020. – S. 11–12.

Представленный пример важен, однако всё же является более частным, – следует определить те общие информационные поводы, которые использовались руководством блока ХДС / ХСС и в целом действующей элитой ФРГ для обоснования существенного наращивания потенциала бундесвера. Это, во-первых, подчёркивание близкого к критическому снижения уровня боеспособности войск, наблюдаемая нехватка полностью годных к использованию единиц вооружений и военной техники¹. При этом информационно в данном случае использовался тактический приём, характерный для США при зондировании вопроса об увеличении финансирования: гиперболизация имевшихся проблем. Интересно, что тезис о военной слабости Германии одновременно стали «пробрасывать» как лидеры блока ХДС / ХСС², так и правая оппозиция в лице АдГ³. Соответственно, обе силы, весьма отличные друг от друга по своей политico-идеологической направленности, параллельно подготавливали общественную почву для будущего запуска роста бундесвера. В данном случае утрата электоральной поддержки по итогам выборов в Бундестаг от блока ХДС / ХСС и особенно СДПГ в пользу АдГ не повлияла негативно на общественное восприятие усиления «военной машины» вследствие близости позиций. Иное дело – это возможное усиление электоральной поддержки «Зелёных» (и в меньших масштабах «Левой»): тогда переток электората проиллюстрирует рост чёткого неприятия (или как минимум критического восприятия) планов по количественному наращиванию бундесвера.

Другой информационный повод – это необходимость использования бундесвера для сдерживания «российской угрозы». В отличие от предыдущего (реальное масштабное сокращение всех параметров мощи бундесвера на протяжении четверти века), это именно повод, но не причина, притом весьма политизированный и субъективный. В ряде случаев для смягчения ярко выраженной антироссийской окраски в ФРГ говорят об увеличении нагрузки по

¹ Меден Н.К. О некоторых тенденциях в оборонной политике Германии // Вестник МГИМО-Университета. 2015. № 2. – С. 151–156.

² Ursula von der Leyen will Deutschland aufrüsten. 2017. // SHZ. Mode of access: <http://www.shz.de/deutschland-welt/politik/ursula-von-der-leyen-will-deutschland-aufruesten-id12570601.html> (date of access: 26.08.2021).

³ Programm für Deutschland. Wahlprogramm der Alternative für Deutschland für die Wahl zum Deutschen Bundestag am 24. September 2017. // AfD. Mode of access: https://cdn.afd.tools/wp-content/uploads/sites/111/2017/06/2017-06-01_AfD-Bundestagswahlprogramm_Onlinefassung.pdf (date of access: 26.08.2021).

обеспечению территориальной обороны и безопасности государств – партнеров по НАТО¹. Данная схема применяется в той или иной конкретной формулировке более широко, чем непосредственно якобы существующая «российская угроза» и необходимость реагирования на неё, однако фактор недружественного восприятия действий и приписываемых РФ сугубо гипотетических планов является «ядром».

С февраля – марта 2021 г. эти шаги были усилены подключением, хотя пока и точечным, ФРГ к ещё одной «холодной войне»: между группой стран «коллективного» Запада – прежде всего, США, с одной стороны, и КНР – с другой. В марте 2021 г. Министерством обороны ФРГ была организована «утечка» в СМИ, в которой приводились подробные данные о военном потенциале РФ и КНР. В случае России отмечалось наличие мощных ракетных стратегических вооружений, а также 840 тыс. бойцов и командиров, способных к быстрым перемещениям и развертыванием² – данная цифра существенно (в 2,5–3 раза) превышает численность сухопутных войск РФ, видимо, включая в себя силы ВМСФ, ВКС, РВСН, а также внутренние войска. Иными словами, этот показатель гиперболизирован. Зачем? Затем, чтобы подтолкнуть рядового германского обывателя к поддержке наращивания потенциала «военной машины» самой ФРГ, которая в рассматриваемый момент имела менее 190 тыс. солдат и офицеров. Для КНР была указана численность вооруженных сил в 2,0 млн военнослужащих, наличие 2,8 тыс. танков и 1,6 тыс. самолетов, а также подчёркнуто динамичное развитие ракетных систем, ударных и ударно-боевых дронов, а также мощь ВМС³. Сфокусированность на данных сюжетах в рамках «утечки» Министерства обороны ФРГ объяснима: с помощью представления столь существенных цифр по численности войск и основным видам конвенциональных вооружений электорат подводился к мысли о необходимости роста данных показателей, существенно более низких, у Германии. Фокусирование на возможностях КНР в области производства вооружённых дронов было нацелено на обработку общественного мнения ФРГ перед

¹ Konzeption der Bundeswehr. 2018. – Berlin: Bundesverteidigungsministerium, 2018. – S. 19–35.

² Verteidigungsministerium warnt vor Bedrohungen durch Russland und China. 07.03.2021. // Die Welt. Mode of access: <https://www.welt.de/politik/ausland/article22770275/Verteidigungsministerium-warnt-vor-Bedrohungen-durch-Russland-und-China.html> (date of access: 26.08.2021).

³ Ibid.

принятием решения об оснащении ими бундесвера. Наконец, особо следует отметить положение о наличии сильных ВМС у официального Пекина – в случае самой Германии именно надводные и подводные силы выступали наиболее сбалансированным по структуре и развитым по сравнению с остальными видом войск. Высвечивая морскую мощь КНР, ФРГ тем самым обосновывала необходимость дальнейшего развития соответствующих классов военной техники и экипажей в своем случае – в том числе, с целью «сдерживания» официального Пекина.

В случае континентального Китая до конца 2010-х годов Германия всячески избегала участия в данном процессе, напротив демонстрируя крепость дружественных отношений с КНР¹. Помимо ряда иных причин (в частности, стремления обеспечить стратегическое проникновение на Дальний Восток в увязке с существенным потеплением отношений с США при администрации Дж. Байдена) с точки зрения автора необходимо выделить и стремление найти ещё один повод в обоснование существенного усиления потенциала бундесвера. Хронологически и содержательно декларирование планов подключения к «сдерживанию» КНР (притом данных в достаточно мягкой с политической точки зрения форме² со стремлением сохранить и развить экономическое сотрудничество³) совпадало с подчёркиванием руководством ФРГ неизменности курса на существенное усиление бундесвера. Уже в концептуальном документе от 9 февраля 2021 г. (за подписью министра обороны ФРГ) впервые декларировалась готовность к проведению совместных учений ВМС с Австралией и Японией, а также обеспечению безопасности морского судоходства на Дальнем Востоке⁴. А в середине марта 2021 г. военным ведомством ФРГ было

¹ См., напр.: Pressestatement von Bundeskanzlerin Merkel zum Abschluss ihrer China-Reise in Wuhan. 7.09.2019. // Bundeskanzleramt. Mode of access: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/pressestatement-von-bundeskanzlerin-merkel-zum-abschluss-ihrer-china-reise-1668518> (date of access: 26.08.2021).

² Gemeinsame Strategien gegenüber Russland und China entwickeln. 20.02.2021. // Bundeskanzleramt. Mode of access: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/gemeinsame-strategien-gegenueber-russland-und-china-entwickeln-1860302> (date of access: 26.08.2021).

³ См., напр.: China öffnet sich für europäische Unternehmen. 06.01.2021. // Bundeskanzleramt. Mode of access: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/eu-china-investitionsabkommen-1834304> (date of access: 26.08.2021).

⁴ Positionspapier: Gedanken zur Bundeswehr der Zukunft. – Berlin: Bundesministerium der Verteidigung, 2021. – S. 3.

обозначено решение отправить в акваторию Тихого океана первый фрегат¹. Тем самым подчёркивались не только реальные успехи в развитии ВМС, но и практическая ценность их дальнейшего усиления.

Иллюстративно также, что подключение ФРГ к «сдерживанию» КНР произошло на фоне существенного ухудшения отношений Германии и России, наблюдавшегося с лета 2020 г. При этом в данном случае речь шла именно о политико-дипломатической и идеологической плоскостях (прежде всего, это сугубо политизированное «дело Навального», рост противоречий в регионе СНГ)², достаточно слабо затрагивая экономическую – в частности, Германия не инициировала в этот период новых секторальных экономических санкций в отношении РФ. Рассматривая динамику участия ФРГ в «сдерживании» России с 2014 г. в целом, уместно подчеркнуть: Берлинская республика демонстрирует возвращение к модели внешнеполитического поведения ещё Боннской республики в период предшествующей «холодной войны». В общеполитическом плане это смена (как в одну, так и в другую сторону – по принципу «качания маятника») двух основных схем поведения:

(a) нахождения в положении одного из авангардных (авангардного) государств – членов «коллективного» Запада с точки зрения оказываемого на СССР / РФ политico-дипломатического давления;

(b) оставаясь органичной частью Евро-Атлантического сообщества, принятие роли активного участника в снижении напряжённости между сторонами вплоть до достижения «разрядки».

Безусловно, выбор одной из двух данных схем поведения (или нахождение на одной из точек отрезка между ними) определялся для ФРГ многими детерминантами – в частности, общей конфигурацией «холодной войны», числом и остротой каждого из «раздражителей». При этом в данный список причин, с точки зрения автора, следует включить ещё одну: это *фаза развития бундесвера*. Хронологический отрезок, на который приходились подготовка или проведение военной реформы, т.е. время существенного на-

¹ Ministerin im Interview. 18.03.2021. // BMVg: <https://www.bmvg.de/de/aktuelles/ministerin-im-interview-5041976> (date of access: 26.08.2021).

² Bundeskanzlerin Merkel telefoniert mit dem russischen Präsidenten Wladimir Putin. 18.08.2020. // Bundeskanzleramt. Mode of access: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/bundeskanzlerin-merkel-telefoniert-mit-dem-russischen-praesidenten-wladimir-putin-1777836> (date of access: 26.08.2021).

рашивания качественных и количественных характеристик вооружённых сил ФРГ, характеризовался ростом её политico-дипломатического давления на СССР. Так было в 1949–1955 гг., когда лишь прорабатывались планы по созданию бундесвера, и в 1956–1962 гг., когда была создана его основа. В связи с этим представляется отнюдь не случайным, что интенсификация усилий по реформированию бундесвера в 2020–2021 гг. сопровождалась существенным ухудшением российско-германских отношений, притом отнюдь не по инициативе Москвы. Чем обусловлена эта закономерность? Любая военная реформа априори де-юре направлена на усиление потенциала «вооружённых сил», притом в обоих случаях – 1956–1962 гг. и начала 2020-х годов – речь шла не только о качественной перестройке, но и существенном количественном росте. Это положение, учитывая фактор исторической ответственности Германии за развязывание и распространение Второй мировой войны, не могло не вызывать легитимной обеспокоенности РФ. Безусловно, в политическом плане современная ФРГ резко отличается от Третьего рейха (в частности, подтверждая это борьбой с правым радикализмом в своих вооружённых силах). Однако тот факт, что наращивание потенциала бундесвера осуществляется в увязке с резкой интенсификацией его использования против РФ (как и в 1956–1962 гг. и позднее против СССР), объективно не может не вызывать критического восприятия Кремля.

Каковы стратегические особенности новой «холодной войны» для ФРГ?

В отличие от предшествующей, в условиях новой ФРГ географически расположена уже не на передовой, а в глубине зоны ответственности НАТО. Следует также учитывать, что с точки зрения количественных параметров сдерживания, особенно в собственном военном (в частности, конвенциональном) отношении, нынешнее стратегическое ухудшение России и Запада имеет существенно меньшие по масштабу характеристики, чем это было в середине 1940-х – конце 1980-х годов. Наконец, географически линия «холодной войны» между Западом и РФ пролегает в основном в Европе, ограниченно на Ближнем и Дальнем Востоке и точечно – в Африке.

Данные положения создают для ФРГ достаточно широкое пространство для внешнеполитического маневрирования – в частности, существенно облегчая несение собственно военной нагрузки по усилению потенциала группировок НАТО вблизи её зоны ответственности. Притом Германия отдавала предпочтение ис-

пользованию бундесвера в рамках сил быстрого реагирования (СБР; второй стратегический эшелон войск Альянса) перед силами передового развёртывания (СПР; первый стратегический эшелон). Почему? Следует учесть географическое положение: СБР, будучи комплектуемы на ротационной основе поочередно всеми европейскими странами – участниками НАТО, в основном занимаются боевой подготовкой в глубине зоны ответственности Альянса, где расположена и сама Германия. Не менее важно другое: по своим количественным характеристикам (численности личного состава, единиц парка вооружений и военной техники) СБР существенно превосходили СПР, по сути, представляя собой основные, а отнюдь не авангардные (как силы передового развёртывания) группировки НАТО. С учетом политической роли и веса ФРГ в Евро-Атлантическом сообществе в целом и Альянсе в частности, а также перспективной роли бундесвера очевидна сфокусированность официального Берлина именно на силах быстрого реагирования.

В целом динамика участия бундесвера в их комплектовании и функционировании, равно как и масштабов его применения в военно-тренировочной деятельности Альянса в Восточной и Северной Европе демонстрирует восходящую динамику – как в количественном, так и качественном отношениях. Так, вклад ФРГ в функционирование военно-морских (по одной постоянной оперативной группе и постоянной контрминной группе в Балтийском и Чёрном морях, а также прилежащих к ним акваториях) и военно-воздушной (Миссия по патрулированию воздушного пространства стран Балтии) войсковых механизмов вблизи границы зоны ответственности НАТО был дополнен с 2017 г. выделением наземных подразделений. С января 2017 г. (в рамках выполнения решений Варшавского саммита Альянса) ФРГ приняла функции «рамочной» нации в комплектовании и деятельности батальонной тактической группы (БТГ) СПР НАТО в Литве¹, притом канцлер А. Меркель в сентябре 2018 г. демонстративно посетила расположение германского контингента².

¹ FP beim litauischen Tag der Streitkräfte. 23.11.2019. // BMVg. Mode of access: <https://www.bundeswehr.de/de/einsaetze-bundeswehr/anerkannte-missionen/esp-enhanced-forward-presence/esp-beim-litauischen-tag-der-streitkraefte-156840> (date of access: 26.08.2021).

² Statement von Bundeskanzlerin Merkel vor deutschen Soldatinnen und Soldaten der NATO Enhanced Forward Presence Battle Group Litauen in Rukla. 14.09.2018. // Bundeskanzleramt. Mode of access: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/statement-von-bundeskanzlerin-merkel-vor-deutschen-soldatinnen-und-soldaten>

В ходе первых с начала новой «холодной войны» учений НАТО «Anakonda 16», проходивших в июне 2016 г. на территории западных воеводств Польши и (в существенно меньшей степени) восточных федеральных земель Германии, вклад последней ограничился всего 0,4 тыс. военнослужащих (сапёрный батальон) при общей численности участников в 31,0 тыс.¹ А в ходе учений «Trident Juncture 18» (50 тыс. участников) в Норвегии в октябре 2018 г. бундесвер выделил межвидовую группировку численностью свыше 8,0 тыс. военнослужащих и 4,0 тыс. единиц боевой и вспомогательный техники². Притом сухопутные силы бундесвера (41-я мотопехотная бригада) составили «ядро» соединения сверхповышенной боевой готовности СБР НАТО, т.е. «острия копья» контрударной группировки³. В ходе военно-морских учений «Sea Breeze 21» в Чёрном море (вблизи территорий Украины, а также Румынии) ФРГ вновь не вошла в число государств-участников. Чем обусловлена данная динамика? *Во-первых*, она отвечает логике концепции «стратегической сдержанности»: по мере хронологического удаления от фазы возникновения новой «холодной войны» происходит процесс её институциализации, т.е. выработки правил поведения сторон в новых условиях. Соответственно, риск неконтролируемой эскалации напряжённости, способный привести к перерастанию «холодной войны» в «горячую» с весьма вероятными катастрофическими последствиями для всех сторон, постепенно снижался по мере отдаления от весны 2014 г. В последующем, по мере «структурирования» состояния конфронтации (одним из элементов которой стал «Нормандский формат»), столь же чувствительно воспринимались лишь наиболее крупные учения, проходящие вблизи

der-nato-enhanced-forward-presence-battle-group-litauen-1525324 (date of access: 26.08.2021).

¹ NATO countries begin largest war game in eastern Europe since cold war. 6.06.2016. // The Guardian. Mode of access: <https://www.theguardian.com/world/2016/jun/06/nato-launches-largest-war-game-in-eastern-europe-since-cold-war-anaconda-2016> (date of access: 26.08.2021).

² Trident Juncture: Ein starkes Signal der NATO. Rena, Norwegen, 12.11.2018. // BMVg. Mode of access: https://www.bundeswehr.de/portal/a/bwde/start/aktuelles/aus_der_truppe/!ut/p/z1/hY_NCoMwEITfyE1SatKjIoIQtNT-mUsJJIiLTSSk0kMfvpGCN-keBnZm91sWBFxBGDn1nfS9NXIIfSPiW8r4kZMdIfzEECp4yaotQRixDZzh8m9EhBitVIKgVhqawKCjCqGGgQlpaPWGu1n9dr4PmjnpLcuGq3zw5y8nAtJ1CtoEM5STJdT-JPGeZYQSmlWpIcZ-JCTfC-7sp2fhuYujRr03rbJzxifOSvLbfcFcVJpnA!!/dz/d5/L2dBISeVZ0FBIS9nQSeh/#Z7_B8LTL2922LU800ILN8O52010O6 (date of access: 26.08.2021).

³ Ibid.

критически важных регионов (полуанклавы в виде Калининградской области и Крымского п-ова) России с точки зрения обеспечения её обороны. Соответственно, по мере отодвижения от весны 2014 г. и удалённости от зоны вооруженного конфликта на востоке Украины возрастает готовность ФРГ участвовать в комплектовании СПР НАТО (размещённых наиболее близко к РФ) и военно-тренировочной деятельности в зоне их оперирования. *Во-вторых*, интенсификацией использования бундесвера в Восточной и Северной Европе ФРГ демонстрировала готовность вносить повышенный вклад в обеспечение их безопасности и обороны, тем укрепляя систему двусторонних отношений с этими государствами – партнерами по ЕС и НАТО. Наконец, *в-третьих*, рассматриваемая тенденция являлась составляющей демонстрируемой руководством ФРГ готовности последовательно продвигаться в вопросе проведения военной реформы бундесвера, наращивания объемов его использования внутри зоны ответственности НАТО.

Здесь неизбежен вопрос: а как преобразования «военной машины» ФРГ коррелируются с готовностью применять войска за пределами Евро-Атлантического сообщества? Едва ли не ключевым лейтмотивом подготавливаемой военной реформы бундесвера обозначается необходимость внести растущий вклад в обеспечение коллективных возможностей стран – участниц НАТО по обеспечению безопасности и обороны её зоны ответственности¹. Рост нагрузки на ВС ФРГ в вопросах комплектования СПР и СБР НАТО сопровождался сокращением суммарной численности заграничных контингентов бундесвера: так, если в 2013 г. за пределами Евро-Атлантического сообщества использовалось порядка 7 тыс. военнослужащих, то во второй половине 2010-х годов данный показатель упал до 3,5 тыс.², а в первом полугодии 2020 г. – до 2,5 тыс.³ К июлю 2020 г. вне зоны ответственности НАТО использовалось лишь около 2 тыс. военнослужащих⁴. Если сокраще-

¹ Konzeption der Bundeswehr. 2018. – Berlin: Bundesverteidigungsministerium, 2018. – S. 19–35.

² См., напр.: Glatz R., Hansen W., Kaim M., Vorrath J. Die Auslandseinsätze der Bundeswehr in Wandel. – Berlin: German Institute for International and Security Affairs, Stiftung Wissenschaft und Politik, 2018. – P. 8–11.

³ Major C., Schulz R., Vogel D. Die neuartige Rolle der Bundeswehr im Corona-Krisenmanagement // SWP-Aktuell. 2020. Juni. № 51. – S. 1–3.

⁴ Anzahl der an internationalen Einsätzen beteiligten deutschen Soldaten der Bundeswehr. 05.07.2021. // Statista.de. Mode of access: <https://de.statista.com/statistik/>

ние (2020) объяснялось фактором пандемии (что привело к выводу части контингентов в места постоянного базирования) и рассматривалось как сугубо временное, то предшествующее падение носило долгосрочный характер, будучи обусловлено нехваткой войск в бундесвере в условиях возрастания числа задач. В условиях недостатка СКР в бундесвере вне зоны ответственности НАТО (в частности, на Балканах, в Афганистане и Мали) активно использовались СОН. В реалиях новой «холодной войны» подобное маневрирование силами и средствами стало намного более проблематичным. Однако даже в условиях планируемого роста войск ФРГ отнюдь не стремится к пересмотру данного положения: в «Концепции бундесвера» закреплён принцип «единого набора сил» (Single Set of Forces¹), т.е. предельно гибкого их использования. В более узком плане это означает стремление ФРГ как минимум сохранить и по возможности укрепить военно-политическое присутствие в различных регионах мира. Два ключевых примера тому в реалиях конца 2020-х годов – афганское и малийское направления.

Так, в *первом* случае сохранение военного присутствия Германии напрямую зависело от пребывания в этой стране Центральной Азии группировки войск США. 29 февраля 2020 г. между администрацией Д. Трампа и движением «Талибан» была заключена «стратегическая сделка», которая предусматривала всеобщее прекращение огня в обмен на вывод военных сил США (а следовательно, и поддерживавших их государств-партнёров) из Афганистана к 1 мая 2021 г. Несмотря на осведомлённость о ходе и содержании этих переговоров, официальный Берлин незадолго до их завершения (19 февраля 2020 г.) продлил мандат контингента бундесвера в составе миссии «Resolute Support», не уменьшив ни спектра задач, требующихся к выполнению германскими военными, ни «потолка» их численности². Федеральное правительство изыскивало все возможности для сохранения присутствия в Афганистане (под эгидой НАТО), надеясь на ряд факторов. Это возможный срыв «сделки» самим «Талибаном», пересмотр решения администрацией Д. Трампа (что в случае 45-го президента США

daten/studie/72703/umfrage/anzahl-der-soldaten-der-bundeswehr-im-ausland/ (date of access: 26.08.2021).

¹ Konzeption der Bundeswehr. 2018. – Berlin: Bundesverteidigungsministerium, 2018. – S. 23.

² Antrag der Bundesregierung. Fortsetzung der Beteiligung bewaffneter deutscher Streitkräfte am NATO-geführten Einsatz Resolute Support. – Deutscher Bundestag, 18. Wahlperiode. Drucksache 19/17287, 19.02.2020. – S. 1–5.

наблюдалось неоднократно) или президентом от Демократической партии в случае его победы на выборах в США (ноябрь 2020 г.) и, конечно, глобальное распространение пандемии. Первоначально данные надежды стали оправдываться – победу одержал оппонент Д. Трампа Дж. Байден, администрация которого взяла паузу для аудита ситуации на афганском направлении. Вкупе с резким потеплением отношений США и ФРГ¹ это положение было истолковано германским истеблишментом как сохранение военного присутствия США, а значит, и аналогичной возможности для самой Германии. Несмотря на рост критических настроений не только среди депутатского корпуса Бундестага, но экспертного сообщества², правительство провело информационную кампанию³, обеспечив очередную пролонгацию мандата контингента бундесвера с сохранением «потолка» численности и задач⁴. Однако в середине апреля 2021 г. администрация Дж. Байдена приняла окончательное решение о выводе всех регулярных ВС США из Афганистана, лишь сдвинув срок завершения процесса с 1 мая на 11 сентября 2021 г. Стремясь «подсластить пилюлю», накануне опубликования этого решения в Германию прибыл глава военного ведомства Содединённых Штатов, подробно объясняя мотивацию данных планов⁵. Почти сразу же официальный Берлин был вынужден сделать

¹ Telefonat zwischen Bundeskanzlerin Merkel und dem amerikanischen Präsidenten Biden. 25.01.2021. // Bundeskanzleramt. Mode of access: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/telefonat-zwischen-bundeskanzlerin-merkel-und-dem-amerikanischen-praesidenten-biden-1843056> (date of access: 26.08.2021).

² *Glatz R.L., Kaim M.* Mandat verlängern – Abzug vorbereiten // SWP-Aktuell. 2020. März. № 18. – S. 1–3.

³ Afghanistan: Deutschland bleibt verlässlicher Partner. 17.03.2021. // BMVg. Mode of access: <https://www.bmvg.de/de/aktuelles/afghanistan-deutschland-bleibt-verlaesslicher-partner-5041968> (date of access: 26.08.2021).

⁴ Antrag der Bundesregierung. Fortsetzung der Beteiligung bewaffneter deutscher Streitkräfte am NATO-geführten Einsatz Resolute Support für die Ausbildung, Beratung und Unterstützung der afghanischen nationalen Verteidigungs- und Sicherheitskräfte in Afghanistan. – Deutscher Bundestag, 19. Wahlperiode. Drucksache 19/26916, 24.02.2021. – S. 1–4.

⁵ US-Amtskollege Austin zu erstem offiziellen Besuch bei Kramp-Karrenbauer. 13.04.2021. // BMVg. Mode of access: <https://www.bmvg.de/de/aktuelles/us-Amtskollege-austin-besuch-kramp-karrenbauer-5054716> (date of access: 26.08.2021).

разворот на 180⁰, продекларировав свёртывание присутствия бундесвера в Афганистане к началу осени 2021 г.¹

Однако уже к маю 2021 г. определилось стремление США закончить вывод войск раньше – к национальному празднику 4 июля, что потребовало интенсификации усилий ФРГ по эвакуации своих войск². Она была осуществлена в ускоренном темпе, завершившись 30 июня 2020 г.³ Это поставило перед руководством Германии сразу несколько масштабных проблем: как объяснить огромные финансовые затраты и масштабы использования бундесвера в 2000–2010-е годы, результаты которых «обнулились» в результате быстрого продвижения «Талибана»? И каким образом, а конкретно – за счёт каких направлений, – восполнить критическое «проседание» в масштабах присутствия бундесвера вне зоны ответственности НАТО? На фоне неудач в обеспечении прочных наземных военно-политических позиций на Ближнем Востоке (кейс Иордании здесь являлся исключением), таковые возможности сохранялись в значительной степени лишь в Западной Африке и Средиземноморье. Притом обе данные проблемы возникли исключительно «не вовремя», накануне окончания «эры» А. Меркель, тем оказывая негативное опосредованное влияние и на перспективы проведения военной реформы.

Во *втором* случае (*Мали*) зависимость ФРГ от военного присутствия партнера, несущего ключевую нагрузку в осуществлении непосредственно боевых действий, присутствует, однако всё же ниже. Главное же состоит в том, что таким союзником в Мали и группе стран «сахельской пятерки» в целом (также Буркина-Фасо, Мавритания, Нигер, Чад) были не США, а Франция. Несмотря на силовую смену власти военными в Мали 19–20 августа 2020 г. (и повторение этой акции уже 24–25 мая 2021 г.), что деюре частично обнулило декларируемые германо-французским tandemом успехи в области демократизации этой африканской страны, официальный Берлин не демонстрировал стремления свернуть здесь своё военное присутствие. Так, правительство,

¹ Bundeswehr plant Beendigung des Einsatzes Resolute Support in Afghanistan. 22.04.2021. // BMVG. Mode of access: <https://www.bmvg.de/de/aktuelles/bundeswehr-plant-beendigung-des-einsatzes-in-afghanistan-5059016> (date of access: 26.08.2021).

² Der Abzug aus Afghanistan. 23.04.2019. // BMVG. Mode of access: <https://www.bundeswehr.de/de/aktuelles/schwerpunkte/abzug-afghanistan> (date of access: 26.08.2021).

³ Bundeswehr: der Abzug aus Afghanistan. 30.06.2021. // Tagesschau. Mode of access: <https://www.tagesschau.de/ausland/afghanistan/bundeswehr-abzug-afghanistan-107.html> (date of access: 26.08.2021).

опираясь на парламентское большинство в Бундестаге, не инициировало прекращение мандатов контингентов бундесвера в составе военно-тренировочной миссий EUTM Mali (ЕС) и миротворческой MINUSMA (ООН). Более того, при очередной пролонгации в случае EUTM Mali «потолок» численности инструкторов бундесвера был увеличен с 450 (этот показатель был прецедентным для практики использования бундесвера в обучении солдат и офицеров иностранных государств) до рекордных 600 (!)¹. Безусловно, вопрос о достижении данной отметки (или хотя бы приближения к ней) де-факто будет открыт, однако само по себе данное решение показательно. Вкупе с сохранением без редукций задач и «потолка» (1,1 тыс. солдат и офицеров) контингента бундесвера в составе миссии MINUSMA² это отчётливо показывает стремление руководства ФРГ сохранить общеполитические и военные позиции в Мали. Соответственно, власти Германии пытались идти на сотрудничество с армейскими чинами Мали, находящимися у власти (прямо, опосредованно после назначения временным президентом Ба Ндау, и снова прямо). Это тем более объяснимо, учитывая, что малийские военные стремятся повысить эффективность борьбы с террористическими группировками, тем самым не допуская дальнейшей деградации урегулирования конфликта в Мали, к чему стремится и ФРГ, разнопланово усиливая свою активность в этой африканской стране. Притом рост «потолка» военных инструкторов и советников отчётливо свидетельствуют о фактическом желании Германии сохранить и усилить свой контроль над вооружёнными силами Мали.

Что означают данные примеры? Интенсифицируя использование бундесвера (от батальона до бригады) внутри зоны ответственности НАТО, Германия стремится использовать свой военный потенциал, но в других масштабах (от небольших групп инструкторов до батальона) за пределами Евро-Атлантического сообщества. Возможности этого в самом начале 2020-х годов резко снизились, заставляя искать потенциал для изменения данной ситуации не только в целом внешнеполитически, но и в рамках проведения военной реформы.

¹ Antrag der Bundesregierung. Fortsetzung der Beteiligung bewaffneter deutscher Streitkräfte an der Militärmision der Europäischen Union EUTM Mali. – Deutscher Bundestag, 19. Wahlperiode. Drucksache 19/28804, 21.04.2021. – S. 3.

² Antrag der Bundesregierung. Fortsetzung der Beteiligung bewaffneter deutscher Streitkräfte an der Multidimensionalen Integrierten Stabilisierungsmission der Vereinten Nationen in Mali (MINUSMA). – Deutscher Bundestag, 19. Wahlperiode. Drucksache 19/28803, 21.04.2021. – S. 3.

7.4. Стратегические императивы и тактические основы функционирования перспективной «военной машины» ФРГ

Перечисленные трудности и формы их преодоления не соответствуют выбору руководством ФРГ ускоренного (форсированного) варианта наращивания потенциала бундесвера. Как минимум на среднесрочную перспективу этому будет предпочтен вариант плавного роста, что отражают публикуемые планы Министерства обороны, что означает полномасштабный старт военной реформы в середине 2020-х годов. Это позволит аккуратно перенацелить «военную машину» с её проблемой инерционности, существенно уменьшая потенциальную критику внутри и вне ФРГ. Притом в среднесрочной перспективе должен начать действовать комплекс мер по повышению привлекательности службы в бундесвере – не только финансового, но и имиджевого характера.

Иными словами, развитие бундесвера в количественном плане пойдет обратно (в плюс, а не в минус) тому, что было до середины 2010-х годов. Оттолкнувшись от «дна» 2015–2016 гг., германские войска стали расти во второй половине 2010-х годов примерно с той же скоростью, что сокращались в 2013–2015 гг. (см.: табл. 7.3.). Однако выход на темп увеличения численности, равный по модулю скорости снижения конца 2000-х – начала 2010-х годов крайне маловероятен: как уже отмечалось, к 2025 г. бундесвер должен выйти на отметку в 203,0 тыс. военнослужащих, т.е. почти на показатель 2011 г., когда был «обнулен» призыв. Если «спуск» вниз более чем на 25 тыс. произошел всего четыре года назад (2011–2014), то обратный подъем займет почти десятилетие (2016–2025), что лишний раз иллюстрирует сложности набора новых континентов.

Таблица 7.3.
Динамика численности бундесвера в 2013–2020 гг.
(тыс. солдат и офицеров)¹

Год	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020 ²
Численность	205,2	192,0	184,0	178,8	177,2	177,9	179,8	181,5	182,0	186,9

¹ Defence Expenditure of NATO countries (2013–2020). Communiqué PR/CP (2021) 030. – Brussels: NATO Public Diplomacy Division, 2021. – P. 12.

² Предварительные данные.

Может ли данный процесс ускориться? Да, если будет обеспечено изменение общественного мнения насчет идеи отказа от «обнуления» призыва в пользу его относительно небольших значений (от нескольких тысяч до 20–30 тыс.). Это не только позволит бундесверу быстро (за 1–2 года) выйти на показатели конца 2000-х годов (порядка 230–250 тыс. военнослужащих)¹, но и существенно облегчит процесс создания корпуса резервистов.

Здесь следует особо подчеркнуть незаинтересованность руководства ФРГ даже в долгосрочной перспективе возвращаться к тем уровням количественных показателей военной мощи, которые наблюдались в период предшествующей «холодной войны». В условиях новых конфронтаций Запад – Восток «военные машины» государств мира стали иметь намного меньше людей-бойцов (в 2–5 раз в случае ведущих стран) в своем составе. Необходимо понимать, что восстановительный рост объективно необходим и будет осуществлен, однако его цели – как минимум на ближайшее десятилетие – с точки зрения количества войск направлены на достижение показателей середины 2000-х – начала 2010-х годов, но отнюдь не громадных цифр конца 1980-х годов.

Это порождает новую тенденцию: существенное увеличение военной (а в современных реалиях в растущей мере и политической) ценности одного отдельно взятого подразделения, части и тем более соединения. Соответственно, увеличивается и опасность утраты каждого из них для государства в целом. Иным становится и восприятие любой вновь формируемой бригады (не говоря уже о дивизии и тем более корпусе и армии): они резко поднимают общий военный потенциал стран. Учитывая неизменность географических условий применения (площадь территории зоны ответственности, протяжённость линии соприкосновения) каждая войсковая единица в условиях резкого уменьшения их общего числа становится более автономной, получая участок, ранее предназначавшийся нескольким таким же боевым единицам. Например, батальонная тактическая группа, особенно усиленного состава, стала обязана решать задачи, для выполнения которых в годы «классической» «холодной войны» и в ходе Второй мировой войны привлекался полк или даже бригада. В свою очередь, бригада в современных реалиях принимает функционально и географически

¹ Personalbestand der Bundeswehr von 1959 bis 2019. 2021. // Statista.de. Mode of access: <https://de.statista.com/statistik/daten/studie/495515/umfrage/personalbestand-der-bundeswehr/> (date of access: 26.08.2021).

участок ответственности, ранее закрепленный за дивизией, а в отдельных случаях – и корпусом. Осложняется выстраивание сплошного фронта (или сплошной линии соприкосновения блоков в период предшествующей «холодной войны»); при этом значимость «чувства локтя» и постоянного взаимодействия не только не снижается, но, напротив, возрастает: теоретически увеличивается возможность окружения действующих на широком пространстве нескольких немногочисленных войсковых единиц. Как осуществляется это взаимодействие в боевых условиях? Оно зависит от наличия стабильной (спутниковой) связи, а прежде всего – от контакта мелких подразделений ССО и армейской авиации, выступающих в роли разведывательных авангардов. Отсюда необходимость наделения межвидовыми возможностями, т.е. повышения тактической (тактико-оперативной) автономности бригад сухопутных войск в бундесвере.

В данной связи неизбежен вопрос: как будут распределяться вновь получаемые людские ресурсы и техника между СОН и СКР, особенно в сухопутных войсках? Уже отмечалось выше, что произошла смена приоритетов: *на первый план* при использовании бундесвера вышла задача обеспечения безопасности и обороны самой ФРГ и её партнёров по НАТО¹. Прежде всего под этим понимается «сдерживание» наиболее влиятельных незападных держав (РФ и КНР). Географически комплекс соответствующих военных мер в основном должен осуществляться внутри зоны ответственности НАТО – как вдоль границ, так и в глубине (особенно в условиях «холодной войны» с РФ).

Борьба с проецируемыми извне Евро-Атлантического сообщества угрозами и вызовами нестабильности, т.е. неклассическими или порождаемыми в основном не государствами, а прежде всего структурами международного терроризма, поставлена на *второе место*². Для решения комплекса этих задач бундесвер должен использоваться вне зоны ответственности Альянса – на том или ином отдалении от её границ – прежде всего, в составе многонациональных миссий под эгидой профильных международных структур (НАТО, ЕС, ООН, даже АС, в отдельных случаях ОБСЕ). При этом задействованные контингенты бундесвера (например, дислоцированные на военных базах в стране происхожде-

¹ Konzeption der Bundeswehr. 2018. – Berlin: Bundesverteidigungsministerium, 2018. – S. 19–35.

² Там же.

ния вооруженного конфликта или оперирующие в прилегающей к ней акватории) часто одновременно выступают и механизмом «сдерживания» незападных держав в лице КНР и (или) РФ. Таким вм в ещё большей степени выступает участие мариин в деятельности многосторонних военно-морских группировок – прежде всего, на Чёрном и Балтийском морях, а также акваториях Дальнего Востока, прилегающих к территории КНР¹.

При этом необходимо подчеркнуть: уже в средне- и особенно долгосрочной перспективе ФРГ будет стремиться к восстановлению объемов усилий бундесвера вне зоны ответственности НАТО – не ниже уровня в 3,5–4,5 тыс. военнослужащих с возможностью увеличения до 6–7 тыс. Почему? Ключевые причины тому состоят, во-первых, в том, что угрозы и вызовы нестабильности в условиях новых «холодных войн» отнюдь не исчезли. При этом они отнюдь не сугубо гипотетические (как в случае РФ), но экзистенциональные и демонстрируют способность к эскалирующему росту, что проиллюстрировал переход в «запущенную» стадию гражданской войны в Сирии (до сентября 2015 г., т.е. подключения РФ к борьбе с международным терроризмом), Ливии в 2010-е годы, риск деградации ситуации в Мали и странах «сахельской пятёрки» в целом, обозначившийся в конце 2010-х годов. Это требует наращивания усилий ФРГ до уровня 2013 г. в количественном отношении вкупе с их качественной эволюцией: велика вероятность точечного силового использования бундесвера, прежде всего подразделений ССО, мелких групп вооружённых роботизированных систем. Во-вторых, это важно по имиджевым соображениям: без географического расширения и количественного наращивания (не говоря уже о сохранении имеющихся объёмов) присутствия бундесвера на мировой арене Германия не может утвердиться в положении полновесного глобального игрока.

Что это означает? В *абсолютном* измерении ФРГ будет наблюдаться стремление к росту масштаба применения бундесвера от исключительно низкого уровня («дна») по состоянию на июль 2021 г. Притом в *удельном* отношении доля войск, используемых за пределами Евро-Атлантического сообщества, действительно сократится – за счёт резкого увеличения вклада бундесвера в комплектование группировок СПР и СБР НАТО, а также резервируемых для этого сил. Данные тенденции отражены на схеме 7.1., где

¹ Ministerin im Interview. 18.03.2021. // BMVg: <https://www.bmvg.de/de/aktuelles/ministerin-im-interview-5041976> (date of access: 26.08.2021).

выбраны три хронологические точки: 2013 г. (перед началом новой «холодной войны» между РФ и Западом); 2018 г. (активное озвучивание планов по развитию бундесвера); 2023 г. (возможность подведения промежуточных результатов военной реформы), разница между которыми составляет пятилетие.

Схема 7.1.

Изменение двух основных векторов использования бундесвера (до и после начала военной реформы) в удельном плане

Год	Применение бундесвера вне зоны ответственности НАТО	Использование бундесвера внутри зоны ответственности НАТО
2013	вне зоны	внутри зоны
2018	вне зоны	внутри зоны
2023	вне зоны	внутри зоны

Изложенные положения означают, что отказа от сложившейся двусоставной модели вооружённых сил Германии (силы общего назначения – силы кризисного реагирования) не произойдет, однако поменяется приоритетность СОН (вышли на 1-е место с точки зрения важности и, соответственно, направляемых для их усиления людских, технических и материальных ресурсов) и СКР (2-я позиция). *Соответственно, реформа бундесвера будет означать разворот в его развитии не на 180°, а примерно на 120°.*

В случае *наземных войск* по состоянию на начало 2020-х годов имелось 2 дивизии ($6,5 = 3 + 3,5$ бригады) СОН и 1 дивизия (1 бригада, не считая частей усиления) СКР. Основное внимание будет уделено усилению СОН. Так, к 2023 г. в составе армии будет создана бригада межвидового характера (т.е. с усиленными компонентами ССО и разведки, армейской авиации и морской поддержки), способная немедленно стать соединением сверхповышенной боевой готовности НАТО¹. К 2026 г. должна быть сформирована первая новая дивизия полного состава (3 кадровые бригады). Как уже отмечалось, в зависимости от успехов в наборе свежих кон-

¹Bundeswehr-Pläne: Heer soll drei neue Divisionen bekommen. 19.04.2017. // DBwV. Mode of access: <https://www.dbwv.de/aktuelle-themen/politik-verband/beitrag/news/bundeswehr-plaene-heer-soll-drei-volle-divisionen-bekommen/> (date of access: 26.08.2021).

тингентов военнослужащих бригада, предназначенная для того, чтобы быть соединением VJTF NRF, либо будет входить в эти 3 бригады, либо нет, в этом случае став отдельной (вне дивизий) или войдя в состав другой дивизии – конкретно 1-й танковой. Именно 1-я тд станет той «платформой», на основе которой будет происходить формирование большинства новых соединений и частей СОН в составе сухопутных войск. На чём основано данное предположение? В подавляющем большинстве случаев комплектование германской компоненты СПР и СБР НАТО происходит посредством выделения бригад, батальонов и мелких подразделений 1-й танковой дивизии; именно она (совместно с дивизией СБР) также используется для формирования заграничных миссий бундесвера. Исключение будет сделано только для горнострелковых подразделений – они будут формироваться на базе 23-й горнопехотной бригады 10-й танковой бригады.

Как будет происходить формирование новых частей и соединений СОН на базе 1-й танковой дивизии? Возможны следующие варианты, притом отнюдь не взаимоисключающие друг друга:

- ускоренная подготовка больших масс личного состава под эгидой одной из имеющихся бригад 1-й тд – конкретно 9-й учебной танковой – с последующим направлением их в другие бригады;
- временное превращение ещё одной бригады 1-й тд (21-й танковой или 41-й мотопехотной) в сдвоенное по численности соединение, от которого затем будет «отпочковываться» новая бригада;
- предоставление имеющимися бригадами (сразу или, что более вероятно, поэтапно) до 50% своего персонала в состав вновь формируемых бригад с заменой их новобранцами;
- передача одной из «старых» бригад в состав новой дивизии с заменой её вновь формируемой бригадой.

К 2032 г. запланировано завершение формирования ещё 2 свежих дивизий. Одна из них предполагается быть полной (3 кадровые бригады)¹, представляя собой соединение-дублёр дивизии, создаваемой со сроком готовности в 2026 г. и так же проходящей фазу «сколачивания» на базе 1-й танковой дивизии. Соответственно, к середине 2030-х годов активный состав СОН должен как минимум удвоиться – до 4 дивизий (вместо 2) и 12,5–13,5 бригад (вместо 6,5). Наиболее вероятно, что одна вновь соз-

¹ Modernisierungskatalog der Bundeswehr bis 2031: Geld ist knapp – Personal noch viel mehr. 20.12.2019. Mode of access: <https://augengeradeaus.net/2019/12/modernisierungskatalog-der-bundeswehr-bis-2031-geld-ist-knapp-personal-noch-viel-mehr/comment-page-1/> (date of access: 26.08.2021).

данная дивизия (вероятнее всего, со сроком формирования в середине 2020-х годов) будет развёрнута в северных федеральных землях, т.е. в зоне ответственности 1-й танковой дивизии¹, а другая (созданная к началу 2030-х годов) – в южных, в полосе дислокации 10-й танковой дивизии².

В случае третьей дивизии к началу 2020-х годов существовало несколько вариантов. Один из них – создание ее как соединения СКР, притом сокращенного состава (не 3, а 1–2 бригады) – как и в случае имеющейся дивизии сил быстрого реагирования. Другой путь – это превращение её в дивизию СОН, но кадрированного состава, т.е. каждая из её бригад (их число может колебаться от 1 до 3) будет иметь небольшой активный «костяк» и закрепленный за ней контингент резервистов, т.е. пассивно-активного состава³. С учетом сложностей набора личного состава более вероятен крайний вариант, т.е. СОН будут усилены ещё одной (пятой по счету) дивизией, но неполной по своему составу.

Означает ли этот вариант отказ от дальнейшего наращивания сил кризисного реагирования в принципе? С точки зрения автора, нет. К 2031 г. может быть сформирована профильная бригада с её передачей в состав дивизии сил быстрого реагирования. Это не вступает в противоречие с «потолком» диапазона вновь создаваемых бригад (10 соединений данного уровня) при условии, что количество бригад в третьей (кадрированной) дивизии будет менее трёх либо бригада, предназначенная выполнять функции соединения VJTF NRF, не будет отдельной.

Соответственно, основное усиление – до 3 дивизий и до 9 бригад (в основном в их составе, но также отдельных) – получат в составе армии силы общего назначения. А какова ситуация в других видах войск?

Уже отмечалось: в реалиях начала 2020-х годов вопрос о создании новых войсковых единиц в составе *люфтваффе* остается открытым. Как минимум 5 из 6 имеющихся тактических воздушных эскадр (33-я, 51-я, 71-я, 73-я, 74-я) относятся к СОН. Задачи 71-й и 74-й эскадр – выполнение функций войск ПВО для север-

¹ 1. Panzerdivision. 2021. // BMVg. Mode of access: <https://www.bundeswehr.de/de/organisation/heer/organisation/1-panzerdivision> (date of access: 26.08.2021).

² 10. Panzerdivision. 2021. // BMVg. Mode of access: <https://www.bundeswehr.de/de/organisation/heer/organisation/10-panzerdivision> (date of access: 26.08.2021).

³ Ibid.

ных¹ и южных федеральных земель² соответственно – останутся неизменными с обновлением и (вероятно) численным увеличением парка боевых самолётов – прежде всего, за счёт вновь закупленных пилотируемых машин. Перед 71-й и 74-й эскадрами поставлена задача обеспечения поддержки группировок наземных войск бундесвера уже с 2021 г. (в вариантах планирования 2017–2018 гг.)³. 73-я эскадра останется механизмом подготовки кадров лётного состава⁴; в среднесрочной перспективе она может быть разделена на две эскадры – по одной для усиления 71-й и 74-й. Вероятно, что неизменными останутся задачи 51-й (ведение радиоэлектронной борьбы во всем воздушном пространстве Германии⁵) и 33-й (общий резерв, её самолёты предназначены в том числе для транспортировки тактического ЯО США с базы Бюхель)⁶. А на основе 31-й тактической воздушной эскадры, по сути, представляющей собой соединение, предназначенное быть частью СКР, может быть сформировано ещё одно, притом оснащенное полностью или в подавляющем большинстве беспилотной техникой – средне- (типа «Eurodrohne») и дальневысотными (прежде всего, типа «Heron TP») ударно-разведывательными дронами.

Представленное усиление (плюс 2 воздушные тактические эскадры к имеющимся 6) видится востребованным по следующим

¹ Taktisches Luftwaffengeschwader 71 “Richthofen”. 2021. // BMVg. Mode of access: <https://www.bundeswehr.de/de/organisation/luftwaffe/organisation-/luftwaffentruppenkommando/taktisches-luftwaffengeschwader-71-richthofen-> (date of access: 26.08.2021).

² Taktisches Luftwaffengeschwader 74. 2021. // BMVg. Mode of access: <https://www.bundeswehr.de/de/organisation/luftwaffe/organisation-/luftwaffentruppenkommando/taktisches-luftwaffengeschwader-74> (date of access: 26.08.2021).

³ Bundeswehr-Pläne: Heer soll drei neue Divisionen bekommen. 19.04.2017. // DBwV. Mode of access: <https://www.dbwv.de/aktuelle-themen/politik-verband/beitrag/news/bundeswehr-plaene-heer-soll-drei-volle-divisionen-bekommen/> (date of access: 26.08.2021).

⁴ Taktisches Luftwaffengeschwader 73 “Steinhoff”. 2021. // BMVg. Mode of access: <https://www.bundeswehr.de/de/organisation/luftwaffe/organisation-/luftwaffentruppenkommando/taktisches-luftwaffengeschwader-73-steinhoff-> (date of access: 26.08.2021).

⁵ Taktisches Luftwaffengeschwader 51 “Immelmann”. 2021. // BMVg. Mode of access: <https://www.bundeswehr.de/de/organisation/luftwaffe/organisation-/luftwaffentruppenkommando/taktisches-luftwaffengeschwader-51-immelmann-> (date of access: 26.08.2021).

⁶ Taktisches Luftwaffengeschwader 33. 2021. // BMVg. Mode of access: <https://www.bundeswehr.de/de/organisation/luftwaffe/organisation-/luftwaffentruppenkommando/taktisches-luftwaffengeschwader-33> (date of access: 26.08.2021).

причинам. Это необходимость вносить растущий вклад в обеспечение воздушной обороны не только ФРГ, но и стран – участниц НАТО в целом, а также острая потребность в военно-воздушном соединении СКР – как для поддержки сухопутных войск, так и для самостоятельного использования, что становится существенным препятствием на пути реализации глобальных амбиций ФРГ.

Если ВВС лишь предстоит перейти к двусоставной модели, то ВМС Германии уже давно развиваются по данной схеме, при том достаточно динамично: 1-я оперативная флотилия в составе 1-й эскадры корветов, 3-й эскадры минных тральщиков, эскадры судов обеспечения и эскадры дизельных подводных лодок¹; 2-я оперативная флотилия имеет две (2-ю и 4-ю) эскадры фрегатов и эскадру судов поддержки². Как уже отмечалось, острой необходимости формировать ещё одно соединение нет: речь будет идти об обновлении корабельного состава с возможностью небольшого численного усиления. Не исключено, что в соответствии с придачей войсковым единицам более межвидового характера в составе ВМС будут усилены части морской пехоты и флотской авиации.

Каким образом предполагаемое наращивание потенциала бундесвера коррелируется с политико-военными установками по его использованию?

Одним из стратегических императивов внешней политики ФРГ с момента основания Боннской республики (1949) выступала последовательная приверженность принципу *мультилатерализма (многосторонности)*. Будет ли он и в дальнейшем реализовываться в случае бундесвера будущего и почему? Проявление мультилатерализма с учетом растущих амбиций ФРГ – это принятие германскими контингентами функции *«рамочного государства»* (*«рамочной нации»*)³, т.е. государства – участника многонациональной группировки (постоянной, ротационной, временной), силы которого образуют ее «ядро» и играют наиболее активную роль в принятии и реализации тактических решений. К началу 2020-х годов этот принцип реализовывался, во-первых, в случае СПР НАТО, пример тому – выделение бундесвером 40% личного

¹ Einsatzflottille 1. 2021. // BMVg. Mode of access: <https://www.bundeswehr.de/de/organisation/marine/organisation/einsatzflottille-1> (date of access: 26.08.2021).

² Einsatzflottille 2. 2021. // BMVg. Mode of access: <https://www.bundeswehr.de/de/organisation/marine/organisation/einsatzflottille-2> (date of access: 26.08.2021).

³ Konzeption der Bundeswehr. 2018. – Berlin: Bundesverteidigungsministerium, 2018. – S. 7–9.

состава, единиц парка вооружений и военной техники, а также основы штаба многонациональной БТГ, сосредоточенной в районе г. Рукла в Литве¹. В случае СБР ФРГ в рамках своей очередности совместно с Нидерландами и Норвегией несла ключевую роль в их комплектовании – в частности, с осени 2014 по осень 2015 г., когда были приняты решения об увеличении количества войск в составе NRF с 15 до 40 тыс. военнослужащих². При этом именно бундесвер выступал в качестве «рамочного государства»: так, основу сухопутных войск СБР в рассматриваемый период составляли бригады 1-й танковой дивизии бундесвера.

Функции «рамочного государства» бундесвер выполнял при комплектовании не только СБР в целом («копья»), но бригады VJTF NRF. В октябре 2018 г. в ходе крупнейших учений НАТО «Trident Juncture 18» в Норвегии 41-я мотопехотная бригада (1-й танковой дивизии) образовала основу соединения VJTF NRF³. А в 2019 г. уже сроком на весь календарный год эту же функцию приняла на себя 9-я учебная танковая бригада (также из состава 1-й танковой дивизии)⁴.

С середины 2000-х по начало 2020-х годов бундесвер выполнял функции «рамочной нации» в деятельности многосторонней группировки стран-участниц и государств – партнёров НАТО в североафганских провинциях (сначала в составе ISAF⁵, а с

¹ FP beim litauischen Tag der Streitkräfte. 23.11.2019. // BMVg. Mode of access: <https://www.bundeswehr.de/de/einsaetze-bundeswehr/anerkannte-missionen/efp-enhanced-forward-presence/efp-beim-litauischen-tag-der-streitkraefte-156840> (date of access: 26.08.2021).

² Wales Summit Declaration. Issued by the Heads of State and Government participating in the meeting of the North Atlantic Council in Wales on 5 September 2014. 5.09.2014. // NATO. Mode of access: http://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_112964.htm (date of access: 26.08.2021).

³ Trident Juncture: Ein starkes Signal der NATO. Rena, Norwegen, 12.11.2018. // BMVg. Mode of access: https://www.bundeswehr.de/portal/a/bwde/start/aktuelles/aus_der_truppe/?ut/p/z1/hY_NCoMwEITfyE1SatKjIoIQtNT-mUsJJliLTSSk0kMfvpGCN-keBnZm91sWBFxBGDn1nfS9NXIIIfSPiW8r4kZMdIfzEECp4yaotQRixDZh8m9EhBitVIKgVhqwKCrjCqGGgQIpaPWGu1n9dr4PmjnpLcuGq3zw5y8nAtJ1CtoEM5STJdT-JPGeZYQSmlWpIcZ-JCTfC-7sp2fhuYujRr03rbJzxfiOsVlbfcFcVJpnA!!/dz/d5/L2dBISEvZ0FBIS9nQSEh/#Z7_B8_LTL2922_LU800_1LN8_O52010_O6 (date of access: 26.08.2021).

⁴ NATO Response Force (NRF) Fact Sheet 1.01.2019. // NATO. Mode of access: <https://jfcbs.nato.int/page5725819/nato-response-force-nrf-fact-sheet> (date of access: 26.08.2021).

⁵ Antrag der Bundesregierung. Fortsetzung der Beteiligung bewaffneter deutscher Streitkräfte an dem Einsatz einer Internationalen Sicherheitsunterstützungstruppe

2015 г. – миссии «Resolute Support»¹). В Мали с 2014 г., т.е. практически с момента запуска военно-тренировочной миссии EUTM Mali, ФРГ приняла на себя функции «рамочного государства» в комплектовании её военными инструкторами и функционировании. Аналогичную роль Германия стала играть и в рамках миротворческой миссии MINUSMA, но с 2018 г. – в вопросах осуществления тактической разведки (как с использованием людей-бойцов, так и профильных мало- и дальневысотных БПЛА), а также функционирования и охраны многонациональной военной базы «Лагерь Кастро» в Гао².

Таким образом, ФРГ уже наработан определенный опыт в применении бундесвера как «рамочной нации» при развёртывании группировок как внутри, так и вне зоны ответственности НАТО. Нарашивание бундесвера позволит расширить спектр военных механизмов с ролью германских войск в качестве «рамочного государства» – потенциально вплоть до большинства из числа всех основных под эгидой Североатлантического альянса и Европейского союза. Притом формально препятствием для этого не станет даже существенное увеличение численности имеющихся группировок (в частности, возможный рост СБР НАТО до 60–80 тыс.) и создание новых (подобно схеме 4 x 30, т.е. 30 БТГ, 30 эскадрилий армейской авиации и 30 кораблей с 30 штабами в качестве тактических резервов НАТО)³. Здесь, однако, существуют значимые «узкие места». По состоянию на начало 2020-х годов в бундесвере отработана слаженность собственных войск (без сил других государств), а также при развертывании многосторонних группировок на уровне от малого к среднему – как на штабном, так и непо-

in Afghanistan. – Deutscher Bundestag, 17. Wahlperiode. Drucksache 17/8166, 14.12.2011. – S. 4–8.

¹ Antrag der Bundesregierung. Fortsetzung der Beteiligung bewaffneter deutscher Streitkräfte am NATO-geführten Einsatz Resolute Support für die Ausbildung, Beratung und Unterstützung der afghanischen nationalen Verteidigungs- und Sicherheitskräfte in Afghanistan. – Deutscher Bundestag, 19. Wahlperiode. Drucksache 19/1094, 07.03.2018. – S. 4–8.

² Antrag der Bundesregierung. Fortsetzung der Beteiligung bewaffneter deutscher Streitkräfte an der Multidimensionalen Integrierten Stabilisierungsmission der Vereinten Nationen in Mali (MINUSMA). – Deutscher Bundestag, 19. Wahlperiode. Drucksache 19/1098, 17.03.2018. – S. 4–8.

³ Brussels Summit Declaration. Issued by the Heads of State and Government participating in the meeting of the North Atlantic Council in Brussels on 11 July 2018. // NATO. Mode of access: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_156624.htm (date of access: 26.08.2021).

средственно войсковом уровнях. В случае сухопутных войск это масштаб от батальона (батальонной тактической группы) до бригады включительно; ВМС – от одного до небольшой группы (2–4 вымпела) кораблей одного класса; BBC – от звена до тактической воздушной эскадры (исключительно).

Намного сложнее ситуация на уровне *от среднего к крупному*: в сухопутных войсках это от существенно усиленной бригады до 1–2 дивизий, в ВМС – от эскадры до флотилии; BBC – от тактической воздушной эскадры. По сути, здесь задел создан только на штабном уровне: это германская компонента в составе корпуса «Северо-Восток», передислоцированного в 2016 г. из Шецина в Варшаву с переформатированием его из трёхстороннего в управление с участием большинства стран – участниц НАТО¹. Однако в собственно войсковом плане ситуация для Германии намного хуже. Иллюстративно, что даже в случае соединения VJTF NRF бундесвер мог комплектовать лишь наземную основу и штаб, но не компоненты ССО, армейской авиации и морской поддержки. Даже это положение должно быть исправлено не ранее 2023 г.².

В германской *армии* как минимум с середины 2000-х годов не проводились учения дивизионного и более высокого уровней. Это означает, что дивизии превратились в «рамочные основы» для войсковых единиц более низких уровней, перестав быть полновесными военными механизмами сами по себе. В феврале 2021 г. данный факт был признан руководством Министерства обороны. В своем интервью в день опубликования концептуального документа от 9 февраля 2021 г. А. Крамп-Карренбауэр признала ошибочным путь превращения бундесвера в военную организацию, сфокусированную на подготовке и применении лишь мелких подразделений, но не крупных соединений. Речь шла о развертывании германских заграничных контингентов со средней численностью всего 0,2 тыс. солдат и офицеров³ (т.е. эквивалент ротной тактиче-

¹ Trilateral Statement on HQ Multinational Corps Northeast at NATO Defence Ministers Meeting 5 February 2015. – Brussels, 2015. – P. 1–2.

² Bundeswehr-Pläne: Heer soll drei neue Divisionen bekommen. 19.04.2017. // DBwV. Mode of access: <https://www.dbwv.de/aktuelle-themen/politik-verband/beitrag/news/bundeswehr-plaene-heer-soll-drei-volle-divisionen-bekommen/> (date of access: 26.08.2021).

³ Ministerin und GI starten Veränderungsprozess: Auf dem Weg zur Bundeswehr der Zukunft. 09.02.2021. // DBwV. Mode of access: <https://www.dbwv.de/aktuelle-themen/blickpunkt/beitrag/ministerin-und-gi-starten-veraenderungsprozess-auf-dem-weg-zur-bundeswehr-der-zukunft> (date of access: 26.08.2021).

ской группы). Это вело к деградации «военной машины» на уровне от бригады и выше с перспективой ее паралича как крупных вооружённых сил¹.

И хотя данные оценки несколько гиперболизированы, ситуация на уровне от среднего к крупному действительно сложная. По сути, стоит задача отлаживания работы дивизий² (а также эскадр и тем более флотилий в ВМС, тактических воздушных эскадр в люфтваффе) заново, особенно в случае соединений СОН. При этом эта задача усложняется необходимостью параллельного формирования новых войсковых единиц. Сколько для этого потребуется времени? В предыдущий раз подобная задача стояла в ходе военной реформы 1956–1962 гг. В своей основе первые дивизии оказались «сколочены» к 1960 г., т.е. на это ушло порядка 5 лет. С одной стороны, тогда бундесвер пришлось создавать с нуля, разрабатывая его организационно-штатную структуру, что существенно усложняло и удлиняло данный процесс. С другой стороны, у командных кадров вооружённых сил ФРГ, занимавших офицерские должности в вермахте, имелся богатый опыт «сколачивания» дивизий с нуля на различных фазах Второй мировой войны, в том числе для срочного «затыкания дыр» на фронте в 1943–1945 гг. Иными словами, была отработана «механика» самого процесса – тем более что именно дивизия рассматривалась основным «кирпичом» структуры «военной машины». На перспективу таковым мыслится бригада: отработке именно её возможностей уделялось основное внимание не только в середине – второй половине 2010-х годов, но и продолжилось уже в новом десятилетии. В отличие от ряда государств – партнёров по НАТО (в частности, Польши и Франции) ФРГ в начале 2020-х годов ещё не приступила к проведению дивизионных учений и укреплению системы управления на данном уровне. Очевидно, что требуется время для осмыслиения и принятия современным офицерским корпусом бундесвера, выросшим в эпоху перманентных сокращений, что наряду с «малым кирпичом» – усиленной БТГ и бригадой к числу основополагающих компонент вооружённых сил относится и «большой кирпич» –

¹ Ministerin und GI starten Veränderungsprozess: Auf dem Weg zur Bundeswehr der Zukunft. 09.02.2021. // DBWV. Mode of access: <https://www.dbwv.de/aktuelle-themen/blickpunkt/beitrag/ministerin-und-gi-starten-veraenderungsprozess-auf-dem-weg-zur-bundeswehr-der-zukunft> (date of access: 26.08.2021).

² Bartels H.-P., Glatz R.L. Einleitung. Welche Reform die Bundeswehr heute braucht – Ein Denkanstoß // SWP-Aktuell. 2020. Oktober. № 84. – S. 7.

дивизия. Показательно в связи с этим, что в планах развития сухопутных войск колеблется число вновь создаваемых бригад (от 8 до 10), но отнюдь не дивизий (3).

Прежде всего, нужно провести отлаживание работы уже имеющихся дивизий СОН – 1-й и 10-й танковой, бригады и отдельные подразделения которых рассредоточены на большом пространстве (в северных и южных федеральных землях Германии соответственно), а ведь именно соединения СОН предназначены к использованию крупными массами, а не только мелкими подразделениями. Целесообразность проведения аналогичного комплекса мероприятий в случае дивизии сил быстрого реагирования весьма спорна с учетом её структуры (только одна германская войсковая бригада с возможной перспективой добавления ещё одной) и использования вне зоны ответственности НАТО частями обычно не более усиленной БТГ. Когда может быть завершен процесс сколачивания заново уже сформированных дивизий? Согласно расчётом автора, это середина – вторая половина 2020-х годов, т.е. время, когда в состав сухопутных войск начнут включаться новые дивизии, в том числе две кадровые (полные) и одна кадрированная. В свою очередь, данные соединения смогут, с учетом уже накопленного опыта, стать полноценно функционирующими войсковыми механизмами к середине 2030-х годов.

К этому времени может быть восстановлено корпусное звено в сухопутных войсках. С одной стороны, здесь уже имеется определённый задел: это управление 1-го германо-нидерландского корпуса, которое может принимать под своё командование межвидовую группировку до 80 тыс. военнослужащих¹. С другой – в данный момент де-факто в подчинении этого штаба войсковых соединений и частей (исключая мелкие подразделения связи и обслуживания) нет – хотя ему подчиняется 1-я танковая дивизия, учитывая её несколоченность как дивизии, тем более не выстроена на практике схема корпус – дивизия. Соответственно, задача реального отлаживания оперирования штабом 1-го германо-нидерландского корпуса является непростой и может быть решена к началу 2030-х го-

¹ Auftrag und Kräfte. 2018. //BMVg. Mode of access: https://www.deutschesheer.de/portal/a/heer/start/dienstst/deunelkorps/auftrag/!ut/p/z1/04_Sj9CPyksy0xPLMnMz0vMAfIjo8zinSx8QnyMLI2MTP1MTAw8zRy9QgwMXQx9TQ31wwkpiAJKG-AAjgb6wSmp-pFAM8xxmuFjoh-sH6UflZVYllihV5BfVJKTWqKXmAxyoX5kRmJeSk5qQH6yI0SgIDei3KDcUREAgA61FA!!/dz/d5/L2dBISevZ0FBIS9nQS Eh/#Z7_B8LTL29225N440I6AJT01D1ML4 (date of access: 26.08.2021).

дов. При этом данное управление объединит все войска (как минимум две полные дивизии) СОН, действующие в северных федеральных землях. В это время может появиться управление ещё одного корпуса (возможно, с соучастием Франции), которое объединит под своим командованием соединения СОН на юге ФРГ, включая 10-ю танковую дивизию.

Для *люфтваффе* задача отлаживания войсковых единиц на уровне от среднего к крупному, с одной стороны, не столь сложна: соответствующие шаги по отработке взаимодействия и управления на уровне тактической воздушной эскадры стали активно предприниматься как минимум с середины 2010-х годов в ходе масштабных военно-воздушных учений стран – участниц НАТО – прежде всего, с опорой на базы США в Германии «Рамштайн» и «Шпангдалем»¹. С другой стороны, проблема обновления парка боевой техники стоит в люфтваффе остро, как ни в каком другом виде войск – как в количественном отношении, так и качественном: вопрос сроков выхода на испытания, начала эксплуатации, наработки опыта вождения истребителей V поколения, а также «Eurodrohne» в ударно-разведывательном варианте остаётся открытым. Наконец, должно быть определено и особо готовиться «ядро» группировки сил и средств центра управления операциями в воздушном и космическом пространстве, что было учреждено в конце 2020 г.² По всей видимости, это модернизируемая спутниковая группировка, 51-я и 33-я воздушные эскадры, а также эскадра, предназначенная выполнять функции СКР в люфтваффе.

BMC на уровне подразделений – экипажей кораблей – имеют наибольший опыт участия в деятельности многонациональных группировок. Для надводных кораблей 1-й оперативной флотилии это прежде всего постоянные морские и континентальные группы НАТО; для 2-й оперативной флотилии – миссии по мониторингу, обеспечению мира и безопасности за пределами Евро-Атлантического сообщества. Де-юре оперативная флотилия по своим возможностям является аналогом усиленной дивизии в сухопутных войсках и 1–2 объединённых тактических воздушных эскадр в BBC. Однако перед военно-морскими силами ФРГ стоит та же проблема, что и в случае армии:

¹ См., напр.: Czech Air Force Hosts International Forward Air Controller Exercise. 2014. // NATO. Mode of access: <https://www.aco.nato.int/czech-air-force-hosts-international-forward-air-controller-exercise-.aspx> (date of access: 26.08.2021).

² Vogel D. Future Combat Air System: too big to fail // SWP-Aktuell. 2020. Dezember. № 98. – S. 1–2.

необходимость достижения отлаженности действий на уровне эскадры однотипных судов (может быть решена в течение 2–3 лет) и оперативной флотилии в целом. Прежде всего, этот вопрос нужно разрешить 1-й оперативной флотилии как соединению СОН, та же проблема стоит и перед 2-й оперативной флотилией, учитывая её роль не только как сил обеспечения присутствия в Мировом океане (где фрегаты обычно используются поодиночке или намного реже попарно), но также и общего резерва ВМС.

Говоря об уровне *от крупного к огромному*, нужно прежде всего иметь в виду налаживание межродового взаимодействия внутри бундесвера, притом также с участием контингентов иностранных государств (прежде всего, США), размещённых на территории ФРГ, и частей зарубежных «военных машин», интегрированных в бундесвер (2 бригады армии Нидерландов, иностранная компонента франко-германской бригады). Придание войсковым единицам (прежде всего, бригадам и дивизиям армии) межвидового характера является значимой, но всё же частной и потому отнюдь недостаточной мерой. Притом необходимо постоянно отрабатывать взаимодействие не только между видами войск, но между активным и пассивно-активным (резервисты) составом. В частности, речь идёт о временном развертывании в полноценные части и соединения кадрированных и их «обкатка» в ходе крупномасштабных учений – здесь всё чаще ФРГ и ее партнеры по НАТО будут превышать «потолок» в 13 тыс. солдат и офицеров в рамках одного мероприятия военно-тренировочной деятельности, установленный ДОВСЕ (1990).

Так, на севере Германии переход к институционализированному межвидовому сотрудничеству будет означать выстраивание единой системы обороны, в состав которой войдет не менее 2 дивизий СОН (в том числе 1-я танковая) с управлением 1-го германо-нидерландского корпуса, до двух воздушных тактических эскадр (включая 71-ю), 1-я оперативная флотилия. В южных землях ФРГ это также создание системы с включением в неё до двух дивизий (включая 10-й тд) и до двух воздушных тактических эскадр (в том числе 74-я).

Органами, обеспечивающими руководство данными группировками, включая управление авангардными силами, выделяемыми в состав СПР или для проведения учений в Восточной и Северной Европе, должны стать *корпусные управления*. Вопрос их восстановления в количестве 2–4, помимо существующего управления 1-го германо-нидерландского корпуса, может стать практи-

ческой необходимостью на рубеже 2020-х – 2030-х годов. «Сколачивание» корпусных управлений и старт проведения корпусных же учений, скорее всего, будут осуществлены лишь к середине 2030-х годов, когда должно быть хотя бы в основном завершено осуществление запланированного усиления бундесвера.

* * *

В конце 2010-х годов была чётко обозначена необходимость проведения новой военной реформы ФРГ. Она существенно отличается от предшествующей сразу в двух важнейших отношениях: стремлении к наращиванию, а не редукции всех основных параметров «военной мощи» и перераспределении приоритетов в пользу СОН перед СКР. Основной этап должен стартовать в середине 2020-х годов, прежде всего представляя преобразования армии и BBC; отдельные элементы – в частности, реорганизация ССО – уже де-факто начались. В целом реформа должна быть завершена ориентировочно в начале 2030-х годов. В отличие от предшествующего, данный комплекс преобразований бундесвера должен иметь чёткое и результативное окончание, быть менее протяжённым, но притом *плавно* проводимым.

Обеспечит ли такая скорость необходимое упрочение стратегических позиций ФРГ в мире? Ещё более принципиален другой вопрос: удастся ли реализовать масштабные преобразования в эпоху пост-Меркель, когда не исключено дальнейшее усиление позиций критически настроенных к усилению военной мощи Германии «Зелёных» и «Левой»? Насколько установки, заложенные в основу процесса проектирования и осуществления преобразований, останутся релевантными к мирополитическим реалиям 2030 – 2040-х годов с учётом динамики конъюнктурных изменений? Следует понимать, что завершать военную реформу придется истеблишменту страны уже иного состава, чем тот, что её задумывал и начинал. Ответы на все данные вопросы в самом начале 2020-х годов остаются открытыми.

Не исключено при этом, что плавный характер реформы подготовлен как раз под негативный для блока ХДС / ХСС сценарий внутриполитического развития. В случае же более благоприятного (в частности, сохранения и тем более упрочения имеющихся позиций христианских демократов с середины 2020-х годов) будет взят курс на ускорение военных преобразований. Однако

даже в этом случае ожидать существенных результатов можно не ранее среднесрочной перспективы, учитывая отмеченную выше инертность «военной машины» ФРГ, успевшей привыкнуть к иной схеме развития.

Притом неизменной планируется практическая приверженность ФРГ мультилатерализму в процессе строительства вооружённых сил. И если учреждение новых многонациональных ротационных военных механизмов (развёртывание войсковых группировок) с использованием бундесвера шло и будет происходить преимущественно по линии НАТО, то развитие совместного военно-технического и функционального сотрудничества – прежде всего по линии Европейского союза, и лишь во вторую очередь – Североатлантического альянса.

Планируемая и активно подготавливаемая (прежде всего, на предмет предельного устранения «узких мест») современная военная реформа должна одновременно укрепить позиции ФРГ как центра притяжения на уровне евро-атлантической региональной подсистемы и обеспечить утверждение в положении полновесного глобального игрока, т.е. мировой державы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Можно ли утверждать, что существует чётко прослеживающаяся **модель** реформ «военной машины» германского (прусского, германо-прусского) государства? С точки зрения автора, следует дать безусловно положительный ответ: все семь рассмотренных преобразований в своей основе проводились по единой (одной) схеме, что представлена в таблице I.

Таблица I
Модель германских военных реформ: общая схема

Элемент	Название
А	Существенное сокращение численности вооружённых сил либо выбор части их (в отсутствие редукций) как основы для преобразований
Б	Создание основы (платформы, «ядра») перспективных вооружённых сил
В	Наращивание «ядра» «военной машины» вплоть до её полного обновления

A. Существенное сокращение численности вооруженных сил, что выступало не только производной внутренних трудностей, но и результатом установления внешними игроками (державами) жёстких «потолков» количества военнослужащих, единиц вооружений и военной техники ВС после их разгрома / поражения в ходе очередной крупномасштабной войны, когда Германия (Пруссия) выступала агрессором. Соответственно, эти уменьшившиеся количественно войска становились **платформой** для последующих экспериментов по модернизации военного потенциала. Эквивалентом в тех случаях, когда не происходило сокращения войск, выступал *выбор части их* (отдельного вида войск, рода, несколько соединений, объединяемых общим предназначением) в качестве данной платформы. Соответственно, данная (параллельно-альтернативная) схема реализовывалась в тех случаях, когда преобразованиям «военной машины» не предшествовали её поражения.

Неотъемлемой и значимой частью подготовки каждой реформы выступала опора на глубокие военно-теоретические разработки – как в смысле тактики, так и самой организации «военной машины». Неизменно существовал основной *центр* их *аккумулирования* (он мог обладать различной степенью институциализации). Он играл ключевую роль в определении направленности, контуров преобразований, а также активно контролировал их ход в фазе запуска. Перспективные вооружённые силы означают «заточенные» на использование в конфликтах будущего, а не сегодняшнего и тем более вчерашнего дня, что предполагает чёткое понимание того, какой будет картина боевых действий или ситуации, когда нужно продемонстрировать саму способность их успешно вести. Появление именно такого понимания прежде всего и требовалось от центра аккумулирования, а с учетом достигнутых наработок – уже предъявление технических требований к структуре, подготовке, тактике использования ВС.

Б. *Создание основы (платформы, «ядра») перспективных вооружённых сил.* Обычно это сопровождалось «обкаткой» части элементов ВС будущего в ограниченных *по масштабу военных и вооружённых конфликтах*, т.е. когда в *ведение боевых действий* была вовлечена лишь относительно небольшая часть «военной машины» и не существовало серьёзной угрозы для территории самого германского (германо-пруссского, прусского) государства, а также *при выстраивании конфронтаций* с военно-политическим измерением, особенно «холодной войны» между Западом и Востоком. Эти меры позволяли выявить «узкие места» (обычно немногочисленные), появившиеся в ходе преобразований.

В. После исправления обнаруженных недостатков – существенное количественное наращивание «ядра» «военной машины» вплоть до её полного обновления, т.е. превращения всех вооружённых сил в перспективные. Скорость (и масштаб) данного процесса определялись не только состоянием ресурсной базы страны, но также особенностями мирополитических реалий, а главное – степенью наступательного характера (вплоть до агрессивности) внешней политики государства. Потребность в применении обновленного военного потенциала возникала у официального Берлина / Бонна¹ рано, уже на завершающей стадии

¹ Берлин являлся столицей государства в ходе почти шести реформ (исключая первые годы реформирования общегерманского бундесвера), а Бонн – лишь одной (при канцлере К. Аденауэре в 1956–1962 гг.). – *Прим. авт.*

каждой военной реформы. При этом само данное использование осуществлялось в различных формах (во многом определяемых принципами использования ВС, господствующими в ходе соответствующего миропорядка¹): от ярко выраженных военно-силовых, т.е. непосредственного боевого применения войск, до лишь демонстрации самой способности эффективно делать это (т.е. без реализации на практике в значительных масштабах).

Каждый из данных элементов германской (германо-пруссской, прусской) модели военных реформ хронологически проявлялся на определённом этапе. Таковыми соответственно являлись: подготовительный (составляющая «А»), основной (компонента «Б») и заключительный (элемент «В»). Соответственно, с учётом характера, их можно обозначить как: нулевой, первый и второй этапы. Насколько чётко можно определить временные границы каждого из них? В случае *предварительного* нижняя хронологическая рамка является как чётко определяемой (прежде всего, сразу после полного поражения в крупномасштабном конфликте), так и «расплывчатой» (когда военная реформа замысливается в благоприятных внешнеполитических условиях). Всегда отчётливой выступает верхняя временная граница предварительного этапа – это сам старт преобразований, т.е. слом прошлой структуры и строительство на ее месте новой. Притом данный момент обычно более различим в том случае, когда начинающиеся преобразования охватывают всю «военную машину» (если количественно она относительно небольшая), а не её выбранную часть².

Соответственно, момент слома и начала реорганизации есть отправная точка *основного* этапа. Он заканчивается, когда возникает платформа вооружённых сил – как уже отмечалось, на данном временном отрезке происходила апробация её элементов в условиях ограниченных реальных боевых действий или выстраивания конфронтации, имеющий военно-политическое измерение.

Далее начинается *завершающий* этап, т.е. «дореализация» военной реформы, когда на первый план выходят не только качественные аспекты, но и количественные: новые организации и так-

¹ Автор в данном случае рассматривает более «узкое» понятие термина «миропорядок» – как изменение правил и состава ведущих акторов, но отнюдь не перемену самого типа последних – прежде всего, появления наряду с национальными государствами НГА (что означает переход к новой мировой / международной системе, а не более частному явлению – появлению нового порядка). – *Прим. авт.*

² См.: описание элемента «А» структуры военной реформы выше.

тика должны быть внедрены уже для всей «военной машины» страны в целом. Притом часто сам момент перехода от основного этапа к завершающему определить достаточно проблематично. Почему? Причин тому несколько:

- он может отличаться по времени (вплоть до разницы в несколько месяцев и даже год) от одного вида войск к другому;
- начало полномасштабного переформатирования вооружённых сил в перспективные, т.е. наращивание платформы ВС будущего, обычно не афишируется. Это обусловлено, во-первых, военно-тактическими соображениями – в частности, достижением фактора внезапности в различных его проявлениях, который традиционно характерен для системы германского (германо-пруссского, прусского) стратегического планирования. Во-вторых, очевидно также нежелание властей страны в очередной раз был обвиненными (притом часто более чем обоснованно) в милитаризации внешней политики и агрессивных устремлениях. Детерминированность последних обусловлена историческим фоном, национальным стремлением (и объективным тяготением) к утверждению в роли державы, упрочению данного положения, а также экономико-географическими особенностями. Совокупность данных факторов во многом объясняла преимущественно наступательный характер внешней политики Германии в сочетании с таковым же по направленности применением военного потенциала в стратегическом отношении. В противоположность этому для нашего Отечества характерно исключительно оборонительное (включая контранаступательное) его использование.

Вместе с тем существовало и одиночное исключение, когда был отчётливо заметен переход к заключительному этапу – это февраль 1813 г., когда Пруссия перешла к ускоренному включению в процесс национально-освободительной борьбы, развернувшейся в германских землях. В целом же основной и заключительный этапы, не в пример подготовительному, следует рассматривать в качестве единого процесса – собственно проведения самих преобразований.

Уместно подробнее сосредоточиться на их сравнении. Для удобства военные реформы будут обозначены числами в соответствии с хронологическим порядком, притом в каждом случае цифра есть номер соответствующей главы монографии.

Продолжительность военных реформ оценивается именно по сумме их основного и завершающего этапов.

Таблица II
Продолжительность военных реформ в Германии (Пруссии)¹

Реформа (номер)	№ 1	№ 2	№ 3	№ 4	№ 5	№ 6	№ 7
Хронологические рамки основного и завершающего этапов	1742–1756 гг. ²	1807–1813 гг.	1860–1866 гг.	1934–1941 гг.	1956–1962 гг.	2000 – начало 2010-х годов	Середина 2020-х годов ³
Длительность	Свыше 13 лет	6 лет	6 лет	7 лет	7 лет	Свыше 13 лет	6–7 лет

Как видно из данных таблицы II, нормальным (базовым) следует признать временной отрезок в 6–7 лет. В трех из четырех подобных случаев (№ 3, 4 и 5) масштабные преобразования удалось провести в этот срок благодаря длительной и тщательно продуманной предварительной подготовке. Таковая была проведена по ускоренному варианту (что в минимальной степени сказалось на качестве самого замысла) в кейсе № 2; но именно в этом случае прусские войска единственный раз не достигли высокого уровня регулярности как минимум де-юре. При этом в случае № 3 имело место распространение опыта военной реформы в Пруссии на все немецкие земли, вновь включаемые в державу Гогенцоллернов.

Исключения – существенно более продолжительный (притом вдвое) срок – сосредоточены на «флангах» представленной цепи военных реформ. Общим для них (№ 1 и № 6) фактором выступала в целом весьма благоприятная внешнеполитическая обстановка на *длительном* временном отрезке, позволявшая реализовывать преобразования войск в достаточно спокойном темпе. Кроме того, в обоих случаях у организаторов военной реформы (притом не только военного ведомства при «зрелой» А. Меркель, но и Фридриха II) не возникало в полной мере ощущения завершённости мер по реорганизации войск, начатых достаточно продолжительное время назад. Иными словами, в определённой мере сохранялось стремление ещё и ещё попытаться «дореализовать» реформу, тем превращая её в затяжной процесс. В свою очередь, это вело уже к ослаблению, а не усилению «военной машины», что проявлялось иногда не сразу, но непременно. Подтверждения тому: сложность восстановления

¹ Здесь и далее построено и рассчитано на основе материалов глав монографии. – *Прим. авт.*

² Здесь и далее полных лет. – *Прим. авт.*

³ Данные крайнего столбца предварительные (ориентировочные). – *Прим. авт.*

боеспособности прусской кавалерии после разгрома под Кунерсдорфом в 1759 г. от российских войск, а также невозможность обеспечить необходимые (ранее наличествующие и тем более большие) масштабы присутствия бундесвера в зонах нестабильности в условиях выделения сил в состав группировок НАТО для «сдерживания» РФ в Европе.

Притом, безусловно, имелись и свои специфические сложности, обуславливавшие среди прочего повышенную временную протяженность военной реформы. В случае Фридриха II таковыми причинами следует признать:

- по сути, это был первый национальный опыт глубоких преобразований вооружённых сил;

- в данный период Пруссия располагала очень ограниченным потенциалом (даже по меркам середины XVIII в.) – прежде всего, в смысле людских ресурсов, не входя конкретно по данному критерию в круг европейских держав;

- фокус был сделан на качественно новом комплектовании кавалерии, что требовало поиска не только масс кадров людей, но и подходящих животных (лошадей), что по времени представляется более продолжительной задачей (при условии наличия современной тяжелой промышленности), чем создание мобильных войск с использованием танков, бронемашин и автомобилей.

Для реформы 2000-х – начала 2010-х годов к числу детерминант превращения преобразований в затяжные относились:

- высокая динамичность изменения спектра и иерархии угроз и вызовов безопасности (а в более широком смысле – определения характера действующего миропорядка). В данной связи задача выработки релевантных технических требований к вооружённым силам на долгосрочную перспективу оказалась трудоёмкой и весьма проблематичной;

- редкий для политической истории Германии (Пруссии) отказ от достаточно высокого уровня милитаризованности – в частности, в смысле удельного веса численности ВС от количества жителей, доли военных расходов в ВВП. Здесь необходимо подчеркнуть, что отличительной чертой преобразований бундесвера начала XXI в. являлось опять же прецедентное движение исключительно по траектории редукций, но отнюдь не роста (притом всех основных характеристик), что априори затрудняло достижение контуров, первоначально задаваемых в ходе реформы;

– высокая результативность усилий по занятию роли региональной державы и движению по траектории в положении полновесного глобального игрока без масштабного применения военного инструментария, что также являлось уникальным для истории германского (германо-пруссского, прусского) государства явлением. Это породило определенное «головокружение» от успехов, означавшее возникновение и постепенное расширение разрыва между растущими амбициозными внешнеполитическими задачами (в том числе военно-стратегического характера) и сокращавшейся ресурсной базой (по линии ВС) под их реализацию.

Спорным является вопрос о реальной продолжительности нынешней военной реформы (основной этап которой должен начаться в середине 2020-х годов). Согласно опубликованным планам, она должна в своей основе быть завершена в начале 2030-х годов, т.е. вернуться к нормальной продолжительности: 6–7 лет. Это зависит от достаточно широкого спектра причин. Часть из них очевидна: готовность и способность руководства ФРГ в эпоху «пост-Меркель» последовательно и активно проводить курс на усиление военного потенциала, а также поддержка данных мер как минимум значительной частью общества. Другая часть не столь заметна: прежде всего, это правильность определения характера конфликтов будущего, основанных на применении силы, и выдвижение соответствующих требований к ВС. Здесь вся полнота ответственности лежит на аналитическом аппарате Министерства обороны ФРГ.

Подготовительный (нулевой) этап. Насколько близки ключевые факторы, определяющие готовность германского (германо-пруссского, прусского) государства перейти к осуществлению военной реформы? Как следует из таблицы III, в случае *каждого* комплекса преобразований «военной машины» неотъемлемой причиной стратегического характера выступало стремление либо восстановиться в положении державы (особенно после масштабных разгромов), либо упрочить данные позиции. До конца XIX в. речь шла исключительно о ведущем европейском игроке, в последующем – также и мировом (№ 3, 4, 6 и 7; № 5 был исключением с учётом масштаба предшествующего поражения во Второй мировой войне).

Таблица III
Детерминированность решения о подготовке реформы

Реформа	Основные причины
1	2
№ 1	<p><i>Стратегические:</i></p> <ul style="list-style-type: none"> – стремление утвердиться в положении европейской (великой) державы. <p><i>Тактические:</i></p> <ul style="list-style-type: none"> – необходимость перейти к «косой атаке» (операции на создание угрозы окружения и её реализации по возможности) на фоне проявленной в ходе Первой Силезской войны неспособности прусской армии к охватам
№ 2	<p><i>Стратегические:</i></p> <ul style="list-style-type: none"> – стремление восстановиться в положении европейской (великой) державы, т.е. выйти из положения сугубо второстепенного игрока (притом вынужденного идти в фарватере внешней политики Наполеона) в условиях катастрофического поражения в войне 1806–1807 гг. <p><i>Тактические:</i></p> <ul style="list-style-type: none"> – проявленная неэффективность «военной машины» (фактор Йены и Ауэрштедта), необходимость её трансформации в национальную
№ 3	<p><i>Стратегические:</i></p> <ul style="list-style-type: none"> – стремление упрочить позиции как европейской (великой) державы и утвердиться в положении общемирового центра влияния; – желание окончательно обеспечить решение «германского вопроса» по своему варианту (т.е. выводом за скобки строительства крупного национального государства Австро-Габсбургской империи, а также Данию и Францию). <p><i>Тактические:</i></p> <ul style="list-style-type: none"> – заинтересованность в увеличении регулярности вооружённых сил при сохранении народного ополчения не как второй главной, но вспомогательной силы; – подготовка армии к осуществлению «молниеносной войны», основанной на создании угроз окружения и его реализации
№ 4	<p><i>Стратегические:</i></p> <ul style="list-style-type: none"> – стремление восстановиться в положении европейской (великой), а затем и мировой державы, пересмотрев итоги исключительно невыгодного для Германии Версальского мира (1919), зафиксировавшего ее поражение в Первой мировой войне; – осуществление гигантской по масштабу экспансии, направленной на порабощение большей части земного шара (!). <p><i>Тактические:</i></p> <ul style="list-style-type: none"> – восстановление полноценных национальных вооружённых сил; – их «затачивание» на осуществление кессельшахта как тактики,ющей обеспечить максимально быстротечный характер военных конфликтов; – глубокая технико-технологическая модернизация вооружённых сил, основанная на массовом внедрении боевой управляемой человеком техники
№ 5	<p><i>Стратегические:</i></p> <ul style="list-style-type: none"> – стремление восстановиться в положении полноценного государства, а в последующем – европейской (региональной) державы, тем отойдя от положения полностью разгромленного государства по итогам Второй мировой войны; – усилить свои позиции в Евро-Атлантическом сообществе. <p><i>Тактические:</i></p> <ul style="list-style-type: none"> – восстановление полноценных национальных вооружённых сил; – их опосредованное использование для подготовки решения «германского вопроса» в интересах ФРГ

Продолжение таблицы III

1	2
№ 6	<p><i>Стратегические:</i></p> <ul style="list-style-type: none"> – стремление упрочить позиции как европейской (региональной) державы и начать движение с целью занять положение полновесного глобального игрока; – усилить свои позиции в Евро-Атлантическом сообществе. <p><i>Тактические:</i></p> <ul style="list-style-type: none"> – сосредоточиться на решении задач вне зоны ответственности НАТО и одновременного выполнения обязательств по сокращениям ВС в соответствии с договором «2 + 4»
№ 7	<p><i>Стратегические:</i></p> <ul style="list-style-type: none"> – стремление окончательно утвердиться в положении полновесного глобального игрока и одновременно упрочить свою роль как европейской (региональной) державы; – усилить свои позиции в Евро-Атлантическом сообществе. <p><i>Тактические:</i></p> <ul style="list-style-type: none"> – обеспечить ВС возможность параллельно активно (масштабно) использоваться для решения задач как вне, так и внутри зоны ответственности НАТО; – внедрение автоматизированной / беспилотной техники (в том числе в перспективе боевой).

Тактическими важнейшими причинами проведения военной реформы являлись: необходимость перестройки вооружённых сил с целью успешного осуществления новых тактик – прежде всего, основанных на создании и реализации угрозы окружения как важнейшего элемента быстротечной войны (№ 1, 3, 4), создания / воссоздания ВС как общенационального института (№ 2, 3, 4, 5), а также расширения географического спектра применения «военной машины» (№ 6 и 7).

Как выглядели «мозговые центры», осуществлявшие планирование каждой из военных реформ? Их сопоставление представлено в таблице IV. Степень институциализации изменялась по кривой: в период существования Прусского королевства – вверх, достигнув пика при германо-пруссском государстве (Второй, а затем и Третий рейхи), а после образования ФРГ несколько снизилась.

В каких случаях на подготовительном этапе осуществлялись масштабные сокращения вооруженных сил? По сути, наблюдалось чередование реформ, которым предшествовали масштабные сокращения, и таковые отсутствовали. Редукции были обусловлены крупными разгромами, а с XX в. – проявлением, признанием официальным Берлином / Бонном исторической ответственности за развязывание крупномасштабных военных конфликтов.

Таблица IV

**Характеристика «мозговых центров»
по подготовке военной реформы**

Реформа	Описание	Степень институциализации
№ 1	Группа генералов вокруг Фридриха II (фактически его личный штаб)	Низкая
№ 2	«Кружок» Г. Шарнхорста внутри генерального штаба	Средневысокая
№ 3	«Большой» Генеральный штаб	Очень высокая
№ 4	Служба личного состава армии (скрытый генеральный штаб), затем ОКХ и ОКВ	Очень высокая
№ 5	«Ведомство Бланка» – Министерство обороны	Высокая
№ 6	Комиссия Р. фон Вайцзеккера, Министерство обороны	Высокая
№ 7	Министерство обороны	Высокая

Таблица V

**Особенности сокращений вооружённых сил
перед военной реформой**

Реформа	Наличие / отсутствие сокращений, масштаб	Причины
№ 1	–	Пруссия находилась на восходящей траектории роста могущества, не понеся поражений
№ 2	+	Полный разгром в ходе сражений под Йеной и Ауэрштедтом, последующей стремительной капитуляции почти всех крепостей + массовое дезертирство наемников
№ 3	–	Германия (Пруссия) вновь оказалась на восходящей траектории роста силы, не понеся поражений
№ 4	+	Поражение в Первой мировой войне + социально-экономическая обоснованность массовой демобилизации войск после тяжелейшего конфликта
№ 5	+ (де-факто –) Полная ликвидация «военной машины» нацистской Германии	По сути, сокращения в принципе не пришлось проводить: страна капитулировала по итогам Второй мировой войны, лишившись национальной государственности (и тем более права иметь вооруженные силы). Воссоздание ФРГ военной мощи началось достаточно протяженный временной промежуток спустя
№ 6	+	«Отложенный эффект» демонстрации признания вины за разжигание и распространение Второй мировой войны
№ 7	–	ФРГ вновь находится на восходящей траектории

Таким образом, во всех рассмотренных случаях сокращения носили как минимум отчасти вынужденный характер; резко

уменьшившиеся численно войска выступали все целиком основой для строительства перспективных вооружённых сил. Альтернативой в отсутствие масштабных редукций выступал выбор части войск как основы для создания качественно новой «военной машины». В ходе реформы Фридриха II (№ 1) таким выбором стала конница (в случае артиллерии и пехоты не была осуществлена глубокая реорганизация как родов войск), преобразований 1860-х годов (№ 3) – наоборот, инfanтерия. А вот в кейсе № 7 наблюдалось исключение: развитие должны быть получить все типы войск (как СКР, так и особенно СОН), что было обусловлено аномальным сокращением войск в ходе предшествующего реформирования (№ 6).

Основной (первый) этап. Обычно на данном этапе менялась система комплектования войск, особенно реформируемых, что отражено в таблице VI. Как видно из неё, вооружённые силы страны в процессе преобразований прошли путь от наёмных к массовым национальным (с большим запасом резервистов), а затем – к контрактным, но в итоге с воссозданием относительно большого корпуса резервистов. То есть и в данном случае наблюдалась волнобразная схема эволюции комплектования войск: от доминирования профессионалов (наёмников в XVIII в., контрактников в XXI в.) к огромному преобладанию военнослужащих срочной службы и резервистов. Пиком же стала военная реформа Третьего рейха, когда категории призываемых на службу в условиях перманентных боевых действий и подготовки к ним превратились де-факто в профессиональных военных. Соответственно, в ходе военных реформ в кейсах № 2, 3, 4, 5, а также № 7 подготовке резервистов уделялось самое пристальное внимание.

Процесс реорганизации войск на основном этапе обычно затрагивал все уровни: от подразделения до части (батальон, полк), соединения (бригада, дивизия, корпус) и объединения армия.

Самым главным было принятие новых тактик, чаще всего основанных на создании угрозы окружения и её реализации – от «ко-сяй атаки» до кессельшахта как высшей тактической формы. После этого де-юре, во избежание обвинений в агрессивности, задача на окружение в вероятном конфликте официально не декларировалась, но вооружение войск и их подготовка позволяли говорить о «заточенности» в использовании именно в этом направлении.

Таблица VI

Изменение системы комплектования войск в ходе реформ

Реформа	Перемены	Значение
№ 1	В случае кавалерии набор осуществлялся только из числа подданных короля, притом обеспеченных	Частичное движение к национальной армии
№ 2	Комплектование всех войск только подданными Пруссии; отмена кантонной системы и введение всеобщей воинской повинности. Наряду с воссозданием регулярной армии организация массового ландвера (ополчения)	Создание массовой национальной армии (и сил резервистов). Параллельное функционирование армии и военизированного ополчения (милиции)
№ 3	Развитие системы всеобщей воинской повинности. Укрепление регулярной армии	Укрепление национальной армии (и сил резервистов). Регулярные силы становятся доминирующей силой, ландвер – сугубо вспомогательной
№ 4	Переход от навязанной системы контрактников-наёмников к всеобщей воинской повинности	Воссоздание национальной армии в огромных масштабах (и сил резервистов)
№ 5	Введение всеобщей воинской повинности на территории ФРГ	Воссоздание национальной армии (и сил резервистов)
№ 6	В итоге – «обнуление» призыва	Переход к контрактным вооружённым силам
№ 7	Наращивание корпуса контрактников, есть вероятность восстановления всеобщей воинской повинности де-факто	Попытка создать большие «контрактные силы». Воссоздание корпуса резервистов

В ходе всех военных реформ повышенное внимание уделялось повышению мобильности войск, а также огневой мощи (в последнем отношении – особенно начиная с кайса № 3). Поэтому в ходе преобразований номером 1 упор делался на кавалерию, четвёртым – танковые и моторизированные войска, а также бомбардировочную авиацию, № 5 – также технические рода войск, № 6 - ударные соединения и части СКР, № 7 – также и аналогичные по уровню боеспособности войска СОН. Каковы основные результаты, достигнутые в ходе основного этапа каждой из военной реформ? Общим знаменателем их выступало создание войск, способных прежде всего к наступательным боевым действиям с достижением быстрого тактического результата.

Особо следует подчеркнуть, что если до начала XX в. речь шла исключительно об армии (сухопутных войсках), то в ходе четырёх последних реформ также о преобразованиях ВМС и ВВС. Притом в случае реформ № 6 и № 7 шла речь не только о вертикальном (рода войск), но и горизонтальном (СКР – СОН) разделении вооружённых сил.

В ходе основного этапа всех военных реформ создавалась платформа перспективных ВС. Однако в одном случае – преобразованиях начала – первой половины 1860-х годов – была определенная условность: эта основа частично уже была создана к началу реформы в развитие результатов предшествующей.

Таблица VII
Ключевые результаты основного этапа военных реформ

Реформа	Важнейшие результаты
№ 1	Создана кавалерия, способная к осуществлению обходных маневров на поле боя
№ 2	Возникла армия, способная сражаться наравне с ведущим противником (французские войска Наполеона), участвуя в национально-освободительной борьбе
№ 3	Создана армия (опора – пехота), превосходящая войска других европейских государств (и стран мира)
№ 4	Создана армия (основа – танковые и моторизированные войска, авиация), превосходящая войска других европейских государств (и стран мира)
№ 5	Возникла одна из передовых «военных машин» среди государств – членов НАТО и мира в целом, опосредованно влияющая на ход «германского вопроса»
№ 6	Созданы силы кризисного реагирования, способные достаточно эффективно применяться вне зоны ответственности НАТО
№ 7	Развитие СКР и одновременно воссоздание сильных СОН

Как уже отмечалось, в ходе основного этапа наблюдались попытки аprobации на практике достигнутых результатов военной реформы для определения «узких мест» её проведения, что отражено в таблице VIII.

Если в случае кейсов № 1 – 4 имело место использование части преобразованных войск в ограниченных по масштабу военных конфликтах, то в последующем аprobация проходила лишь в зонах локальных вооружённых конфликтов, а также в условиях выстраивания парадигмы конфронтации (между Западом и Востоком). Это было обусловлено не только фактором появления ядерного оружия (ОМУ) и его влиянием на развитие военной теории, но и органичной интегрированностью Бонской, а затем и Берлинской республик в состав евро-атлантических институтов.

Интересно, что из всех осуществленных военных реформ лишь в двух случаях – преобразований 1807–1813 гг. и 1990-х – начала 2010-х годов (а также предтече оных в период Веймарской республики) – подготавливаемое усиление военной мощи официального Берлина / Бонна не имело негативной направленности для Отечества (Российской империи, СССР, Российской Федерации). Таким образом рисуемые, якобы существующие (в принципе отсутствующие де-факто) «российская угроза» и «советская угроза»

использовались в качестве важного побудительного мотива для преобразований «военной машины» Германии. Особенно активно этот тезис использовался в ходе реформы в Третьем рейхе, воссоздании потенциала Боннской республики и усилении военной мощи ФРГ на современном этапе.

Таблица VIII

Малые военные конфликты или схемы несилового выстраивания конфронтации в ходе основного этапа преобразований

Реформа	Форма апробации
№ 1	Вторая Силезская война 1744–1745 гг.
№ 2	Участие во вторжении «Великой армии» в Россию (1812)
№ 3	Война с Данией (1864)
№ 4	Аншлюс Австрии (1938), занятие Судет (1938), гражданская война в Испании (1936–1939), разгром Польши (1939), Дании и Норвегии (1940), Франции и стран Бенилюкса (1940), Югославии, Албании и Греции (весна 1941 г.)
№ 5	Выстраивание линии конфронтации НАТО – ОВД в ходе «классической» холодной войны (<i>опосредованно</i> – Берлинский кризис 1961 г.)
№ 6	Локальные вооруженные конфликты (особенно на Балканах и в Афганистане)
№ 7	Конфронтация новой «холодной войны» с РФ + локальные вооруженные конфликты (особенно в Африке)

Здесь особо следует подчеркнуть, что в первых четырех случаях «военная машина» нацеливалась на использование в сугубо национальном качестве (максимум с оказанием вспомогательной поддержки войсками союзников и сателлитов официального Берлина). В период существования ФРГ бундесвер рассматривался и преобразовывался как часть многонационального военного потенциала стран – участниц Евро-Атлантического сообщества, что тактически проявлялось в его использовании в составе многосторонних группировок НАТО внутри её зоны ответственности и таких же по составу миссий (под эгидой НАТО, ООН, ЕС и иных международных структур) – вне.

Завершающий (второй) этап. В ходе него платформа перспективных войск расширялась до пределов всех вооружённых сил, что обычно сопровождалось ростом их численности (см.: Табл. IX). Эта тенденция наблюдалась в случае кейсов № 6 из 7 военных реформ, притом обычно рост составлял от 1,5 до 2,5 раз. Более значительным в удельном отношении он был в тех случаях, когда для Германии (Пруссии) с целью её наказания за агрессивные действия устанавливались международно признанные «потолки» численности войск. Аномальным по своей громадности

оказался рост в период Третьего рейха, что объяснялось его стремлением руководствоваться построением германоцентричным миropорядком, опираясь на военно-силовой фактор, т.е. поработить большую часть населения и территории планеты.

Таблица IX
Рост численности войск в ходе военной реформы

Реформа	Численность войск (солдат и офицеров)		Разница
	На момент начала преобразований	На момент завершения преобразований	
№ 1	80 тыс.	150 тыс.	Рост (соотношение 1: 1,9)
№ 2	42 тыс.	140 тыс. ¹	Рост (соотношение 1:3,3)
№ 3	130 тыс.	313 тыс. ²	Рост (соотношение 1:2,4)
№ 4	100 тыс.	7234 тыс. ³	Гигантский рост (соотношение 1:72)
№ 5	0	389 тыс.	Абсолютный рост
№ 6	338 тыс. ⁴	177 тыс.	Уменьшение (1,9:1)
№ 7	177 тыс.	? (ориентировочно от 203 до 250 тыс.)	Рост (предположительно 1:1,1–1:1,3)

В случае № 6 наблюдалось, напротив, уменьшение. Для кейса № 7 запланировано увеличение, однако и в абсолютном, и в относительном значении оно весьма невелико. Почему? Эпоха, наступившая после распада bipolarного миropорядка, ознаменовалась отказом от массовых армий. Вопрос о том, насколько полным (и продолжительным), остается открытым, однако общая тенденция прослеживается отчетливо. Для ФРГ она оказалась помноженной на факторы удовлетворенности от решения «германского вопроса» в исключительно благоприятном ключе и резкого повышения благоприятности положения ФРГ с точки зрения обеспечения безопасности.

Каково значение коэффициента милитаризованности, т.е. удельного веса численности вооружённых сил от общего количества жителей страны, в случае каждой из реформ?

¹ Оба показателя без учета ландвера.

² Оба показателя без учета ландвера.

³ С учетом войск СС.

⁴ Данные взяты по состоянию на 2000 г., после проведения предварительных крупных сокращений.

Таблица X

**Коэффициент милитаризированности
к моменту завершения реформ**

Реформа	Значение (в %)
№ 1	Свыше 4%
№ 2	1,4%
№ 3	1,4%
№ 4	Свыше 9%
№ 5	0,6%
№ 6	0,2%
№ 7	Около 0,3%

Как видно из данных таблицы X, степень милитаризированности по итогам проведения преобразований в первых четырёх случаях не-соизмеримо выше, чем в кейсах № 5–7, т.е. в эпоху существования ФРГ. Это обусловлено глубокими изменениями в использовании ВС в мире в целом (в том числе в условиях появления фактора ракетно-ядерного сдерживания): всё более важным становилось не само эффективное использование войск, а демонстрация способности к тому, и особенно изменением самой Германией (Западной Германии) подхода к применению «военной машины» с учётом исторической ответственности за развязывание и распространение Второй мировой войны. Вместе с тем в каждом случае завершенная военная реформа стимулировала рост милитаризированности внешней политики ФРГ, хотя её формы и существенно отличались.

По окончании завершающего этапа каждой реформы возникал вопрос о степени эффективности осуществленных преобразований. Одним из показателей являлся срок «живучести» их результатов, т.е. временной отрезок, на протяжении которого проведённая реформа обеспечивала решение комплекса стоящих общеполитических и собственно военных задач.

Как видно из данных таблицы XI, наиболее значительна «живучесть» результатов у реформ, осуществляемых в контексте подготовки к решению «германского вопроса», т.е. достижению национального объединения. С точки зрения интересов Германии (Западной Германии) это была, безусловно, прогрессивная задача. Потенциал реформ «сгорал» очень быстро, прежде всего в тех случаях, когда Германия (Пруссия) ставила перед собой агрессивные, т.е. негативные по своему характеру задачи. Позволяя достичь существенных успехов на начальных стадиях широкомасштабной агрессии (в случае Семилетней, Первой мировой и Второй мировой – прежде

всего, Великой Отечественной войны как её составляющей), в ходе её дальнейшего осуществления преобразования «играли злую шутку». Порождая «головокружение от успехов», они не позволяли германскому (германо-прусскому, прусскому) руководству увидеть, что качественное превосходство пытавшихся действовать предельно наступательно войск официального Берлина постепенно сходит на нет, а возможности сопротивляющегося противника, напротив, рас-тут. Ключевым оппонентом, пресекавшим агрессивные устремления Германии (Пруссии), прошедшей военную реформу, выступала рос-сийская (советская) сторона во всех трёх случаях – Семилетней, Первой мировой и особенно Второй мировой войнах. В конечном итоге более чем ограниченная «живучесть» военной реформы начала XXI в. также была обусловлена растущим участием Германии в системе «сдерживания» РФ с 2014 г., что сильно ударило по возможностям ФРГ противодействовать реальным угрозам безопасности и обеспечивать своё присутствие на мировой арене, т.е. демонстрировать мощь преобразованных вооружённых сил на практике. Напротив, самой успешной следует признать реформу 1807–1813 гг. – как уже отмечалось выше, единственную, которая не имела антироссийской направленности. Тем самым напрашивается вывод о том, что залогом успешных преобразований «военной машины» Германии выступает отсутствие желания и готовности использовать этот потенциал против российской стороны. К сожалению, современная реформа бундесвера такой характеристикой не обладает – как минимум пока.

Таблица XI
**Результативность военных реформ:
 срок «живучести» результатов¹**

Реформа	Продолжительность (даты)	Примечания
1	2	3
№ 1	Порядка 3 лет (1756–1759)	Де-факто до разгрома под Кунерсдорфом. У руководства страны бытоваля иллюзия, что этот срок намного больший, которая была полностью развеяна в 1806 г.
№ 2	Свыше 35 лет (1814–1859)	По сути, срок даже больший, учитывая, сколь сильное влияние эта реформа оказала на следующую

¹ Данные по реформе № 7 отсутствуют, так как она только началась. – *Прим. авт.*

Продолжение таблицы XI

1	2	3
№ 3	Почти 50 лет (1866–1915)	Позволила победить во франко-прусской войне, «растягивая» свою живучесть в условиях перехода Первой мировой войны в позиционную, что символизировало определенный паритет Четверного союза во главе с Германией и её противников из Антанты
№ 4	Менее 2 лет (1941–1942)	Со времени начала «коренного перелома» в ходе Великой Отечественной войны (19 ноября 1942 – конец декабря 1943 г.) реформа стала себя исчерпывать, притом скорость этого процесса стремительно возрастила
№ 5	Свыше 35 лет (1963–1990)	По сути, даже более того, так как результаты использовались и после расширения границ ФРГ (1990)
№ 6	Около 3–5 лет (2012 / 2013–2017 / 2018)	Результаты оказались, с одной стороны, ограниченными по времени, с другой – все же были использованы при запуске новой реформы

Ф.О. Трунов

**ГЕРМАНСКАЯ МОДЕЛЬ
ВОЕННЫХ РЕФОРМ**

Оформление обложки И.А. Михеев
Техническое редактирование
и компьютерная верстка К.Л. Синякова
Корректор О.В. Шамова

Гигиеническое заключение
№ 77.99.6.953.П.5008.8.99 от 23.08.1999 г.

Подписано к печати 28 / I – 2022 г.

Формат 60x84/16 Бум. офсетная № 1 Печать офсетная
Усл. печ. л. 20,7 Уч.-изд. л. 20,4
Тираж 300 (1–100 экз. – 1-й завод) Заказ № 81

**Институт научной информации
по общественным наукам Российской академии наук (ИНИОН РАН)**
Нахимовский проспект, д. 51/21, Москва, 117418
<http://inion.ru>, https://instagram.com/books_inion

**Отдел маркетинга и распространения
информационных изданий**
Тел.: +7 (925) 517-36-91, +7(499) 134-03-96
e-mail: shop@inion.ru

Отпечатано по гранкам ИНИОН РАН
ООО «Амирит»,
410004, Саратовская обл., г. Саратов,
ул. Чернышевского, д. 88, литер У